МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
**«Пермский государственный
гуманитарно-педагогический
университет»**

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск XII

**Средневековая археология Восточной Европы:
от Камы до Дуная**

Сборник научных трудов
к 50-летнему юбилею Н.Б. Крыласовой

Пермь
ПГГПУ
2017

УДК 902
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)
Т 782

Труды Камской археолого-этнографической
Т 782 экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная: сб. науч. тр. к 50-летнему юбилею Н.Б. Крыласовой / под общ. ред. А.М. Белавина; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2017. – 250 с.: ил. и табл.

ISBN 978-5-85218-874-8

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». Настоящий сборник посвящён 50-летнему юбилею доктора исторических наук, профессора Натальи Борисовны Крыласовой, одной из активных сотрудниц экспедиции. Публикуются материалы по археологии различных территорий Восточной Европы эпохи Средневековья, отвечающие научным интересам Н.Б. Крыласовой.

Сборник будет интересен специалистам по истории, искусству и археологии Восточной Европы, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев и всем, кто интересуется историей и культурой таинственной эпохи Средневековья.

УДК 902
ББК Т4(2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, проф. *А.М. Белавин*;
канд. ист. наук, доц. *Е.Л. Лычагина*; канд. ист. наук, доц. *Ю.А. Подосенова;*
канд. ист. наук, доц. *А.Н. Сарапулов*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

ISBN 978-5-85218-874-8

© Коллектив авторов, 2017
© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2017
© Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, 2017

Настоящий сборник продолжает серию изданий «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета», основанную в 2001 г.

Обычно в этой серии издаются тематические сборники, посвященные оперативной публикации материалов конференций, полевых симпозиумов или тематических исследований. Данный выпуск также тематический – он посвящен юбилею известного российского археолога Натальи Борисовны Крыласовой, чьи исследования представляют интерес для археологов России и иных стран Восточной Европы, специализирующихся на изучении периода средневековья.

Диапазон научных интересов Н.Б. Крыласовой весьма широк, это исследования средневекового финно-угорского костюма, изучение средневекового быта, материальной культуры, хозяйства и различных производств. Не чужды Н.Б. Крыласовой вопросы семантики древних изделий, особенности средневековых финно-угорских художественных стилей, вопросы этнокультурной истории населения Предуралья и сопредельных территорий, вопросы хронологии и периодизации.

Авторы сборника – коллеги и друзья юбиляра – публикуют на его страницах статьи, в той или иной степени связанные с основными направлениями научных исследований Н.Б. Крыласовой. Статьи авторов из Уфы, Казани, Санкт-Петербурга, Тюмени, Перми, Йошкар-Олы, Будапешта отражают и обширные дружественные связи Н.Б. Крыласовой.

От имени авторов сборника, а также всех школьников, студентов и аспирантов, которых привели в археологию творческий задор, исследовательский и педагогический талант и доброта души Натальи Борисовны, мы поздравляем её с юбилеем и желаем ей многолетнего и успешного продолжения её педагогического и научного творчества, новых открытий, добрых и последовательных учеников и вечной любви к науке и своим друзьям и коллегам!

Редакционная коллегия

А.М. Белавин
(РФ, Отдел истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН, г.Пермь)

ТАКАЯ ВОТ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Н.Б. КРЫЛАСОВОЙ

Как ученый Наталья Борисовна исповедует важнейшую истину – во главе всего стоит материал, именно археологический материал - главный источник всех научных построений. В итоге ее крупные публикации в большинстве своем не тривиальны и открывают новые методические приемы работы с материалом, формулируют новые цели и задачи археологического источниковедения.

Ключевые слова: археология повседневности, история материальной культуры, Предуралье, публикации Н.Б. Крыласовой.

A.M. Belavin
(RF, Department of History, Archaeology and Ethnography of Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm)

SUCH NATALYA: FOR THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR N.B. KRYLASOVA

As a scientist Natalya professes essential truth - the most important material is archaeological one, the main source of all scientific configurations. As a result, her major publications are mostly not trivial and discover new methods of work with material, formulate new goals and targets of archaeological source studies.

Key words: everyday life archeology, history of material culture, Cis-Urals, N. B. Krylasova's publications.

Сложно, поздравляя Наталью Борисовну с юбилеем, писать только о ее научных достижениях и открытиях. Для меня она прежде всего - любящая и любимая жена, без которой жизнь была бы хаосом. Однако это личное, и рассказывать об этой стороне жизни Натальи Борисовны я могу только самым близким людям. Поэтому в данном сборнике я попробую изложить свой взгляд на нее, как на ученого-археолога, высококлассного и признанного специалиста, как на талантливого преподавателя университета, любимого многими поколениями студентов.

Творческий путь ее начался еще в школьные годы. Помимо школьного аттестата в ее багаже оказался диплом художника-оформителя, что вполне соответствовало ее талантам, интерес к рисованию[1] был воспитан в ней ее дедушкой Михаилом Александровичем – ветераном войны и преподавателем университета, а художественный дар, как и ответственность, высшая степень организованности, доброе отношение к окружающим, достались от родителей – Татьяны Михайловны и Бориса Александровича, заводских инженеров-технологов. В этой талантливой и трудовой семье выросла Наталья, став общественным активистом – членом городского пионерского штаба, вожатым в пионерских лагерях и начинающим педагогом.

Для Натальи в ее 18 лет выбор был однозначен – педагогический вуз. Состоялся серьезный разговор с отцом, который она сама вспоминает так: «Папа, в принципе, не отговаривал, но сказал, что самой хорошей является профессия, при которой ты что-то создаешь своими руками и видишь результат своего труда. А пойдешь ты на филфак,

[1] Видимо, Наталья Борисовна является единственным археологом Урало-Поволжья, который сам иллюстрирует все свои книги и статьи.

и что создавать будешь? Тогда я с пылу сказала: «А может, я книги писать буду!» Он усмехнулся: «Ну да, кто же их напечатает?»[2].

Тетя Нина Афанасьевна, школьный учитель, уговорила ее подавать документы не на учителя-филолога, а на историка (в пединституте Перми только-только открылось отделение истории): «Ну что ты будешь всю жизнь тетрадки с описками проверять». Так Наталья Борисовна выбрала и профессию, и хобби, и судьбу.

Поступив в 1984 г. на исторический факультет (до 1985 г. - историческое отделение филфака ПГПИ), она оказалась связанной с ним на всю жизнь – пройдя путь от заведующего лабораторией археологии и этнографии до профессора кафедры древней и средневековой истории России. Студенткой Наталью Крыласову можно было увидеть не только в аудитории и в научной лаборатории или на научной конференции. Она – активный участник студенческой самодеятельности, лауреат и дипломант городских студенческих концертно-театральных весен в составе очень популярного в 1980-х самодеятельного коллектива – театра политической сатиры «Клио», без ее участия не выходил ни один номер стенной газеты факультета «Летопись», не обходилось множество других полезных и веселых дел.

С 1986 г. она – активный участник научной группы студентов и преподавателей факультета, занятых подготовкой и созданием экспозиции Музея истории реки Чусовой, который был организован на базе Школы олимпийского резерва «Огонек» ее директором, заслуженным деятелем культуры РСФСР Леонардом Дмитриевичем Постниковым. До сих пор на «Огоньке» в преобразованном музее (Этнографический парк истории реки Чусовой) стоят собранные ею предметы и целые экспозиции, построенные ее руками.

Свою первую научную работу она опубликовала, будучи еще студенткой. Эта первая статья посвящена результатам исследования печей в крестьянских домах, выполненного для строящегося на «Огоньке» музея [5, с. 34–36]. Но интерес к археологии, не взирая на легкое разочарование археологической практикой, которую Наталья проходила на раскопках гляденовского Больше-Савинского селища в 1985 г., заставил ее перейти к занятиям археологией. В 1986 г. уже руководителем раскопа она принимает участие в работах КАЭЭ ПГПИ (с 1994 г. ПГПУ) на Саломатовском городище, селище и могильнике Телячий Брод, которые осуществлялись в рамках хоздоговора на создание Музея истории реки Чусовой. Материалы своих археологических исследований она с блеском представляла на урало-поволжских и всесоюзных студенческих археологических конференциях. Спустя много лет одну из студенческих работ она опубликовала [10, с. 87 – 97], так как материалы Саломатовского городища (раскопки 1986 г.) погибли во время пожара в указанном выше музее. А тема ее дипломной выпускной работы «Костюм средневекового населения Верхнего Прикамья VII – XI вв.» получила продолжение в кандидатской диссертации по специальности «Археология» [6], которую юбиляр защитила в 2000 г. в диссертационном совете при Институте истории, языка и литературы УНЦ РАН (г. Уфа).

Еще в 1989 г. студентка 4-го курса истфака пошла работать руководителем археологической секции и методистом Пермского городского научного общества учащихся, которое действовало тогда в городском Дворце пионеров, руководителем секции Наталья Борисовна оставалась вплоть до 1992 г., когда перешла в Уральский филиал

[2] В итоге Борис Александрович убедился в правильном выборе дочери, когда та принесла ему самую первую книжку, написанную с ее участием «Археологические памятники р. Чусовой», выпущенную в 1988 г.. А на момент написания этой статьи в научном арсенале Натальи Борисовны 7 авторских монографий и 6 учебников.

Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин. Однако проект создания Центра археологических исследований и реставрации в Академии живописи не состоялся, позиция руководства Академии в отношении необходимости исторических знаний для живописцев и прикладников изменилась, и Наталья Борисовна в 1998 г. переходит на работу в ПГПУ – заведующей лабораторией археологии и этнографии.

В ПГПУ она пришла уже сформировавшимся ученым-археологом, имеющим 25 научных и 8 научно-методических публикаций, в том числе учебно-методический комплекс для средней школы «Страницы истории Земли Пермской» в двух частях с рабочими тетрадями и методическим пособием для учителей-краеведов. Этот комплекс, напечатанный общим тиражом в 110 тыс. экземпляров и рекомендованный Департаментом образования Пермской области в качестве школьного учебника [1], стал первым в Уральском регионе школьным учебником исторического краеведения.

В педагогическом университете вскоре ее избирают на должность преподавателя кафедры отечественной истории. Как преподавателем и методистом ею разработано полтора десятка учебных и специальных курсов по истории материальной культуры, истории Урала, вспомогательным историческим дисциплинам. По сей день она – единственный специалист в Пермском крае по всеобщей истории материальной культуры и истории костюма.

С 1988 г. она является держателем Открытого листа и активным археологом-полевиком. Под ее руководством отрядами КАЭЭ ПГГПУ и Отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН исследовано полтора десятка городищ, селищ и могильников эпохи средневековья, изучено около 1000 средневековых погребений, исследованы производственные средневековые металлургические комплексы, выявлены уникальные ритуальные комплексы и жилые сооружения. Самой большой археологической любовью ее всегда был и остается Рождественский археологический комплекс – средневековый город Афкула, единственное поселение средневекового Прикамья, которое может считаться абсолютно историческим, так как сведения о нем имеются в восточных письменных источниках.

Как ученый Наталья Борисовна исповедует важнейшую истину – во главе всего стоит материал, именно археологический материал – главный источник всех научных построений. В итоге ее крупные публикации в большинстве своем не тривиальны и открывают новые методические приемы работы с материалом, формулируют новые цели и задачи археологического источниковедения.

Археология – удивительно точная наука, в отличие от иных гуманитарных наук, она не позволяет рассуждать о том, о чем нет никаких свидетельств, хотя бы косвенных, которые, однако, находят свое подтверждение среди материальных остатков прошлого, которыми она оперирует. Может быть, в силу такого убеждения большинство археологических изданий посвящены миру очевидного. В них привычно разбираются категории тех или иных предметов, анализируется стратиграфия и планиграфия раскопанных объектов, приводятся аналогии и датировки. Это важнейшая часть работы археолога – археологическое источниковедение, именно на таком труде базируется научное археологическое знание.

Однако за коллекциями древних вещей скрывается гораздо большая и зачастую более яркая нематериальная составляющая. Это мир обрядов, норм и правил, привычек, наконец. Исследовать эту составляющую жизни далеких от нас обществ сложно, так как этот мир призрачен и неявен, более того, оценки его субъективны и зависят от характера, склада ума и настроения исследователя, к какой бы научной школе он ни принадлежал и какими бы самыми новейшими методологиями ни пользовался.

Свою позицию в анализе соотношения явного и неявного миров человека Наталья Борисовна изложила в одной из самых важных своих работ «Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья» [9]. В ней автор, опираясь на тщательный анализ материального мира, представленного обширным археологическим материалам, реконструирует мир нематериальный – то, что современным языком именуется качеством жизни. Это мир повседневных дел средневекового жителя Пермского Предуралья: как и почему именно так он одевался, что и зачем навешивал на свое платье, как пользовался теми или иными бытовыми предметами, как и чем зажигал огонь, чем освещал свое жилище, и как последнее было устроено.

Оказывается, это важно, для чего предназначался и как осознавался человеком тот или иной сосуд, как использовался костяной «костылек», во что играли дети, осваивая нормы повседневной жизни. Красивая флаконовидная подвеска на поверку оказывается банальным игольником, шило в роговом футляре – напротив, престижным украшением и поэтому покрыто богатой резьбой, при этом и тот и другой предметы играют свою важную роль в ритуалах и духовной культуре.

В итоге получилась интересная и важная работа, она позволяет нам понять образ жизни далеких от нас людей, познакомится с их повседневном бытом, оценить качество и стиль их жизни. Создается цельный образ прошлого, не героического и наполненного борьбой классов за светлое будущее, а повседневной обыкновенной жизни, где есть место маленьким радостям и решению прозаических бытовых проблем. Труд Натальи Борисовны фактически обосновывает новое научное направление в изучении прошлого народов Западного Урала - археологию повседневности. Монография стала основой докторской диссертации [8], которую Наталья Борисовна защитила в 2008 г. в Институте истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

Особой темой исследований Натальи Борисовны еще со студенческих лет был и остается костюм средневековых жителей Урало-Поволжья. В кандидатской диссертации и в монографии [7], выпущенной по итогам защиты, ею обоснован и использован комплексный подход к такому сложному материально-духовному комплексу, как костюм. Методы анализа и реконструкции костюма, продуманные автором еще со студенческих лет, в настоящее время используются многими коллегами в Урало-Поволжском регионе. Тщательная проработка полевых описаний погребений, продуманная система обоснования расположения того или иного предмета в костюме, подтвержденная методами статистического анализа, позволяют делать реконструкции костюма из разных могильников, одновременных Предуральским комплексам, сравнимыми, что позволяет рассматривать археологически реконструируемый костюм как культурно-этнографический показатель для средневекового населения Урало-Поволжья.

Важным для понимания средневекового мира Урало-Поволжья и соседних территорий было исследование, в котором сопоставлялся костюм степного и лесного населения [4]. В литературе и мироощущениях археологов Урало-Поволжья давно утвердилось мнение о своеобразии взаимодействия степи и леса, когда за степью закреплена роль своеобразного культуртрегера для леса, проводника всего нового и прогрессивного в материальной и духовной культуре в силу своей мобильности, проницаемости и скорости движения. При этом считается, что все культурные новации из степи практически в неизменном виде перетекали в культуру лесного населения через своеобразную буферную зону лесостепи, где жили представители и тех и других народов. Лес вроде бы в свою очередь, давал степи свои культурные идеи, которые воспринимались там как нечто сакральное и использовались в культовой практике.

Наиболее показательной частью материальной культуры в плане взаимопроникновения идей считается костюм. Население леса, как принято считать, перенимало

модные и популярные новинки у степняков, тиражировало их и зачастую слепо следовало в русле степной моды.

Однако, как показывает исследование, проведенное авторами книги, картина была иной, более сложной и ступенчатой. Новинки декора костюма из степи у лесных жителей меняли свой статус социального маркера на статус оберега, получали новое развитие, не зависящее от степной моды, их новое значение (вплоть до перемены пола потребителя) становилось понятным для всех финно-угорских соседей предуральских угров в Прикамье, выступало транслятором новинок для всей лесной полосы от Оби до Скандинавии. При этом смысл деталей костюмного убранства у жителей степи и жителей леса никогда не совпадал. Даже в позднее время, когда основным транслятором степных новинок стало ремесло Волжской Болгарии, степняк и лесовик воспринимали один и тот же элемент с разной целью и смыслом. Обратного движения элементов декора из леса в степь практически не отмечается.

Лесовик и степняк, таким образом, имеют совершенно разное понимание мира и своего места в нем. Культурного взаимопонимания между ними в период средневековья нет. К сожалению, эти выводы оказались не понятыми частью наших коллег, которые продолжают настаивать на активной роли лесного населения нашего региона в формировании культурных представлений жителей степей. Безусловно, прикамские детали костюма хорошо известны в степи, но это либо остатки костюма, которые принесли с собой рабыни или жены из лесной полосы, либо это результат торговли. Но понимание этих предметов степняками было иным, и в качестве «своих» предметов они по их назначению не использовались. Примером (хотя и очень отдаленным во времени) служит изображение биконьковой подвески на груди лошади короля Святого Иштфана (Стефана) – первого христианского короля династии Арпадов работы Алайоша Штробля. Кончено, самосознание этого знаменитого венгерского скульптора не такое, как у венгра периода Арпадов, но здесь даже через столетия пронеслось неприятие степняками знаковых предметов лесной культуры.

Соавторы указанной книги подтверждают свои наблюдения и выводы применением метода математической статистки, что делает их аргументы еще более доказательными, а выводы еще более убедительными.

Следует отметить, что, делая исторические выводы (археология все же историческая наука) юбиляр всегда держала и держит в центре своего исследовательского внимания непосредственные результаты полевых исследований. Раскопки – основной источник поступления научной информации в археологии. В силу этого Наталья Борисовна со всей своей энергией включилась в процесс написания и издания книг серии «Археология Пермского края. Свод археологических источников», осуществляемых археологами ПГГПУ и ПНЦ УрО РАН. Основная задача этой серии – максимально полная публикация материалов многолетних раскопок конкретных памятников. Эта публикация подразумевает как публикацию коллекций артефактов, так и публикацию полевых материалов (дневников раскопок), планиграфии и историко-археологической интерпретации. Таким образом, результаты полевых исследований теперь имеются не только в виде музейных коллекций и архивных материалов, но и в виде монографий. Книги тем самым гарантируют сохранение этих материалов на века. Интерпретации могут меняться, в зависимости от новых данных, но источниковая база, т.е. собственно археологические данные, сохранят свое значение и через сто лет.

В этой серии издано пока три книги, две из которых подводят итоги многолетних исследований Рождественского археологического комплекса и Огрудинского могильника, а третья посвящена комплексу памятников на берегах Чашкинского озера – от мезолита до средневековья [2; 3; 11]. Перу Натальи Борисовны в указанных изданиях принадлежит наиважнейшая часть – типология и классификация материальной куль-

туры, описание погребального обряда (если речь идет о могильниках) и, как всегда, большинство иллюстраций.

Научные заслуги Натальи Борисовны высоко оценены не только коллегами, но и научным сообществом. Она лауреат Премии Пермского края в области науки 1-й степени. С честью носит самое высокое ученое звание – профессор.

Юбиляр в силу активности своего характера по-прежнему остается в центре студенческой, аспирантской и общественной жизни. Под ее руководством защищены несколько десятков выпускных работ специалистов и бакалавров, диссертаций магистров, 3 аспиранта ПГГПУ под ее руководством защитили кандидатские диссертации. Ее ценные замечания не раз брались за основу решений Геральдической комиссии при губернаторе Пермского края. Ученый совет ПНЦ УрО РАН и научный совет краеведческого музея также ценят участие юбиляра в своих заседаниях. И, конечно, многочисленные участники археологических экспедиций университета – студенты и школьники – именно от нее восприняли любовь к самой романтичной исторической науке – археологии.

Археология не только наука, это образ жизни и своеобразная система жизненных ценностей, направленная как на современность, так и на много веков назад. Археолог проживает за свою профессиональную карьеру множество жизней, погружаясь в своих размышлениях и обобщениях в далекое прошлое и обращая свое внимание и интерес в сегодняшний и в завтрашний день. Уверен, что Наталья Борисовна, признанный как на российском, так и на международном уровне специалист-археолог, находясь в расцвете творческих и физических сил, еще сделает много интересных открытий, которыми мы все будем гордиться. Удачи, здоровья, счастья и благополучия желаю ей я и все, кто ее знает, ценит и любит!

Список литературы

1. Агафонова Н.Н., Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Страницы истории Земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до конца XVIII в. / под общ. ред. А.М. Белавина Пермь: Книжный мир, 1995. 176 с.:, ил.

2. Белавин А.М. Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. I. Пермь: ПГГПУ - ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.: ил. 218.

3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. II. Пермь: ПГГПУ – ПФ ИА УрО РАН, 2012. 259 с.: ил. 80.

4. Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: ПГПУ, 2006. 162 с.

5. Крыласова Н.Б. Особенности печей Лысьвенского района Пермской области // Областная отчетная студенческая научная конференция. Тезисы докладов. Пермь: ПГУ, 1988.

6. Крыласова Н.Б. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья (VII – XI вв.). Автореферат кандидатской диссертации. Уфа: УНЦ РАН. 2000. 23 с.

7. Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.

8. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2008, 352 с.

9. Крыласова Н.Б. Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. ист. наук. СПб: ИИМК РАКН, 2007. 49 с.

10. Крыласова Н.Б. Украшения Саломатовского I городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VII. Пермь: ПГГПУ, 2011.

11. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озера / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып.III. Пермь: ПГГПУ - ПНЦ УрО РАН, 2014, 565 с.: ил. 120.

А.А. Белавина
(РФ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г.Пермь)

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – МОЯ МАМА

Дочь рассказывает про Наталью Борисовну и признается ей в своей беспредельной любви. Рассказывается об организационных навыках Н.Б. Крыласовой.

Ключевые слова: мама, бабушка, археолог, экспедиция

A.A. Belavina
(Russia, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

NATALYA B. IS MY MOTHER

The daughter tells about Natalya B. and makes her declaration of boundless love. N. B. Krylasova's organizational skiils are described.

Key words: mother, grandmother, archaeologist, expedition

Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны.
С. Михалков

«Мамочка у меня самая любимая! Она варит суп, а ношу тарелки. Хочу подарить ей пирожок» (детский сад, сочинение про маму к 8 марта, мне примерно 3 года)

Я очень рада, что у меня есть такая мама Наташа! Она очень добрая, ласковая, нежная, умная и моя самая любимая. Мое знакомство с мамой началось сразу же после моего рождения. Тогда, конечно, мама была для меня в основном источником еды, но я уже ее любила! Потом, я подрастала, и мама учила меня ходить, читать, считать и многому другому, чему бы я не научилась без ее помощи. Когда она куда-то надолго уезжает, я очень скучаю по ней, и жду, когда она приедет. Помню, когда мне было 5 лет и мама уехала защищать диссертацию, а я жила у бабушки, то время от времени я выключала свет в комнате и в уголке плакала про маму. А когда она вернулась я выучила что она «кындидат наук» и всем об этом гордо рассказывала.

Сейчас, когда я выросла, я могу конечно, прожить неделю без мамы, но все равно, мы каждый день созваниваемся, и если она не звонит, или недоступна, то у меня уже нервы на пределе «Почему она не отвечает?».

Я очень рада, что у меня есть мама учёный-археолог, руководитель Камской археолого-этнографической экспедиции (КАЭЭ). Без мамы я бы не узнала всей прелести жизни в поле. Надо добавить, что в поле мама – мама для всех людей, кто там находится. Она за каждого переживает, о каждом заботится. Если кто-то заболел, она каждого вылечит. Мама создает уют в экспедиции, так же, как и дома. Она обладает удивительным даром – создавать домашний уют, где бы она не была. С ней в экспедиции весело, она знает много песен и археологических побасенок. Её уважают все студенты и другие участники экспедиций.

Я теперь понимаю, как трудно было маме брать меня в экспедиции, когда я была маленькой. Первый раз я поехала с мамой и папой на раскопки Рождественского городища, когда мне было 2 года. Маме всё время приходилось отвлекаться на меня, но ей

удалось составить педагогическую группу из студентов, которые отвлекали меня от мамы, когда ей нужно было активно работать на раскопе или с находками. Когда я подросла я тоже стала работать на раскопе и поняла насколько это ответственно быть раскопщиком в маминых экспедициях. Благодаря маме у меня очень много друзей археологов. И хотя я сама не стала археологом и занимаюсь другими исследованиями я продолжаю ездить в мамины экспедиции и не могу представить себе другое лето кроме археологического. Мама права, когда цитирует кого-то из известных археологов «Археология — это не просто наука, это еще образ и смысл жизни». Я абсолютно согласна с этим высказыванием и очень рада, что мамина археология стала и моим образом жизни.

Можно еще рассказать о маме и как о бабушке. У моего брата есть уже сын и дочь. И когда они приходят к нам в гости, или, когда мы приезжаем к ним, мама играет с внуками. Мама читает Лизе сказки, спрашивает, как дела у нее в садике, рисует и бегает с ней. Лиза зовет её «Красивая бабушка». С Яриком еще особо не поиграешь, он еще маленький, но, тем не менее, бабушка Наташа держит внука на руках, возится с ним, а он ей радостно улыбается.

Мама очень много работает. Она теперь профессор и доктор исторических наук. Хотя в университет и в Академию наук она ездит не каждый день, но она работает дома. Она, зачем-то, встает в 6 утра, работает целый день, не только на компьютере, но и по дому, ходит к бабушке с дедушкой и ложится спать в 12 ночи. Таким образом, мама успевает писать очень много научной литературы, она автор нескольких сотен научных статей, полутора десятков научных монографий и учебников. По её и папиному учебнику мы еще в школе изучали историю Прикамья, а в университете я тоже училась по трем маминым учебникам. Несколько раз я ездила с мамой на её научные конференции. Очень интересно наблюдать за ней, когда она читает свой доклад или обсуждает выступления других участников. При этом понимаешь, насколько она умная, и начинаешь ею особенно гордится. А в её семинарские занятия влюбляются все студенты поголовно и когда её курс кончаются, все пытаются её уговорить, чтобы она что-то еще у них бы вела.

Я очень люблю маму! Когда я училась в школе, она помогала мне с уроками, с математикой особенно, пока такая важная задача, как помощь с математикой не перешла к деду. Помогает и сейчас готовится к семинарам, во время педагогической практики она была моим домашним педагогом-наставником. Она хорошо знает компьютерные программы и учит меня правильной работе с ними.

А когда мама была маленькой, на вопрос, «как тебя зовут?» она отвечала «Наташа Борисовна Крыласовна» (со слов бабушки, маминой мамы).

Я очень хочу сделаться снова маленькой, чтобы снова гулять маленькими ножкам с любимой мамой в парке. Желаю маме здоровья, удачи, счастья и успехов во всех делах, чтобы мама всегда оставалось молодой, задорной и нежной.

В.А. Иванов
(РФ, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)
М.И. Иванова
(РФ, Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУПВО АТиСО, г. Уфа)

ХРАНИТЕЛЬ ЛУЧШИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ УРАЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

(к юбилею доктора исторических наук, профессора Натальи Борисовны Крыласовой) *

В связи с юбилеем профессора Н.Б.Крыласовой авторы статьи обращаются к ее научному творчеству. По их мнению, Н.Б.Крыласова представляет собой яркий пример ученого-позитивиста. Это проявляется в тех методологических и методических приемах, использованных ею при написании научных трудов, начиная с кандидатской и докторской диссертаций. В этом она продолжает исследовательские традиции, заложенные основоположниками научной археологии Урала – О.Н.Бадером, В.Ф.Генингом, В.А.Обориным, В.П.Денисовым и др. Авторы считают, что сейчас уже можно говорить о сложении в уральской археологии научной школы археологического источниковедения профессора Н.Б.Крыласовой. Школы, которая призвана противостоять разрушительному действию модернистской и постмодернистской методологиям в археологии.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, позитивизм, дискурс, финно-угры, тюрки, костюм, источниковедение.

V.A. Ivanov
(Russia, Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla, Ufa)
M.I. Ivanova
(Russia, Bashkir Institute of Social Technologies (branch), Academy of Labour and Social relations 'ALSR', Ufa)

KEEPER OF THE BEST RESEARCH TRADITIONS OF THE URAL ARCHAEOLOGY

(for the anniversary of Doctor of Historical Sciences, Professor N.B. Krylasova)

As a scientist Natalya professes essential truth - the most important material is archaeological one, the main source of all scientific configurations. As a result, her major publications are mostly not trivial and discover new methods of work with material, formulate new goals and targets of archaeological source studies

Key words: everyday life archeology, history of material culture, Cis-Urals, N.B. Krylasova's publications

В условиях активизации модернистских и постмодернистских парадигм и технологий в процессе исторического познания особую ценность представляют собой исследователи, не поддающиеся соблазну подмены научного источниковедения – основы основ исторической науки – методически облегченной процедурой создания объемных, «толстых» исторических дискурсов. Авторы ничего не имеют против дискурсов как формы создания и передачи нового научного (в нашем случае – исторического) знания.

* *Работа выполнена при поддержке РГНФ «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века» Проект №16-31-00010.*

Но только при условии, что создаваемые и предлагаемые научному сообществу дискурсы соответствуют основным методологическим параметрам – *когникативность, коммуникативность, внутренняя и внешняя диалогичность*. По определению современных философов науки, «*Когнитивная составляющая* научного дискурса реализуется в пространстве субъект-объектного отношения, имеет объектную интенцию. Когнитивный компонент – это всегда некоторое рассуждение, реализуемое в форме внутренней речи (мышления «про себя») или внешней речи (письменной либо устной). *Коммуникативная составляющая* научного дискурса имеет иную, а именно субъектную, интенцию и представляет собой речемыслительный диалог. *Внутренняя диалогичность*, т.е. **авторская рефлексия по поводу своих текстов, их синтаксической связанности, семантики их терминов, логической корректности выводов, обоснованности гипотез** и т.п., известна любому научному работнику (здесь и ниже выделено нами – авт.). Во внутреннем диалоге автор периодически проблематизирует процесс и результаты собственного речемыслительного поиска, формулирует и «прорабатывает» альтернативные варианты. Внешний диалог состоит в речемыслительном взаимовоздействии нескольких субъектов научной деятельности» [7, с. 4]. Авторы современных дискурсов по археологии и истории Урало-Поволжья, находясь пока еще в состоянии неофитического восторга от методологии модернизма и постмодернизма, игнорируют означенные выше положения. В этом своем постмодернистском прозелитизме они несут в себе для молодых ученых-археологов соблазн и искушение легкого и быстрого внедрения в науку.

На этом фоне если не монументальной фигурой, то уж точно надежным прибежищем от подобных соблазнов и искушений выступает личность Натальи Борисовны Крыласовой, известного и в России и за ее пределами археолога, доктора исторических наук и профессора. Писать о Наталье Борисовне – нашем ближайшем друге, коллеге, соратнике и соавторе – не просто, как вообще не просто публично выражать свои чувства к человеку, ставшему органичной частью твоего земного бытия. И тем не менее…

Наше знакомство с Натальей Борисовной настолько давнее, что начало его теряется в «тумане времен». Помнятся калейдоскопические встречи в далеких 1980-х гг. на студенческих конференциях (Н.Б. Крыласова тогда была еще студенткой). Затем периодические встречи на конференциях конца 1980-х – начала 1990-х гг., где юбиляр выступала с докладами уже как самостоятельный исследователь, и наконец, апофеоз наших отношений – 1996 г., когда они с Андреем Михайловичем пригласили одного из авторов (В.А. Иванова) стать крестным отцом их дочери Александры[3]. После чего начался период тесной семейной дружбы продолжающийся и по сей день, описание которого в формат научной статьи уже не входит.

Позитивизм как методологическая основа в исследованиях Н.Б. Крыласовой проявился очень рано и в своем окончательном оформлении был продемонстрирован в ее кандидатской диссертации, защищенной в 2000 г. Диссертация была посвящена реконструкции костюма средневекового населения Пермского Предуралья VII – XI вв. В качестве задач исследования были определены выделение устойчивых костюмных комплексов, выявление взаимовстречаемости их деталей, определение конкретного места каждой категории украшений в костюме [3, с. 4]. Решить эти задачи без скрупулезного источниковедческого анализа археологического материала (т.е. вне позитивистско-процессуальной методологии) просто невозможно. И хотя сама автор пишет, что методологической основой ее работы «является принцип историзма, в основе которого лежит анализ вопросов формирования, использования и прекращения функционирова-

[3] Ныне студентки ПГГПУ

ния традиционного средневекового костюма жителей Пермского Предуралья» [3, с. 5], но фактически это была ни к чему не обязывающая и мало кому понятная формула, придуманная вместо упраздненной к тому времени методологии исторического материализма. Здесь Н.Б. Крыласова следовала в русле исторических дискурсов рубежа XX-XXI вв., когда вместо отмененной марксистской методологии исторического познания (формационной теории) в отечественной историографии еще не оформилось осознание того факта, что она уже развивается в русле методологической полифонии, характерной для мировой исторической науки. И хотя процессуализм как методологическое направление уже был раскритикован модернистами и постмодернистами, но он продолжал и продолжает сохранять свои позиции в историческом и археологическом познании. И оно понятно почему: по своей методике работы с источниками процессуализм более близок и понятен большинству историков и археологов старшего поколения, воспитанным на историческом материализме, ибо для процессуалистов «одной только личной убежденности исследователя в правильности предлагаемой им интерпретации материала было уже недостаточно. Предполагалось, что выводы, сделанные на основании изучения археологического материала, должны быть основаны не на частном мнении исследователя, изучавшего тот или иной памятник, а на точных логически выверенных процедурах и аргументах, подвергнутых открытой критике и верификации (выделено нами – авт.). Они полагали, что следует не столько заниматься описанием археологических данных, сколько их объяснением, используя так же, как и в любой другой науке, логически выверенные процедуры» [8, с. 20]. В своей кандидатской диссертации Н.Б. Крыласова, возможно, сама о том не задумываясь, продемонстрировала свою приверженность именно методологии позитивизма и процессуализма, объективно характерной для исследований основоположников научной уральской археологии: О.Н. Бадера, В.Ф. Генинга, В.А. Оборина, В.А. Денисова и др.

После выхода в свет монографии Н.Б. Крыласовой «История прикамского костюма», написанной на основе ее кандидатской диссертации [4], возникла идея объединить наработки в области изучения костюма как одной из определяющих категорий, сделанные Натальей Борисовной и нами. Так появилась монография «Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма)» [2]. Идея ее создания принадлежала Н.Б. Крыласовой и была обусловлена ее стремлением разобраться в семантике факторов, обусловивших появление и распространение определенных категорий костюмного убранства, явно степного происхождения, в материальной культуре населения лесного Прикамья и Предуралья. Пользуясь одной и той же методикой сравнительно-статистического анализа вещевых комплексов из могильников лесного оседлого финно-пермского и угорского населения рассматриваемого региона и тюркских кочевников степного Предуралья, мы пришли к выводу о том, что степные элементы в костюмном комплексе лесного населения региона (в первую очередь поясные наборы и их детали) отчетливо проявлялись только в эпоху Тюркских и Хазарского каганатов и являлись продуктом торгового обмена, безотносительно к их социальной семантике на исходных территориях. С изменением этнокультурной и этнополитической ситуации в степях Урало-Поволжья в начале II тыс. н.э. влияние кочевнической культуры на костюмный ансамбль населения лесного Прикамья и Предуралья прекращается [2, с. 147 – 151]. Книга рассчитана на специалистов, занимающихся археологией и этнокультурной историей как лесного, так и степного населения Урало-Поволжья. И если судить по показателям ее цитируемости в РИНЦ, у первых она нашла адекватное восприятие. Чего нельзя сказать о коллегах-«степняках», которые рассматриваемую работу либо вообще не восприняли, либо восприняли и оценили более чем адекватно: по сути, наши выводы «ставят крест» на идее перманентного культурного воз-

действия кочевнической культуры на культуру лесных племен. К чему, очевидно, специалисты по кочевнической археологии оказались морально не готовы.

Отличительной чертой Н.Б. Крыласовой как исследователя-позитивиста является и то, что она является последовательным и неутомимым эмпириком. Авторам этих строк неоднократно приходилось наблюдать, насколько тщательно и скрупулезно Наталья Борисовна работает с археологическими источниками. В отличие от многих своих коллег-профессоров от археологии, она буквально «смакует» каждый артефакт, обнаруживая в нем такие детали и нюансы, каких ни одна фотография или рисунок дать не могут. Качество – редкое в работе современных археологов, как старшего поколения, так и молодых.

Результаты полевых исследований Н.Б. Крыласовой, которые она, судя по всему, не собирается ни сокращать, ни тем более прекращать, находят свое воплощение в фундаментальных публикациях, подготовленных в лучших традициях классического позитивизма.

Первой в этом ряду, естественно, стоит вышедшая в 2006 г. монография, посвященная материальной культуре средневекового населения лесного Предуралья [5]. Эта монография явилась основой докторской диссертации автора, защищенной в 2008 г. [6]. Целью своего исследования Н.Б. Крыласова ставит исследование специфики организации быта у средневекового населения Пермского Приуралья, для чего, опять-таки в лучших традициях методологии позитивизма, автор решает такие сугубо источниковедческие задачи, как обобщение материалов по основным компонентам материальной культуры, их систематизация и анализ, в том числе и функциональный, выявление особенностей эволюции бытовой культуры исследуемого населения, интенсивность и глубину влияния этих особенностей на этнокультурные характеристики финно-угров региона [6, с. 6]. Одним словом, демонстрирует пример археологического источниковедения в традициях и по методам классического научного источниковедения.

Успешно достигнутые и решенные цели и задачи исследования дают все основания воспринимать докторскую диссертацию Натальи Борисовны как научный продукт, который, согласно «Положению о порядке присуждения ученых степеней», утвержденному Правительством РФ, является «научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное научное достижение, либо решена крупная научная проблема, имеющая важное социально-культурное или хозяйственное значение…». То есть это исследование, открывающее новое направление в соответствующих отраслях научного знания. Что и подтверждается в первую очередь реальным фактом возникновения в уральской археологии научной школы археологического источниковедения Н.Б. Крыласовой [1; 9]. А с учетом того обстоятельства, что Наталья Борисовна находится в самом расцвете творческих сил и только еще движется в направлении апофеоза своего научно-педагогического потенциала, этой школе суждено большое будущее. Прежде всего как оплота сохранения и преумножения тех методологических принципов и устоев, которые характеризовали уральскую археологию в годы ее становления и расцвета.

Список литературы

1. Востроκнутов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв. н. э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация: автореф. дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2016, 23 с.

2. Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006, 162 с.

3. Крыласова Н.Б. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья (VII–XI вв.): автореф. дис. канд. ист. наук. Уфа, 2000, 23 с.

4. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2001, 220 с.

5. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006, 352 с.

6. Крыласова Н.Б. Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья: автореф. дис. д-ра ист. наук. СПб, 2008, 49 с.

7. Кротков Е. Философско-методологический анализ научного дискурса // Современный дискурс-анализ: Электрон. журн. 2015. Вып. 13, 2015, с.4-16.

8. Кузнецов О.В. Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории // Известия Лаборатории древних технологий Иркут. гос. техн. ун-та. 2004. Вып .2, с. 19–23.

9. Подосенова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: автореф. дис. канд. ист. наук. Казань, 2009, 30 с.

Фото 1. А.М. Белавин, М.И. Иванова, Н.Б. Крыласова, А.А.Белавина, В.А .Иванов у Монумента Дружбы в Уфе. 2009 г.

Фото 2. Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин, М.И. Иванова у цитадели Омейядов в Каире. Январь 2011 г. Начало египетской революции

Фото 3. В.А. Иванов, М.И. Иванова, Н.Б. Крыласова в Каире. Январь 2011 г.

Телячий Брод могильник, 1989

Рождественский могильник, 1990

Рождественское городище, 1993

Пылаевский могильник, 1994

Дочь Саша -
мамина помощница.
Огурдино, 2000

Огурдино, 2000

Телезвезда, 2007

Деменковский могильник, 2007

Открытие Музея археологии и этнографии ПГГПУ. Автор экспозиции Н. Крыласова. 2004

Защита докторской диссертации. ИИМК, Санкт-Петербург, 2008. Выступает Д. Савинов

Рождественский могильник, 2009

Рождественское городище, 2012

Среди участников XI Международного конгресса финно-угроведов.
2010. Пилишчаба, Венгрия. О. Мельникова, Н. Казанцева, Э. Савельева,
Т. Ютина, В. Иванов, И. Фодор, Н. Крыласова, Е. Голдина, С. Валиуллина

IV Международная конференция
по средневековой истории
Евразийских степей. Каир, Египет. 2011

IV Международный Болгарский форум.
Варна, Болгария, 2012. Е. Казаков,
Н. Крыласова, И. Аржанцева, А. Ситдиков,
А. Тишкин

Преслав Великий, Болгария, 2012.
А. Белавин, Н. Крыласова, О. Пелевина

Несвиж, республика Беларусь, 2012.
В замке Радзивиллов

Салехард, на улице -42 °С

III Археологический всероссийский съезд.
Старая Русса, 2011.
Д. Савинов, Н. Крыласова, В. Иванов

Старая Русса, 2011. Н. Крыласова,
М. Иванова, С. Кузьминых

Салехард, 2012.
А. Тюрк, И. Фодор, А. Белавин,
Н. Крыласова, В. Иванов

Рождественское городище,
с О. Поляковой

По грибы. Пермский край.
Н. Крыласова, подберёзовики, А. Сарапулов

Сегедский университет,
Венгрия, 2016

III Международный мадьярский
симпозиум по археологии.
Будапешт, Венгрия, 2016

В Уфе с друзьями

На границе Европы и Азии
с детьми

В Будапеште у памятника
венгерскому Анониму

Зебегень, Венгрия. В гостях у семьи И. Фодора

Цветы Венгрии.
Будапешт, 2010

В саду с родителями

Всем привет! Пошла работать

Найдем и такое. Вена, 2016

Р.В. Бубнова
Н.С. Батуева
(РФ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОЙ КЕРАМИКИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА (по итогам раскопок 2015 г.)

Большинство керамических коллекций исследовалось с помощью типологического метода, не затрагивая традиции в технологии изготовления посуды. Историко-культурный подход рассматривает сосуды не просто как предмет материальной культуры, а как результат использования навыков труда, передающихся из поколения в поколение. Данный подход позволяет более глубоко изучить традиции гончарного мастерства населения.

Ключевые слова: Рождественский могильник, ломоватовская культура, керамика, историко-культурный подход, технико-технологический анализ.

R.V. Bubnova
N.S. Batueva
(Russia, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

TECHNICAL AND TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF FUNERAL CERAMICS OF ROZHDESTVENSKIY BURIAL GROUND (ACCORDING TO THE RESULTS OF 2015 EXCAVATIONS)

Most ceramic collections were analyzed with the use of typological method without affecting traditions in technology of pottery making. Historical and cultural approach considers vessels not just as an object of material culture, but as a result of the use of labor skills, passed on from generation to generation. This approach allows us to study traditions of pottery of population more thorough.

Key words: Rozhdestvenskiy burial ground, lomovatovskaya culture, ceramics, historical and cultural approach, technical and technological analysis.

Рождественский археологический комплекс занимает несколько выступов коренного левого берега р. Обва, правого притока р. Кама, в 1300–1900 м к юго-западу от центральной части с. Рождественск (Рождественское) Карагайского района Пермского края (58° 30′ северной широты, 55° 12′ восточной долготы).

Языческая часть Рождественского могильника расположена в 300–500 м к востоку от Рождественского городища [1, с. 9].

Данная статья посвящена традиций изготовления керамики, найденной на Рождественском языческом могильнике в ходе археологических раскопок 2015 г. Анализ технологии изготовления сосудов был проведен в рамках историко-культурного направления, разработанного А.А. Бобринским и основанного на методике бинокулярной микроскопии, трасологии и физическом моделировании [2; 3, 9 с. 5 – 109].

Анализ проводился при помощи микроскопа МБС-9 на базе ЛАЭИ ПГГПУ. Анализу подверглись фрагменты 20 сосудов, найденные в погребениях и обрядовых ямах. Вся погребальная керамика является лепной, а в состав формовочных масс входили органические примеси. При изготовлении посуды применялся кратковременный обжиг. Форма сосудов представлена приземистыми круглодонными чашами различных размеров.

В ходе работы нами были исследованы формовочные массы (далее – ФМ) и исходное пластичное сырье (далее – ИПС) сосудов.

Анализ ИПС показал, что гончарами при создании сосудов с Рождественского могильника использовалась пластичная глина (100 % от общего количества проанализированных сосудов). Сырье использовалось в основном во влажном состоянии (19 сосудов – 95 %), лишь в одном случае встречена глина с признаками дробления (1 сосуд – 5 %).

При исследовании ФМ было выявлено два типа рецептов:

1. с несмешанным однокомпонентным составом;

2. со смешанным двухкомпонентным составом [4, с. 68–75].

К первому типу мы относим составы: «глина + дробленая раковина» и «глина + органический раствор». Большее количество сосудов было изготовлено из глин с добавлением дробленой раковины, что составляет 90 % от общего количества проанализированных сосудов. В половине случаев в качестве примеси дробленая раковина использовалась вместе с моллюском.

Состав «глина + органический раствор» был зафиксирована лишь в одном случае.

Второй тип рецептов представляет собой состав – «глина + органический раствор + дробленая раковина» и был встречен в одном сосуде.

Результат анализа показал, что большинство гончаров Рождественского комплекса при изготовлении погребальной посуды придерживались традиционных методов, что подтверждается консервативностью в использовании ИПС и составе ФМ. Несмотря на это, исследование вывело возможность определенного инокультурного влияния, которое может проявиться и при дальнейшем исследовании посуды с точки зрения историко-культурного подхода.

В целом все проанализированные сосуды относятся к ломоватовской культуре по типологическим признакам: форме и способу орнаментации, наличие раковины в составе ФМ также характерно для данной культуры.

Список литературы

1. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2015 г. Архив МАЭ ПГГПУ.

2. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

3. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: коллектив. моногр. Самара, 1999. С. 5–109.

4. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 380 с.

Д.В. Васильев
(РФ, Астраханский государственный университет, г. Астрахань)

ХИЩНИКИ НА КРЫШКЕ С САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА: ЗАБЫТЫЙ СЮЖЕТ

Статья посвящена публикации и поиску аналогий изображению на лепной крышке X-XI вв., найденной на Самосдельском городище в дельте Волги. На ней изображены две пары кошачьих хищников в позе противостояния. Автор находит аналогии данному сюжету на фрагментах сосуда из Саркела, на серебряном ковше из коллекции Фонда Марджани, на аланском каменном мавзолее с городища Кяфар, отдаленные аналогии имеются в материалах золотоордынской эпохи - на могильнике Маячный бугор и среди Кубачинских рельефов. Выдвигается предположение, что сюжет о противоборстве кошачьих хищников зародился в сармато-аланской среде и символизирует борьбу жизни и смерти, вечное возрождение.

Ключевые слова: Самосдельское городище, кошачий хищник, гепард, сюжет о борьбе животных, кочевники Евразии, изобразительное искусство.

D. V. Vasil'ev
(Russia, Head of archaeological laboratory Astrakhan State University (ASU), Astrakhan)

PREDATORS ON THE LID FROM SAMOSDELKA SETTLEMENT: THE FORGOTTEN STORY

The article is devoted to the publication and to the searching of analogies for the picture on the clay-made cover from Samosdelka settlement in the Volga delta dated by X-XI centuries. It shows two pairs of feline predators in confrontation pose. The author finds the close analogies to this plot on the fragments of the vessel from Sarkel, on a silver ladle from the collection of Marjani Foundation, on Alanian stone mausoleum from Kyafar settlement. Two distant analogies we can find in the materials of the Golden Horde epoch - at the Mayachny Bugor burial ground and among Kubachi reliefs. The author suggests that the plot of the confrontation between two feline predators originated in the Sarmatian-Alan environment and symbolizes the struggle of life and death and the eternal rebirth.

Key words: Samosdelka settlement, feline predator, the cheetah, the plot of the struggle of animals, the nomads of Eurasia, art.

В 2010 г. на Самосдельском городище были найдены фрагменты красноглиняной лепной крышки с высокой пестовидной ручкой и с изображением кошачьих хищников, вписанным в круг основной плоскости крышки. Крышка найдена в слоях, относящихся к периоду X–XI вв. На поверхность крышки нанесено изображение двух пар хищников, которые спокойно идут навстречу друг другу попарно. У животных вытянутые морды, похожие на собачьи, стоячие треугольные уши, щелевидные глаза, поджарые тела с поджатыми животами, напоминающие тела собак или волков, а также мощные лапы с длинными когтями. Хвосты у хищников совсем не похожи на собачьи – они длинные, S-образно изогнутые, как хвосты больших кошачьих хищников. Обращают на себя внимание языки хищников – длинные и узкие, выступающие вперед из пастей. Сами пасти изображены раскрытыми, напоминающими пасти змей. Таким образом, можно констатировать слияние в данных образах характерных черт изображений кошачьих, собачьих хищников и змей. Между мордами и смыкающимися хвостами пар хищников располагаются волютообразные парные завитки, обращенные кверху – в этих завитках легко угадываются бараньи рога (рис. 1).

Слои второй половины X – начала XI в. на Самосдельском городище связываются с культурой полукочевых огузов, пришедших в Нижнее Поволжье непосредственно после падения Хазарского каганата [2, с. 24–36].

Практически полная аналогия данного изображения обнаружена в Саркеле на орнаментированном красноглиняном круговом сосуде с ангобом. В книге С.А. Плетневой «Древнерусский город в кочевой степи» опубликованы четыре фрагмента этого сосуда [8, с. 257–258, 164, 350]. Это обломки большого столового котла XI–XII вв. (рис. 2, 1–4). Сохранилась одна массивная ручка с двумя сосцевидными налепами под ней. Между налепами помещен прочерченный рисунок дерева — ствола с косо отходящими от него вверх ветвями. По мнению С.А. Плетневой, композиция символически изображает жизненные силы, дающиеся нам природой [18, с. 257]. Совсем иной смысл имеют изображения на остальных трех обломках — сцены борьбы за жизнь. Здесь изображены разделенные «древом жизни», аналогичном древу на вышеописанном обломке, два хищника. Хищники обращены мордами друг к другу и их изображения зеркально симметричны. Полностью сохранилась лишь левая фигура. Хищник изображен слегка присевшим на лапы перед прыжком, с поднятым хвостом и гривой, с оскаленной мордой. От второго хищника остались только оскаленная пасть и часть когтистой лапы. Под мордами помещены кружки, возможно, как и налепы на первом обломке, обозначавшие символ жизни. Вдоль древа небрежно прочерчены извилистые линии. Над спиной хищника прочерчено еще одно древо. Фон в целом и тело волка заполнены насечками разной конфигурации, с завитками, полукружиями, простыми насечками.

Сцена на втором обломке сохранилась частично (рис. 2, 3). Она изображает мировое древо, обрамленное насечками – веточками. По обеим сторонам древа были изображены, видимо, аналогичные звери. От них остались только концы когтистых лап и у левого зверя — часть нижней челюсти явно раскрытой пасти. Под мордами обоих зверей, как и в первом случае, помещены кружки. Тела животных также покрыты насечками острой палочкой. Имеется еще один небольшой фрагмент того же сосуда с прочерченным «мировым древом» и еле различимой лапой правого зверя с когтем (рис. 2, 4). С.А. Плетнева

Следует отметить, что характерное изображение дерева с поднятыми вверх ветвями было распространено на керамических штампованных сосудах-кюпах Востока и Закавказья [1, с. 188, 379; 4, с. 330]. Однако на беловежском сосуде орнамент не штампованный, а нанесенный по сырой глине. Кроме того, сюжет и стилистика изображения сильно отличаются от изображений на сосудах-кюпах. С.А. Плетнева констатирует, что ей не удалось найти аналогий ни этой технике, ни сюжету борьбы двух хищников. Однако, она считает, что общих черт беловежской и корчевской находок с ближневосточной и закавказской керамикой достаточно, чтобы говорить об активных связях Белой Вежи именно с этими странами с развитой древней культурой [8, с. 258].

Обратим внимание на стилистику изображений на обломках сосуда, описанных С.А. Плетневой. Первое, что бросается в глаза, — изображения хищников парные. Они обращены мордами друг к другу, как хищники на крышке из Самосделки. Их изображения разделены дополнительными рисунками, которые на сосуде из Саркела трактуются как «мировое древо», а на самосдельской крышке – как бараньи рога (хотя эти волютообразные завитки также при желании можно распознать в качестве растительного узора). Второе — это очень яркое и характерное изображение раскрытых пастей. И на самосдельской крышке, и на сосуде из Саркела пасти хищников изображены раскрытыми, и нижняя и верхняя челюсти заострены и изгибаются соответственно книзу и кверху в виде раскрывающегося цветочного

бутона. В обоих случаях из пастей хищников высовывается длинный и узкий язык, прорисованный черточкой, который мы трактуем как язык змеи, поскольку он торчит вперед, а не свисает вниз, как у собаки (для кошачьих хищников высовывание языка вообще не характерно). Возможно, змеиный язык указывает на хтонический характер животного. Третий общий признак — это длинные когти, характерные для кошачьих. Таким образом, мы можем констатировать стилистическое единство двух рисунков, а также и композиционное единство, лежащее в их основе. Несомненно, что данный орнамент иллюстрировал какой-то космогонический миф, связанный с единоборством двух чудесных зверей, обладающих чертами волка, кошачьего хищника (барса или гепарда) и змеи. Борьба эта пронизывает все мироздание — об этом говорит разделение хищников «мировым древом» или солярными «бараньими рогами». Сближает эти два изображения также вписанность в круг четырех фигур — в круг, образованный краем крышки или поверхностью сосуда.

Еще одно изображение мы находим на серебряном ковше из коллекции Фонда Марджани, который датируется концом IX – 1-й половиной X в. (рис. 3) На его внешней стороне изображены три фигуры хищников, идущих по кругу против часовой стрелки. Хвосты хищников характерно S-образно загнуты к спине и оканчиваются тремя зубцами, прорисована грива, туловища животных покрыты завитками или пятнами, изображенными циркульным орнаментом. Обращают на себя внимание лапы животных, снабженные четко выраженными когтями. Как пишет А.И. Торгоев, «наиболее показательным в изображении животных является наличие широко раскрытой пасти с приостренным носом и подбородком, из которых высовывается длинный пламевидный язык. По абрису такая форма пасти, в сущности, ни что иное, как трилистник, в котором язык является центральным лепестком» [10, с. 346–247]. Автор публикации связывает данный ковш по стилистике изображения с группами венгерских сосудов, близких к периоду обретения Родины и датирует данный предмет X в. Можно смело утверждать, что хищники на ковше из коллекции Фонда Марджани также относятся к отряду кошачьих и могут быть трактованы как гепарды или барсы – об этом свидетельствуют длинные изогнутые хвосты, острые длинные когти, пятна на шкуре, вытянутые «собачьи» морды.

Полные аналогии изображений зверей на самосдельской крышке мы встречаем в сопредельном регионе – на Северном Кавказе. Здесь известен так называемый аланский «мавзолей» с городища Кяфар, который переделан из дольмена эпохи бронзы в гробницу аланского правителя в XI–XII вв. В настоящее время этот каменный склеп экспонируется в собранном состоянии в дворике Ставропольского областного краеведческого музея. На западной, северной и восточной стенах гробницы имеются рельефные изображения хищников, причем в двух случаях – парные, в сценах единоборства или противостояния (рис. 4). Эти животные в публикациях обычно трактуются как собаки и связываются с обрядами перехода из мира живых в мир мертвых [7, с. 3–34]. Однако мы можем выделить в образах этих животных знакомые черты кошачьих хищников – длинные загнутые хвосты, четко выраженные когти, треугольные торчащие уши. Особо обращают на себя внимание пасти животных – они изображены в раскрытом состоянии, с заостренным носом и нижней челюстью и торчащим вперед языком. Длинная «собачья» морда и поджарое тело в сочетании с признаками кошачьего хищника позволяют трактовать данных животных как гепардов или барсов. Парность фигур вполне объясняется представлениями осетин о загробном мире. Кроме того, сюжеты борьбы являются неотъемлемой частью нартского эпоса, к которому Н.А. Охонько возводит семантику изображений на каменной гробнице из Кяфара [7, с. 30].

Сюжет с четырьмя кошачьими хищниками, вписанными в круг, встречается в Прикаспии и в золотоордынскую эпоху. В ходе раскопок на грунтовом могильнике Маячный бугор в 1993 г. в погребении № 188 было обнаружено бронзовое зеркало с сюжетом, близким по композиции [5, с. 295]. Зеркало с небольшим треугольным в сечении валиком по краю имеет плоскую вертикальную петлю в центре (рис. 5). Поверхность зеркала разделена перпендикулярными валиками на 4 сектора. В двух верхних секторах изображены в технике низкого рельефа зеркально симметричные фигуры хищников с вытянутыми собачьими головами и раскрытыми пастями. Поджарые туловища хищников с поджатыми животами покрыты по спине и боками округлыми завитками, возможно, имитирующими пятна на шкуре. У хищников длинные кошачьи хвосты, причем у левого этот хвост у конца S-образно приподнят, а у правого — плавно опущен вниз. Хищники обращены навстречу друг другу, привстали на мощные задние лапы и взаимно угрожающе приподняли передние лапы, ближние к зрителю. Налицо сцена противостояния двух разделенных хищников.

В двух нижних секторах зеркала изображены такие же хищники, в той же позе, только обращенные лапами к центральной вертикальной оси зеркала, а мордами — к изображениям хищников в верхних секторах зеркала. Возможно, они изображают зверей, идущих на помощь своим сражающимся или угрожающим товарищам. Пасти зверей открыты. Задние лапы напряжены, передние ближние к зрителю приподняты, хвосты плавно опущены. Шкуры хищников так же, как и на верхних изображениях, покрыты округлыми пятнами.

Как видно, изображенные хищные звери сочетают в себе черты собак или волков (собачьи острые морды) и кошек (длинные хвосты, пятна на шкуре). Возможно, что здесь мы имеем дело с изображениями гепардов или барсов, которые имели распространение на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в эпоху средневековья. Именно гепарды имеют поджарые тела с не вполне кошачьими очертаниями и узкие морды, которые могут изображаться как собачьи.

С вышеописанными изображениями X–XII веков изображение гепардов на зеркале роднит расположение фигур по кругу в сцене противостояния. Видимо, легенда или миф о борьбе хищников дожили до золотоордынского времени с постхазарской эпохи. Что же это за сюжет, который скрывается за данным изображением? На этот вопрос у нас пока нет однозначного ответа.

Решить похожую задачу в свое время пыталась З.В. Доде, которая анализировала панно с сюжетной картиной «Приручение гепардов», обнаруженной среди прочих резных рельефов в селе Кубачи на территории Дагестана [3, с. 147–148]. На плите изображена композиция, состоящая из двух частей (рис. 6). Слева — фигура лучника в великолепном костюме дагестанской знати. Он в движении натягивает тетиву лука. У левой ноги его сидит кошачий хищник без гривы, вероятнее всего, гепард. Часть композиции по верхнему, нижнему и левому краям обрамлена декоративным бордюром с размеренным растительным мотивом, который ритмично повторяется по кайме подола кафтана лучника, в орнаментальном убранстве горита, а также в стилизованном изображении хвостов и обозначении частей тел гепардов. В правой части рельефа изображены животные той же породы, что и зверь, сидящий у ног лучника. Это четыре гепарда, движущихся по кругу. Фигуры их стилизованы, декоративный рисунок хвоста одного хищника является одновременно проработкой частей тела следующего за ним зверя. Движение животных по кругу (по часовой стрелке) вписано в круг, обрамленный растительным бордюром. Головы животных соприкасаются. К сожалению, сами изображения голов животных и человека были сбиты (видимо, по религиозным мотивам). З.В. Доде приводит ряд гипотез о семантике сюжета. Во-первых, это версия о том, что изображение передает цирковую сцену.

Однако сомнительно, чтобы в представлении участвовал член высшего сословия общества (лучник в одежде знати). Вторая версия — изображение охоты на диких зверей, находящихся в загоне из плетеных изгородей [3, с. 148–149]. Однако сама З.В. Доде склоняется к тому, что на рельефе изображена сцена дрессировки охотничьих гепардов, которые должны научиться выполнять какую-то операцию (например, ловить стрелу с приманкой). Она приводит многочисленные примеры использования гепардов на охоте правителями Ирана и ильханами монгольского периода, приручения их во взрослом возрасте, рассказывает об обычаях и установлениях, связанных с содержанием гепардов при дворе монгольских правителей [3, с. 149–163]. Данный рельеф, по мнению З.В. Доде, происходит из дворца монгольских наместников Дагестана и является ярким примером овеществления монгольской имперской культуры XIII в. на Северном Кавказе [3, с. 163].

В заключение необходимо сказать, что в изобразительном и прикладном искусстве кочевников Евразии в период средневековья одну из доминирующих ролей играли образы животных. Их изображения находятся в достаточно большом количестве на посуде, на поясных наборах, украшениях сбруи, среди орнаментов. Самыми распространенными изображениями являются образы коней, оленей, баранов, волков, мифических созданий (грифонов и драконов), а также кошачьих хищников. Такое внимание к образам животных, разумеется, обусловлено традицией, зародившейся еще в эпоху раннего железного века. По мнению М.И. Артамонова, источником звериного стиля скифов и сарматов является искусство Передней Азии [9, с. 154–165]. По мнению Е.Е. Кузьминой, сюжет противоборства двух животных в искусстве кочевников Евразии уходит корнями именно в искусство скифо-сарматских племен эпохи раннего железного века и связан с культом воды и вызывания дождя [6, с. 103–108]. Мы можем предположить, что сцены борьбы связаны не только с дождем, но и с плодородием вообще, и в частности – с возрождением умирающей природы и возрождением к новой жизни после смерти. Также его можно трактовать как борьбу жизни и смерти. Связующим звеном между культурой сарматов и культурой тюркоязычных кочевников могла стать символика изобразительного искусства алан – наследников сарматских племен.

Таким образом, мы можем констатировать наличие в эпоху средневековья в искусстве степного региона Евразии некоего сюжета о борьбе или противостоянии животных, имеющих черты волка, змеи и барса-гепарда. Дальнейшее изучение этой темы потребует подробного рассмотрения образов этих животных в культуре тюркоязычных народов. Поэтому данная статья является всего лишь небольшим шагом в направлении к дальнейшему изучению и реконструкции сюжетов средневековой тюркской орнаментики и образов различных животных в ней.

Список литературы

1. Ахмедов Г.М. Неполивная керамика Орен-кала IX-XIII вв. (по материалам раскопок 1953–1955 гг. // МИА № 67. Труды Азербайджанской (Оренк.) экспедиции. Т. I. 1953–1955. М.; Л., 1959. 452 с.

2. Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. 2006, № 4. С. 24–36

3. Доде З.В. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни: материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск X. М.; Ставрополь: Изд-во ТАУС, 2010. 248 с.

4. Калантарян А.А. Торговля и ремесло // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья. IV–XIII вв. М.: Наука, 2003. 532 с.

5. Котеньков С.А., Котенькова О.Ю. Элементы язычества в погребальных обрядах грунтовых могильников «Маячный-I-II» — золотоордынских некрополей Красноярского городища в Астраханской области // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.). Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. С. 292–299.

6. Кузьмина Е.Е. Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей // Ранние кочевники / КСИА. Вып. 154. М.: Наука, 1978. С. 103–108.

7. Охонько Н.А. Семантика изображений аланской гробницы XI века Кяфарского городища // Аланская гробница XI века / Ставропол. гос. объединен. краеведч. музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. Ставрополь, 1994. С. 3–34

8. Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 388 с.

9. Савинов Д.Г. Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М.И. Артамонова) // История и культура древних и средневековых обществ: сб. ст., посв. 100-летию со дня рожд. М.И. Артамонова // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 154–165.

10. Торгоев А.И. Ковш // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2016. С. 346–247.

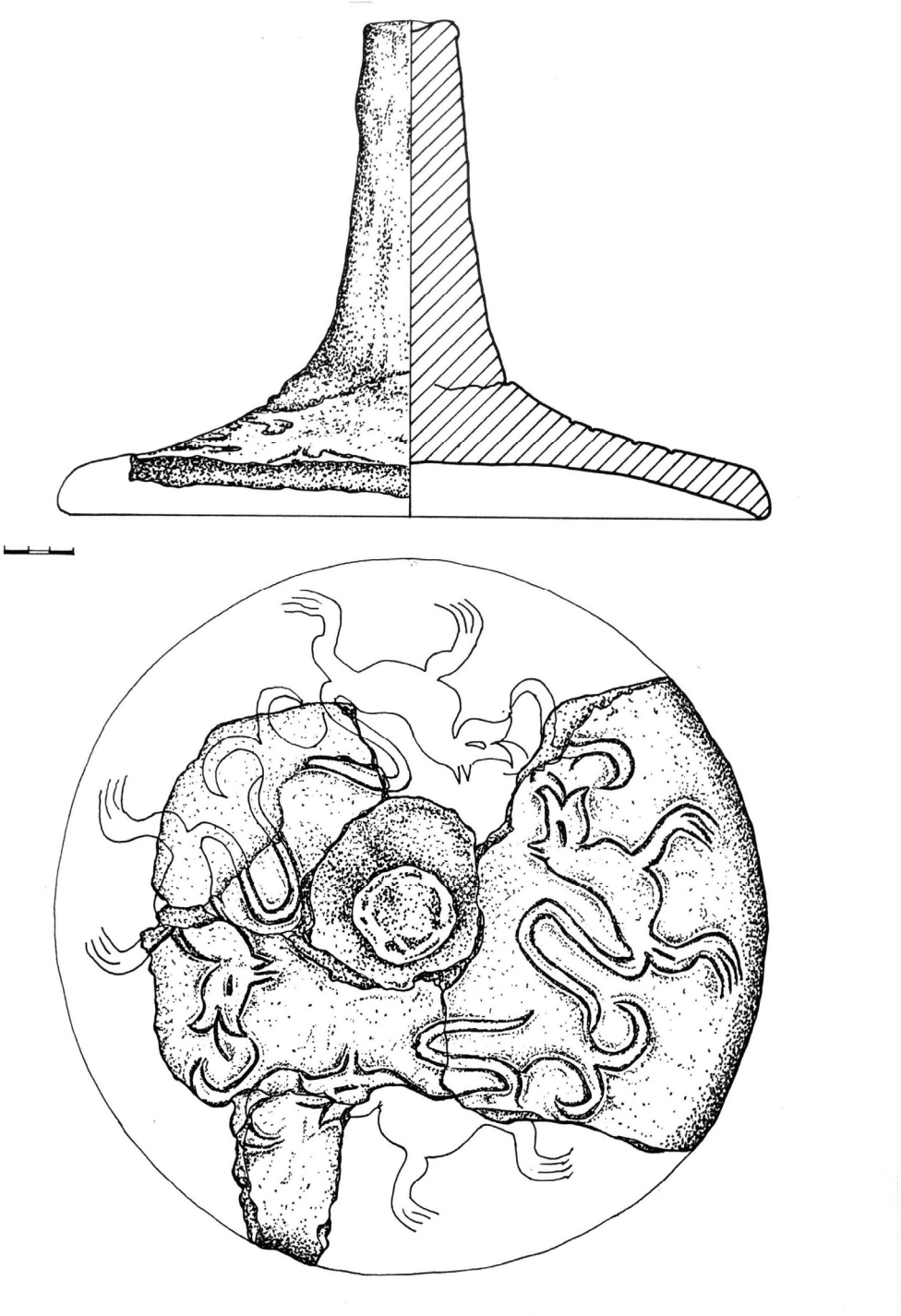


Рис. 1. Прорисовка крышки с Самосдельского городища

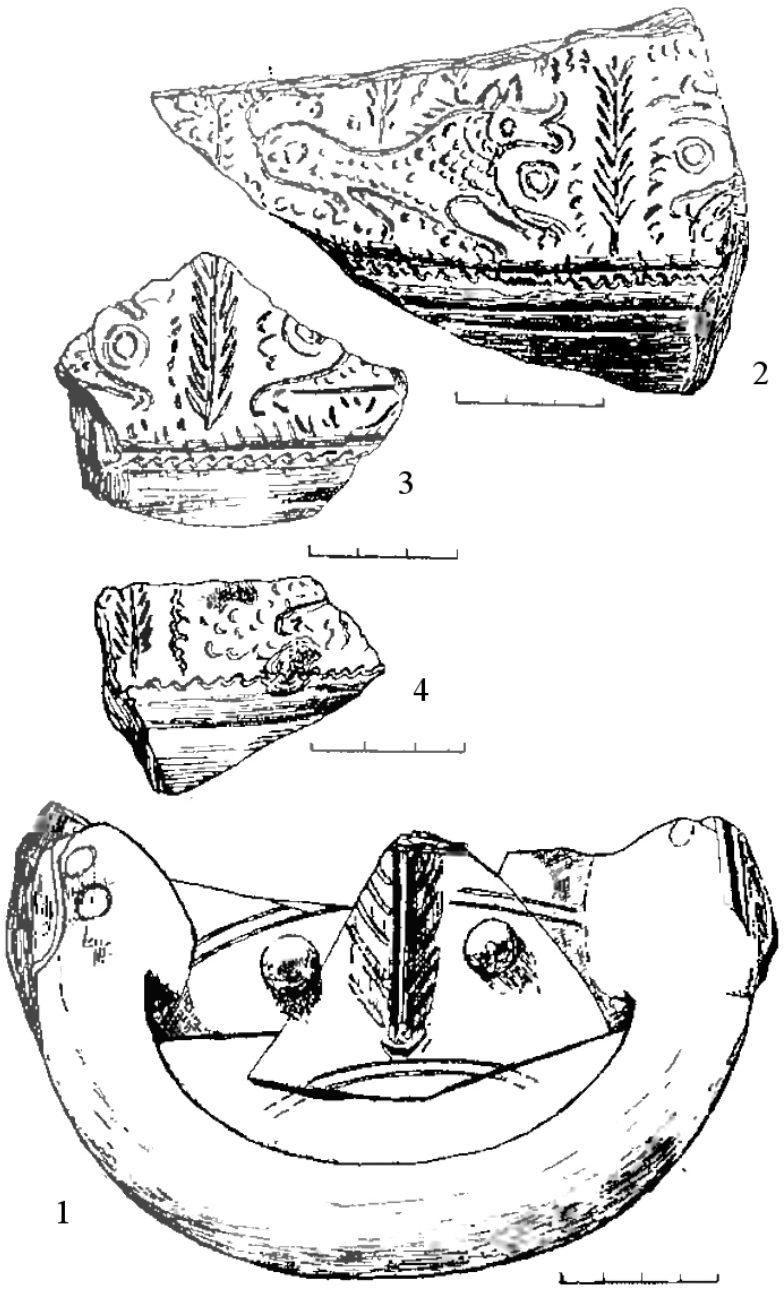


Рис. 2. Фрагменты котла из Саркела (по С.А. Плетневой)

Рис. 3. Ковш из коллекции Фонда Марджани (по А.И. Торгоеву)

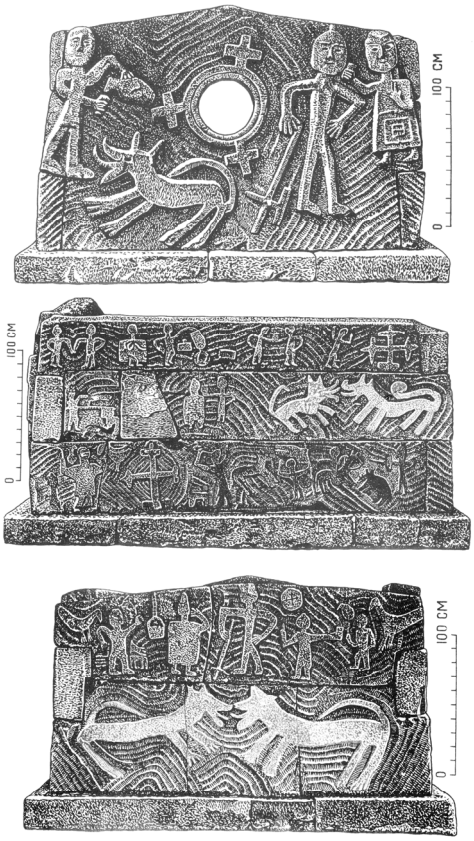


Рис. 4. Хищники на стенах мавзолея в Кяфаре (по Н.А. Охонько)

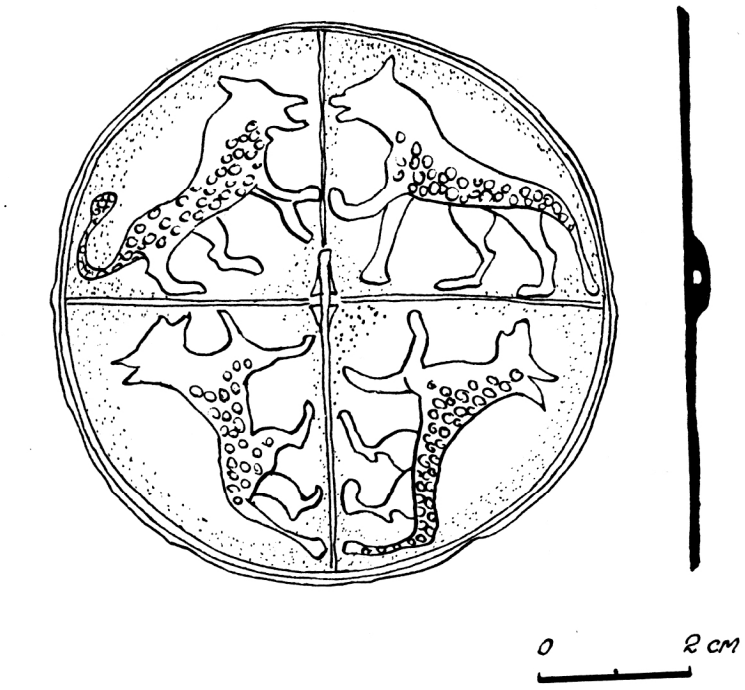


Рис. 5. Сцена с гепардами на рельефе из Кубачи

Рис. 6. Зеркало с Маячного Бугра (по С.А. Котенькову и О.Ю. Котеньковой)

Г.И. Востроκнутова
(РФ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)

ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТИЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ БОЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В статье представлены результаты исследования текстильных изделий Бояновского могильника (X в.). Результаты анализа показали, что на данном памятнике встречаются текстильные изделия из шелковых, шерстяных и растительных волокон. Наибольшее количество из сохранившихся образцов (19 образцов) – это импортные изделия из шелкового сырья, представляющие собой ткани высокого качества, в основном, из некрученых шелковых нитей. Реже встречаются изделия из шерстяного волокна (10 образцов). В большинстве случаев они представляют собой ткани полотняного переплетения с репсовым эффектом. Наименьшую группу составляют изделия из растительных волокон (7 образцов). Они также в основном имеют полотняное переплетение с репсовой структурой. Как показывают исследования, такой вид переплетений в Верхнем Прикамье использовался наиболее широко. Изделия из шерсти и растительных волокон имеют в своей структуре в основном нити Z-крутки, являющейся наиболее древним способом кручения волокна. Обнаруженные же отдельные нити, которыми сшивалась ткань, имеют S-крутку. Данное исследование дает возможность ввести в научный оборот хотя не большую, но заслуживающую внимания коллекцию текстильных материалов данного памятника.

Ключевые слова: археологический текстиль, шелк, шерсть, растительное волокно, способ кручения нитей, полотняное, саржевое переплетения.

G.I. Vostroknutova
(Russia, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

STUDY OF TEXTILE ITEMS OF BOYANOVSKY BURIAL

The article describes the results of Boyanovsky burial ground textile items' study (X centuries). The results of the analysis showed that at this archeological site one can find textile items of silk, wool and vegetal fibre. Most of the surviving samples (19) are imported items made of raw silk, representing high-quality fabrics mostly of untwisted silk threads. Items of wool fibre can be rarely met (10). In most cases they are plain weave fabric with rep effect. The smallest group consists of articles of vegetal fibre. They also generally have a rep weave structure. As the research shows, this kind of weave was widely used in the Upper Kama region. Items made of wool and vegetal fiber have mainly Z-twist threads in their structure, which is the most ancient way of fiber torsion. But the detected separate threads, used to sew tissue, have S-twist. This research makes it possible to enter not large but noteworthy collection of textile materials of this archeological site into scientific circulation.

Key words: archeological textile, silk, wool, vegetal fiber, way of fiber torsion, plain and twill weave.

Материалы Бояновского могильника (X в.), расположенного в Добрянском районе Пермского края, не раз выступали предметом исследования ученых-археологов (А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, А.В. Данич, Ю.А. Подосенова и др.). Тем не менее каждый новый год раскопок приносит новые материалы. Наименее изученной категорией находок этого могильника являются изделия из органических материалов, в частности текстиль. Большое внимание текстильным изделиям из археологических памятников Пермского Предуралья уделяла Н.Б. Крыласова в своем исследовании, посвященном средневековому прикамскому костюму [5, с. 29–43]. Однако на момент исследования из раскопок Бояновского могильника было известно лишь 3 образца текстильных изделий. Раскопки Бояновского могильника последних лет дают возможность ввести в научный оборот хотя небольшую, но заслуживающую внимания коллекцию текстильных материалов данного памятника.

Для начала необходимо определиться с понятиями. Что представляет собой археологический текстиль? Текстиль: 1 – «материалы, пригодные для ткачества»; 2 – «любые изделия, выполненные переплетением нитей» [4, с. 43]. Археологический текстиль – это «все находки текстильных материалов, обнаруженные в процессе раскопок археологических памятников» [3, с. 6]. Таким образом, в нашем исследовании мы рассматривали изделия, изготовленные путем переплетения волокон (в том числе жгуты и нити), найденные в процессе раскопок Бояновского могильника за период с 2012 по 2016 г.

Всего нами было исследовано 37 образцов из 20 погребений. Анализ проводился с помощью органолептического метода (т.е. с помощью органов чувств), а также с применением микроскопа (Levenhuk DTX 500 Mobi, Nikon LV150 и Keyence VK x200). Помимо визуального осмотра, нами были проведены пробы на сжигание тех образцов, которые имели неинформативные отдельные волокна, для определения материала изготовления текстильных изделий. Результаты анализа показали, что на Бояновском могильнике встречаются текстильные изделия из шелковых, шерстяных и растительных волокон. При описании образцов мы указывали такие характеристики, как размеры фрагментов, направление крутки – Z или S (рис. 1), тонину нитей (в мм), плотность нитей по основе и утку (количество нитей на 1 см), характер переплетений (полотняное, саржевое) и цвет волокон. Полотняное переплетение (рис. 2) – это самый простой вид переплетения, в котором нити основы и нити утка перекрывают друг друга в шахматном порядке [5, с.30]. Саржевое переплетение (рис. 2) образует на поверхности ткани диагональный рубчик, так как нити основы и утка перекрываются не в шахматном порядке, а со сдвигом [5, с. 30]. Поскольку в большинстве исследуемых образцов отсутствуют кромки и определить основу и уток затруднительно, нити в полотне ткани мы обозначали как «нити первой структуры» и «нити второй структуры» [2, с. 111].

Шелковые изделия. Наибольшее количество текстильных изделий было обнаружено из шелкового сырья. Вероятно, это связано с тем, что шелковое покрытие являлось обязательным элементом погребального обряда населения, оставившего данный памятник. Кроме того, оно находилось в совокупности с серебряными лицевыми покрытиями, что также характерно для данного погребального обряда, а серебро, как известно, является хорошим средством консервации изделий из органических материалов. Таким образом, большинство шелковых текстильных изделий данного памятника обнаружено в области головы, в частности, под серебряными лицевыми покрытиями.

Практически все изделия, которые были отнесены нами к этой категории, изготовлены из нитей, у которых не наблюдается крутки, что характерно исключительно для шелкового волокна, поскольку нити из других материалов изготавливались путем кручения [1, с. 68]. По возможности, нами были проведены пробы на сжигание (образцы № 1, 3, 6, 7, 9, 12, 15, 19). При сжигании нити плавились, образуя шарик, горение вне пламени не наблюдалось, дым практически отсутствовал, ощущался запах жженого волоса (рога), что характерно для шелкового сырья [6, с. 114]. Это позволило нам убедиться в правильности интерпретации данных образцов.

Обратимся непосредственно к описанию обнаруженных образцов текстильных изделий.

Образец № 1. *Ткань из погребения № 266* (табл. 1/1)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 0,5х2; 0,7х1,5; 0,5х1; 0,9х1 см (всего 4 фрагмента). Они идентичны, являются фрагментами одной ткани. Тонина нитей первой структуры – 0,2 мм, тонина нитей второй структуры – 0,17 мм. Плотность нитей первой структуры – 25 нитей на 1 см, второй структуры – 50 нитей на 1 см. Переплетение нитей – полотняное. Цвет волокон – серо-коричневый.

Образец № 2. *Ткань из погребения № 270* (табл. 1/2)

Фрагмент ткани 4х3 см. Тонина нитей первой структуры – 0,2 мм, тонина нитей второй структуры – 0,17 мм. Плотность нитей неравномерна, первой структуры – 26 нитей на 1 см, второй структуры – 48–50 нитей на 1 см. Переплетение нитей – простое полотняное. Цвет волокон – серо-коричневый.

Образец № 3. *Ткань из погребения № 272* (таб. 1/3)

Фрагменты ткани 1,5х2,5 и 3х4 см. Тонина нитей первой структуры – 0,17 мм, тонина нитей второй структуры – 0,08 мм. Плотность нитей первой структуры – 54 нити на 1 см, второй структуры – 42 нити на 1 см. Переплетения нитей – сложное саржевое (двухлицевое – ?). Цвет волокон – светло-коричневый.

Образец № 4. *Ткань из погребения № 276* (табл. 1/4)

Небольшой фрагмент ткани размером 0,5х0,9 см. Тонина нитей первой структуры – 0,17 мм, тонина нитей второй структуры – 0,16 мм. Плотность нитей достаточно равномерная – 40 нитей на 1 см по обеим структурам. Переплетение нитей – простое полотняное. Цвет волокон – светло-коричневый.

Образец № 5. *Ткань из погребения № 279* (табл. 1/5)

Фрагменты ткани размером 5х12; 2х1,5; 3х1 см. Тонина нитей первой структуры – 0,19 мм, тонина нитей второй структуры – 0,20 мм. Плотность нитей первой структуры – 48 нитей на 1 см, второй структуры – 40 нитей на 1 см. Переплетение нитей – простое полотняное. Цвет волокон – светло-коричневый. На ткани присутствуют следы прокалывания иглой, диаметр отверстий равен примерно 0,5 мм.

Образец № 6. *Ткань из погребения № 280* (табл. 1/6)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 3,5х18; 4,5х4,5; 0,5х1,5 см (всего 3 фрагмента). Они идентичны, являются фрагментами одной ткани. Тонина нитей первой и второй структуры – 0,25 мм. Имеется кромка. Плотность нитей по основе – 46 нитей на 1 см, по утку – 28 нитей на 1 см. Переплетение нитей – простое полотняное. Цвет волокон – темно-коричневый, местами – светло-коричневый, почти золотистый.

Образец № 7. *Ткань из погребения № 28* (табл. 1/7)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 3х5; 3х3,5; 2х2,5; 2х2; 2х2 см (всего 5 фрагментов). Они идентичны, являются фрагментами одной ткани. Тонина нитей первой и второй структуры – 0,18–0,2 мм. Плотность нитей первой структуры – 20 нитей на 1 см, второй структуры – 28 нитей на 1 см. Переплетение нитей – полотняное. Цвет волокон – светло-коричневый.

Образец № 8. *Ткань из погребения № 314* (табл. 1/8)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 1х2,5 см и 0,5х1 см. Тонина нитей первой структуры – 0,125 мм, тонина нитей второй структуры – 0,15 мм. Плотность нитей первой структуры – 42 нити на 1 см, второй структуры – 35 нитей на 1 см. Переплетение нитей – полотняное. Цвет волокон – темно-коричневый (почти черный).

Образец № 9. *Ткань из погребения № 341*(табл. 1/9)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 1,3х2 см и 2х3,5 см. Тонина нитей первой структуры – 0,25 мм, тонина нитей второй структуры – 0,13 мм. Плотность нитей первой структуры – 20 нитей на 1 см, второй структуры - 50 нитей на 1 см. Переплетение нитей – саржевое (3/1 – ?). Цвет волокон – коричневый. Имеются следы прокалывания иглой.

Образец № 10. *Ткань из погребения № 342*(табл. 1/10)

Фрагмент ткани 1,5х3,5 см. Тонина нитей обеих структур – 0,11 мм. Плотность нитей первой структуры – 45 нитей на 1 см, второй структуры – 60 нитей на 1 см. Переплетение нитей – полотняное. Цвет волокон – коричневый.

Образец № 11. *Ткань из погребения № 345* (табл. 1/11)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 2х2,5 см и 0,5х1 см. Тонина нитей первой структуры – 0,12 мм, тонина нитей второй структуры – 0,1 мм. Плотность нитей

первой структуры – 30 нитей на 1 см, второй структуры – 50 нитей на 1 см. Переплетение нитей – саржевое (3/1). Имеются следы прокалывания иглой. Цвет волокон – коричневый.

Образец № 12. *Ткань из погребения № 355* (табл. 1/12)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 7х3,5; 3х4 и 2х4 см. Тонина нитей первой структуры – 0,3 мм, тонина нитей второй структуры – 0,16 мм. Плотность нитей первой структуры – 20 нитей на 1 см, второй структуры – 50 нитей на 1 см. Сочетает в себе как саржевое (3/1), так и полотняное переплетение, образуя узор. Такой вид ткани атрибутируется как *камка.* Цвет волокон – светло-коричневый. Цвет волокон – светло-коричневый.

Образец № 13. *Ткань из погребения № 356* (табл. 1/13)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 3х11; 1х3 и 2,5х3,5 см. Тонина нитей первой структуры – 0,2 мм, тонина нитей второй структуры – 0,125 мм. Плотность нитей первой структуры – 25 нитей на 1 см, второй структуры – 50 нитей на 1 см. Переплетение нитей – саржевое (3/1). Цвет волокон – светло-коричневый. Имеются следы прокалывания иглой.

Образец № 14. *Ткань из погребения № 357* (табл. 1/14)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 5х5; 3,5х3,5; 2х1,3; 1,5х1,5; 5х3; 2х1; 2,3х0,9 см (всего 7 фрагментов). Они идентичны, являются фрагментами одной ткани. Тонина нитей первой структуры – 0,3 мм, тонина нитей второй структуры – 0,16 мм. Плотность не равномерная, по первой структуре – 20 нитей на 1 см, второй структуре – 50 нитей на 1 см. Переплетения нитей – саржевое (1/3). Цвет волокон – коричневый. Имеются следы прокалывания иглой. Кроме того, присутствует фрагмент нити (*S*-крутки), сшивавшей ткань.

Образец № 15. *Ткань из погребения № 358* (табл. 1/15)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 2х2,2; 6х3,5; 1х4; 4х5; 8х9; 2,5х2,5; 1х3 см (всего 7 фрагментов). Они идентичны, являются фрагментами одной ткани. Тонина нитей первой структуры – 0,22 мм, тонина нитей второй структуры – 0,13 мм. Плотность нитей по первой структуре – 22 нитей на 1 см, по второй структуре – 58 нитей на 1 см. Сочетает в себе как саржевое (3/1 – ?), так и полотняное переплетение, образуя узор. Такой вид ткани атрибутируется как *камка.* Цвет волокон – светло-коричневый.

Образец № 16. *Ткань из погребения № 359* (табл. 1/16)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 5х7; 5х5; 1,5х3; 2х1,5 см (всего 4 фрагмента). Они идентичны, являются фрагментами одной ткани. Тонина нитей первой структуры – 0,2 мм, тонина нитей второй структуры – 0,16 мм. Плотность нитей по первой структуре – 32 нити на 1 см, по второй структуре - 60 нитей на 1 см. Переплетение нитей – саржевое (2/1) – с узором в виде ромбов. Цвет волокон – светло-коричневый.

Образец № 17. *Ткань из погребения № 392* (табл. 1/17)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 3х1,5; 4х3; 1,5х1,5 см. Тонина нитей первой структуры – 0,1 мм, тонина нитей второй структуры – 0,12 мм. Плотность нитей по первой структуре – 52 нити на 1 см, по второй структуре – 36 нитей на 1 см. Переплетения нитей – простое полотняное. Цвет волокон – светло-коричневый.

Образец № 18. *Ткань из погребения № 392* (табл. 1/18)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 1,5х1,5; 4х2; 0,5х1; 0,5х3 1,5х1,5 см (всего 5 фрагментов). Тонина нитей первой структуры – 0,16 мм, тонина нитей второй структуры – 0,22 мм. Плотность нитей по первой структуре – 30 нитей на 1 см, по второй структуре – 40 нитей на 1 см. Переплетения нитей – сложное саржевое (двухлицевое – ?). Цвет волокон светло-коричневый.

Образец № 19. *Ткань из погребения № 394* (табл. 1/19)

Фрагменты ткани с максимальными размерами 1,5х1,5 см и 1,5х1,5 см. У нитей первой структуры наблюдается слабая Z-крутка. Тонина нитей первой структуры – 0,23 мм, тонина нитей второй структуры – 0,14 мм. Плотность нитей по первой структуре – 25 нитей на 1 см, по второй структуре – 50 нитей на 1 см. Переплетения нитей – сложное саржевое (двухлицевое – ?). Цвет волокон темно-коричневый.

Таким образом, шелковые ткани, встреченные на Бояновском могильнике, представляют собой ткани так называемого первого сорта (по классификации А. Гейера), они очень тонкие и плотные (более 22 нитей/1см в основе и более 15 нитей/1 см в утке) [7, с. 229]. Тонина нитей составляет от 0,1 до 0,3 мм. Почти в равных количествах в представленных образцах встречается как полотняное (9), так и саржевое (10) переплетение нитей. При этом встречаются образцы (№ 12, 15), где чередуются полотняное и саржевое переплетения, образуя узоры. Такой вид ткани атрибутируется исследователями как *камка* – шелковая узорчатая ткань восточного происхождения [8, с. 146]. Она была очень популярной в средневековье и относилась к разряду дорогих тканей [1, с. 101]. Безусловно, все эти изделия являются импортными. При этом, как указывает Т.Н. Глушкова, некрученые шелковые нити (выполненные по технологии «китайской восточной традиции») производились в Китае и Средней Азии, в то время как на западе Евразии, в Византии для получения шелковых нитей применялась крутка по аналогии с традицией изготовления льняных нитей [1, с. 70–71]. Среди исследуемых образцов слабая Z-крутка обнаружена лишь в одном образце (№ 19). Как утверждают исследователи, такая крутка была распространена в переднеазиатской традиции [1, с. 70–71]. Это, конечно, не указывает на пути проникновения этих изделий на территорию Пермского Предуралья, однако может свидетельствовать о происхождении данного вида товаров.

Шерстяные изделия. Вторую по частоте встречаемости группу представляют изделия из шерсти. Как правило, фрагменты шерстяной ткани встречены под серебряными лицевыми покрытиями, что обеспечило сохранность этих образцов, а также на ножнах и игольниках в районе пояса и накосных украшений.

Как и в случае с образцами из шелкового сырья по возможности нами были проведены пробы на сжигание (образцы № 1, 2, 3, 5, 8, 9, 10). Шерстяные нити горели с запахом жженого волоса, образуя черный пористый шарик, который легко растирался в порошок; вне пламени горение прекращалось, что характерно для данного вида сырья [6, с. 114].

Образец № 1. Ткань из погребения № 276 (табл. 2/1)

Фрагменты ткани 5х5; 2х3,5; 3х6; 4х5; 2х6; 2х4; 1,5х4 см. Шерстяное волокно Z-крутки по основе и утку, тонина нитей по первой структуре – 0,9 мм, по второй структуре – от 1 до 1,2 мм. Переплетение нитей полотняное, репсовой структуры. Плотность нитей по первой структуре составляет 4 нити на 1 см, по второй структуре – 8–9 нитей на 1 см. Цвет не однородный, от светло-коричневого до темно-коричневого.

Образец № 2. Ткань из погребения № 280 (табл. 2/2)

Фрагменты ткани 2,5х9; 2х3,5 см. Шерстяное волокно Z-крутки по основе и утку, тонина нитей – 1 мм. Переплетение нитей полотняное, репсовой структуры. Плотность по основе составляет 5 нитей на 1 см, по утку – 10 нитей на 1 см. Цвет темно-коричневый.

Образец № 3. Ткань из погребения № 281 (табл. 2/3)

Фрагмент ткани 1,5х17 см. Шерстяное волокно Z-крутки по основе и утку, тонина нитей – 1 мм. Переплетение нитей полотняное, репсовой структуры. Плотность по основе составляет 4 нити на 1 см, по утку – 8 нитей на 1 см. Цвет волокон – черный.

Образец № 4. Ткань из погребения № 314(табл. 2/4)

Фрагмент ткани 1,5х1,5 см. Шерстяное волокно Z-крутки по основе и утку, тонина нитей – 1 мм. Переплетение нитей саржевое. Поскольку сохранность очень плохая, струк-

туру переплетения нитей прочитать затруднительно, предположительно, 1/2. Плотность нитей по первой структуре составляет 6 нитей на 1 см, по второй структуре – 8 нитей на 1 см. Цвет волокон – черный.

Образец № 5. Ткань из погребения № 333 (табл. 2/5)

Фрагмент ткани 2х4 см. Шерстяное волокно Z-крутки по основе и утку, тонина нитей – 1 мм. Переплетение нитей определить затруднительно из-за плохой сохранности. Цвет волокон – коричневый.

Образец № 6. Ткань из погребения № 345 (табл. 2/6)

Фрагменты ткани 2х1,5; 4х1,5; 3х1,5; 2х1,5, 1х0,5; 2х0,5 см. Шерстяное волокно Z-крутки по основе и утку, тонина нитей – 1 мм. Переплетение нитей определить затруднительно из-за плохой сохранности. Цвет волокон – черный.

Образец № 7. Нить из погребения № 345. (табл. 2/7)

Нить была завязана в узел вокруг дужки височного кольца. Нить из шерстяного волокна Z-крутки, тонина нитей – 1 мм. Цвет волокон – коричневый.

Образец № 8. Ткань из погребения № 355 (табл. 2/8)

Фрагменты ткани 4х3,5; 4х3; 4х1; 2,5х2,5; 0,7х2,5 см. Шерстяное волокно Z-крутки по основе и утку, тонина нитей – 0,5 мм. Переплетение нитей полотняное репсовой структуры. Плотность по основе составляет 7 нитей на 1 см, по утку – 12 нитей на 1 см. Цвет волокон – черный.

Образец № 9. Ткань из погребения № 357 (табл. 2/9)

Фрагмент ткани 5х3 см. Нити первой структуры двойные слабой крутки Z2S, одинарные нити тониной 0,3–0,4 мм Z-крутки, двойные – тониной 0,7–0,8 мм слабой S-крутки. Нити второй структуры двойные Z2Z-крутки; одинарные нити 0,3–0,4 мм Z-крутки, двойные – тониной 0,7–0,8 мм Z-крутки. Переплетение нитей – саржевое (1/2). Плотность по первой структуре составляет 12 нитей на 1 см, по второй структуре – 13 нитей на 1 см. Цвет волокон – черный.

Образец № 10. Ткань из погребения № 358 (табл. 2/10)

Фрагменты ткани 13х7; 6х5,5; 7х5,5; 3х4 см. Шерстяное волокно Z-крутки по основе и утку, тонина нитей – 0,7 мм. Переплетение нитей полотняное репсовой структуры. Плотность по основе составляет 4–5 нитей на 1 см, по утку – 8–9 нитей на 1 см. Цвет волокон – черный.

Таким образом, все представленные образцы из шерстяного сырья имеют Z-крутку нитей (за исключением образца № 9, где одинарные нити в двойной скручены S-круткой). Такой вид крутки волокна («к себе» или «по-солнцу») традиционно считается наиболее древним [1, с.71]. Тонина нитей находится в пределах от 0,5 до 1 мм. В основном шерстяные изделия имеют полотняное переплетение репсовой структуры (когда плотность нитей по одной структуре превышает плотность нитей по другой структуре вдвое и больше [1, с. 88]), однако встречены и образцы с саржевым переплетением нитей (2).

Изделия из растительного волокна. Третью группу представляют изделия из растительных волокон. Их встречено наименьшее количество, но это не является свидетельством того, что изделия из растительных волокон использовали в меньшей степени. Они занимали другое место в погребальном обряде, в связи с чем и расположение, и сохранность этих изделий другие. Как правило, остатки этих изделий находятся вблизи украшений пояса, на ножнах, кресалах, бронзовых пронизках. Кроме того, шерстяные и шелковые изделия сохраняются лучше, чем изделия из растительного сырья, что связано с их более быстрым разрушением под влиянием почвенных кислот и микроорганизмов из-за структуры и состава текстильных волокон [3, с. 7].

При проведении проб на сжигание (образцы № 2, 5, 7) ощущался запах жженой бумаги, горение вне пламени продолжалось, образовывался легко рассыпающийся пепел, что характеризует данный вид сырья [6, с. 114].

Образец № 1. Ткань из погребения № 279 (табл. 3/1)

Фрагмент ожелезненной ткани 5,5х4 см. Поскольку ткань полностью заменена окислами железа, определить материал изготовления волокна затруднительно. Однако по аналогиям данный вид ткани был отнесен нами к изделиям из растительного волокна. Нити ровные, хорошо скрученные, Z-крутки по обеим структурам, тонина нитей первой структуры – 0,25 мм, тонина нитей второй структуры – 0,4 мм. Полотно ровное, плотное. Переплетение нитей полотняное репсовой структуры. Плотность по первой структуре составляет 12 нитей на 1 см, по второй структуре – 24 нити на 1 см. Цвет ткани определить затруднительно, так как она полностью заменена окислами железа.

Образец № 2. Ткань из погребения № 280 (табл. 3/2)

Фрагменты ожелезненной (частично) ткани 1,5х3; 1,5х2 см. Нити ровные Z-крутки по обеим структурам, тонина нитей первой структуры – 0,25 мм, тонина нитей второй структуры – 0,2 мм. Полотно неплотное. Переплетение нитей простое полотняное. Плотность по первой структуре составляет 20 нитей на 1 см, по второй структуре – 22 нити на 1 см. Цвет неожелезненных волокон – светло-коричневый, белесый.

Образец № 3. Ткань из погребения № 281(табл. 3/3)

Фрагмент ожелезненной ткани 3х12 см. Поскольку ткань полностью заменена окислами железа, определить материал изготовления волокна затруднительно. Однако по аналогиям данный вид ткани был отнесен нами к изделиям из растительного волокна. Нити ровные, хорошо скрученные, Z-крутки по обеим структурам, тонина нитей первой структуры – 0,25 мм, тонина нитей второй структуры – 0,33 мм. Полотно ровное, плотное. Переплетение нитей полотняное, репсовой структуры. Плотность по первой структуре составляет 12 нитей на 1 см, по второй структуре – 24 нити на 1 см. Цвет ткани определить затруднительно, так как она полностью заменена окислами железа.

Образец № 4. Ткань из погребения № 342 (табл. 3/4)

Фрагмент ожелезненной ткани 1х3 см. Поскольку ткань полностью заменена окислами железа, определить материал изготовления волокна затруднительно. Однако по аналогиям данный вид ткани был отнесен нами к изделиям из растительного волокна. Нити ровные, хорошо скрученные, Z-крутки по обеим структурам, тонина нитей первой и второй структур – 0,3 мм. Полотно ровное, плотное. Переплетение нитей полотняное, репсовой структуры. Плотность по первой структуре составляет 8–10 нитей на 1 см, по второй структуре – 18 нитей на 1 см. Цвет ткани определить затруднительно, так как она полностью заменена окислами железа.

Образец № 5. Жгут из погребения № 345 (схема) (табл. 3/5)

Жгут свит по схеме Z-крутки из 2 двойных нитей S-крутки, каждая из которых состоит из 2 нитей S-крутки (четырехжильный жгут). То есть схема крутки следующая: 2 одинарных нити S-крутки были свиты в двужильный жгут S2S, а затем два двойных жгута были свиты в четырехжильный жгут Z-круткой. Толщина всего жгута составляет 2 мм, двойной S2S нити – 1 мм, тонина самой тонкой ниточки – 0,5 мм. На основании проведенной пробы на сжигание данный образец был отнесен нами к изделиям из растительного волокна. Кроме того, под микроскопом видна важная структурная особенность, «наличие которой является отличительным признаком большинства лубяных волокон – это темные поперечные полосы, иногда утолщения на стенках волокна, называемые сдвигами или узлами» [6, с. 114–115] (рис. 3). Таким образом, сырье данного образца – растительное. Нити имеют белый цвет (помимо участков, загрязненных бронзовыми окислами).

Образец № 6. Ткань из погребения № 353(табл. 3/6)

Фрагмент ткани 1х5 см. По аналогиям данный вид ткани был отнесен нами к изделиям из растительного волокна. Нити ровные, хорошо скрученные, Z-крутки по обеим структурам, тонина нитей первой и второй структур – 0,5 мм. Полотно ровное, плотное. Переплетение нитей полотняное репсовой структуры. Плотность по первой структуре составляет 15 нитей на 1 см, по второй структуре – 7 нитей на 1 см. Цвет ткани белый с окислами бронзы.

Образец № 7. Ткань из погребения № 359 (табл. 3/7)

Фрагмент ткани 6,5х8 см. Под микроскопом видны поперечные полосы на стенках волокна (рис. 4). Нити Z-крутки по обеим структурам, тонина нитей первой и второй структур – 0,6 мм. Переплетение нитей полотняное репсовой структуры. Плотность по первой структуре составляет 14 нитей на 1 см, по второй структуре – 7 нитей на 1 см. Ткань сильно загрязнена, цвет волокон – коричневый.

Таким образом, все исследуемые ткани из растительных волокон имеют полотняное переплетение, в основном – репсовой структуры. В большинстве случаев волокна имеют Z-крутку.

Другие образцы.

Образец № 1. Нити из погребения № 358

В игольнике из погребения № 358 был обнаружен войлочный фрагмент, который был прошит нитками S-крутки, свитыми из двух нитей Z-крутки. Тонина S2Z нити – 0,5 мм, тонина отдельных нитей Z-крутки – 0,2 мм. Сырье – не определено. Цвет нитей – светло-серый.

Итак, проведя анализ текстильных изделий Бояновского могильника, мы установили, что наибольшее количество из сохранившихся образцов (19 образцов) – это импортные изделия из шелкового сырья, представляющие собой ткани первого сорта, в основном из некрученых шелковых нитей. Реже встречаются изделия из шерстяного волокна (10 образцов). В большинстве случаев они представляют собой ткани полотняного переплетения с репсовым эффектом. По утверждению Н.Б. Крыласовой, такой вид переплетений в Верхнем Прикамье использовался наиболее широко [5, с. 30]. Наименьшую группу представляют изделия из растительных волокон (7 образцов). Вероятно, это связано с плохой сохранностью данного вида сырья. Так же как и в случае с шерстяными изделиями, ткани из растительных волокон в основном имеют полотняное переплетение, с репсовой структурой. Изделия из шерсти и растительных волокон имеют в своей структуре в основном нити Z-крутки. Обнаруженные же отдельные нити, которыми сшивалась ткань, имеют S-крутку. Некоторые исследователи объясняют применение такой крутки («от себя» или «против солнца») ритуальным значением [1, с. 71].

Коллекция текстильных изделий Баяновского могильника требует дальнейшего исследования. Необходимо проведение микрохимического анализа для выявления красителей, анализ растительных волокон на определение сырья (лен, конопля, крапива), анализ шерсти на определение сорта шерстяных волокон.

Список источников

1. Отчет об археологических раскопках Баяновского могильника в Добрянском районе Пермского края в 2012 г. / А.В. Данич. Пермь: ПГГПУ, 2012.
2. Отчет об археологических раскопках Баяновского могильника в Добрянском районе Пермского края в 2015 г. / А.В. Данич. Пермь: ПГГПУ, 2015

Список литературы

1. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут: Изд-во СурГПИ, 2002. 206 с.
2. Глушкова Т.Н. Текстильные материалы археологического памятника Усть-Полуй. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. 244 с.
3. Глушкова Т.Н. Особенности археологических текстильных материалов и способы их атрибуции // Поволжская археология. – 2015. № 3(13). С. 6–16.
4. Иерусалимская А.А. Словарь текстильных терминов. СПб: Изд-во ГЭ, 2005. 96 с.
5. Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
6. Миколайчук Е.А. Исследование состава тканей и войлоков по волокну из раскопок Старой Ладоги // Археологический сборник. Вып.22. Л.: Искусство, 1981. С. 114–121
7. Нахлик А. Ткани Новгорода: Опыт технологического анализа // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 123. С. 228–313
8. Хужанова О.Т. Восточные названия тканей в памятниках русской деловой письменности XVI–XVIII вв. (фарабат, лас, камка, зендель, киндяк, паф, атлас) // Вестник Челябинского государственного университета. № 20 (235). Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 56. Челябинск, 2011. С. 144–147.

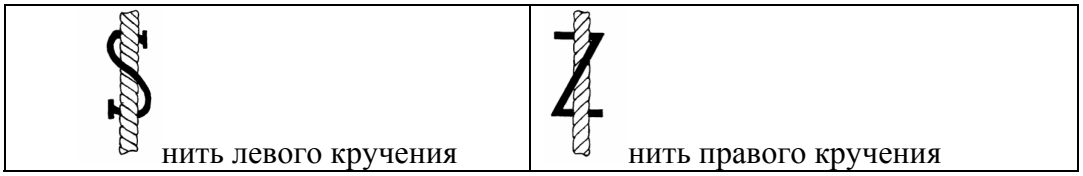


Рис. 1. Схемы направления крутки нитей

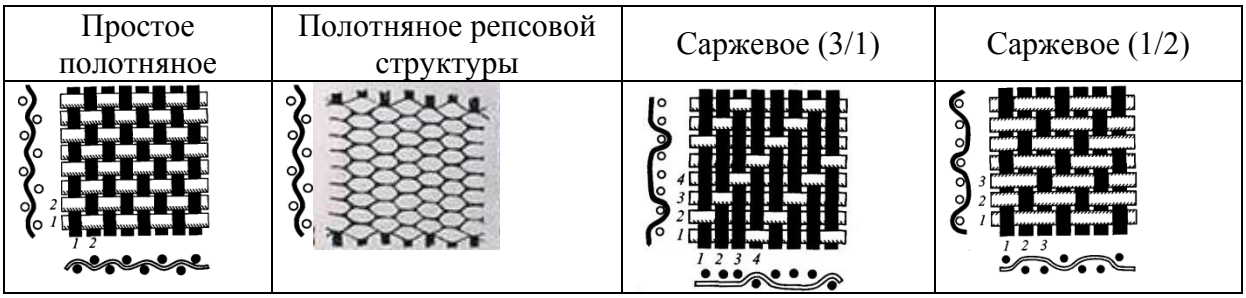
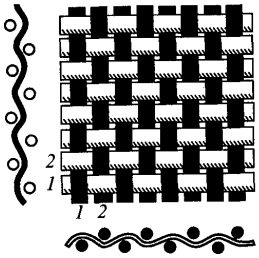
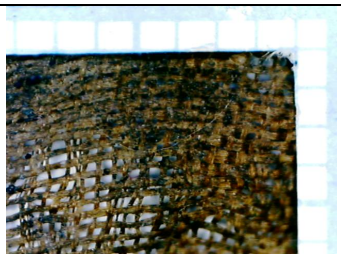
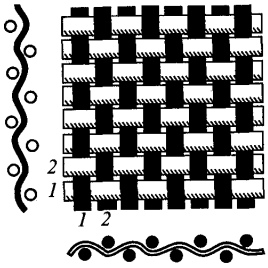
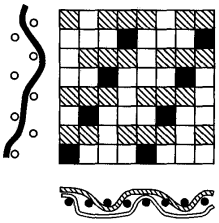
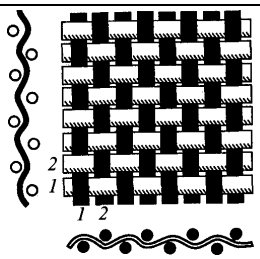
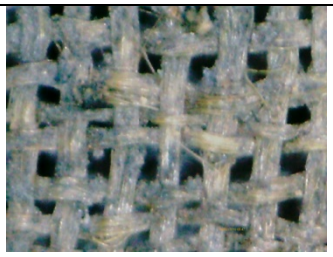
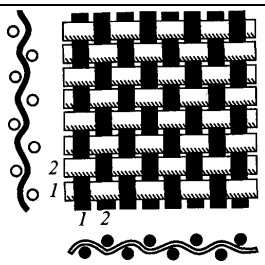
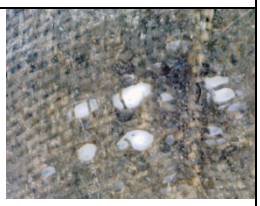
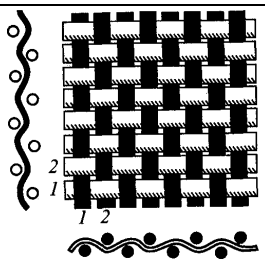
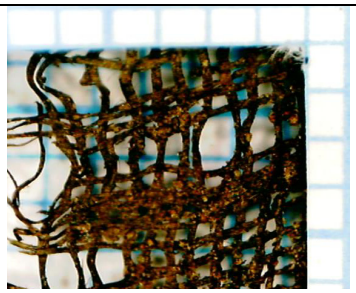
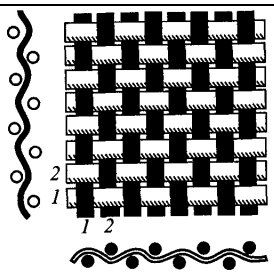
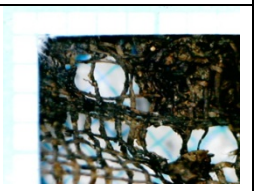
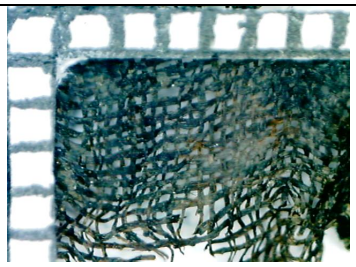
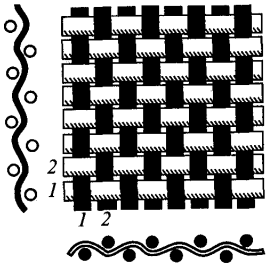
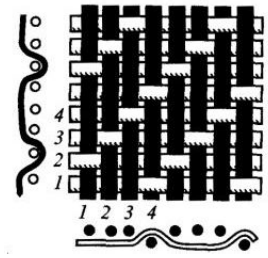
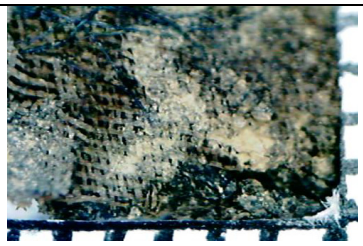
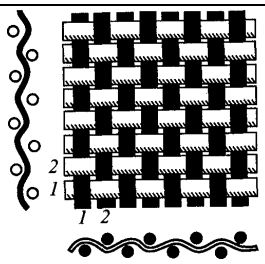
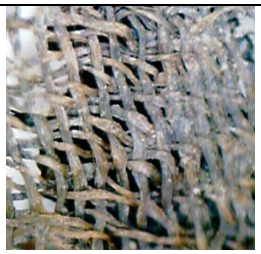
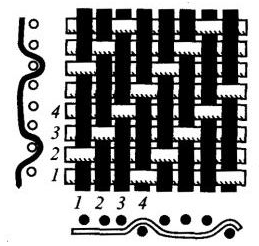
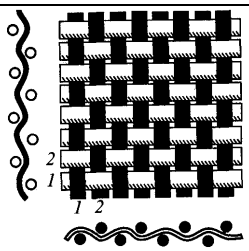
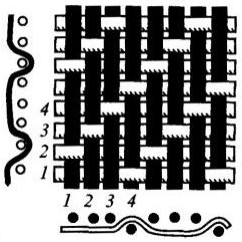
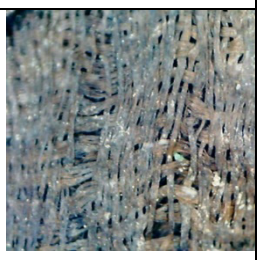
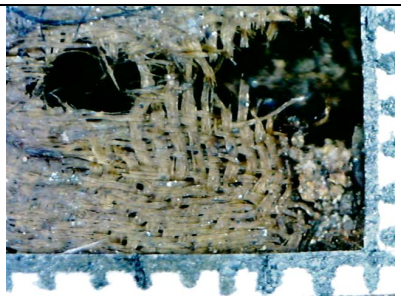
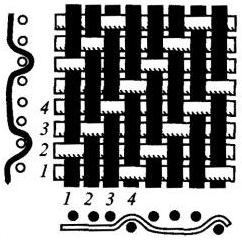
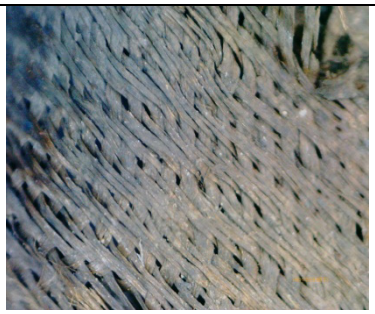
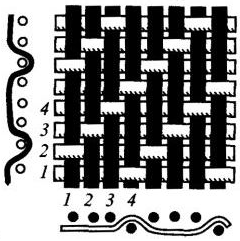


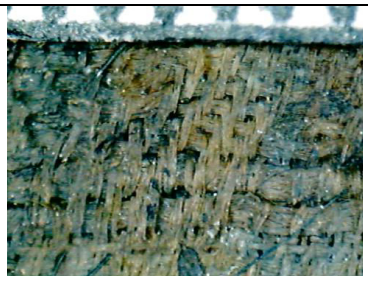
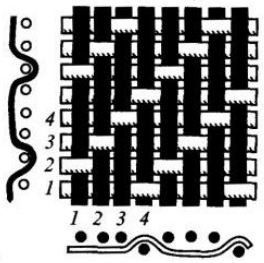
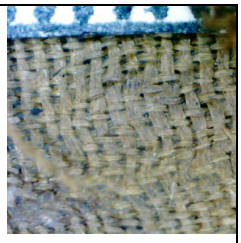
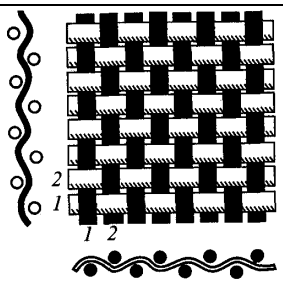
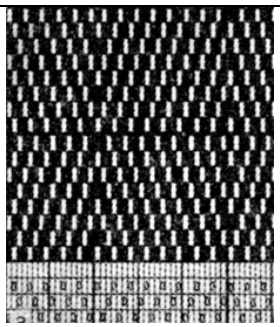
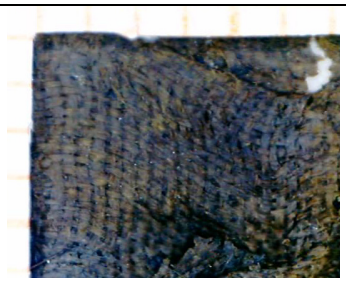
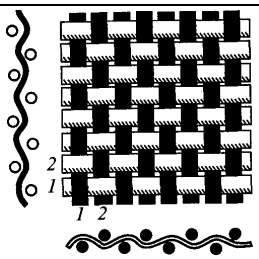
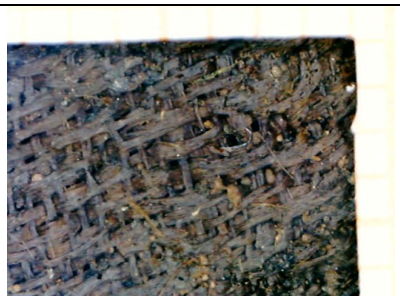
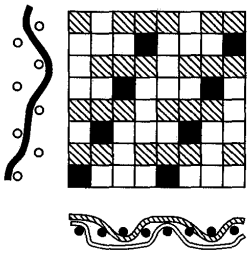
Рис. 2. Схемы ткацких переплетений

Таблица 1. Изделия из шелкового сырья

№ образца, № погр.	Микроскоп (Levenhuk DTX 500 Mobi)	Схема переплетения нитей	Дополнительные сведения
1. Погр. 266			
2. Погр. 270			
3. Погр. 272		сложная саржа-? 	
4. Погр. 276			
5. Погр. 279			 Следы прокалывания иглой

6. Погр. 280			 Имеется кромка
7. Погр. 281			 Следы прокалывания иглой
8. Погр. 314			
9. погр. 341			
10. погр. 342			
11. Погр. 345			 Следы прокалывания иглой

12. Погр. 355			Полотняное + саржевое переплетения
			
13. Погр. 356			
14. Погр. 357			 Нить, сшивавшая ткань
			 Узор

15. Погр. 358			 Геометрический узор
			
16. Погр. 359			 Геометрический узор
17. Погр. 392			
18. Погр. 392		Сложная саржа-? 	

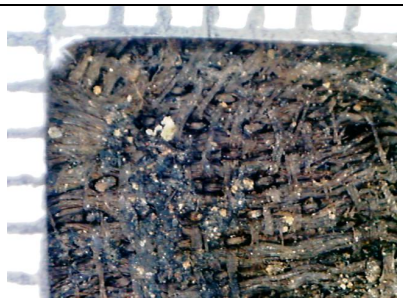
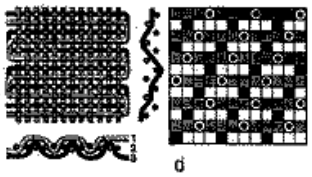
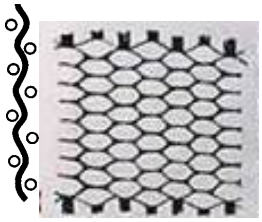
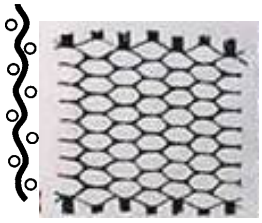
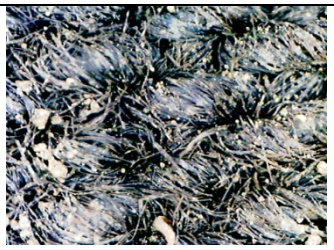
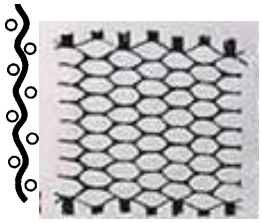
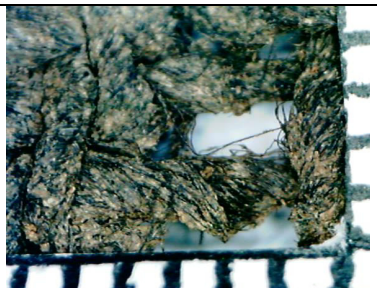
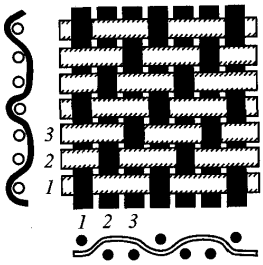
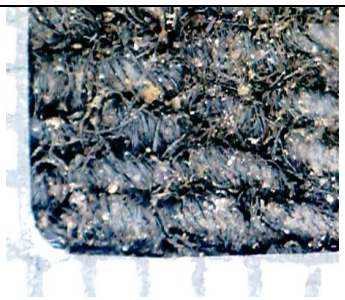
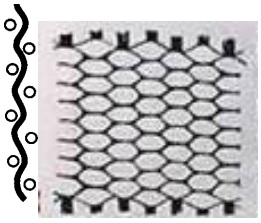
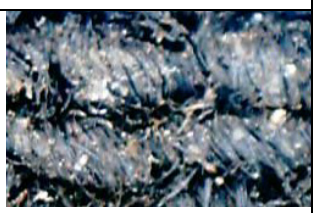
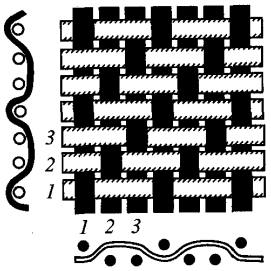
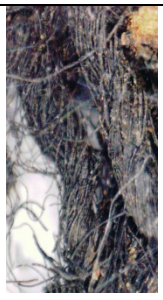
19 Погр. 394		Сложная саржа -?  	 Слабая Z-крутка нитей

Таблица 2 Изделия из шерсти

№ образца, № погр.	Микроскоп (Levenhuk dtx 500 Mobi)	Схема	Нити
1. Погр.276			
2. Погр.280			
3. Погр. 281			

4. Погр.314			
5. Погр. 333			
6. Погр. 345			
7. Погр. 345			
8. Погр.355			
9. Погр.357	 		

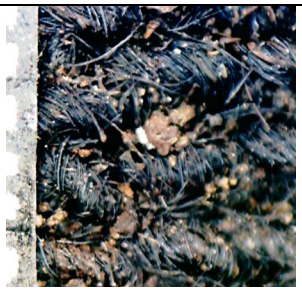
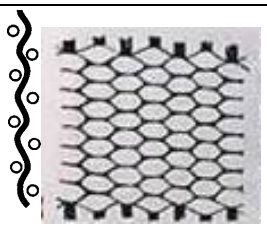
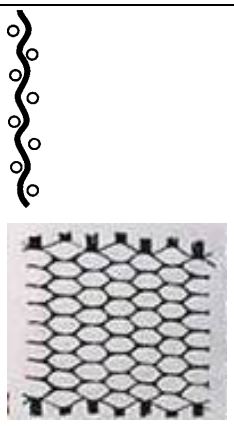
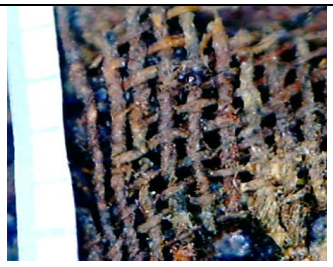
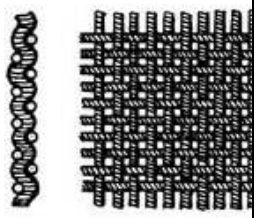
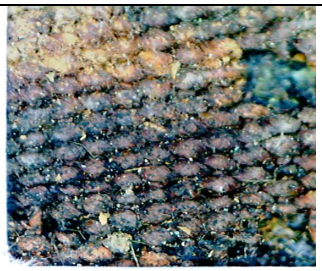
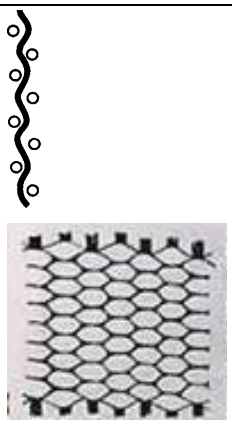
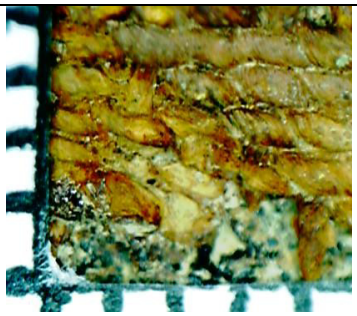
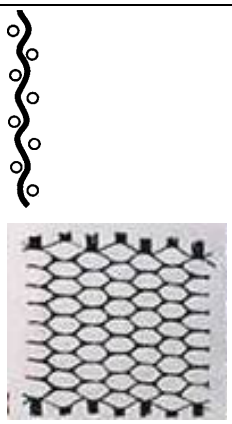
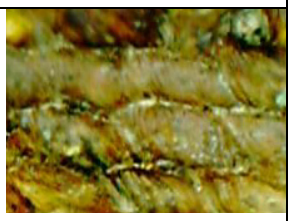
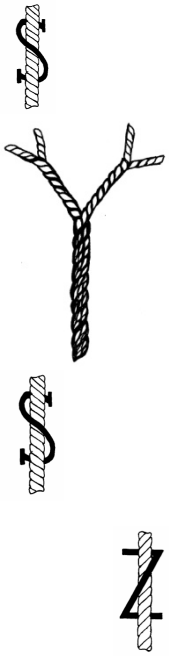
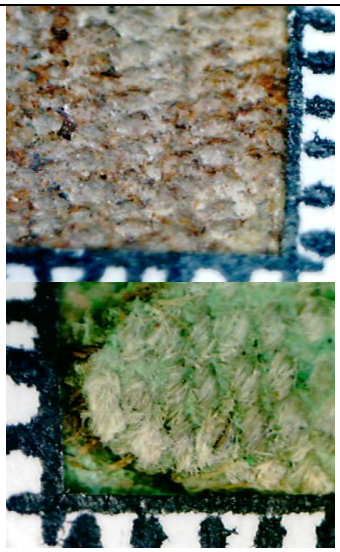
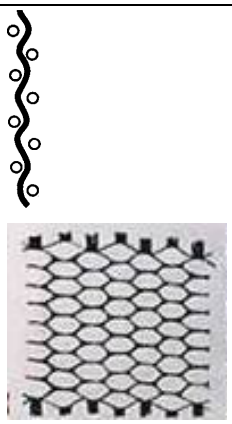
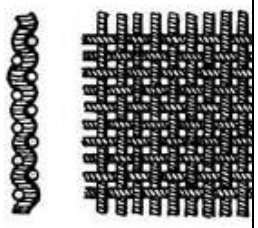
			
10. Погр. 358			

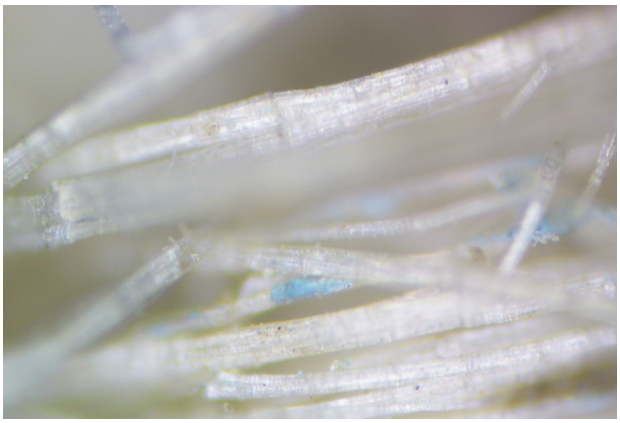
Таблица 3 Изделия из растительного сырья

№ образца, № погр.	Микроскоп (Levenhuk dtx 500 Mobi)	Схема	Нити
1. Погр. 276			
2. Погр. 280			

3. Погр. 281			
4. Погр. 342			
5. Погр. 345			

6. Погр. 353			
7. Погр. 359			

Образец № 5


x20

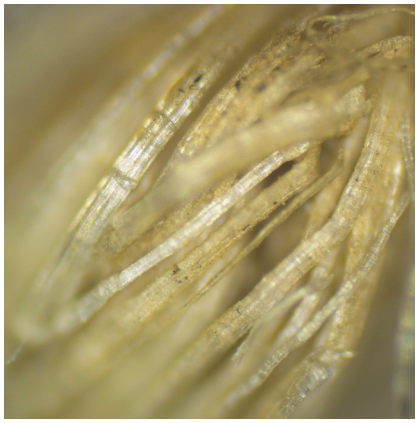
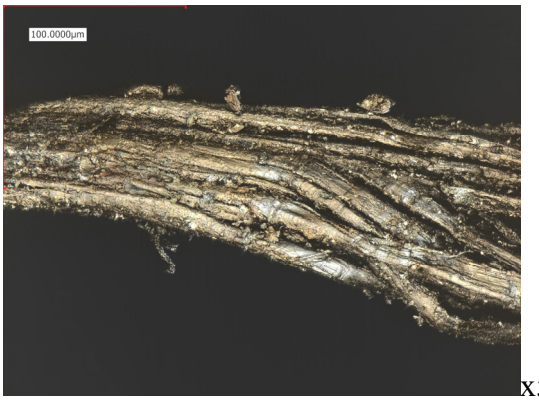

x10

Фото А.А. Отрощенко

Рис. 3. Растительное волокно под микроскопом Nikon LV 150

Образец №7



x50

Фото А.А. Отрощенко

Рис. 4. Растительное волокно под микроскопом Keyence VK x200

А.В. Данич
(РФ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ (РЕМЕННЫЕ ПРЯЖКИ) ПИТЕРСКОГО (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА

В статье обобщаются элементы поясной гарнитуры (ременные пряжки), полученные в ходе раскопок Питерского (Степаново Плотбище) могильника исследованного в 1997–1999, 2001 гг. отрядом КАЭЭ ПГПУ. В работе впервые обобщен значительный материал IX–XI вв. из археологических раскопок, не введенный в научный оборот.

Ключевые слова: пряжка, могильник.

A.V. Danich
(RF, Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm)

ELEMENTS BELT HEADSET (BELT BUCKLE) OF PETER BURIAL GROUND (STEPANOV'S RAFTING GROUND)

In this article we generalize the elements belt headset (belt buckles) received during the excavations of the Peter burial ground (Stepanov's rafting ground), which had been examined in 1997-99, 2001 near the Kamsk Archaeological Ethnographic Expedition of the State Pedagogical University of Perm. In this work the substantial data of the archaeological excavations of 9–11 cent. was summarized. This data was not brought in the scientific use before.

Keywords: belt buckle, burial ground.

Одним из интереснейших памятников Пермского Предуралья эпохи средневековья является Питерский (Степаново Плотбище) могильник, находящийся у деревни Городище Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Целью данной работы является введение в научный оборот и обобщение материалов, полученных Камской археолого-этнографической экспедицией под руководством А.В. Данича и Е.О. Святовой (Бочаровой) в 1997–1999, 2001 гг.

Толчком к исследованиям данного памятника послужили сведения, поступившие осенью 1996 г. в Пермский государственный университет от жителя пос. Пожва А.Б. Панфилова об археологических находках, обнаруженных вблизи этого населенного пункта. Письма сопровождались многочисленными рисунками и описаниями вещей.

Памятник расположен на правом берегу Камского водохранилища и занимает часть бывшей первой надпойменной террасы р. Камы, подвергшейся затоплению. Площадка, на которой расположен памятник, представляет собой подквадратный в плане полуостров, отделенный от основной материковой земли перешейком, затопляемым во время половодья. В 300 м к западу от полуострова проходит линия правого коренного берега р. Камы, высотой до 40 м.

Все памятники комплекса находятся в аварийном состоянии. Ежегодно под воду уходит бесчисленное количество украшений, оружия, предметов быта древнего селища. Множество находок было обнаружено на пляже водохранилища. Часть из них лежала на поверхности, другие – под небольшим (до 15 см) слоем песка. Вещи постоянно вымываются на поверхность прибоем и дождем. Состояние памятника способствует расхищению предметов древности. Большое количество находок хранятся в коллекциях жителей окрестных деревень.

В результате работ 1997–1999, 2001 гг. площадь вскрытой поверхности составила 675 кв. м. и было исследовано 21 погребение, удалось проследить детали погребального обряда – формы и размеры могильных ям, устройство погребений, положение костяка, инвентаря и другие детали. Практически все черты обрядности находят полные аналогии в погребальных памятниках Пермского Предуралья.

По обряду погребения и по вещевому материалу, как найденному при раскопках памятника, так и по переданному местными жителями, Питерский (Степаново Плотбище) археологический комплекс может быть датирован IX–XI вв.

Среди дополнительных элементов костюма чрезвычайно важную роль играл пояс. Как и ряд других деталей костюма, он отличается своей многофункциональностью. Утилитарная функция пояса очевидна. Пояс был необходимой деталью одежды, которая скрепляла одежду. Его практическая функция определялась и тем, что в средневековом костюме отсутствовала такая деталь одежды, как карманы, и к поясу привешивались все необходимые под рукой вещи – ножи, кресало, кремень, оселок и т.д. Одновременно пояс являлся знаком социальной принадлежности. Детям до определенного возраста он не полагался. Пояса делились на женские, мужские, наборные и без набора. Наборный пояс был знаком воинской доблести и нес определенную смысловую нагрузку.

В данной статье я продолжаю публикацию элементов поясной гарнитуры, начатую в статье «Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника» [8, с. 181–196]. В данной публикации будет рассмотрена такая неотъемлемая часть средневекового пояса, как поясные пряжки. Они отличаются большим разнообразием.

Все встреченные на могильнике пряжки изготовлены из бронзы и крепились к ремню при помощи штифтов. Для классификации идет разделение на группы, типы выделены по форме, варианты – по ее отдельным деталям.

Группа 1 – **рамчатые пряжки**. Ремень крепился прямо к кольцу (8 экз., рис. 1/23–29).

Тип 1 – с дуговидным передним краем и прямоугольным задним (8 экз., рис. 1/23–29).

Подтип 1.1 – передний край в виде плоского полукруга с небольшим подтреугольным выступом в центральной части, украшен насечками (1 экз., рис. 1/26 бронза).

В Пермском Предуралье аналогичная пряжка известна на Рождественском могильнике [3, рис. 197/15].

Аналогичные пряжки известны в славянских древностях конца XI – начала XII в. [25, с. 144, рис. 56/2], в Волжской Булгарии [12, с. 127–128, рис. 4/6–7], в погребениях тюркоязычных кочевников Восточной Европы XI–XII вв. [29, с. 44], на территории Марийского Поволжья [1, рис. 31/16].

Подтип 1.2 – передний край выполнен из слегка выгнутой круглой проволоки, с небольшим подтреугольным выступом в центральной части (1 экз., рис. 1/27 бронза).

Подтип 1.3 – крупная пряжка с фигурной передней кромкой, задняя часть имеет подтреугольный выступ, служащий ложем для иглы. Плоскость рамки пряжки имеет наклон около 30^0 (1 экз., рис. 1/28 бронза).

Подтип 1.4 – с овальным передним краем, выполненным из круглой проволоки (4 экз., рис. 1/23–24, 29).

Вариант а – крепление к ремню производилось при помощи небольшой узкой площадки с задней стороны с двумя заклепками (1 экз., рис. 1/23 бронза).

Вариант б – с прямыми краями (1 экз., рис. 1/24 бронза).

Вариант в – с округлыми краями (2 экз., рис. 1/29 бронза).

К этой же группе можно отнести фрагмент ремня с бронзовым креплением к ремню и язычком пряжки (1 экз., рис. 1/25 бронза). Ремень крепился к пряжке при помощи

свернутой вдвое прямоугольной пластины с прорезью для язычка, которая была склепана через кожаный ремень.

Группа 2 – **восьмеркообразные пряжки**. Ремень крепился к пряжке при помощи прямоугольного приемника.

Подгруппа 1 – язычок крепится непосредственно к перемычке между рамкой и приемником (32 экз., рис. 1/2, 34–37; 2/1–12).

Тип 1 – с овальной рамкой и узким прямоугольным приемником (17 экз., рис. 1/2, 34; 2/5–10).

Подтип 1.1 – неорнаментированные (15 экз., рис. 1/2, 34; 2/6–9).

Такие пряжки распространились в Пермском Предуралье с IX в. [5, табл. IX/1, 3–6, 9–12; 6, рис. 70/11].

Аналогичные пряжки известны на Большетиганском могильнике IX–X вв. [13, рис. 20/104–105, 108], в курганах Южного Урала IX–X вв. [19, рис. 42/6, 25; 47/16], в материалах IX–X вв. Варнинского могильника [26, табл. XI/3, 5, 10].

В Пермском Предуралье аналогичные пряжки известны на Рождественском могильнике [3, рис. 197/1–3, 7].

Подтип 1.2 – овальная рамка орнаментирована насечками (1 экз., рис. 2/10).

Подобные пряжки получают широкое распространение на территории Пермского Предуралья с IX в. [5, табл. IX/2, 13; 6, рис. 70/6].

На территории Пермского Предуралья подобные пряжки известны на Рождественском могильнике [3, рис. 197/8–9].

Аналогичные пряжки были найдены в курганах Южного Урала [19, рис. 42/14], в материалах IX–X вв. Варнинского могильника [26, табл. XI/13–15], в марийском могильнике IX–XI вв. Нижняя Стрелка [30, с. 184, рис. 11/19], в Биляре [23, рис. 1/15], чепецких памятниках [10, с. 139, рис. 57/16].

Подтип 1.3 – овальная рамка орнаментирована выпуклостями (1 экз., рис. 2/5).

Подтип 1.4 – фигурная пряжка с овальной рамкой украшенной завитками растительного орнамента. Завитками растительного орнамента украшено место крепления язычка (1 экз., рис. 1/35 бронза).

Тип 2 – с лировидной рамкой и узким прямоугольным приемником (12 экз., рис. 2/1–4, 11–12).

Подтип 2.1 – рамка в виде широкой гладкой пластины. В месте фиксации язычка на рамке небольшое углубление (1 экз., рис. 2/1 бронза). Появились такие пряжки в Пермском Предуралье в IX в. [6, рис. 70/8].

На территории Пермского Предуралья аналогичные пряжки известны на Рождественском могильнике [3, рис. 197/18], Огурдинском могильнике [4, рис. 64/5], Селянино Озеро [20, рис. 7/2], на Купросском городище [2, рис. 5/14–15].

Аналогичные пряжки известны на памятниках Южного Приуралья [17, с. 301, рис. 1], в Волжской Булгарии [7, с. 202, рис. 66/7; 12, рис. 43/9; 22, рис. 58/11], в Марийском Поволжье [1, рис. 31/14–15]. Такие пряжки считаются характерными для славянских древностей XI–XII вв. [25, с. 114, рис. 56].

Подтип 2.2 – поверхность рамки в месте фиксации язычка украшена изображением лилии (4 экз., рис. 2/2–4 бронза).

На территории Пермского Предуралья известны на Рождественском могильнике [3, рис. 197/20–22], Купросском городище (раскопки А.М. Белавина), Селянино озеро [20, рис. 7/2], Огурдинском могильнике [4, рис. 64/4].

Аналогичные пряжки имеются в материалах Волжской Булгарии [12, рис. 43/9; 22, рис. 58/11], в Марийском Поволжье [1, рис. 31/14–15], славянских древностях XI–XII вв. [25, с. 114, рис. 56].

Подтип 2.3 – рамка в виде узкой неорнаментированной пластины (7 экз., рис. 2/11–12 бронза).

Такие пряжки распространились в Пермском Предуралье с IX в. [5, табл. IX/1, 3–6, 9–12; 6, рис. 70/11].

Аналогичные пряжки известны на Большетиганском могильнике IX–X вв. [13, рис. 20/104–105, 108], в курганах Южного Урала IX–X вв. [19, рис. 42/6, 25; 47/16], в материалах IX–X вв. Варнинского могильника [26, табл. XI/3, 5, 10].

Тип 3 – прямоугольные (2 экз., рис. 1/36–37). В месте фиксации язычка небольшое углубление.

Подтип 3.1 – орнаментирована насечками (1 экз., рис. 1/36 бронза).

Подтип 3.2 – неорнаментированная (1 экз., рис. 1/37 бронза).

Аналогичная пряжка с территории Пермского Предуралья, только с насечками по нижнему краю рамки, имеется из раскопок Рождественского могильника [3, рис. 197/31].

Аналогичные пряжки известны в материалах Волжской Булгарии [12, рис. 43/4–5; 22, рис. 58/9], Руси XI–XII вв. [25, с. 144, рис. 56/3], в Омутницком могильнике IX-XII вв. [27, рис. 6/6], на Таманском городище в Причерноморье в материалах конца XI – второй половины XII в. [18, табл. 69/40].

Подгруппа 2 – между рамкой и приемником – прямоугольная площадка с отверстием для крепления язычка. Отверстие для язычка круглое или овальное.

Тип 1 – с овальной рамкой (6 экз., рис. 1/30, 32–33).

Подтип 1.1 – площадка неорнаментирована (1 экз., рис. 1/30 бронза).

Подтип 1.2 – площадка с боков украшена насечками (3 экз., рис. 1/32 бронза).

Подобные пряжки на территории Пермского Предуралья известны на Огурдинском [4, рис. 64/6–7] и Рождественском могильнике [3, рис. 197/10].

Аналогичные пряжки есть в материалах IX–X вв. Варнинского могильника [26, табл. XI/16].

Подтип 1.3 – площадка орнаментирована горизонтальным пояском с насечками, по периметру приемника и рамки орнаментальная полоса с насечками (2 экз., рис. 1/33 бронза).

Аналогичные пряжки известны на Рождественском могильнике [3, рис. 197/13] и в д. Дойкар Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа.

Тип 2 – с лировидной пряжкой (2 экз., рис. 1/1, 31).

Подтип 2.1 – узкий прямоугольный приемник отделен от рамки площадкой в виде узкой шейки с круглым отверстием для язычка (1 экз., рис. 1/31 бронза).

В Пермском Предуралье аналогичная пряжка известна на Рождественском могильнике [3, рис. 197/26].

Аналогии имеются на Чежтыягском могильнике конца XI–XII вв. на р. Вычегде [11, рис. 1/11].

Подтип 2.2 – приемник и площадка в форме прямоугольника, площадка по краям орнаментирована рядами полушарных выпуклостей, в центре – композиция в виде цветка из шести концентрических кружков (1 экз., рис. 1/1 бронза).

Аналогичные пряжки известны в погребении 76 Огурдинского [4, рис. 64/9] и на Рождественском могильнике [3, рис. 197/28].

Тип 3 – прорезные пряжки с изображением животного (8 экз., рис. 1/15–19, 21–22).

Подтип 3.1 – на прорезной площадке – стилизованное изображение медведя в жертвенной позе (5 экз., рис. 1/16–18, 22).

Вариант а – с прямоугольным кольцом, передний край оформлен двумя небольшими «рожками». По краям и по переднему краю кольца пряжка украшена насечками,

отверстие для иглы по краям оформлено двумя параллельными линиями (1 экз., рис. 1/16 бронза).

Вариант б – с овальным кольцом, в котором имеется углубление для иглы. По краям пряжка украшена насечками (2 экз., рис. 1/17 бронза).

Вариант в – с овальным кольцом, овальным задним краем. Качественно проработано изображение медведя (1 экз., рис. 1/22 бронза).

Вариант г – с овальным кольцом, которое по внешнему краю украшено четырьмя выпуклостями. По краям пряжка украшена насечками. Голова медведя сильно стилизована (1 экз., рис. 1/18 бронза).

Пряжки с изображением медведя широко представлены на территории Пермского Предуралья. Встречены на Рождественском [3, рис. 197/29], Баяновском могильнике (раскопки А.В. Данича).

Аналогичные пряжки известны в материалах IX–X вв. Варнинского могильника [26, табл. XI/17], в могильнике Шойнаты II [24, рис. 10/6; 15, рис. 50/5], Западной Сибири [28, № 84–85], курганах Южного Урала IX–X вв. [19, рис. 20/8; 60/26], на карельском городище Паасо [16, табл. 9/38].

Подтип 3.2 – с изображением головы козла (1 экз., рис. 1/21 бронза). Вся поверхность пряжки украшена насечками.

Подтип 3.3 – с изображением головы волка – ? (1 экз., рис. 1/15 бронза). С прямоугольным кольцом, передний край оформлен двумя небольшими «рожками». По краям и по переднему краю кольца пряжка украшена насечками.

Одна пряжка не поддается определению по изображенному животному. Вероятнее всего, это медведь. Передний край пряжки овальный, с небольшим углублением для иглы. Поле пряжки не орнаментировано (1 экз., рис. 1/19 бронза).

Группа 3 – **щитковые пряжки**. Имеют щиток в виде плоской пластины, которая крепится к ремню при помощи штифтов.

Тип 1 – с подтреугольным щитком, рамка овальная (1 экз., рис. 2/13 бронза). Между щитком и рамкой имеется овальная площадка с отверстием для язычка. Щиток орнаментирован линией по краю и тамгой в средней части щитка.

На Рождественском могильнике встречена аналогичная неорнаментированная пряжка [3, рис. 198/2]. Такая же пряжка обнаружена на Огурдинском могильнике [4, рис. 64/16–17].

Пряжки с подтреугольным щитком известны в материалах кочевнических курганов Южного Урала IX–X вв. [19, рис. 15/2].

Тип 2 – со щитком в виде стилизованного трилистника. Кольцо овальное или лировидное (20 экз., рис. 1/3–7 бронза). Все пряжки достаточно богато и разнообразно орнаментированы.

На территории Пермского Предуралья аналогичные пряжки известны на Рождественском [3, рис. 198/16–18] и Огурдинском могильниках [4, рис. 64/19–21].

Аналогичные пряжки известны в городах Болгар и Биляр в Волжской Булгарии [7, рис. 66/18; 23, рис. 1/14], могильнике Владышево II в Вологодской области, венгерских могильниках [31, с. 88]. Для памятников северной периферии Древней Руси находки таких поясных наборов чрезвычайно редки [21, с. 214, рис. 2/12].

Тип 3 – с вытянутым закругленным сзади щитком, рамки овальные или лировидные (7 экз., рис. 1/8–9, 11–14).

Подтип 3.1 – орнаментированные (4 экз., рис. 1/8–9, 14).

Вариант а – со сложным растительным орнаментом (2 экз., рис. 1/8 бронза).

Вариант б – с бордюром из крупных полусферических выпуклостей и геометрическим орнаментом в центральной части щитка в виде ромбов и полуовалов (1 экз.,

рис. 1/14 бронза). С внутренней стороны пряжка к ремню крепилась при помощи бронзовой пластинки.

Вариант в – с бордюром из ложной зерни и геометрическим орнаментом (большая часть пластины обломлена) (1 экз., рис. 1/9 бронза).

Подтип 3.2 – неорнаментированные (3 экз., рис. 1/11–13).

Вариант а – щиток овальный (2 экз., рис. 1/11, 13 бронза).

Вариант б – щиток немного приострен (1 экз., рис. 1/12 бронза).

На территории Пермского Предуралья такие пряжки известны на Рождественском [3, рис. 198/9–12) и Баяновском могильниках (раскопки А.В. Данича).

Пряжки с закругленным сзади щитком известны на территории Волжской Булгарии, где они датируются IX–X вв. [12, с. 129, рис. 43/10; 7, рис. 66/16].

Тип 4 – прорезная пряжка с изображением головы козла. С прямоугольным кольцом, передний край оформлен двумя небольшими «рожками». Прямоугольная площадка с отверстием для крепления язычка украшена орнаментом в виде «галочек», изображающих шкуру животного (1 экз., рис. 1/20).

Тип 5 – с подпрямоугольным неорнаментированным щитком, рамка лировидной формы (6 экз., рис. 1/10 бронза).

На территории Пермского Предуралья аналогичные пряжки известны на Рождественском могильнике [3, рис. 198/14].

Аналогичные пряжки известны в материалах IX–X вв. на территории Волжской Булгарии [12, с. 129, рис. 43/11; 7, рис. 66/14–15].

Таким образом, все пряжки, встреченные на могильнике, можно разделить на три группы. Рамчатые пряжки (8,8 %), у которых ремень крепился прямо к кольцу. Они существовали с конца XI – до начала XII в. Щитковые пряжки (38,5 %), имеющие щиток в виде плоской пластины, которая крепится к ремню при помощи штифтов, датируются IX–X вв. И самая большая группа – восьмеркообразные пряжки (52,7 %). Ремень крепился к пряжке при помощи прямоугольного приемника. Существовало две подгруппы: язычок крепится непосредственно к перемычке между рамкой и приемником, или между рамкой и приемником существовала прямоугольная площадка с отверстием для крепления язычка. Для первой подгруппы характерны пряжки с овальной рамкой и узким прямоугольным приемником (IX–XI вв.), с лировидной рамкой и узким прямоугольным приемником (IX–XII вв.) и прямоугольные (IX-XII вв.). Для второй подгруппы – с овальной рамкой (IX–X вв.), с лировидной пряжкой (XI–XII вв.) и прорезные пряжки с изображением животного (IX–X вв.).

К сожалению, практически все описанные детали поясной гарнитуры найдены на разрушенной части памятника, из-за чего становится невозможным провести реконструкцию поясов.

Список литературы

1. Архипов Г.А. Марийцы в XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 163 с.

2. Белавин А.М. Купросское городище в Коми-Пермяцком округе // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып.3. – Екатеринбург: НПЦ ОПИК, 1999. С. 189–195.

3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008. 603 с.

4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. Пермь: ПГПУ, 2012. 259 с.

5. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1985. 280 с.

6. Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ, 1989. 215 с.

7. Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань, 1996. 315 с.

8. Данич А.В. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника. // Поволжская археология. Вып. № 1 (3). – Казань: Фэн» АН РТ, 2013. С. 181–196.

9. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998. 308 с.

10. Иванова М.Г. Иднакар. Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.

11. Истомина Т.В. Комплекс погребения 37 Чежтыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 127–136.

12. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.

13. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.

14. Казаков Е.П. Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: тез. докл.в междунар. науч.конф. Оренбург: ОГПУ, 2001. С. 160.

15. Королев К.С. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: КНЦ УрО РАН, 1997. 196 с.

16. Кочкуркина С.А. Археологические памятники Корелы. Л.: Наука, 1981. 160 с.

17. Кригер В.А., Железчиков Б.Ф. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области. // СА. 1980. № 1.

18. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М.: Наука, 2003. 533 с.

19. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

20. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М, 1997. 368 с.

21. Макаров Н.А., Мясникова С.В. К изучению средневековых могильников с кремациями на Русском Севере // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова. М: Наука, 2004. С.207–217.

22. Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: Школа, 2002. 208 с.

23. Руденко К.А. О роли финно-угров в сложении культуры волжских булгар XI–XIV вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2004. С. 148–159.

24. Савельева Э.А., Королев К.С. По следам легендарной чуди. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. 128 с.

25. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

26. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск: НИИ при СовМинУдАССР, 1980. С. 5–135.

27. Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: НИИ при СовМинУАССР, 1985. С. 92–118.

28. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. 160 с.

29. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 276 с.

30. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

31. The Ansient Hungarians. Budapest, 1996.

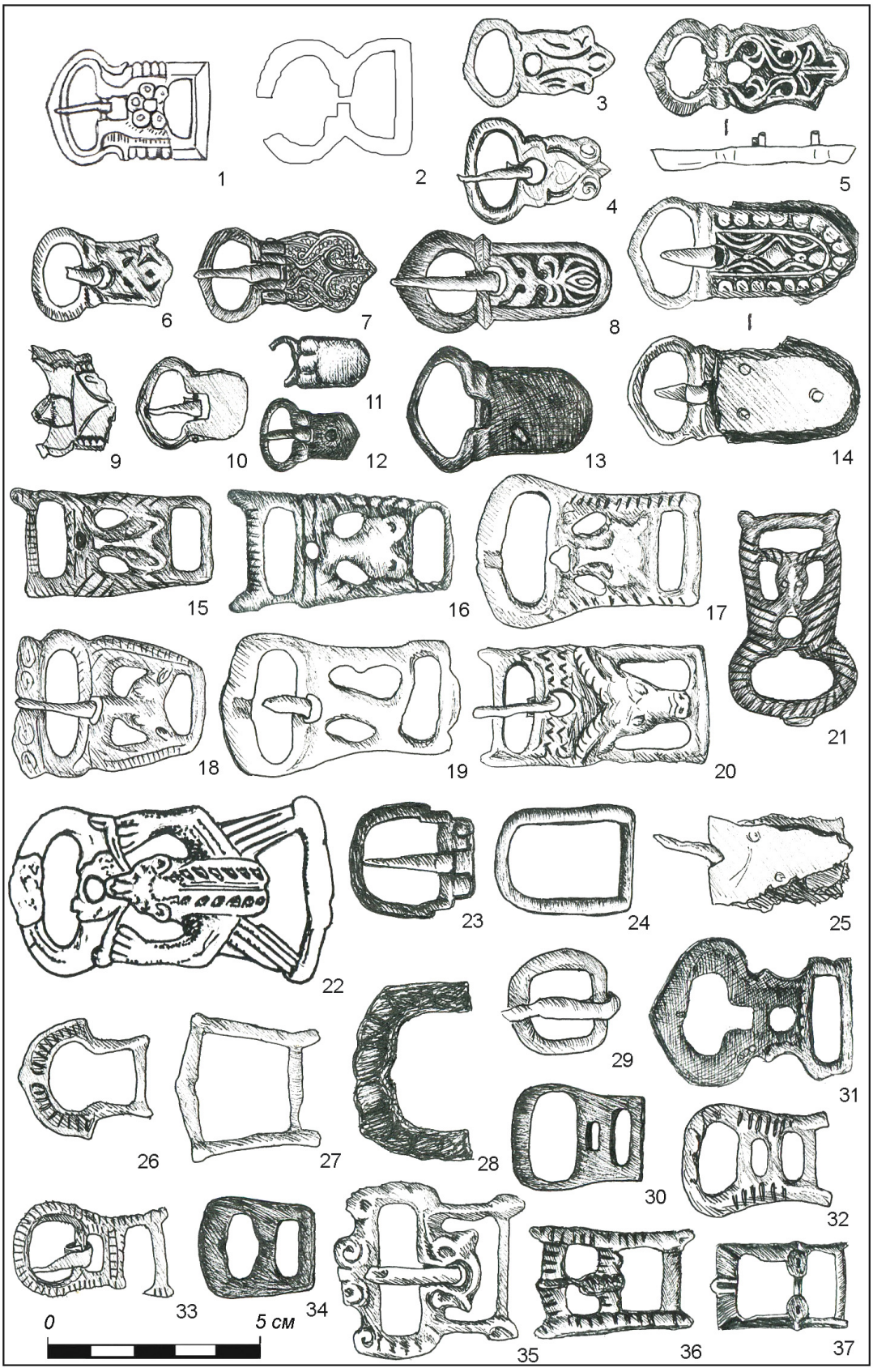


Рис. 1. Пряжки Питерского (Степаново Плотбище) могильника

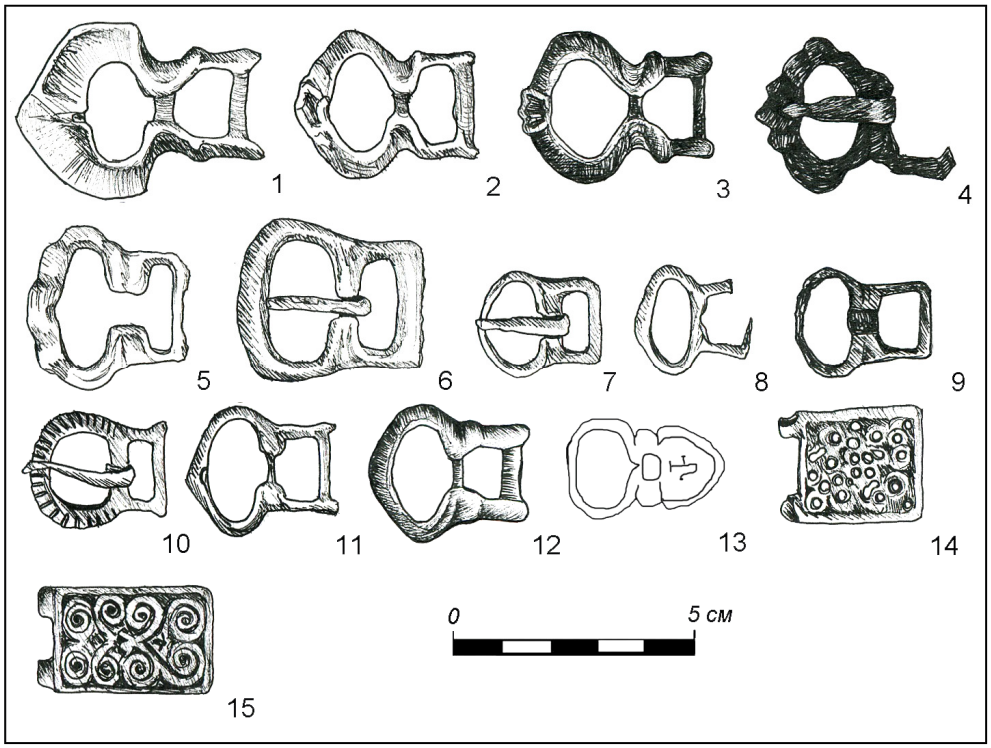


Рис. 2. Пряжки Питерского (Степаново Плотбище) могильника

В.Н. Кузнецова
(РФ, Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург)
Н.В. Григорьева
(РФ, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург)

УКРАШЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РУСИ

В статье приводится обзор ранее известных и обнаруженных в результате археологических исследований последних лет находок волжско-камских украшений на территории древнерусского Северо-Запада.

Ключевые слова: украшения, подвески, импорт, Поволжье, Предуралье, Северо-Запад, Приладожье, средневековье.

V.N. Kuznetsova
(RF, Russian Museum of Ethnography, Saint-Petersburg)
N.V. Grigorjeva
(RF**,** Institute of History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg)

JEWELLRY ITEMS FROMS THE VOLGA AND KAMA AREAS IN THE TERRITORY OF THE NORTH-WEST OF ANCIENT RUS

The paper deals with the findings of the jewellry items from the Volga and Kama areas (mostly bonze pendants and their details) in the territory of the North-West of Ancient Rus. Regarded items were discovered by archaelogical research in the end of the XIX – beginnig of the XXI centuries.

Key words: jewellry items, pendants,Voga region, Ural region, North-West of Ancient Rus, Ladoga region, Middle Ages.

Украшения, распространенные в Волжско-Камском регионе, не редко выявляются на территории Северо-Запада Руси, но и не являются частыми, рядовыми находками. Они известны в материалах различных памятников – могильников и поселений сельского уровня (регион Юго-Восточного Приладожья и Полужья), а также крупных городских центрах эпохи средневековья (Старая Ладога, Новгород).

Время появления в целом Прибалтийском регионе редких импортов из Волго-Камья исследователи относят к концу VII–VIII вв. Их появление связывают с трассами торговых путей и началом устойчивой меховой торговли [11; 23]. Для региона южного Приладожья и Поволховья наиболее ранней находкой до сих пор являются элементы неволинской поясной гарнитуры, обнаруженные при исследованиях сопковидной насыпи в Урочище Победище, на южной границе Старой Ладоги [10; 11]. По аналогии с находками из Финляндии погребение было отнесено к концу VII в. [11].

Среди находок последних лет к наиболее ранним предметам Предуральского импорта может относиться изделие, фрагмент которого был найден в отвале при исследованиях нижних напластований первой четверти или 20–30-х гг. X в. Раскопа 1 на Земляном городище в 1989 г. (рис. 1/1)[4] [24, с. 11, 13, рис. 21/4]. Находка имеет двусторонний рубчатый орнамент, вдоль сохранившегося нижнего края пластины читаются обломанные петли для привесок, это позволяет предполагать, что перед нами фрагмент биконьковой подвески (сравни рис. 1/1 и 1/2,3). Безусловно, к оценке формы и датировке целого изделия по такому незначительному фрагменту следует подходить осторож-

4 Место хранения – Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник (далее – СЛМЗ), ед. хр. КП-95.374/ А-18265.

но, однако принадлежность к изделиям Прикамья VIII–X вв., где представлено большое количество аналогий такому оформлению украшений, является очевидной [см. 48, табл. III/1; XIII/15; 15, табл. XXXVII/36] (рис. 1/4). Рубчатый орнамент присутствует на подвесках Верхней Камы VIII–X вв. [6, рис. 70/ 4, 16; 14, рис. 14/12, табл. XIV/15]. К сожалению, по публикациям иногда сложно судить, имеют подвески двусторонний или односторонний орнамент. Так, например, биконьковая подвеска из д. Идоговой[5] [48, табл. XI/8], отнесенная Л.А. Голубевой к первому варианту типа V, датирующемуся VIII–IX вв. [19, с. 92], отлита в односторонней форме, а украшения Баяновского могильника IX–X в. имеют двусторонний орнамент [32, кат. 226] (рис. 1/3)[6].

Из волжско-финского пласта древностей к IX в. относится привеска из латуни в форме трапециевидной лапы на костыльке из двух волют (рис. 2/1), найденная в 2012 г. в Раскопе 5 на Земляном городище[7] [25, рис. 46].

Волютообразные элементы весьма характерны для волжско-финских украшений. Подобная форма звеньев встречается на разных видах украшений. Волютообразными звеньями дополнена бутылковидная пронизка из Максимовского могильника [2, табл. XXVIII/8] (рис. 2/3). Они известны на треугольных подвесках (тип II по Л.А. Голубевой) из Малышевского и Елизавет-Михайловского могильников (рис. 2/2) [1, табл. 27/13; 18, рис. 2/9–10]. Аналогичным образом оформлены привески на ажурных «коньковых» подвесках с квадратным щитком из погребения 63 Подболотьевского могильника [17, табл. 20/3] (рис. 2/4) и катакомбы III Маяцкого селища [56] (рис. 2/6). Л.А. Голубева датировала вышеперечисленные подвески в рамках IX в.

Ажурная «коньковая» подвеска с волютообразными звеньями привесок, волжско-финского происхождения, была обнаружена в материалах могильника Никольское-XI Вологодской области (рис. 2/5). А.Н. Башенькин относил ее ко второй пол. IX – пер. пол. X в. [5, рис. 13].

Приток количества вещей волго-камского происхождения в Северо-Западном регионе увеличивается в X–XI вв. В Южном Приладожье этого времени встречаются трубчатые пронизки, ажурные коньковые привески, подвески-«всадники».

Фрагмент трубчатой пронизки с лапчатой привеской (рис. 2/7)[8] происходит из раскопок Е.А. Рябинина на Земляном городище Старой Ладоги из нижней части гумусированного слоя стратиграфических горизонтов Г нижнее (XII в.) – Д верхнее (X–XI вв.) [42, с. 10–11, рис. 48].

Аналогичные украшения, дополненные трапециевидными и бутылковидными шумящими привесками, известны в погребениях Юго-Восточного Приладожья, в материалах могильников Карлуха на р. Оять и Воскресенский ручей на р. Паша, а также в Карелии, в могильнике Хелюля. Трубчатые пронизки (рис. 2/8), происходящие из кургана LXXXI могильника Воскресенский ручей X – нач. XI в. [10, табл. I/7; 28, с. 155] и могильника Хелюля X в. [26, с. 20, табл. 3/12], украшены по верху волнистыми линиями (рис. 2/10). Рубчатая трубочка, дополненная рядами шариков, была найдена в завернутом в бересту комплексе вещей, относящемся к трупосожжению 1 кургана 6 могильника Карлуха (рис. 2/9) [39, табл. IX, рис. 4; 30, с. 21]. Отсюда же происходят превращенная в фибулу подвеска-«всадник», речь о которой пойдет ниже, прорезные пластинчатые подвески-«уточки» приладожского типа, бронзовые пронизки и бусы лимонки, «что склоняет к решению датировать украшение концом X – началом XI в.» [29, с. 39–40]. Ближайшая аналогия пронизке из Карлухи происходит с мерянского городи-

5 ПКМ, ед. хр. 11370/2.

6 Место хранения – Пермский краеведческий музей (далее – ПКМ), ед. хр. 21015/158, 21015/159.

7 По полевой описи № 1489

8 СЛМЗ, ед. хр. КП 94.161 А-2/15

ща Попово [50, табл. XXX, 19]. Схожие изделия известны в мордовских и муромских могильниках: Пановском [1, табл. 4/3; табл. 14/11], Лядинском [2, стр. 5, табл. 4/8], Максимовском [2, табл. XXVII/4] и пр.

Из кургана CIII могильника Подъелье происходит ажурная «коньковая» подвеска с прямоугольным щитком (вариант 6, по Л.А. Голубевой) [10, табл. I/5] (рис. 2/11). Курган относится к раннему этапу существования приладожской курганной культуры и датируется X – нач. XI в. и помимо финских металлических украшений содержит скандинавские парные овальные фибулы [28, с. 171; 35, с. 144]. Эта подвеска наиболее схожа с украшениями из Крюково-Кужновского и Лядинского могильников, датированных Л.А. Голубевой X–XI вв. [17, с. 50].

Что же касается изделий Прикамья, то импорты X – нач. XI в. не менее выразительно представлены на территории Карелии (могильники Челмужи, Кокорино, Видлицы), Юго-Восточного Приладожья (могильники Карлуха, Сязнега, Исаково, Усадище, Заозерье, Подъелье) и Приневья (Вырица) [41, с. 20–21, кат. 168–170, 224–235; 17, с. 44]. В состав погребального инвентаря Приладожских курганов входили одни из ярких отличительных изделий культуры Предуралья – подвески-«всадники» (рис. 1/5) и биконьковые подвески (рис. 1/6–8).

В погребении по обряду трупоположения в кургане 6 могильника Заозерье, датированного началом XI в., двуглавые коньковые подвески вариантов 2–3 VI типа, по Л.А. Голубевой, были на цепочках прикреплены к скорлупообразным фибулам (тип 51) [28, с. 196]. Адаптация прикамских изделий к приладожским традициям прослеживается и на примере подвесок-«всадников». Подвеска из погребения 1 кургана 6 могильника Карлуха оснащена иглой и замком [39, табл. IX/3], «т.е. использовалась в качестве одежной застежки, утратив свое первоначальное назначение» [41, с. 25]. По классификации Е.А. Рябинина, подвески-«всадники» относятся к типу XI варианту 1. Основная масса находок происходит из комплексов начала XI в. Более широкую дату – X – нач. XI в., имеет комплекс вещей, найденный на р. Капше (между д. Исаково и Усадище) [41, с. 26; 28, с. 71].

Кроме зооморфных подвесок, к числу прикамских импортов относится и якорьковая подвеска из кургана 3 могильника Шангеничи-село. В кургане было совершено захоронение по обряду трупоположения в могильной яме, в верхней части заполнения которой находились несколько сопроводительных комплексов вещей, завернутых в бересту и мех. В двух свертках находились финские украшения, а в последнем, вместе с 16 западноевропейскими монетами и биллоновыми браслетами с завязанными концами, обнаружена якорьковидная подвеска с двумя подвешенными на цепочках утиными лапками [30, с. 67, рис. 29/4] (рис. 1/9). Монетные находки указывают, что погребение не могло быть совершено раньше третьей четверти XI в. Якорьковидная подвеска относятся к типу II.2.2, по Н.Б. Крыласовой, отмечающей особую характерность этой разновидности вещей для региона Пермского Предуралья [31, с. 222, 223].

Через импорты на Северо-Западе Руси представлен и последующий период развития украшений Волго-Камского региона – конца XI – XIII в.

Изделия родановской, чепецкой и вымской культур этого времени отличаются массивными привесками на щитковых звеньях, обильным декором из ложной зерни, жгутовых поясков, косоплеток, тордированной проволоки.

К таковым относятся обнаруженные на Северо-Западе весьма разнообразные арочные подвески, две из которых (рис. 3/1–3) были найдены в курганах на р. Паше в Юго-Восточном Приладожье [10, с. 121, табл. III/3, с. 126, табл. VII/8]. Первая арочная подвеска из белой бронзы происходит из женского трупоположения 1 кургана XCI могильника Кирилино, которое С.И. Кочкуркина находит возможным датировать XI–XII вв. [28, с. 161]. Вторая находилась рядом с погребением по обряду трупоположения

в кургане СХ могильника Саньково на р. Шижне (приток р. Паша). Курган датируется XII в. [28, с. 182–183]. Стилистика находок из Юго-Восточного Приладожья не вызывает сомнения о принадлежности их к изделиям, характерным для Предуралья. Ближайшие аналогии подвеске с шестью шариками в центре из Кирилино происходят из Жигановского могильника в Повымье [44, рис. 31/7] и с Ортинского городища на р. Печоре [55, рис. 51/1, с. 73]. Идентичные находки подвеске из Саньково среди камских материалов выявлены не были.

На сегодняшний день единственная арочная подвеска (рис. 3/3), найденная в Людином конце Новгорода, является самой западной находкой украшений такого вида [53, рис. 3/2], по классификации А.В. Вострокнутова, это изделие можно отнести к типу 3 – арочные подвески с шатоном для вставки [12, с. 13].

Из Старой Ладоги происходит шумящая пронизка (рис. 3/4), верхняя часть которой имеет шарообразную форму, а нижняя – коническую. Аналоги известны в Пермском Предуралье (коллекция А.Е. и Ф.А. Теплоуховых) [48, табл. X/7; 7, рис. 203/58.59], бассейне р. Чепцы (Качкашурский и Кузьминский могильники, городище Иднакар) [20, рис. 55/10, 13–15; 22, рис. 9/13–14].

На Северо-Западе Руси известны фигуративные украшения Предуралья этого времени – полые орнитоморфные подвески (рис. 3/5–7). В оформлении таких украшений наблюдается устойчивое сочетание признаков. Помимо размещения привесок поперек корпуса на переднем крае, наличия щитковых звеньев и привесок бубенчиков, единство присутствует и в орнаментации находок — жгутовые пояски (часто с насечками) украшают туловище и шею изделий. На Северо-Западе эта разновидность полых подвесок была найдена в кургане у д. Дубровна [41, кат. 554, табл. XIX/3] и в городском слое Новгорода [54, рис. 2/1; 37, рис. 3/2].

Верхнее Поволжье в конце XI–XIII вв. находилось под влиянием древнерусской колонизации. Однако местная культура продолжала свое развитие, выразившееся в наличии регионально своеобразных категорий вещей, которые в свою очередь попадали в материалы памятников древнерусского Северо-Запада.

Треугольные каркасные подвески «с круглым основанием и шумящими привесками» [43, с. 194], (рис. 3/17–20) считаются поздней разновидностью «мерянских» украшений [18, с. 118–119; 43, с. 131]. Е.А. Рябинин рассматривал их как относящиеся к «местным чудским древностям» Костромского Поволжья [43, с. 194]. Аналогичного мнения придерживалась Л.А. Голубева, обозначившая эти изделия как IV тип.

В кургане 3 могильника Видлица такая подвеска (рис. 3/19) находилась в женском погребении 1 в деревянном гробовище вместе с четырьмя западноевропейскими монетами XI в. и подвеской-«всадником на змее» [39, с. 14–15, табл. V/12; 18, с. 118; 28, с. 236]. Треугольные подвески происходят также из кургана 2 могильника между д. Кузнецы и Чалых [10, с. 97, табл. VII/6] (рис. 3/17), датированного С.И. Кочкуркиной и А.М. Линевским XI–XII вв. [30, с. 9], и из слоя Новгорода второй половины XII в. [13, рис. 5/2] (рис. 3/18). Обломок треугольной подвески известен и в Старой Ладоге (рис. 3/20)[9].

Из упоминавшегося кургана 2 могильника между дд. Кузнецы и Чалых происходит схожая с волжскими украшениями круглая подвеска [10, табл. III/8] (рис. 3/16), аналогия которой известна в материалах Костромских курганов [3, табл. 2/2].

Стоит остановиться на такой категории находок, как конические подвески (рис. 3/8–15). Корпус изделий украшается рельефными поясками, часто волнистыми линиями и волютами, на нижнем крае расположены две-три петли для шумящих привесок. А.А. Спицын относил данные украшения к изделиям «чудского характера» и отмечал,

9 СЛМЗ, ед. хр. НВФ-731 А-1/109

что «подобные подвески в очень малом количестве экземпляров найдены в курганах костромских и приладожских» [49, с. 22]. Е.А. Рябинин писал, что «конические подвески с двумя шумящими привесками входят в обращение в XII–XIII вв. Ареал этих украшений обширен, хотя и не охватывает территории к западу от р. Волхов» [43, с. 131]. В целом конические подвески – это типичное изделие для Верхнего Поволжья и Белозерья. Раскопки Н.М. Бекаревича показали, что они как раз весьма многочисленны в костромских курганах[10]. В памятниках Северо-Запада они малочисленнее и наряду с описанными выше треугольными подвесками маркируют пласт вещей, поступавших с Северо-Востока Руси. Эти украшения в Приладожье происходят из курганов на р. Оять у д. Кургино, Кяргино-Гарняки [30, с. 106, рис. 43/3; с. 140–141, рис. 63/1–2], д. Кирилино на р. Паша [10, с. 121, Табл. III/17], из жальничных погребений могильников у д. Раглицы в Верхнем Полужье [47, с. 347, рис. 3], д. Беседа Ижорского плато [49, с. 96; табл. VIII/5] и Бор III в бассейне р. Волмы [52, рис. 3] и Новгорода [38, рис. 2/12]. Самой северной на сегодняшний день является находка из д. Софпорог в Северной Карелии [27, рис. 4] (рис. 3/15).

Характерными для региона Волго-Камья на протяжении IX–XIII вв. являлись подвески, в оформлении которых использованы волюты. В историографии не сложилось их единого наименования: Е.А. Рябинин назвал подобные изделия «многоспиральными», А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова – «умбоновидными».

Из Старой Ладоги происходит одна такая подвеска в форме двойной волюты, над которой расположена дужка (рис. 4/3)[11]. Г.А. Архипов называл подобные украшения – подвесками «в виде парных спиралевидных кружков (очковидные)» [4, с. 41], А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова относили к «умбоновидным». Староладожская находка, из напластований X–XII вв., схожа с украшениями из д. Михалева и погребений 191, 230, 250 Аверинского могильника в Верхокамье [48, XVII/4; 14. табл. XVIII/7–8], Варнинского могильника и городища Иднакар в бассейне р. Чепцы [20, рис. 29/1; 21, рис. 27/20], а также Юмского могильника в Поветлужье, датированного X–XI вв. [4, 1973, рис. 51/21]. Р.Д. Голдина относила подобные изделия к Урьинской стадии ломоватовской культуры (кон. VIII–IX вв.) [14, рис. 16/133]. В то же время в работе, посвященной хронологии Агафоновского II могильника, Р.Д. Голдина и Т.К. Ютина рассматривали «пенсневидные» подвески как характерные для погребений, относящихся к XI в. [16, с. 44, рис. 2/82]. М.Г. Иванова относила иднакарское изделие к предметам кон. IX – нач. XI в. Из Поповского городища (VI–X вв.) в Верхневолжье происходит «очковидная» подвеска, но с более крупными волютами и менее высокой дужкой по сравнению с ладожской находкой. А.Е. Леонов, характеризуя вещевой материал данного памятника, отмечал, что «среди шумящих подвесок очковидные являются едва ли не самой распространенной формой подобного рода украшений. В IX–XI вв. они известны на большой территории – от Верхнего Прикамья до Приладожья. Однако большинство экземпляров происходит из марийских могильников указанного времени в бассейнах Ветлуги и Вятки» [34, с. 81].

Другая разновидность «очковидных» подвесок – украшение из двух крупных волют с невысокой дужкой и тремя-четырьмя петлями для привесок на нижнем крае, происходит из одного из погребений по обряду трупоположения кургана 14 могильника Новосельск на р. Паша в Юго-Восточном Приладожье (XI в.) [29, с. 39, табл. 4/13; 40, кат. № 227] (рис. 4/3) и жальника XII в. Раглицы в Полужье [47, рис. 3] (рис. 4/2). Схожие украшения происходят из могильника Большое Молочное в Верхневолжье [33,

10 Место хранения – Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее – КИАХМЗ), ед. хр. 15454/33, 42, 45, 46; 15455/24; 15467/7; 15468/4, 5; 15469/30; 15481/9Б, 28Б, 53; 15484/2.

11 СЛМЗ, ед. хр. КП-90670 А-17309

рис. 10/25], Веселовского могильника в Поветлужье [4, рис. 51/7] и из Аверинского могильника, д. Зародята в Прикамье [14, табл. XVIII, 12] и пр.

Из курганов у д. Котино на Ижорском плато [49, табл. XIII/11] (рис. 4/5) и кургана 19 могильника Шангеничи-лес в Приладожье [30, рис. 23/6] (рис. 4/4) происходят подвески, представляющие собой пирамидки из трех волют. Такие изделия характерны для Верхнего Поволжья[12] [3, рис. 2; 43, рис. 52/9], находки известны также из памятников Прикамья и Повымья [14, табл. XVIII/10, 13, 15, 16; 44, рис. 30/24–26]. В подвеске из кургана 11 у д. Новинки (рис. 4/6) очевидны стилистические особенности, проявляющиеся в изделиях Прикамья с конца XI в. – подвески дополнены цепочками на массивных щитковых звеньях, а сами спиралевидные элементы становятся выпуклыми [30, с. 15].

Украшения в форме одного крупного умбона с привесками по нижнему краю также представлены на Северо-Западе Руси разными вариантами. Этот вид украшений часто встречается как декор обуви в могильниках Поветлужья [4, с. 40]. Согласно реконструкции Н.Б. Крыласовой, аналогичные изделия украшали поясные сумочки (группа BII) населения Пермского Предуралья [31, с. 228]. Как отмечают А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова, «умбоновидные подвески... стали распространяться в Пермском Предуралье и на Чепце с IX в., но наиболее массово встречаются в X–XI вв.» [8, с. 131]. Из Приладожского кургана с трупосожжением Яровщина 6 происходит украшение «в виде спирального круга с плетеным жгутом по краю и подвешенными лапками по всей окружности» [29, с. 38] (рис. 4/2). Изначально комплекс был отнесен С.И. Кочкуркиной к X–XI вв. [29, с. 38], впоследствии дата была скорректирована в рамках нач. XI в. [28, с. 103]. Аналогии изделию известны из Волго-Окского междуречья [2, с. 53, XXIX/3; 43, рис. 47/5], Поветлужья [4, рис. 51/1-3, 5]. Очевидно, в качестве импортов подобные украшения поступали и на земли Заволочья [43, рис. 35/13; рис. 36/9–10; рис. 37/2–3].

Оформление изделий изменялось во времени, так к наиболее поздним вариантам относится находка из верхнего перемешенного слоя Раскопа 4 (2006 г.) на Земляном городище Старой Ладоги (рис. 4/8)[13]. Конусовидный корпус изделия состоит из спирали, по окружности украшенной треугольниками ложной зерни. Сам умбон также декорирован треугольниками и ромбами ложной зерни. На нижнем крае помещены четыре петли для привесок. Обильный декор и количество петель свидетельствуют о поздней дате украшения. Ближайшие аналогии подвеска обнаруживает в изделиях из погребения 6 Огурдинского могильника в Пермском Предуралье [8, рис. 5/40], Качкашурского и Омутницкого могильников на р. Чепце [20, рис. 29/7; 46, рис. 4/8].

Еще одна важная разновидность украшений, которая характеризует волго-камские импорты, – пронизки со вздутиями. Е.А. Рябинин отмечал, что данная «разновидность украшений была широко известна от Приладожья до области расселения пермских племен» [43, с. 131]. Впрочем, несмотря на широкую территорию распространения, данные украшения наиболее характерны для Прикамья. Отчасти их форма схожа с ф-видными пронизками, распространенными на Северо-Западе (преимущественно у корелы), однако стилистические особенности этих изделий (орнамент на корпусе и форма привесок) всегда указывают на регион происхождения.

Из кургана на левом берегу р. Паши у урочища Царевщина (курган CVIII) происходит трубчатая пронизка (рис. 4/9) с тремя утолщениями [10, с. 126, табл. III/18; 28, с. 172]. Корпус пронизки покрыт желобками, утолщения гладкие. Находка была отнесена к украшениям X–XI вв. [50, табл. XVII/27]. Аналогичные изделия были распространены в Прикамье и известны в Урьинском, Агафоновском, Висимском могильниках [14, табл. XXIV/54] и др.

12 КИАХМЗ 15452/60; 15453/5;

13 СЛМЗ, ед. хр. КП 98498/941.

Более поздние разновидности пронизок со вздутиями известны на селище Бор IV (XI–XIII вв.) (рис. 4/10) в среднем течении р. Волмы [51, рис. 4] и Новгорода (рис. 4/11, 12). Одна из новгородских находок (рис. 4/11), принятая М.В. Седовой за игольник, происходит из слоя XIII в. [45, с. 35, рис. 7/5], еще одна (рис. 4/12), обозначенная Л.В. Покровской как ф-образная пронизка, относится к XIV в. [36, рис. 1/6]. Такие украшения часто встречаются в памятниках Прикамья [48, табл. X/1, 23] Повымья [44, рис. 29/79, 80, 82, 84, 88].

Представленный обзор находок показывает стабильное поступление волго-камских импортов на Северо-Запад в эпоху раннего и развитого средневековья и устоявшуюся связь между двумя указанными регионами. Немногочисленность этих находок свидетельствует о том, что они не были связаны с миграциями групп населения с северо-востока и оставались единичными импортами, связанными с путями транзитной меховой торговли [9]. Население Северо-Запада Руси достаточно легко перенимало отдельные элементы и мотивы костюмного убора соседей [36, с. 163, 165]. Впрочем, украшения Волго-Камья не получили ярко выраженного развития в рамках местной культуры. Однако нельзя не отметить, что в композиции и декоре некоторых зооморфных подвесок Севера Руси прочитывается контаминация изобразительных традиций Приладожья, Поволжья и Прикамья.

Список литературы

1. Алихова А.Е. Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П.П. Иванова за 1927–1928 гг.). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969.

2. Альбом древностей мордовского народа. Саранск: Мордов. НИИ, 1941.

3. Анучин Д.Н. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах // МАВГР. Т. III. М., 1899. С. 237–259.

4. Архипов А.Г. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1973.

5. Башенькин А.Н. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 5–35.

6. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд. дом Баш. гос. пед. ун-та, 2009. 285 с.

7. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПГПУ, 2008.

8. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. Пермь: ПГПУ, 2012.

9. Богуславский О.И. Южное Приладожье. Историко-культурные регионы и их взаимодействие // Древности Поволховья. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. С. 83–104.

10. Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18. СПб., 1895. 156 с.

11. Волковицкий А.И. Еще раз о поясном наборе из сопки № 140 // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 9–12.

12. Востроκнутов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв. н. э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.06. / Барнаул, 2016.

13. Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Исследования на территории Воскресенской слободы Великого Новгорода в 2013 году (раскопы Алексеевский 3 и Алексеевский 4) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 62–71.

14. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985.

15. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье // Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990.

16. Голдина Р.Д., Ютина Т.К. Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск: УдНИИ, 1987. С. 39–61.

17. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров / САИ. Вып. Е1–59. М.: Наука, 1979.

18. Голубева Л.А. К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С. 110–124.

19. Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966. № 3. С. 80–98.

20. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998.

21. Иванова М.Г. Городище Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯК, 1998.

22. Иванова М.Г. Городище Иднакар IX–XIII вв. Материалы исследований территорий между валами (1989–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯК, 1999. С. 4–55.

23. Казанский М.М. Курганы Старой Уппсалы и «Восточный путь» // Новгород и Новгородская земля. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 125–137.

24. Кирпичников А.Н. Отчет об археологических раскопках Староладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в пос. Старая Ладога в 1989 г. Л., 1990. Рукописный архив ИА РАН.

25. Кирпичников А.Н. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2012 г. Альбом иллюстраций. СПб., 2013.

26. Кочкуркина С.И. Археологические памятники Корелы V–XV вв. Л.: Наука, 1981. 160 с.

27. Кочкуркина С.И. Новые археологические находки эпохи средневековья в Северной Карелии // РА. 2008. № 4. С. 128–129.

28. Кочкуркина С.И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск: Карелия, 1989.

29. Кочкуркина С.И. Юго-Восточное Приладожье в XI–XIII вв. Л.: Наука, 1973.

30. Кочкуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985.

31. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2007.

32. Кулябина Н.В. Наследие камской чуди: Пермский звериный стиль: из собрания Пермского краеведческого музея: каталог. Пермь: ПКМ, 2013.

33. Леонтьев А.Е. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 18–66.

34. Леонтьев А.Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции). М.: ИА РАН, 1989. С. 5–105.

35. Назаренко В.А. Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Межвузовский сборник. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1982. С. 142–147.

36. Покровская Л.В. Привески Людина конца средневекового Новгорода: хронология (По материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. Вып. 18. Великий Новгород, 2004а. С. 161–174.

37. Покровская Л.В. Финно-угорский компонент в новгородской материальной культуре (по археологическим данным) // Новгородская земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 37–47.

38. Покровская Л.В. Ювелирные украшения Людина конца Средневекового Новгорода: хронология (по материалам Троицкого раскопа) // Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород, 2004б. С. 151–160.

39. Равдоникас В.И. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. 1934. Вып. 94.

40. Русь и Балтика в эпоху викингов: археологические коллекции Государственного Эрмитажа. Каталог выставки / сост. Б.С. Короткевич, сост. Т.Б. Сеничeнкова, сост. М.Д. Кузнецова. СПб.: Славия, 2006.

41. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-60. Л.: Наука, 1981.

42. Рябинин Е.А. Отчет о полевых исследованиях Староладожского Земляного городища в 1982 г. Ленинград. 1983. Рукописный архив ИА РАН.

43. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.

44. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987.

45. Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.

46. Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: УдНИИ, 1985. С. 92–118.

47. Соболев В.Ю., Торопов С.Е. Комплекс памятников у деревни Раглицы в Верхнем Полужье: история и перспективы изучения // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 345–355.

48. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. № 26. СПб., 1902.

49. Спицын А.А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // МАР. № 20. СПб., 1896.

50. Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М.: Наука, 1987. 512 с.

51. Фролов А.А. Раскопки древнерусского поселения Бор IV в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 24–32.

52. Фролов А.А., Меснянкина С.В., Торопов С.Е. Некоторые итоги археологических исследований в районе д. Заручевье – Бор (Окуловский район Новгородской области) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995. С. 71–82.

53. Янин В.Л., Е.А. Рыбина, Степанов А.М., Покровская Л.В., Сингх В.К., Тянина Е.А. Работы в Людином конце Новгорода в 2012 году (Троицкий раскоп XIII, участки Г и Г-1) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород, 2013. С. 12–19.

54. Янин В.Л., Хорошев А.С., Рыбина Е.А., Сорокин А.Н., Степанов А.М., Покровская Л.В. Работы в Людином конце Великого Новгорода (Троицкие XIII и XIV раскопы) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 20. Великий Новгород, 2006. С. 5–14.

55. Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. Т. I.. СПб.: Центр Петербургское востоковедение, 1998.

56. [Электронный ресурс]. URL: http://www.divnogor.ru/usr/files/sights/archeology/srednevekovje/selische/konkovaja_podveska._muzej_arheologii_vgu__(1).jpg (дата обращения: 14.11.2016)

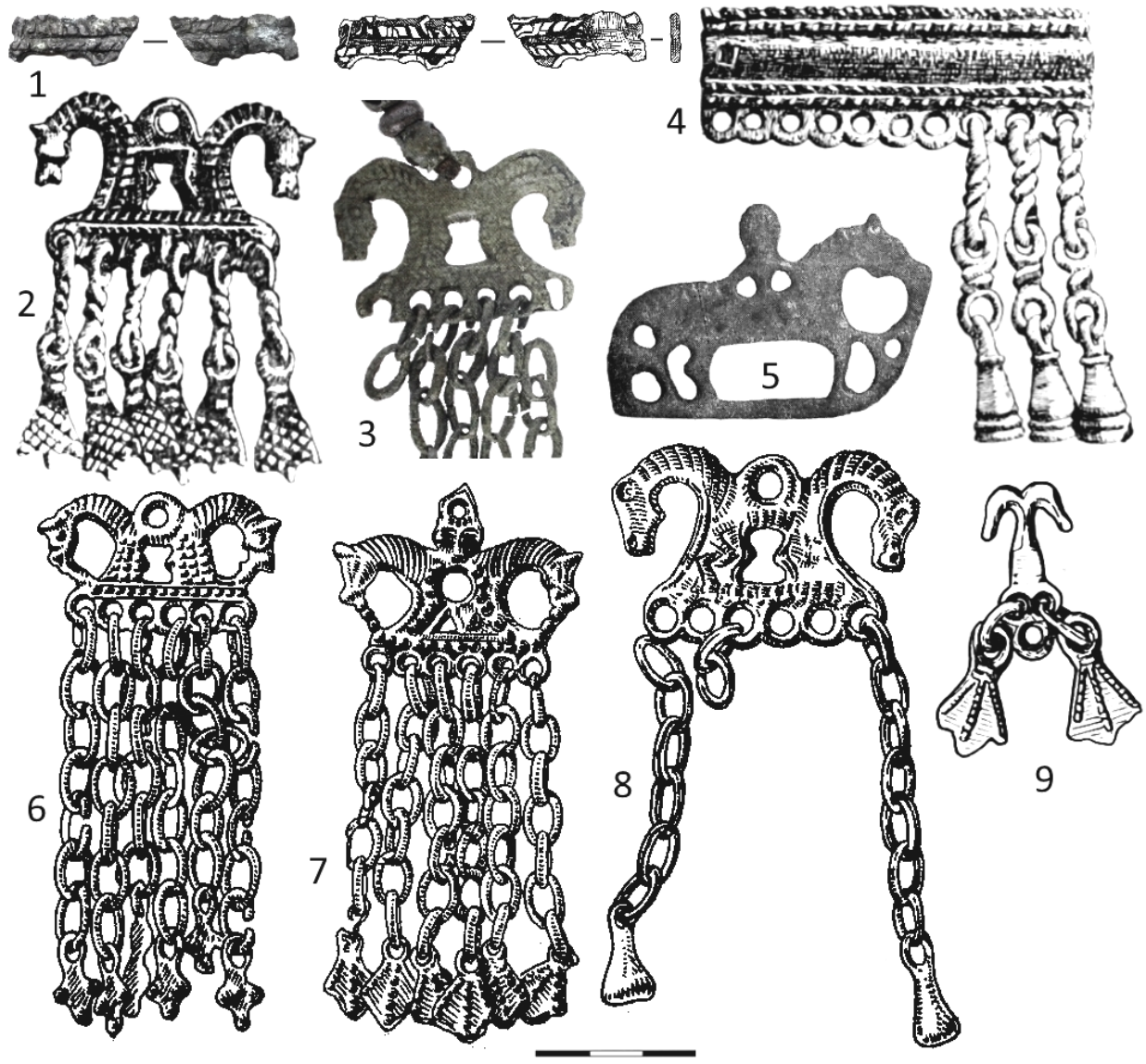


Рис. 1. Изделия Прикамья: 1 – фрагмент подвески; 2–3, 6–8 –биконьковые подвески; 5 – подвеска-«всадник»; 9 – якорьковая подвеска.

1 – Старая Ладога [СЛМЗ КП-95.374/ А-18265]; 2 – Урьинский могильник [По: Голдина, 1985, табл. XIV/8]; 3 – Баяновский могильник [По: Кулябина, 2013, кат. 226]; 4 – Висимский могильник [По: Голдина, 1985, табл. XVIII/27]; 5 – Видлица [По: Равдоникас, 1934, табл. V/10]; 6–7 – Заозерье; 8 – Подъелье [По: Рябинин, 1981, табл. VI/7-9]; 9 – Шангеничи-село [По: Кочкуркина, Линевский, 1985, рис. 29/4]

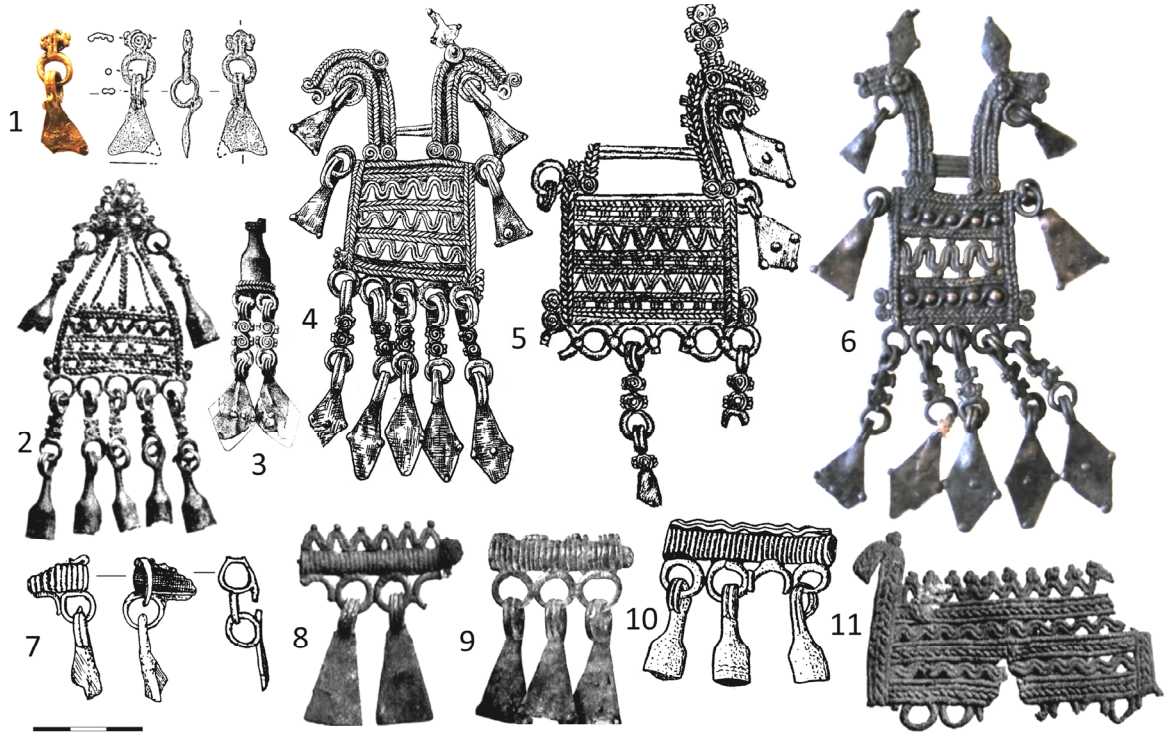


Рис. 2. Волжско-финские украшения: 1 – привеска; 2 – треугольная подвеска; 3 – бутылковидная пронизка; 4–6, 11 - зооморфные подвески; 7–10 - трубчатые пронизки.

1 – Старая Ладога [Номер по полевой описи]; 2 – Елизавет-Михайловский могильник [По: Алихова, 1969, табл. 27/13]; 3 – Максимовский могильник [По: Альбом древностей мордовского народа, 1941, табл. XXVIII/8]; 4 – Подболотьевский могильник [По: Голубева, 1979, табл. 20/3]; 5 – могильник Никольское-XI [По: Башенькин, 1997, рис. 13]; 6 – Маяцкое селище [Электронный ресурс]. URL: http://www.divnogor.ru/usr/files/sights/archeology/srednevekovje/selische/konkovaja_podveska._muzej_arheologii_vgu__(1).jpg (дата обращения 14.11.2016)]; 7 – Старая Ладога [СЛМЗ КП 94.161 А-2/15]; 8 – Воскресенский ручей [По: Бранденбург, 1895, табл. I/7]; 9 – Карлуха [По: Равдоникас, 1934, табл. IX/4]; 10 – Хелюля [По: Кочкуркина, 1981, рис. 3/12]; 11 – Подъелье [По: Бранденбург, 1895, табл. I/5].

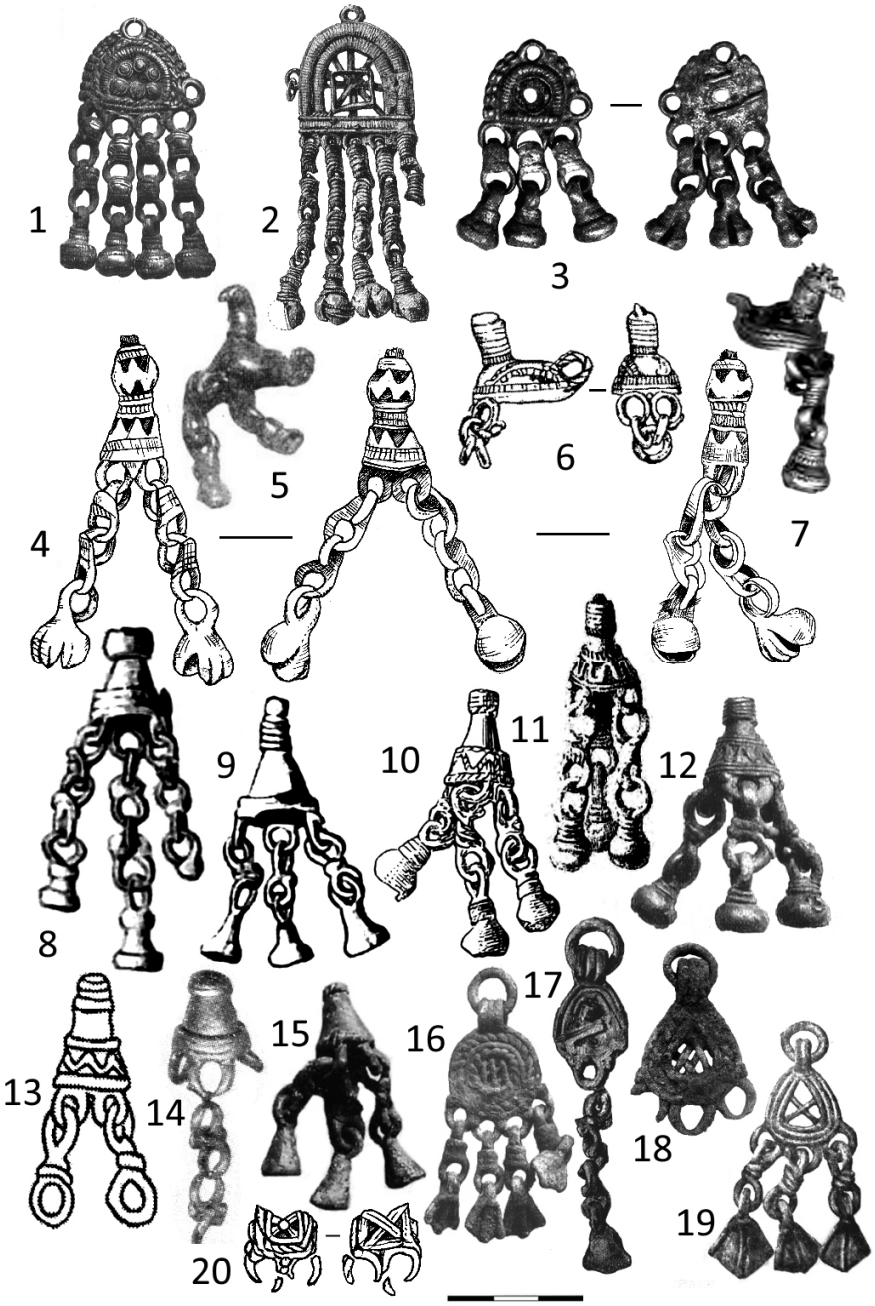


Рис. 3. Украшения Волго-Камья: 1–3 – арочные подвески; 4 – пронизка; 5–7 - орнитоморфные подвески; 8–15 – конические подвески; 16 – круглая подвеска; 17–20 – треугольные подвески.

1 – Кирилино; 2 – Саньково [По: Бранденбург, 1895, табл. III/3, табл. VII/8]; 3 – Новгород [По: Янин и др., 2013, рис. 3/2]; 4 – [СЛМЗ КП 97089 / А-19380]; 5 – Дубровна [По: Рябинин, 1981, табл. XIX/ 3]; 6–7 - Новгород [По: Янин и др., 2006, рис. 2/1; Покровская, 2009, рис. 3/2]; 8 – Кяргино-Гарняки; 10 – д. Кургино [По: Кочкуркина, Линевский, 1985, рис. 63/1–2; рис. 43/3], 11 – Беседа [По: Спицын, 1896, табл. VIII/5]; 12 – Кирилина [По: Бранденбург, 1895, табл. III/17]; 13 – Новгород [По: Покровская, 2004б, рис. 2/12]; 14 – Раглицы [По: Соболев, Торопов, 2014, рис. 3]; 15 – Софпорог [По: Кочкуркина, 2008, рисунок/4]; 16–17 – Кузнецы и Чалых [По: Бранденбург, 1895, табл. III/8; табл.VII/6]; 18 – Новгород [По: Гайдуков, Олейников, 2014, рис. 5/2]; 19 – Видлица [По: Равдоникас, 1934, табл. V/12]; 20 – Старая Ладога [СЛМЗ НВФ-731/А–1/109].

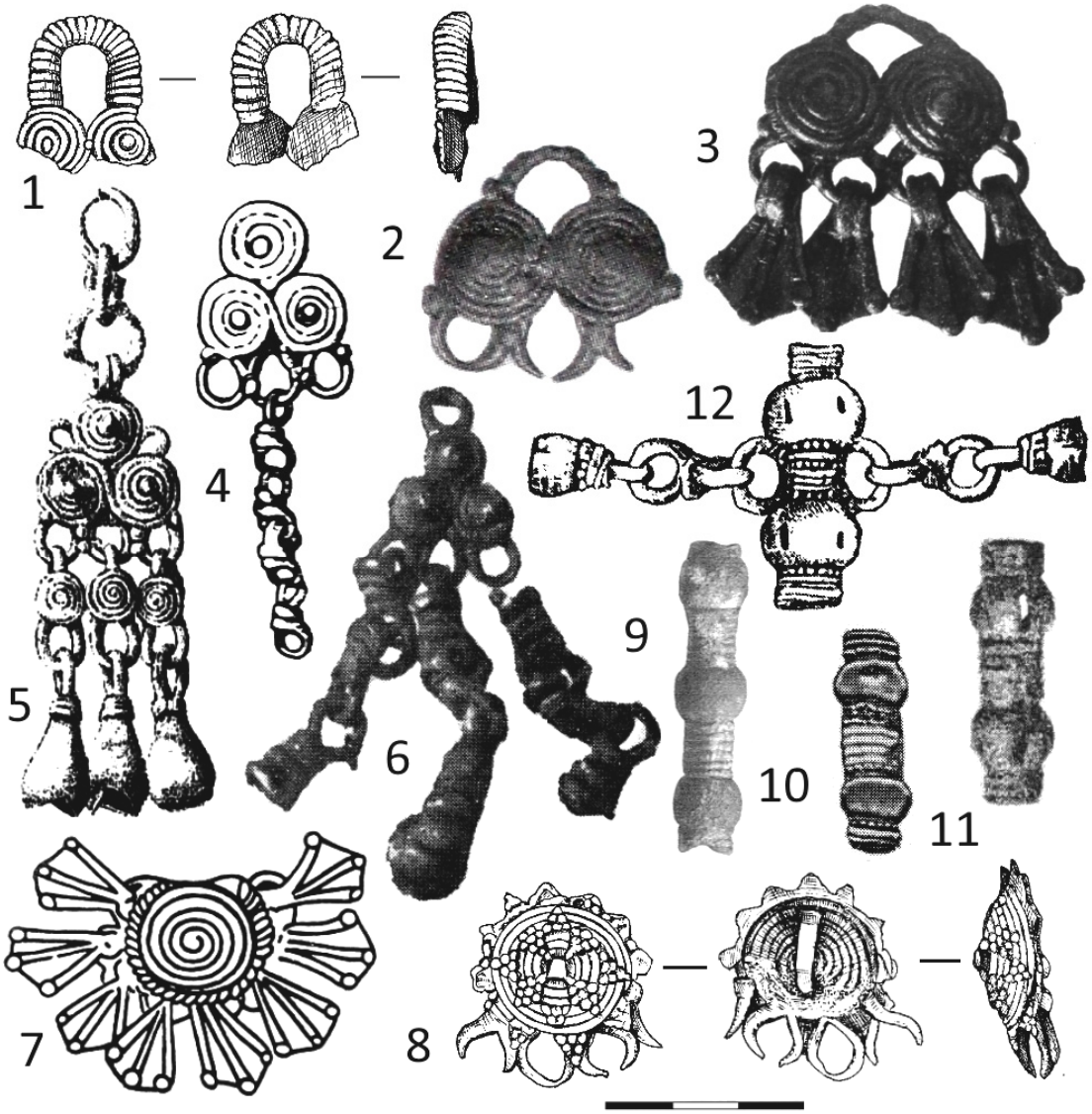


Рис. 4. Украшения Волго-Камья:

1–8 – подвески с волютами; 9–11 – пронизки со вздутиями.

1, 8 – Старая Ладога [СЛМЗ КП-90670 А-17309; КП 98498/941]; 2 – Раглицы [По: Соболев, Торопов, 2014, рис. 3]; 3 – Новосельск [По: Русь и Балтика, 2006, кат. 227]; 4 – Шангеничи-лес [По: Кочкуркина, Линевский, 1985, рис. 23/13]; 5 – Котино [По: Спицын, 1896, табл. XII/11]; 7 – Яровщина [По: Кочкуркина, 1973, табл. 4/11]; 9 – Царевщина [По: Бранденбург, 1895, табл. III/18]; 10 – Бор IV [По: Фролов, 1999, рис. 4]; 11–12 – Новгород [По: Седова, 1981, рис. 7/5; Покровская, 2004а, рис. 1/6]

Вяч. С. Кулешов
(РФ, Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург)

ЮГОРСКОЕ ОБЩЕСТВО V–XV вв.: МОДЕЛЬ САКРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ, АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В статье рассматриваются остро дискуссионные проблемы археологической атрибуции, историко-культурной реконструкции, этнической принадлежности и сакральной экономики югорского общества V–XV вв.

Ключевые слова: югра, общество, серебро, золото, меха, торевтика, нумизматика, сакральная экономика, археологическая атрибуция, Прикамье, Приуралье

Viacheslav Kuleshov
(RF, State Hermitage Museum, Saint Petersburg)

THE YUGRA SOCIETY FROM THE 5TH TO THE 15TH CENTURY: A PATTERN OF SACRAL ECONOMY, ARCHAEOLOGICAL ATTRIBUTION, AND THE PROBLEM OF LINGUISTIC DEFINITION

Sharply debatable issues of archaeological attribution, historical and cultural reconstruction, ethnic background and sacral economy of the Yugra society from the 5th to the 15th century are considered.

Keywords: Yugra, society, silver, gold, furs, toreutics, numismatics, sacral economy, archaeological attribution, Kama region, Ural region.

Югре не повезло: письменные свидетельства об этом народе и его стране не особенно многочисленны и их непросто свести в единую и непротиворечивую картину. Несмотря на выдающуюся выразительность некоторых сообщений, они до сих пор не получили исчерпывающей, убедительной и общепринятой трактовки в специальной литературе. С самого начала вхождения *югорского общества* в мировую историю и письменную традицию информация о нем была включена в мифологизированный и мифологизирующий контекст знаний о «Стране мрака», северном пределе мира, стене Александра, диких народах и подобных мифологем нордического комплекса. Тем не менее, следует самым определенным образом указать на то, что наряду с мифологическими компонентами в основе истории и динамики югорского мира лежит *непосредственная* и *вещная* реальность, археологическая и текстовая, формулу и ключевые аспекты которой я хотел бы сжато проанализировать ниже. Эту реальность — *реальность серебра и меха* — я вслед за рядом предшественников квалифицирую как *исходную* для понимания историко-культурных процессов в самых восточных и северо-восточных районах Европы, примыкающих к Уральскому хребту и прилегающих к Западной Сибири (от степи до океана), и обращаю внимание на необходимость тщательно и внимательно учитывать ее в любых историко-этнических построениях и моделях.

В предлагаемой статье проводится апология некоторых старых решений, связанных с изучением истории камско-уральского региона. Эта статья является проблемной, поэтому я ни в какой степени не ставлю задачи охватить всю имеющуюся литературу (насчитывающую сейчас многие сотни наименований) и проанализировать и сопоставить все высказанные к настоящему моменту точки зрения: во многих новейших публикациях это сделано полнее. Тем не менее, даже наиболее свежие, концептуальные

и полемические работы по разным причинам не преодолевают интерпретационный барьер, ощутимо ограничивающий общее и базовое понимание того феномена, для которого я (по аналогии *с* и вслед *за* «угорской эпохой» А.М. Белавина, В.А. Иванова, Т.Б. Крыласовой, их коллег, учеников и оппонентов) использую термин «югорское общество». Я глубоко убежден, что динамика, экономика (речь, конкретнее, пойдет о *сакральной экономике*) и внешние связи этого общества составляют содержание истории Верхнего Прикамья и Приуралья эпохи средневековья. Процитирую в этой связи следующую удачную формулировку А.В. Збруевой: «Начиная со второй половины I тысячелетия н. э., на Верхней Каме формировалось и жило богатое и сильное племя, которое вело торговлю с Ираном и Средней Азией, откуда оно получало серебряные блюда и сосуды, вероятно, в обмен на высоко ценимые на юге меха соболей, черно-бурых лисиц и других пушных зверей» [21, с. 206–207].

1

В последнее десятилетие в области изучения древностей Прикамья вспыхнул спор, для точного описания которого требуется строго разделить две омонимичные лексемы (*пермский*$_1$ и *пермский*$_2$)[14]. Некоторое представление о дискуссии, разгоревшейся вслед за статьями [6; 25] и особенно после издания книги [8], дают полемические публикации [32; 30; 7; 35; 26; 19; 22; 23]. Налицо пермско$_1$-ижевская (с важными оговорками, касающимися ряда пермских$_1$, уфимских и казанских специалистов) контроверза между сторонниками противоположных взглядов на этническую и языковую принадлежность населения Верхнего Прикамья и Приуралья эпохи средневековья — пермской$_2$ гипотезы (в варианте Р.Д. Голдиной [16; 17], обобщившей взгляды предшественников, начиная с М.В. Талицкого, и поддержанной С.К. Белых и В.В. Напольских) и угорской гипотезы (в основном продолжающей атрибуцию, восходящую к Ф.А. Теплоухову и А.В. Шмидту, но подкрепленную новыми наблюдениями на базе возросшего археологического материала). Согласно последней гипотезе (в удачной формулировке ее оппонента И.Ю. Пастушенко), «в истории Прикамья довольно длительный отрезок времени, сопоставимый с понятием „эпоха“, был связан преимущественно с угорскими (угроязычными) племенными образованиями, игравшими в истории региона главенствующую роль и господствовавшими в политических и этнических процессах, происходивших в Прикамье» [35, с. 144].

В процитированной статье «в качестве базового плана для антитезы „угорской теории“» [35, с. 144] И.Ю. Пастушенко критически рассматривает и решительно отвергает «более-менее полный и структурированный список признаков материальной и духовной культуры „угров“», предложенный Н.Б. Крыласовой [25]. Согласно его заключению, «утверждать о существовании в Прикамье (Приуралье, Предуралье, Волго-Уралье) „угорской эпохи“ на основе археологических данных нет абсолютно никаких оснований. <...> Таким образом, тезис об „угорской эпохе в Прикамье“ является вымыслом» [35, с. 149].

---

[14] Пермский$_1$ — ‘имеющий отношение к городу (региону, краю…) Перми’: Пермский$_1$ край, Пермский$_1$ государственный педагогический университет, Пермский$_1$ краеведческий музей, пермский$_1$ звериный стиль. Пермский$_2$ — ‘имеющий отношение к генетически близкородственным идиомам (удмуртским диалектам и диалектам/языкам коми), восходящим к общему языку-основе и формирующим сейчас группу в рамках уральской языковой семьи’: пермская$_2$ группа языков, пермская$_2$ языковая принадлежность, пермский$_2$ язык-основа (прапермский$_2$ язык), финно-пермский$_2$ праязык (в компаративистике — уровень реконструкции, объединяющий западные ветви финно-угорских языков в противопоставлении праугорскому).

Особенность подхода И.Ю. Пастушенко заключается в том, что в силу полемической заостренности он (1) образцово негативен (в противном случае следовало бы прямо приписать «угорским маркерам» пермскую[2] принадлежность и дополнительно аргументировать ее, что могло бы стать важным вкладом в проблематику) и (2) не учитывает того факта, что речь идет о *культурном комплексе*, а не о случайном сочетании случайных признаков, имеющих случайные параллели. Я не сомневаюсь в том, что обсуждение этой узловой проблемы будет продолжено, а сам список «культурных маркеров» будет расширен, уточнен и детальнее обоснован — прежде всего, за счет более систематического привлечения сибирских и среднеазиатских данных (в конце концов, в этом и состоит ключевая задача исторической интерпретации археологических материалов).

В числе отвергаемых И.Ю. Пастушенко диагностических признаков угорской культуры фигурируют и «святилища („клады“ художественного металла)», относительно которых «традиционно считалось, что серебряная посуда, поступавшая в Приуралье и Зауралье в обмен на пушнину, использовалась местным населением в культовой практике, а такие комплексы, как Бартымские находки, в литературе интерпретировались как святилища. При этом авторы ссылались на наличие у ряда предметов граффити, нанесенных местным населением, отверстий для подвешивания, но в первую очередь — на этнографические данные[15]» [35, с. 146–147; 20, с. 143]. Опираясь на заключения В.Ю. Лещенко, авторы склоняются к имущественной, а не религиозной интерпретации предметов драгоценной торевтики [35, с. 147; 20, с. 117].

Каковы эти заключения? Согласно В.Ю. Лещенко,

(1) «было бы ошибочным полагать, что из факта нанесения на некоторые сосуды врезанных рисунков сам по себе вытекает вывод о культовом назначении этой группы предметов» [49, с. 176]

(2) «поскольку утварь культового назначения ограничена блюдами с врезанными шаманскими рисунками и пробитыми по бортику отверстиями, то привлечение западносибирских этнографических параллелей к другим сосудам будет неправомерным» [49, с. 186],

(3) «подход ко всей массе импортного серебра как к предметам заведомо культового характера не подтверждается материалом» [49, с. 188].

Здесь нет возможности подробно разбирать аргументацию В.Ю. Лещенко (при необходимости это можно сделать отдельно), но совершенно очевидно, что он недопустимо узко понимал предикат *культовый* и наивно верил в то, что этот *функциональный признак во всех случаях обязан иметь формальное выражение* в виде элементов вторичного формообразования (граффити, отверстий, намеренной деформации) на предметах. Этот принцип был вполне ожидаемо опровергнут этнографическими наблюдениями над вещевыми комплексами угорских святилищ, проведенными в последние десятилетия И.Н. Гемуевым, А.М. Сагалаевым и А.В. Бауло и давшими поразительный материал [14; 15; 12; 4 и др.]. Как признают И.Ю. Пастушенко и Р.Д. Голдина, «культовое использование серебряных сосудов <…> можно считать достоверным и полностью доказанным <…> для обских угров (ханты и манси), о чем свидетельствуют многочисленные этнографические данные» [35, с. 147; 20, с. 143].

Я полагаю, что вывод В.Ю. Лещенко об отсутствии культового статуса у подавляющего большинства прикамских и приуральских находок драгоценной утвари следует самым решительным образом отвергнуть как недостоверный и ошибочный (дополнительные соображения будут сформулированы ниже). Конечно, это не исключает необходимости вновь и вновь обращаться к конкретным функциональным атрибуциям

[15] Здесь у И.Ю. Пастушенко следует ссылка на классическую работу В.Н. Чернецова [43].

конкретных комплексов — вотивных кладов, кладов-накоплений и единичных приношений на святилищах и в культовых зонах поселений. Итак, по-прежнему нет никаких препятствий на пути некогда общепринятого (со времен И.А. Орбели, К.В. Тревер, В.Н. Чернецова, О.Н. Бадера, А.П. Смирнова, А.В. Збруевой, позднее — Б.И. Маршака и др.) сопоставления раннесредневекового археологического феномена с этнографическим и фольклорным материалом (мифологическим эпосом, гимнами и нарративами) современных угров.

В чем полностью правы В.Ю. Лещенко, Р.Д. Голдина [49, с. 188; 17, с. 117] и другие авторы, так это в том, что «сокровища угорских князей» (по удачной формуле Н.В. Федоровой)[16] действительно наделялись высшим ценностным статусом и служили знаком принадлежности их *хранителей* к высшей аристократии. В русских текстах XV–XVII вв. представители этого класса титуловались *князьями* [5, с. 34–38], а в текстах более раннего времени — *къметями*[17]. В силу сказанного, предметы из драгоценных металлов (сосуды, украшения, монеты и платежные слитки) *одновременно и в равной степени* являются материальными памятниками и источниками для реконструкции религиозной жизни, экономики, политогенеза и территориальной динамики общества, ареал которого они очерчивают.

На последний факт нужно вновь (вслед за Ф.А. Теплоуховым, А.В. Збруевой и др.) обратить особое внимание: область находок предметов из серебра и золота для раннего хронологического этапа (вторая половина I тыс. н. э.) отмечена четкими внешними границами (особенно на западе и юго-западе), выраженно коррелирует с восточноевропейской зоной находок предметов культового литья в пермском$_1$ «зверином стиле» и строго соответствует ареалу памятников, относящихся к свите археологических культур, групп и горизонтов, получивших разные названия (харинская, неволинская, ломоватовская, поломская а. к.), но отражающих единый историко-культурный феномен.

Суть этого феномена заключается в возникновении и развитии в эпоху Великого переселения народов на таежно-степных пограничьях общества нового типа, включившегося в систему международных торговых связей по схеме «серебро за меха» (формула Б.И. Маршака, см. также выше у А.В. Збруевой) и рано, не позднее VI в., перешедшего к культурной консолидации и дальней территориальной экспансии промыслового типа[18]. Находки следующего хронологического этапа (конец I и первая половина II тыс. н. э.) рисуют не менее насыщенную и в целом изоструктурную картину динамики и распада этого общества, вступившего в интенсивное культурное и экономическое взаимодействие с новыми восточноевропейскими государствами IX–XIII вв. — Хазарией, Волжской Булгарией и Русью Рюриковичей. Закономерно и ожидаемо, что с двумя последними и связаны ранние письменные сведения о *йура* (араб.) и *югре* (др.-рус.).

Дальнейшее изложение строится следующим образом. Во втором разделе кратко резюмируется историографическая перспектива накопленного к настоящему времени фонда материальных источников для религиозной и экономической истории югорского общества — находок из серебра (в меньшей степени — золота), представленных произведениями торевтики, монетами и стандартными формами весового металла — платежными слитками и шейными гривнами глазовского типа. В третьем разделе приводятся некоторые данные о формуле «золото, серебро и меха» в устной традиции манси

---

[16] Я вновь заостряю: Р.Д. Голдина, конечно, говорила бы здесь скорее о «сокровищах удмуртских князей», хотя этнографических свидетельств использования византийского, сасанидского и согдийского серебра удмуртами и коми-пермяками как будто бы до сих пор нет.

[17] Общеславянское **къmeть* из балкано-романского **komete* — обозначение одного из титулов в системах феодальной иерархии (‘граф’, ‘ярл’ и под.), продолжающего лат. *comes*, Gen.Sg *comitis* ‘друг, спутник’.

[18] См., в частности, выразительные материалы могильника Сэбысь на Средней Печоре с сасанидской драхмой Пероза и пинцетом V–VI вв. с фигурными лопастями и стяжкой [2, рис. 2: *8, 11*].

(по записям XIX в.). В четвертом и пятом разделах рассматривается проблема этнической атрибуции югорского общества в перспективе проведенных сопоставлений и в свете пермско-угорской контроверзы.

2

Как известно, в лесной, лесостепной и лесотундровой зонах Северо-Восточной Европы и Западной Сибири, в основном соответствующих бассейнам Камы, Оби и их притоков по обе стороны Уральского хребта, уже не первый век находят произведения средневекового прикладного искусства — серебряную (реже – золотую и бронзовую) посуду и утварь различных категорий и форм. Этот феномен неизменно находится в фокусе внимания специалистов по византийской, восточной и отчасти европейской торевтике эпохи средневековья. Большое количество таких памятников попало в государственные музейные собрания, среди которых количественно выделяется собрание Эрмитажа, но должны быть непременно названы и собрания Государственного Исторического музея в Москве, музеев Пермского края, Свердловской и Тюменской области, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов.

Находимые памятники торевтики на протяжении века вводились и продолжают вводиться в научный оборот, их публикация, анализ и интерпретации выполнялись и выполняются ведущими исследователями – А.А. Спицыным, Ф.А. Теплоуховым, Я.И. Смирновым, Л.А. Мацулевичем, И.А. Орбели, К.В. Тревер, Н.Ф. Прытковой, О.Н. Бадером, А.П. Смирновым, И.А. Лунеговым, А.В. Банк, В.Г. Лукониным, Б.И. Маршаком, В.Ю. Лещенко, В.П. Даркевичем, И.Н. Гемуевым, а в настоящее время – В.Н. Залесской, Ю.А. Пятницким, Н.В. Федоровой и А.В. Бауло. Среди дошедших до нас произведений выявлены как подлинные шедевры византийских, сасанидских и согдийских (в единичных случаях — бактрийских и парфянских) торевтов, так и рядовые образцы ремесленного мастерства. Обзор обширной публикационной литературы, посвященной феномену «серебра закам(ен)ского» может стать отдельной историографической темой; по счастью, эту задачу сейчас в какой-то значительно облегчает наличие специального диссертационного исследования Т.В. Чичко [44].

Авторы, занимавшиеся этим феноменом, собрали своды материала, обстоятельно рассмотрели аспекты атрибуции и датировки памятников, пути и историко-культурный контекст их попадания из производственных центров в лесную зону Северной Евразии, предложили хронологическую систему динамики меховой торговли [29], наметили подходы к анализу влияний сюжетного ряда памятников торевтики на мифоэпические представления и изобразительность населения Приуралья и Западной Сибири, рассмотрели и ряд более частных вопросов. Вместе с тем, до сих пор недостаточно глубоко понятыми и успешно объясненными оказываются следующие существенные черты феномена «серебра закамского» и «сокровищ Приобья» [28]:

(1) факт вхождения находок серебряной и золотой посуды в более широкий контекст предметов из серебра — особенно монет и платежных слитков V–XV вв. (от сасанидских драхм и византийских гексаграмм до джучидских дангов и древнерусских гривен серебра), а также так называемых гривен глазовского типа. (Недавнее исследование Биргитты Хорд [46] со всей определенностью показало, что эти изделия, изготавливавшиеся в прибалтийско-финском ареале по весовым нормам около 1, 1/2 и 1/4 каролингского фунта (~410, 205 и 102 г соответственно), служили платежным средством и формой обращения весового серебра на обширных пространствах между Прикамьем и Скандинавией на раннем этапе эпохи викингов);

(2) факт наличия у раннего горизонта находок определенной нижней даты — около середины I тысячелетия н. э., коррелирующий со вхождением Северо-Востока Евро-

пы в мировой историко-литературный контекст (появление «Страны мрака» в греческой редакции β романа об Александре в середине V в., уже к VI в. заимствованной в сирийскую и пехлевийскую литературы);

(3) факт корреляции локально-хронологического распределения находок с магистралями «промысловой колонизации» все более отдаленных областей в Приполярье, Нижнем Приобье и внутренних районах Западно-Сибирской равнины. С IX–X и до конца XV в. (начала Нового времени и московской колонизации Сибири) этот процесс представлял собой диалог-соперничество югорского общества на водных и горных путях с древнерусскими коллективами. (Термин *древнерусские* употреблен здесь в культурно-хронологическом и политическом, но не этническом смысле, поскольку в составе древнерусских групп на раннем этапе, по-видимому, преобладали скандинавские и прибалтийско-финские коллективы, и лишь позднее –пермско$_2$- и славяноязычные);

(4) факт наличия богатой устной традиции, прямо связывающей золото, серебро и меха в единую систему ценностей и позволяющей реконструировать сакральную серебряно-меховую экономику камских и обских угров.

Источниковедческая ситуация позволяет перейти в будущем к новому этапу интерпретации и уровню понимания феномена «серебра закам(ен)ского». Этот феномен связан с активностью одного из «загадочных» (в смысле недостатка письменных свидетельств и полного отсутствия внутренней нарративной традиции), но археологически уже хорошо изученных средневековых обществ лесной зоны Восточной Европы. Территориальное совпадение ареалов связанных с этим обществом монетных находок (сасанидские драхмы V–VII вв., куфические дирхамы VIII–X вв., западноевропейские денарии XI вв., джучидские данги и фалсы XIII–XIV вв.), платежных слитков (XII–XV вв.) и памятников торевтики V–XIII вв. с ареалами харинских, неволинских, ломоватовских, поломских, ванвиздинских, родановских и чепецких групп и конкретными культовыми и погребальными комплексами позволяет согласиться с заключением, согласно которому именно эти элиты осуществляли контроль за верхнекамско-уральскими участками эстафетной торговли драгоценным мехом (соболь, куница, лисица, горностай; списки наиболее востребованных видов меха известны у арабских авторов IX–X вв. от ал-Джахиза до ал-Мукаддаси). В обмен на меха югра получала монетное, весовое и художественное серебро Византии, Ирана, Согда, Хазарии, Волжской Булгарии, Руси и Европы.

Из синхронных письменных традиций название этого общества отразилось в арабских (араб. *yūrā*) и русских памятниках XI–XIV вв. (др.-рус. *югра*, фонетически в IX–X вв. — **jōgrá ~ *jōɣrá*, с XI–XII вв., как и сейчас, — *jugrá*), а также в виде общеперм. **jȯgra*[19]. Эти обозначения соответствуют источнику вида **joɣra* и (судя по выпадению **ɣ* с компенсаторным продлением корневого гласного, закономерно переданного арабским *ū*) **jōra*; см. также подробное (хотя и требующее продолжения) обсуждение соответствующих источников и проблем в статье [31].

3

Серебро, золото и меха — встречаемся ли мы с этим комплексом где-либо помимо археологического материала и связанных с ним историко-экономических реконструкций? Да, встречаемся. Я хотел бы обратиться к свидетельствам архаической угор-

[19] Фонетически общеперм. **ȯ* правдоподобно квалифицируется как открытый **ɔ*, идентичный др.-рус. открытому **o*, тогда как общеперм. **o* правдоподобно соотносится с др.-рус. **ô* (а также с приб.-фин. **ō* в заимствованиях типа общеперм. **roč* < приб.-фин. **rōts(i)* ‘русы; гости’).

ской фольклорной традиции и сжато описать комплекс «золото, серебро и меха» в системе поэтического языка мансийских гимнов «небесным покровителям» и эпических «военных песен» (манс. *tērn-əŋ ērɣə*). Эти поразительные тексты были записаны и обработаны венгерскими исследователями XIX в. (работы А. Регули, П. Хунфалви, Б. Мункачи), но только сейчас начинают вводиться в оборот отечественной историко-филологической науки [38 и др.].

Нижеследующее представляет собой сжатый перечень концептов и текстовых формул, прямо или метафорически описывающих атрибуты высшего божества, сакрально и/или статусно отмеченные предметы, приношения и фрагменты религиозных ритуалов на святилищах (манс. *jir-əŋ kan*, досл. ‘место кровавых жертвоприношений’ и *pūri-ŋ kan*, досл. ‘место бескровных жертвоприношений, пиршеств’)[20]. Наибольшая концентрация интересующего нас материала содержится в текстах № 6–12 [(38, с. 54–95] и, в меньшей степени, в текстах № 1–2, 16, 22–23, 25–26 по нумерации издания Е.И. Ромбандеевой [38, с. 28–35, 130–151, 220–247, 266–311], откуда и извлечены (с моими уточнениями в написаниях и переводах) приводимые примеры. Часть лексики помечена Е.И. Ромбандеевой как табуированная, поэтому ее интерпретация вызывает известные сложности. Транскрипция дается с незначительными упрощениями.

1. ‘Золото’, ‘золотой’ как эпитеты Мир-суснэ Хума: *sɔ̄rńi-ŋ kāt-əp ńāwram* ‘ребенок с золотыми руками’ *sɔ̄rńi-ŋ lāɣl-əp ńāwram* ‘ребенок с золотыми ногами’ (о рождении Мир-суснэ Хума), *χɔ̄n sɔ̄rńi* ‘царь-золото’ (< тюрк. и рус. *хан*), *sɔ̄rńi χɔ̄n* ‘золотой царь (то же: *jalpəŋ χɔ̄n* ‘священный царь’), *sɔ̄rńi ɔ̄tər* ‘золотой герой’, *χum sɔ̄rńi* ‘человек-золото’, *numi sɔ̄rńi* ‘верхнее золото’, *nam-əŋ sɔ̄rńi* ‘именуемый золотом’, *sɔ̄rńi towl-əp jalpəŋ lunt* ‘золотокрылый священный гусь’ (ипостась Мир-суснэ Хума), *sɔ̄rńi lunt χuri-ŋ sɔ̄rńi* ‘золото в образе золотого гуся’, *sāt jir-pa jir-əŋ sɔ̄rńi* ‘золото, требующее семи кровавых жертв’.

2. ‘Золото’, ‘золотой’ как атрибуты священных предметов, связанных с Мир-суснэ Хумом и его конем (сюда же включаются случаи, где манс. *sɔ̄rńi* означает ‘священный’): *sɔ̄rńi pas-əŋ jalpəŋ śērmat* ‘священная узда с золотыми фаларами’, *sāt lɔ̄mt-pa jir-əŋ sɔ̄rńi* ‘семичастная драгоценность для кровавой жертвы’, *pūri-ŋ sɔ̄rńi* ‘драгоценность для бескровной жертвы’, *sɔ̄rńi nēpak tow* ‘лист священного писания (или священной книги)[21], *sɔ̄rńi sirp-pa jalpəŋ śak*^{w} ‘священный водоем с золотыми бреднями[22], *sɔ̄rńi χūr-pa jalpəŋ tūr* ‘священное озеро с золотыми берегами (которое создал Мир-суснэ Хум)’, *tūr sɔ̄rńi jalpəŋ nomt-ən* ‘твой (т. е. Мир-суснэ Хума) священный ум озерной драгоценности’, *sɔ̄rńi wāns* ‘золотая трава’, *sāt nak-pa sɔ̄rńi kol* ‘золотой дом о семи комнатах’, *sɔ̄rńi lāɣl-əp pasan* ‘стол с золотыми ножками’, *sɔ̄rńi ala-p lāreś* ‘ларец (< рус.) с золотой крышкой’, *sɔ̄rńi sam-ən* ‘твой (т. е. Мир-суснэ Хума) золотой глаз’, *sɔ̄rńi χūr-pa pasan* ‘стол с золотым краем’, *sɔ̄rńi lāk*^{w}*-pa sɔ̄pak* ‘сапог (< рус.) с золотым кольцом’, *nēɣləne χɔ̄tal sɔ̄rńi saɣ(k-ən)* ‘(твой) золотой накосник, [подобный] восходящему солн-

[20] Я считаю важным обратиться к этому материалу еще и потому, что он не нашел ощутимого отражения в книге Ромбандеевой (1993), так как по своей прагматике относится к намного более отдаленному прошлому, чем XIX–XX вв., а именно: к эпохе средневековья, т. е. к тому, что в самой мансийской традиции называется *ērəɣ jis* ‘песенная древность’ и *mɔ̄jt jis* ‘сказочная древность’.

[21] По совершенно верному замечанию В.Н. Чернецова [43, с. 115], слово *nēpak* (обычно ‘бумага’) значит здесь то же, что и его среднеиранский этимон, ср. книжное ср.-перс. *nibēg* [npyk'] ‘писание, письмо, книга’ [47, p. 59] и, ближе, манихейское парф. и ср.-перс. **nēbag* [nybg] ‘то же’; согласно К. Чанкальини, все эти формы продолжают древнеиранский прототип **ni-paya-ka-* ‘хранящий, охраняющий, сохраняющий’ [45, p. 303].

[22] Предлагаю здесь в чем-то более убедительное, на мой взгляд, чтение *sirp-pa* (*sirp* ‘рыболовная сеть вроде бредня’): у Е.И. Романдеевой здесь *sir-pa* ‘имеющий опоры’ (Ромбандеева, 2010, с. 60–61) (*sir* ‘продольная жердь, брус на крыше жилища’), характерное в поэтическом языке для других контекстов.

цу', *sɔ̄rńi lɔ̄mt-pa āwi* 'дверь с золотыми частями', *kātə sɔ̄rńi jalpəŋ ūj(k-ən)* '(твой) священный зверь с золотыми ногами (конь Мир-суснэ Хума)', *sɔ̄rńi lūs-pa lūs-əŋ kʷaləɣ* 'веревка, украшенная золотыми накладками', *sɔ̄rńi śūltas-əŋ śēskan* 'платок с золотым блеском (парчовый?)', *sɔ̄rńi pɔ̄s-əŋ jalpəŋ ūj-ən* 'твой священный зверь с золотой тамгой (конь Мир-суснэ Хума)', *sɔ̄rńi pɔ̄ń-pa sɔ̄rńi śērmat* 'золотая узда с золотыми украшениями', *kʷālnə χɔ̄tal sɔ̄rńi saɣ* 'золотой накосник, [подобный] поднимающемуся солнцу'.

3а. 'Серебро', 'серебряный' (манс. *oln*) как атрибуты тех же священных предметов: *oln kis-pa kis-əŋ āpa* 'люлька с серебряными обручами', *oln sirp-pa jalpəŋ śakʷ* 'священный водоем с серебряными бреднями' (см. выше то же «в золоте»), *oln siŋs-əp siŋs-əŋ kol* 'дом с серебряной опорой', *oln χūr-pa pasan* 'стол с серебряным краем', *sāt lūs-pa oln śērmat* 'серебряная узда с семью накладками', *oln āŋkʷal* 'серебряный столб (ствол мирового дерева, у которого пасется конь Мир-суснэ Хума)', *oln pēr-pa pēr-əŋ kol* 'дом из тонких серебряных бревен' (в том же микроконтексте: *woχ sir-pa sir-əŋ kol* 'дом из толстых медных бревен').

3б. 'Серебро', 'серебряный' с видовыми (цветовыми?) модификациями (*śopər, kami, śāləɣ, mor*): *śopər oln āpa* 'люлька из драгоценного металла *śopər*', *kāmi oln āpa* 'люлька из драгоценного металла *kāmi*' (о рождении Мир-суснэ Хума), *śopər oln lūs-əŋ entap-ən* 'твой пояс с накладками из драгоценного металла *śopər* (серебра), *kāmi oln lūs-əŋ entap-ən* 'твой пояс с накладками из драгоценного металла *kāmi*', *kāmi oln lūs-əŋ jalpəŋ kānit* 'священная накидка с накладками из драгоценного металла *kāmi*', *śopər oln lūs-əŋ χɔ̄mśi* 'кнут, украшенный накладками из драгоценного металла *śopər*', *kāmi oln lūs-əŋ χɔ̄mśi* 'кнут, украшенный накладками из драгоценного металла *kāmi*', *śāləɣ oln kempli-ŋ χum* 'человек, край [одежды которого расшит украшениями из] драгоценного металла *śāləɣ*', *mor oln kempli-ŋ χum* 'человек, край одежды [которого расшит украшениями из] драгоценного металла *mor*' (эпитет Мир-суснэ Хума), *śāləɣ oln tājt-pa χum* 'человек, рукава [которого расшиты украшениями из] драгоценного металла *śāləɣ*', *mor oln tājt-pa χum* 'человек, рукава [которого расшиты украшениями из] драгоценного металла *mor*'.

4. 'Священный' (*jalpəŋ*) по отношению предметам, связанным с Мир-суснэ Хумом, и к культовым предметам: *pēś χansa-ŋ jalpəŋ ūj* 'священный зверь с пестрым бедром (конь Мир-суснэ Хума)', *sāt ur-pa jalpəŋ sākmat* 'семистороннее священное «шахматное» (рус.) [покрывало]'[23], *āt-əŋ ūj jalpəŋ χuri* 'священное изображение мохнатого зверя' (в этом же микроконтексте: *āt-əŋ ūj pas-əŋ χuri* 'изображение мохнатого зверя на круглом предмете'), *sāt ur-pa jalpəŋ kol* 'священный дом о семи сторонах', *sāt ur-pa jalpəŋ kēnt-ən* 'твоя священная шапка о семи гранях' (ср. также: *sāt ur-pa ur-əŋ jīr* 'семигранное дерево (мировое дерево Мир-суснэ Хума)'), *sāt ńēlm-əp jalpəŋ kūńas-ən* 'твой священный колокольчик с семью языками' (ср. также: *akʷ tur-pa sāt kūńas tāɣl-əŋ śērmat* 'узда, исполненная семью однодырчатыми (?) колокольчиками'), *sāt sām-p jalpəŋ inar-ən* 'твое священное седло с семью окончаниями' (ср. также *sāt lūs-pa lūs-əŋ inar* 'седло, украшенное семью накладками'), *sāt sām-p jalpəŋ mā* 'священная земля о семи концах', *sāt rusi-p jalpəŋ χɔ̄mśi* 'священный кнут с семью кисточками'.

5. Меховые ценности и животные жертвы: *ńoχs pun pɔ̄jk* 'молитва [Мир-суснэ Хуму] в форме приношения соболиного меха', а также *ńoχs pɔ̄jkəw* 'наша молитва [Мир-суснэ Хуму] в форме приношения соболиного меха' и *ūj pɔ̄jkəw* 'наша молитва [Мир-суснэ Хуму] в форме приношения меха пушных зверей', *tūja lēŋn pɔ̄t* 'дароприношение (*pɔ̄t* 'подать') Мир-суснэ Хуму в виде меха весенней белки', *takʷsi lēŋn kāsna* 'дароприношение (*kāsna* < тюрк. и рус. *казна*) Мир-суснэ Хуму в виде меха осенней белки', *tūja ūj kuśna-ŋ χɔ̄n* 'царь, которому принесен дар (*kuśna* 'взятка, приношение')

[23] См. о таких культовых покрывалах: [13].

в виде [меха] весеннего зверя (т. е. белки)', *takʷsi ūj kuśna-ŋ χ̄ən* 'царь, которому принесен дар (*kuśna* 'взятка, приношение') в виде [меха] осеннего зверя (т. е. белки)', *ńoχs-əŋ wāŋn-ən* 'твое (т. е. Мир-суснэ Хума) оплечье [из меха] соболя', *śoras oχsar* 'рыжая лисица (здесь: дароприношение Мир-суснэ Хуму)', *jāŋk ūj sow* 'мех белого зверя', *sēməl ūj sow* 'мех черного зверя', *wəɣər ūj sow* 'мех красного зверя', *āńt-əŋ ūj* 'рогатый зверь (приносимый в жертву)', *āńt-əŋ jir* 'рогатая жертва' (ср. также *jir-əŋ kʷaləɣ* 'жертвенная веревка').

Парадигматический анализ однотипных формул из этого поэтического инвентаря показывает, что золото и серебро считались священными, а меха соболя (описательно: *черный зверь*), белки (описательно: *весенний зверь* и *осенний зверь*), лисицы (описательно: *красный зверь*), горностая (?) (описательно: *белый зверь*) — драгоценными, годными для приношений (*pə̄jk*, *pə̄t*, *kāsna*, *kuśna*) божественному покровителю. Отметим в этом ряду *рогатого зверя* (лося), потребного для кровавой жертвы, а также вызывающего особый интерес *мохнатого зверя*, изображенного на священном (т. е. серебряном или золотом) круге: в последнем я предлагаю видеть льва, часто изображавшегося на сасанидских блюдах.

Таким образом, в устной традиции манси до XIX в. сохранялась память о системе ценностей, сложившейся в середине I тыс. н. э. и описываемой формулой «золото, серебро и меха (соболя, лисицы, белки)». *Золото* и *серебро* являлись атрибутами Мир-суснэ Хума и непременно упоминались в посвященных ему гимнах. Эпитеты *золотой* и *серебряный*, употребляемые с названиями магических и статусных предметов, входили в ту же формульную парадигму, что и эпитет *священный*. Драгоценные меха упоминались в гимнах и былинах («военных песнях») в двух функциях: как дароприношения Мир-суснэ Хуму (экономика сакральных даров) и как индикаторы аристократического положения действующих лиц. Вот почему неправ В.Ю. Лещенко, отказывая серебряным и золотым изделиям в культовым статусе: они являются культовыми по умолчанию.

Мне не удалось отыскать фрагментов (и даже следов) подобной системы в фольклоре современных пермских$_2$ народов. Причин этому может быть несколько (здесь требуется обсуждение), но наиболее простой и правдоподобной я склонен считать следующую: в раннесредневековых пермских$_2$ культурах сакрально-религиозные и дружинно-аристократические компоненты не играли роли, сколько-нибудь сравнимой с той, какую они играли в культуре югорского общества; в позднем же средневековье и в Новое время эти компоненты были и вовсе почти бесследно утрачены[24]. Концепты 'сакральные ценности' и 'меха' оказываются в такой историко-культурной ситуации невостребованными, и позднее их успешно замещает новый концепт — 'деньги'. Приведу лишь один выразительный пример из языка и фольклора кольских коми (коми-ижемский говор с. Ловозеро на Кольском полуострове): *Ӧтпыр ны ордэ локтісныс шведъяс грабитны пушнина и зӧлэтэ* 'Однажды к ним пришли шведы, [чтобы] ограбить [их и забрать] меха и деньги' [39, с. 151]. Здесь концепты 'меха' и 'деньги' оформлены русскими словами *пушнина* и *золото* (да и сам мотив «шведского ограбления» — типично севернорусский).

Говоря шире, прапермские$_2$ религия, мифология и фольклор в том виде, в котором они вырисовываются сквозь тяжелые внешние «наслоения», оказываются структурно (и, пользуясь метафорой К. Леви-Стросса, *температурно*) весьма отличными и далекими от сложного, яркого и насыщенного [см.: 11; 10] угорского материала. Выражаясь более определенно, можно сказать, что уже по этим признакам гипотеза, связывающая

[24] Ср., однако, фрагменты древнекоми мировоззрения в реконструкции Н.Д. Конакова [24].

комплекс древностей средневековых камско-уральских культур с пермскими[2] народами, выглядит неубедительно.

Весь этот материал был приведен для того, чтобы вернуться к старой, но неустранимой атрибуции камско-уральских находок из драгоценных металлов как культовых ценностей и аристократических сокровищ югорского общества, поддерживавшего систему их поступления, обращения и накопления. Тот факт, что воспоминания об этой системе сохранились в сакральной и эпической фольклорной традиции манси, позволяет обосновано говорить о югорском обществе Прикамья (по крайней мере, в его жреческом и военно-аристократическом компонентах) как о предшествующей стадии развития мансийских «княжеств» позднего средневековья и Нового времени.

Я хотел бы завершить этот раздел следующей цитатой из классической работы акад. И.А. Орбели и К.В. Тревер, выразительно резюмирующей взгляд на памятники драгоценной торевтики, который я не вижу оснований отвергать:

«В Приуралье эти вещи попадали в процессе торговых сношений восточных стран с далекими северными лесными областями, и тогда уже славившимися своей пушниной, завозились в качестве компактной материальной ценности, в качестве драгоценного металла. Они лишь в небольшой мере использовались приуральскими охотниками для изготовления различных мелких поделок, <…> а в большинстве случаев сохранялись как предметы, но совсем иного назначения, чем то, которое имели в виду изготовлявшие их мастера.

Блюда использовались в культовом обиходе этих охотников, следом чего являются дополнительно нанесенные неумелой рукой бледные гравированные рисунки, использовались и своей оборотной стороной, как изображения священных дисков, озаряющих днем и ночью землю (для полноты впечатления кольцевые ножки блюд удалялись), а говорят — использовались и как лики, символизирующие опять же светила, сделанных из сборного материала изображений божеств богатого пантеона звероловов и охотников.

Случайно ли, что, как это показывает даже краткая, не углубленная сводка данных <…>, преимущественные районы находок различного типа предметов совпадают с преимущественными районами расселения сейчас и в недалеком прошлом определенных народностей, вне всякого сомнения имеющих глубокие корни в составе определенных племен, издревле населявших эти районы?» [48, с. XI–XII].

4

Кем были эти «определенные племена», прямо не названные И.А. Орбели и К.В. Тревер? Приведу лишь четыре более или менее случайные, но показательные цитаты (их подборка может быть значительно расширена):

«Можно считать вполне вероятным, что в прежнее время манси (в лице их предков) занимали более широкую территорию, распространяясь на запад и на юго-запад[25] до Печоры, Камы и Уфы. Можно допустить, что они занимали эту территорию до конца I тыс. нашей эры, после чего, с приходом пермских народностей[26], были оттеснены и, главным образом, ассимилированы пришельцами» [42, с. 164][27].

[25] Здесь у В.Н. Чернецова даны ссылки на важные (и сохраняющие свое значение до сих пор) работы Арттури Каннисто по этому вопросу.

[26] Здесь у В.Н. Чернецова дана ссылка на классическую статью А. В. Шмидта 1927 г.

[27] Ср. также следующее высказывание В.Н. Чернецова: «В прежнее время манси населяли более обширную территорию, занимая и западное Приуралье, но в этих местах они уже с давних пор были ассимилированы другими народностями» [41, с. 4].

«Ко времени знакомства русских людей с населением Урала (XIV–XV вв.) у манси уже имелись устойчивые границы расселения и сложившийся традиционный уклад хозяйства, культуры и быта. В конце XVI в. они заселяли оба склона Среднего Урала. <…> Жили они и в бассейне Верхней Печоры и, видимо, в промысловых целях часто появлялись в верховьях Вычегды. Но основное место их обитания находилось в Зауралье, по рекам Обь-Иртышского бассейна — от Туры на юге до Сосьвы и Ляпина на севере. <…> В XVII–XVIII вв. русская и коми-зырянская колонизация в Прикамье, по Верхней Вычегде и Печоре привела к резкому сокращению <…> западных пределов расселения манси, которые, уйдя за Урал, сосредоточились примерно в тех местах, где живут и поныне» [1, с. 214–215].

«Прародина угров находилась в лесных районах по р. Каме и южнее от нее. Когда из угорской общности выделились племена, ставшие впоследствии предками венгров <…>, остальные угры еще долгое время оставались на этой территории. В течение XII–XV вв. под натиском коми и русских основная масса угров переходит Урал (отдельные группы там жили и раньше) и обосновывается (получая название „обские угры“) в северо-западных районах Сибири, занимая постепенно территорию, на которой живет и ныне» [36, с. 230][28].

«…Название *Югра* относилось в русских летописях к области расселения предков современных манси и ханты, а также к соответствующему народу и сохранялось в этом качестве вплоть до XVIII в. Определение географического местоположения Югры сопряжено, однако, с некоторыми трудностями. Вероятно, упомянутая в русской летописи под 1096 г. земля Югра могла находиться где-то в бассейне Камы, в основном на территории между большой излучиной Волги и Уральскими горами. В течение XII–XV вв. территория Югрии вследствие экспансии коми-зырян и русских сдвигается все далее на восток. По историческим данным, во второй половине XIV в. она уже достигла Оби, а в XV в. Югрией уже называли территории, расположенные почти целиком в Сибири» [40, с. 35–36].

5

В заключение я должен сказать, что ижевско-пермская[1] дискуссия, истоки которой лежат в пермско[2]-угорской контроверзе, как этап осмысления обширного археологического материала, полученного в последние полвека, и как этап реконструкции этнической истории региона неизбежна и желательна. Ее необходимое и ожидаемое продолжение имеет немалое методологическое, эпистемологическое и эвристическое значение. Вместе с тем, проходящие на страницах научных изданий столкновения по форме и по существу сильно напоминают старые споры (уже в основном остывшие и ушедшие в прошлое) по черняховской и раннедревнерусской проблемам с их эмоционально окрашенными славяно-готской и славяно-скандинавской контроверзами. Результаты этих дискуссий, представлявшихся тогда непримиримыми (и в действительности являвшихся политически и биографически небезопасными), были во многом ясны заранее: в обоих случаях борьба с готами и скандинавами как ключевыми компонентами черняховского и раннедревнерусского обществ оказалась напрасной, а славяне заняли — в соответствии с фондом письменных свидетельств, археологических фактов и языковых реконструкций — свое особое место в системе диалога народов и культур Восточной Европы I тыс. н. э. Следует попытаться без эмоций отнестись к тому факту, что это место оказалось не центральным и не «системообразующим», а на периферии черняховского общества и в податном (данническом) ярусе раннедревнерусского.

[28] Ведущая исследовательница мансийских языковых и культурных древностей разделяет здесь концепцию А.В. Шмидта и прямо ссылается на него.

Я не сомневаюсь в том, что приблизительно такая же структурная схема правдоподобно реконструируется для истории пермских$_2$ народов. Все они вышли на широкую историческую арену (в позднем средневековье и в Новое время, то есть уже в позднe- и постюгорскую эпоху) с локальных и периферийных позиций, ранее занятых ими частью в рамках «больших» русских и тюркских обществ (коми и южные удмурты соответственно), частью же — в некоторой изоляции (северные удмурты). В поисках исторических и археологических предков пермских$_2$ народов следовало бы отталкиваться от моделей описанного выше типа. Что же касается раннего средневековья, то нужно быть готовым к тому, что общества пермской$_2$ языковой принадлежности получат в конечном итоге атрибуции и локализации, не имеющие ничего общего с раннесредневековыми древностями и территориями Пермского края, северной части Удмуртии и большей части Республики Коми. (Я бы присоединился к аргументации старой точки зрения, согласно которой «прародины» будущих коми и удмуртов помещаются не севернее бассейнов Верхней и Средней Волги и не северо-восточнее так называемого Волго-Вятского региона — исключая, разумеется, микрорегион Средней Чепцы). И это неудивительно, коль скоро лейтмотивом истории этих регионов во II тыс. н. э. были многовекторная колонизация и разнонаправленные передвижения маломасштабных групп[29].

Здесь я хочу быть правильно понятым: подобная линия размышлений не должна показаться странной, даже несмотря на то что она идет вразрез с немалой частью написанного по этой теме археологами и, в меньшей степени, этнографами и лингвистами[30]. Дело в том, что высказанные в специальной литературе точки зрения по этим вопросам до сих пор по существу сохраняют статус предварительных (при том что на них «выросло» уже не одно поколение исследователей), в ряде отношений выглядят порою наивными и настоятельно требуют нового цикла комплексных обсуждений. Здесь же следует иметь в виду, что ранние этапы миграционных и колонизационных движений далеко не всегда и всюду отчетливо и ясно представлены в археологических материалах[31]. Разговор еще более усложнится с учетом того, что обычным следствием передвижений населения и этнокультурного диалога в средневековье (как и в наши дни) оказывались явления языкового сдвига и «недосдвига», в результате которых менялась и совпадала языковая принадлежность исходно разноприродных групп. Кочевники-угры переходили на тюркскую речь (таковы некоторые группы будущих башкир и сибирских тюрков), земледельцы-коми — на русскую (или же, при «недосдвиге», глубоко русифицировали свою пермскую$_2$), оленеводы-ненцы — на пермскую$_2$ (будущие олене-

[29] В частности, вторичность ареала, получившего известность как *Пермь Великая*, по отношению к исходной *Перми* в бассейне Северной Двины, доказывается уже самим эпитетом *великая*, ср. типологически: *Великая Греция*, *Великобритания* и, ближе, *Великий Новгород*.

[30] Среди прочего, такая точка зрения не согласуется с концепцией С.К. Белых, изложенной в книге [9]. Базовый аргумент отстаиваемой С. К. Белых камской локализации пермской прародины — *аргумент кедра* — должен быть уточнен в свете того факта, что южная граница произрастания сибирского кедра всюду (и в Западной Сибири, и в Европе) является антропогенной, а не эколого-климатической [27, с. 19–21]. Древнейший послеледниковый ареал сибирского кедра в Восточной Европе — вся лесная зона (на западе вплоть до ареала европейского кедра в Карпатах), а основная причина его сокращения до «островов», сохранившихся на северо-востоке Европейской части, — распространение огневого земледелия и вырубки [27, с. 20–21].

[31] Такова, в частности, археологическая ситуация с распадом прибалтийско-финского общества между серединой и концом I тыс. н. э.: от поздних памятников культуры *Tarandgräber* до памятников эпохи викингов, уже значительно разбросанных территориально, нет ни очевидной культурной преемственности, ни убедительно выделяемых переходных групп.

воды-коми)[32], земледельцы-угры и охотники-угры — на ту и на другую (в региональном распределении). Отмеченное обстоятельство, вообще говоря, требует известной осторожности при лингвистической маркировке древних и средневековых обществ и в любом случае — содержательной модификации метаязыка, на котором авторы старшего и отчасти среднего поколения вели и ведут дискуссии о поисках «археологических предков» современных групп.

Следует отказаться от линейных отождествлений археологических культур, выделяемых в конкретных границах по подчас случайным признакам и без учета их структурных параметров и конфигураций функциональных элементов, с теми или иными языковыми реалиями. На разных уровнях стратифицированных обществ вполне нормально уживаются разные языки, субкультуры и стратегии жизнеобеспечения. В силу этого я считаю вполне правдоподобным заключение, согласно которому пермские$_2$ этнические (языковые, культурные…) компоненты с какого-то времени вошли в состав югорского общества в качестве его нижнего яруса, обеспечивая устойчивую экономическую базу для жизни югорской аристократии (сохранившей за собой сферы войны и религии) в эпоху урбанизации и земледельческой колонизации первой половины II тыс. н. э.

В последних строках я намерен прокомментировать следующую точку зрения: «Основным необходимым условием, позволяющим подойти к вопросу разрешения проблемы генезиса раннесредневековых культур [Прикамья], становится публикационная деятельность различных научных центров Урало-Поволжья» [34, с. 281]. На протяжении последних десятилетий ижевские археологи достигли впечатляющих результатов в этом направлении, итоги этих работ заслуживают неувядающего признания и восхищения[33]. Вместе с тем, увеличение вводимого в оборот нового материала, как правило, лишь усложняет и изумительно обогащает исследовательский процесс (и в силу этого порождает на порядок больше новых проблем, чем решает – старых), поэтому я хотел бы интерпретировать высказывание И.Ю. Пастушенко в том смысле, что публикационная активность будет неотделима от дружеского диалога исследователей, позитивной критики (и ответной благодарности за нее), бережного поиска точек согласия и пристального внимания к точкам несогласия.

Список литературы

1. Бабаков В.Г. Манси // Вопросы истории. 1973. № 4 (апрель). — М.: Правда, 1973. — С. 214–218.
2. Багин А.Л. Первые результаты исследований могильника VI века Сэбысь в Среднем Припечорье // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской научной конференции. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН. С. 107–112.
3. Бадер О.Н., Смирнов А.П. «Серебро закамское» первых веков нашей эры: Бартымское местонахождение // (Труды Государственного Исторического музея. Памятники культуры. Вып. XIII). М., 1954. 25 с., рис. 1–10.
4. Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах угров. — Новосибирск, 2004. 158 с.

[32] Стоит особо отметить принципиальную и в высшей степени правдоподобную возможность перехода малых прибалтийско-финских групп *Заволочья* и исходной *Перми* первых веков II тыс. н. э. на пермскую$_2$ речь.

[33] Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Р.Д. Голдиной и Т.И. Останиной за присланные мне экземпляры книг [20] и [33].

5. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках // Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. Известия. Вып. 3. Л., 1935. 91 с.

6. Белавин А.М. Этнокультурная ситуация в Пермском Предуралье периода средневековья и нового времени // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской научной конференции. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН. С. 8–12.

7. Белавин А.М., Иванов В.А. К пониманию существования угорской проблемы в Прикамье и Предуралье // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2011. Вып. 1 (15). Пермь: ПГУ, 2011. С. 173–180.

8. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд. дом БГПУ, 2009. 284 с.

9. Белых С.К. Проблема распада прапермской этноязыковой общности. Ижевск: УдГУ, 2009. 149 с.

10. Мифология манси / Гл. ред. И.Н. Гемуев // Энциклопедия уральских мифологий. Т. II. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. 195 с.

11. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.

12. Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1999. 239 с.

13. Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. — Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. 159 с.

14. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места. Новосибирск: Наука, 1986. 196 с.

15. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989. 175 с.

16. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1999. 464 с.

17. Голдина Р.Д. Основные этапы древней и средневековой истории пермян Камско-Вятского междуречья // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской научной конференции. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН. С. 13–27.

18. Голдина Р.Д. Истоки «дальнего импорта» в Приуралье // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2012. Вып. 2 (10). Сыктывкар, 2012. С. 108–119.

19. Голдина Р.Д., Напольских В.В. «Угорская эпоха в истории Предуралья»: научная гипотеза или историографический казус? // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, 2013. С. 90–93.

20. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 13. Ижевск: УдГУ; Пермь, 2011. 338 с.

21. Збруева А.В. Пермский всадник // Вестник древней истории. № 1 (31). М.; Л., 1950. С. 205–211.

22. Иванов В.А. Угры Предуралья: продолжение темы // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). Казань, 2015. С. 201–219.

23. Иванов В.А. Взгляды представителей научной школы О. Н. Бадера на проблему древних угров в Прикамье и Предуралье в эпоху древности-средневековья: доводы и степень их аутентичности современным материалам //

XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Пермь: Изд. центр ПГНИУ, 2016. С. 19–23.

24. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир. Пространство и время. — Сыктывкар: КомиНЦ УрО РАН, 1996. 131 с.

25. Крыласова Н. Б. Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи средневековья // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Материалы I Всероссийской научной конференции. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН. С. 166–172.

26. Крыласова Н. Б. Об «Угорской эпохе в Прикамье» говорить нужно // Вестник удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2012. Вып. 1. Ижевск: УдГУ, 2012. С. 168–175.

27. Крылов Г.В. [Гл. I] Систематика, распространение и экология кедров // Крылов Г.В., Таланцев Н.К., Козакова Н.Ф. Кедр. М.: Лесная промышленность, 1983. С. 7–37.

28. Маршак Б.И. Сокровища Приобья // Сокровища Приобья: [Каталог выставки]. СПб.: Формика. С. 6–44.

29. Маршак Б.И. Серебро за меха // Византийская идея: Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 72–82.

30. Мельничук А.Ф., Чагин Г.Н. Современное состояние «угорской» концепции в свете письменных и ономастических источников Пермского края // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2010. Вып. 2 (14). Пермь: ПГУ, 2010. С. 140–153.

31. Напольских В.В. Йӧгра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. 2005. № 3. СПб., 2005. С. 240–268.

32. Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан. С. 14–25.

33. Останина Т.И. Лесагуртский клад IX в. в бассейне Чепцы: Каталог археологической коллекции. Ижевск: «Монпоражен», 2015. 55 с.

34. Пастушенко И.Ю. Основные проблемы генезиса раннесредневековых культур Прикамья // XVII Уральское археологическое совещание: Материалы научной конференции. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 280–281.

35. Пастушенко И.Ю. Возможно ли говорить об «угорской эпохе в Прикамье» // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 1. Ижевск: УдГУ, 2011. С. 144–150.

36. Ромбандеева Е. И. Мансийский язык // Основы финно-угорского языкознания. [Т. III]: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 229–239.

37. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК «Северный дом»; Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. 207 с.

38. Ромбандеева Е. И. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. 646 с.

39. Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Некоторые особенности говора кольских коми // Историко-филологический сборник. Вып. 6. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1960. С. 130–151.

40. Хайду П. Уральские языки и народы / Пер. с венгерского Е.А. Хелимского. — М.: Прогресс, 1985. 430 с.

41. Чернецов В. Введение // Чернецов В.И., Чернецова И.Я. Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. С. 3–10.

42. Чернецов В.Н. Мансийский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. (Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера им. П. Г. Смидовича. Труды по лингвистике. Т. I). М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 163–192.

43. Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Приложения: [1.] Серебряное блюдо из селения Верхне-Нильдинское (предание). [2.] Сказка про Эква-Пырища и крылатого Карса // Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. I. Памяти Д. Н. Анучина (1843–1923). М.; Л., 1947. С. 113–134.

44. Чичко Т.В. Восточная торевтика в системе культурных связей и военно-политической истории населения Прикамья и Приуралья в раннем средневековье (конец VI — первая половина IX вв.): Диссертация... кандидата исторических наук. Уфа: БашГПУ им. М. Акмуллы, 2016.

45. Ciancaglini Cl. A. Allomorphic variability in the Middle Persian continuants of the Old Iranian suffix *-ka- // Studies on Iran and The Caucasus: In Honour of Garnik Asatryan. Leiden: Brill, 2015. P. 291–308.

46. Hårdh B. The Perm'/Glazov rings. Contacts and Economy in the Viking Age between Russia and the Baltic Region. (Acta Archaeologica Lundensia. Serie in 8°. No. 67.) Lund: Elanders Fälth & Hässler, 2016.

47. MacKenzie D. N. A Concise Pahlavi Dictionary. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1971. XXXIV + 236 p.

48. Орбели И.А., Тревер К.В. Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.-Л.: Academia. 1935

49. Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале / в кн. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. VIII-XIIIв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралье. М.: Наука. 1976. 199 с.

А.В. Курбатов
(РФ, Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург)

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (БУЛГАРИЯ И ЗОЛОТАЯ ОРДА) НА КОЖЕВЕННОЕ ДЕЛО СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Современное состояние изученности средневековых археологических материалов Восточной Европы позволяет выделять кожаные изделия, изготовленные в отдельных регионах и широко распространившиеся благодаря личностным и торговым (посредническим) контактам. Время и причины появления в древнерусских городах таких изделий надо рассматривать индивидуально для каждого вида изделий.

В работе выделены специфичные для булгаро-татарского Поволжья сорт кожи булгари и приемы декоративной расшивки обуви, найденные в слоях второй половины XV – XVI вв. русских городов.

Ключевые слова: средневековая Русь, Волжская Болгария, Золотая Орда, кожевенное дело, заимствования

A.V. Kurbatov
(RF, Institute of history of material culture of RAS, Saint-Petersburg)

THE INFLUENCE OF THE CULTURES OF THE MIDDLE VOLGA REGION (BULGARIA AND THE GOLDEN HORD) ON LEATHER GOODS OF MEDIEVAL RUSSIA

The present state of study of mediaeval archaeological finds from Eastern Europe enables us to distinguish leather objects manufactured in different regions and widely distributed due to personal and trade contacts. The date and reasons of the appearance of these goods in Old Russian towns must be considered individually for each type of the objects.

In the present article, a specific type of leather called bulgari and patterns of decorative embroidering of footwear discovered in the layers of the second half of the 15th to 16th century in Bulgar-Tatar Volga region are discussed.

Key worlds: Medieval Rus, Volga`s Bolgaria, Gold Orda, leathering handicraft, interchanging.

Введение. Сложность атрибуции изделий, находимых в средневековых слоях и комплексах русских городов, подчас вызывает споры при анализе древнерусского кожевенного ремесла. В таких случаях разрешить сомнения помогает систематизация всего комплекса находок с каждого раскопа, без изъятия «неопределимых» вещей. Только такой подход позволяет объективно оценивать и сам памятник, и соответствующую эпоху, отраженную в отдельных культурных слоях.

В археологических коллекциях кожаных предметов из средневековых городов Руси на территории современных России и Белоруссии встречаются своеобразные детали обуви с расшивкой, в которой преобладали стандартизованные растительные мотивы, а также своеобразные варианты кожаных кошельков и сумок с различным по технике исполнения декором – расшивкой, накладками и аппликацией. Длительная традиция изготовления таких вещей отмечается на территории Среднего Поволжья. Данное наблюдение согласуется с тем, что специалисты по археологии древнерусских городов неоднократно выделяли предметы, вероятно, сделанные в поволжских городах булгарского или ордынского времени, что определяют географическое распределение известных предметов, традиции форм изделий и их художественное оформление.

Сегодня назрела потребность и сложились возможности выделять в древнерусских городах привозные кожевенные товары из городов Среднего и Нижнего Поволжья булгарского времени и периода Золотой Орды. Также необходимо определить степень

освоения в русских городах технических приемов ремесла, заимствованных у ремесленников Среднего Поволжья. В этом вопросе основное значение имеют археологические материалы. Ранее уже было обозначено восточное влияние в кожевенном деле древнерусских земель [25; 30; 31].

Приводя примеры двусторонних связей Руси и Орды во второй половине XIII–XIV вв. историки отмечали не только появление материальных предметов восточного происхождения, но и наличие в русских городах контингента выходцев из Орды, в частности знати, которых сопровождало их окружение, в том числе и ремесленники [38, с. 165]. Это позволяет ставить вопрос о возможном налаживании производства отдельных восточных изделий непосредственно в русских городах и обучении русских мастеров традициям восточной технологии, техники и декора.

Археологические материалы. Сегодня становится очевидным, что ремесленные изделия городских центров Среднего Поволжья были очень популярны в разных регионах Восточной Европы. Археологи, изучающие комплексы древнерусских городов, неоднократно выделяли предметы, сделанные в поволжских городах булгарского или ордынского времени. Основанием для этого служили: 1) географическое распределение известных изделий на памятниках Восточной Европы и 2) традиции изготовления особых форм изделий и их художественного оформления. Большую группу металлических украшений ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из средневековых слоев Новгорода анализировала А.В. Козлова [18, с. 188 и сл.]. По ее мнению, часть этих вещей делали в городах Золотой Орды.

М.В. Горелик называл изделиями золотоордынских мастеров городов Поволжья ряд художественно оформленных предметов из рога и кости – это накладки на колчаны, прорезные бляхи от поясов и круглые костяные пуговицы с циркульным орнаментом [11, с. 117 и сл.]. Они постоянно встречаются в слоях и комплексах XIII–XV вв. в Новгороде, Смоленске, Минске, Пронске, Мстиславле, Друцке и других городах [33].

В эту группу изделий входят и типичные аксессуары монгольского костюма – кожаные поясные кошельки или сумки с клапанами двух видов. Известно, что монголы нередко носили по две такие сумки, храня в них набор для добывания огня, деньги, а иногда – бумаги и писчие принадлежности. Первый вид – кошелек-«конверт» прямоугольной формы с клапаном. Некоторые их находки в Новгороде слегка расширялись книзу и имели округлый нижний край. Кроме того, характерным признаком монгольских сумок был трехлопастной край клапана [14, № 281, 284, 285, 286]. Для кошельков характерно подвешивание за два колечка, прикрепленные к верхнему краю сумки, что видно у новгородских находок. Для разновидности таких сумок служили бронзовые шестилепестковые накладки на замок и крыловидные накладки на углах. Отметим, что обычно в средневековых городских слоях металлическая гарнитура сумок встречается отдельно от кожаной основы, что затрудняет атрибуцию вещей.

Вторая разновидность монгольских поясных сумок – небольшой объемный кошелек подпрямоугольной или трапециевидной формы с округлым нижним краем и объемной крышкой, надеваемой сверху и соединенной ремешком с вместилищем кошелька. Новгородские находки таких сумок имеют выразительный монгольский декор в технике аппликации [14, № 282]. Также монгольским декором, по мнению М.В. Горелика, была и тисненая розетка из шести или восьми лепестков, имеющаяся на некоторых сумках.

На других же сумках узор, выполненный в технике аппликации, представляет смесь русского плетеного (книжного и тесьмяного) орнамента с монгольскими и средневосточными узорами. «Последним русские мастера подражали, не всегда понимая их логику» [11, с. 123]. Отмеченные признаки восточных изделий обнаруживаются и среди фрагментов кожаных изделий в Тверском кремле [26, рис. 10: 2, 11; 121: 13]. Подоб-

ные фрагменты сумок и кошельков встречаются и в других древнерусских городах, где известны сумки определенных формы и размера с несколькими отделениями – *калиты* (мн. ч.). О восточном происхождении формы и манеры пошива сумок, а также их оформления, говорит и восточное наименование изделий [53, II: 168].

Следует добавить, что большинство вещей, названных в работах М.В. Горелика и А.В. Козловой, другие исследователи Руси не связывают с импортом и, по факту умолчания, они должны были бы считаться изделиями русских мастеров.

В целом, сегодня сложилось определенное мнение о «восточном», вероятно в Среднем Поволжье, изготовлении сумок с несколькими отделениями, имевших металлические замки и накладки. Их часто встречают во многих средневековых городах и в погребениях городских и сельских могильников в различных географических и политических регионах Восточной Европы. За такими сумками из древнерусских городов закрепилось название *калита*.

Калита – это сравнительно крупная своеобразной формы сумка с клапаном, имевшая одно или несколько отделений и носимая на поясе. Название *калита* в значении «кошель, сумка, мешок, карман» имеется в русском, украинском, болгарском и польском языках. Оно происходит от kalta в тюркских языках (татарском, казахском, алтайском) языков и означает «карман, кожаный мешок, кошелек» [53, II: 168]. По данным Горяева, в киргизском языке kalta – это также «мешок на поясе» [13, с. 62]. В значении «кожаная сумка, мешок, пришиваемый или пристегивающийся к поясу» слово рассматривают современные историки русского языка. Слово впервые употребляется в Паримейнике 1313 г. как приписка в форме поговорки или пословицы: «Богъ дай съдоровіе къ сему батію, что кунъ, то все въ калите, что пъртъ, то все на себе, удався оубожіе, смотря на мене» [17, с. 285]. Также сумка упомянута в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г.: «А с(ы)ну моему, князю Петру: поясъ золот с каменьем пегии, поясъ золот с калитою да с тузлуки». Как поясная сумка для пороха и пуль она отмечена в Уставе ратных дел XVII в.: «И для того доведется пушкарю огонь съ снастью въ своеи калите носить, чтобъ ему во время потребы огонь свой близко себя имети» [47, с. 7: 36–37]. В бытовом употреблении название широко сохраняется в XVIII – начале XX в. [48, с. 9: 214; 49, с. 12: 358–359].

В XVI в. в крупных русских городах изготовлением сумок занимались особые мастера-калитники: «[1583] Места пустые и задворки от Волхова идучи по левой стороне... м(есто) Гришинское калитника, м(есто) Котька гребенника» [47, с. 7: 37]. В это время, надо полагать, выработался принцип единообразия *калит* по внешнему виду, конструкции и размерам. Сходные сумки меньшего размера называли *полукалитой*: «[1658] Куплено... восьмнатцеть полукалит подошев цена по пяти алтын по две денги за калиту» [47, с. 16: 221]. В XVII в. бытовало и другое название – *каптура* [47, с. 7: 67].

Сумки, укреплявшиеся на кожаном поясе, называются в отечественной литературе *калитой*. Изделия размерами 20–30 см, имели несколько отделений, закрывающий их сверху клапан и, как правило, были богато орнаментированы. В археологическом материале выделены *калиты* несколько отличных форм и конструкций, соь сложным контуром, своеобразным декором. В основном сохраняются клапаны, а в единичных случаях – обрезки стенок. По обрезкам она реконструирует размеры: ширина 15–25 см, а высота клапанов составляла 5,4–11.5 см. В Новгороде они найдены в слоях, датирующихся 1238 г. – первой половиной XV в., а большая часть появляется в первой половине XIV в. Из общей характеристики Т.С. Варфоломеевой: детали орнаментированных клапанов сумок, отличающихся большим размером. Клапаны таких сумок состояли из двух деталей и задняя деталь также была орнаментирована. Одни из характерных деталей сумок – шестилепестковые бронзовые накладки.

Всего в Новгороде Т.С. Варфоломеева выделила части 12 таких сумок. Одна такая поясная сумка размерами 23,2х18,2 см, описана как случайная находка в Новгороде. В ней найдены монеты первой половины XVI в. и письменный прибор. Клапан сумки, украшенный бронзовыми накладками, закрывался на бронзовый замок. Внутри сумки было три отделения и потайной кармашек, все со своими клапанами. Стенки отделений и клапаны сшиты из парных деталей, сложенных друг с другом бахтармой. Дно сумки выкроено отдельно. В верхней части сумки, над клапаном, предусмотрена широкая петля, в которую продевался поясной ремень. [8, с. 109].

В Тверском кремле найдено не менее 22 деталей сумок и три принадлежат одной *калите* (рис. 1: 13), сшитой из плотной кожи, имевшей затертую поверхность. Две идентичные основные детали имели сложную форму с прямоугольными вырезами по углам верхнего края. Края деталей оборваны, имеются внутренние разрывы на складках, размеры сохранившейся части деталей 17,4 х 16,1 см. Детали сложены друг с другом бахтармяной стороной. Видны следы ремонта – сшитые тачным и выворотным швом прорезы в трех местах. От второй *калиты* сохранился обрезок наружной детали с клапаном, длиной 36,5 см и шириной 19,5 см (рис. 2: 2). Значительные утраты возникли при вторичном использовании кожи. Клапан имел фигурный обрез края, вдоль которого с бахтармы видны следы от обшивки и от крепления металлической застежки. Сумка сшита из плотной тисненой кожи толщиной 2,0 – 2,2 мм. Кроме этих предметов найдены 8 обрезков деталей сумки, в т. ч. и обшивки краев (рис. 2: 14). На двух обрезках сохранился тисненый орнамент.

В русских городах сумки, находимые в слоях XIV–XV вв., имели относительно стандартные форму и размеры. Такие же сумки находят и в других городах Восточной Европы. В Чернигове, в слоях конца XV–XVI вв., найдена почти целая *калита*, состоявшая из семи основных деталей, из них четыре сложены попарно внутренней стороной и служили карманами для двух отделений (рис. 3). Основа скроена из трех деталей, включающих откидной клапан. На тыльной стороне изделия сохранились отверстия для пришивания петли?, через которую продевался поясной ремень. При сборке сумки детали карманов, сложенные вместе, соединялись выворотным швом с пакетом основы. Декор состоял из вырезных полосок аппликации, в них, возможно, продевалась цветная кожа или ткань, а также из продержки по краю клапана, служившей одновременно и застежкой [24, с. 151, рис. 1].

Подобная *калита*, хорошо известная в литературе, найдена под подъемным мостом Кутафьей башни Московского Кремля, она датирована концом XV–XVI вв. Сумка имеет близкую к трапеции форму со скругленными углами. Ширина ее по верху – 16,5 см, по основанию – 22 см, высота – 16,5 см. Сумка имела два отделения, каждое закрывалось своим клапаном, при этом крышка заднего отделения перекрывала и переднее (рис. 4). На затейливо вырезанном ремне сумка, видимо, подвешивалась к поясу или носилась через плечо. Она сшита из очень тонкой кожи и скроена в 14 деталей, не считая аппликаций. Восстанавливая процесс сшивания сумки, М.Г. Рабинович подчеркивал аккуратность и точность раскроя нескольких слоев кожи, включавших и ремень, имевших изящный вырез по краю. Сшивание вели в вывернутом состоянии, а затем выворачивали изделие на лицевую сторону. На верхней крышке была вырезана розетка, обшитая цветными нитями? Передняя стенка сумки украшена аппликацией. Узор представлял комбинацию из пяти полос кожи, образующих три удлиненные клетки, и трех кожаных кружков, украшенных вырезами и расшивкой [43, с. 112–115, рис. 51–53]. Все характерные детали московской *калиты* повторяются в черниговской находке, которая отличается более простым декором. Подобная же *калита* с несколькими отделениями найдена в слоях XVI в. в Витебске [2, с. 364, рис. 250].

Неким феноменом можно назвать распространение сумок с несколькими отделениями в Прибалтике. Их находят серийно в погребениях из разных могильников на территории Прибалтики, особенно в Литве, где они датируются второй половиной XIV – началом XV в. Хронологическими индикаторами для таких погребений выступают монеты: могильник Обелиаи, погребение № 142 с монетой второй половины XIV в.; Вильнюс: погребение второй половины XIV – начала XV в. – и другие, датируемые в пределах того же времени [69]. Подобной формы и размера сумки с монетами найдены в литовских погребениях XVI в. [68, с. 32–37] и в материалах XVI–XVII вв. из Риги [65, Cat. № 80].

Вариации подобных сумок, уже с разными видами металлических накладок и замков, были популярны в Литве и в начале XVI в., что показывают находки в могильнике Кармелавос [67]. Здесь отмечены и особые формы сумок – с металлическими замками и бронзовыми 6-и лепестковыми накладками, включающими круглые небольшие накладки с рельефным изображением хищного зверя в «жемчужном» обрамлении, а также другие формы таких элементов. Для этих сумок характерны также подтреугольные угловые и срединные накладки с ажурными вырезами по полю и краям.

Анализ «татарского стиля». В последнее время искусство империи Чингизидов привлекает к себе большое внимание. Появились работы о развитии разнообразных форм взаимодействия в рамках политического объединения Золотой орды [16]. В одной из своих последних работ М.В. Горелик дал анализ татаро-монгольского звериноростительного стиля декора в XII–XIV вв. [12; 138 и сл.]. Он считал, что эта культура оформилась на основе степных центральноазиатских традиций X–XII вв., объединяющих уйгурские, тангутские и китайские элементы. Она впитывала в себя и монголо-татарские традиции, полностью сложившиеся к началу XIII в. В эпоху завоеваний Чингизидов на них стали накладываться традиционные элементы культур других народов Евразии.

Судя по дошедшим артефактам, наиболее распространенным способом декора тканей и кожи у монголов были вышивка и аппликация. Покрытые ими изделия, из разных собраний, в основном и рассматривает историк. «Некитайский» стиль содержит основным элементом «роговидный» узор, популярный в этнической культуре тюрок на широких пространствах Евразии. Описывается и уникальное погребение, которое можно датировать XII в., в Цайдамских пустынных степях провинции Цинхай на северо-западе Китая. Это естественно сохранившаяся мумия мужчины в шубе и замшевых сапогах с вышивкой на верхней поверхности союзок и аппликациями из китайской ткани на голенищах. Представленные в работе М.В. Горелика изображения одежд, по нашему мнению, можно сопоставлять с более простым декором кожаных предметов, найденных в Тверском кремле.

Л. Саттарова рассмотрела своеобразный «татарский стиль» в кожевенном ремесле Среднего Поволжья по этнографическим материалам XVIII–XX вв. Она доказывает длительность развития особых технологических принципов и технических приемов татарского кожевенного ремесла, а также сложение особых форм кожевенной продукции. В материалах выделено четыре элемента, определяющих своеобразие пошива и оформления национальных татарских изделий – мягких высоких сапог-*ичиг*, поясов, сумок, кошельков:

1) использование разноцветных кож, контраст которых придает изделиям декоративность;

2) разная техника соединения разноцветных кож в одном изделии: 1) сшивание фигурно обрезанных краев тачным и выворотным швом изнутри; 2) аппликация, т.е. нашивание фигурно вырезанных деталей контрастного цвета;

3) особое значение декоративной расшивки, куда входят своеобразный «татарский» шов и широкая поверхностная расшивка узорами. Л. Саттарова определяет «казанский», или «татарский», шов как «способ соединения вручную узорно выкроенных деталей кожи встык, при котором тачная нить (в старину – дратва), сшивающая края с изнанки изделия, при каждом стежке одновременно украшается спиралями из 3–5 навивок ярких цветных нитей (золотные и серебряные нити, шелк, хлопок). На лицевой поверхности создает впечатление тонкого, шириной 0,1–0,3 см (до 0,5 см) шнура, оконтуривающего кожаные узоры. Отличается прочностью и декоративностью. Сохранился в ичижном ремесле казанских татар. Производится на трехгранном бруске (колодке) с помощью тачной иглы с рукоятью и вышивальной иглы» [45, с. 156];

4) сложные формы узоров, восходящие к растительным элементам древних декоров.

Однако подробное объяснение своеобразия этнографических изделий и традиций в татарском кожевенном деле в работе Л. Саттаровой подкрепляется лишь отдельными фактами длительного развития особых приемов обработки кож в средневековой Казани. Историко-археологический аспект в изучении сложения национально-территориального своеобразия продукции кожевенного ремесла на территории современной республики Татарстан должен стать логичным продолжением этой работы. Надо учитывать, что историки и археологи, в целом, признают высокое развитие ремесла в Булгаре в домонгольское время. Разные виды булгарской ремесленной продукции, встречены в древнерусских городах, такие как металлические замки, украшения, накладки.

Длительное изучение археологических коллекций кожи в древнерусских городах позволило выделить особый вид кожи «булгари» (на Рюриковом городище, в Твери и Пскове), производимой в городах Среднего Поволжья, и местное изготовление подражательных кож [29, с. 447–452]. Если позднейшие этнографические данные показывают первым визуальным отличием «булгари» ее красный цвет и тисненую поверхность, то в средневековых археологических материалах отчетливо выделяется только один признак – характерное тиснение, иногда дополняемый некоторым отличием по цвету (вишневый), а также особой эластичностью на фоне всего объема материалов в русских городах. Единичность таких находок служит основанием для отнесения кожи к привозным товарам.

В последние годы археологи изучили расшитую средневековую обувь Казани т.н. «ханского периода», ограниченного годами существования Казанского ханства 1438-45–1552 гг. [7, с. 4 и сл.]. Описана расшитая средневековая обувь (рис. 5) этого времени из Казанского Кремля – детали головок и голенищ сапог [6, с. 112 и сл.]. Находка расшитого голенища отмечена и на посаде Казани (рис. 6), в слоях суммарно датированных XV–XVI вв. [58, с. 116–118]. Эти находки можно сопоставлять с татарскими изделиями в этнографических материалах отмечали ранее О.С. Хованская, Н.Ф. Калинин и Т.А. Хлебникова [59, с. 244 и сл.]. Тем не менее, на наш взгляд, авторам не удалось дать полную реконструкцию средневековой обуви «татарского» кроя, с его специфичной расшивкой. Вместе с возможными особыми татарскими приемами работы и стилем декора они описывали и такие черты, которые были присущи конструкциям обуви, в большом числе находимой в русских городах в комплексах, которые определенно датируются не ранее начала XVI в. Здесь надо принять во внимание мнение отечественных историков. Так, М.Н. Тихомиров писал, что «ко времени завоевания Казанского ханства царем Иваном Грозным в его пределах скопилось большое русское население, состоявшее, главным образом, из пленных и бывших пленных, которые насчитывались десятками тысяч» [51, с. 22].

В целом, в работах казанских археологов видны достаточно сильный схематизм в изображении деталей и отсутствие реконструкции конкретных форм обуви. В то же время будет неверно игнорировать те изображения, которые представляют именно де-

тали местного пошива. В Казани это своеобразные образцы мягкой низкой обуви [59, с. 247, рис. 106], а в Чебоксарах – своеобразные детали голенищ с округлым верхним краем, фрагменты кошельков с расшивкой или следами аппликации?, головка туфли с тиснением и фигурными вырезами, а также образцы вырезной аппликации [22, с. 145–147, рис. 77, 78]. Следует отметить, что схематизм изображений археологических находок в этих публикациях ограничивает возможности сопоставления с другими коллекциями. Кроме того, голенища сапог в последней работе, названные «голенищами с отворотами», показаны в перевернутом виде.

Ко времени ликвидации самостоятельности Казанского ханства русские города не только долго вели торговые отношения с городами Среднего Поволжья, но в них прижились и татарские ремесленники, делавшие изделия в своем «национальном стиле». В этом отношении выделяется Москва, собиравшая все лучшее со всех объединенных земель. Надо полагать, что уже в первой половине XVI в. в городах Московского царства и русские мастера шили сапоги, декорированные в восточном стиле. Этим можно объяснить широкое распространение в русских городах сапог, расшитых «трилистниками» по головкам и голенищам. На сапогах этого времени также встречаются наружные декоративные обшивки цветными нитями по швам и фигурные швы на подъеме. Они встречены в слоях конца XV–XVI вв. в Ивангородской крепости (рис. 7), в Переяславле Рязанском (рис. 8) [54, рис. 1], Москве [40, ил. 48: 1 – 3], Новгороде (рис. 9), а также в Вологде, где серийно найдены в раскопе на Кремлевской площади [1, с. 86]. Здесь также находили декоративно вырезанные накладки и другие детали, напоминающие фигурно вырезанные края татарских изделий [10, рис. 5: 7–9].

Более ранние следы раскроя кож в русских городах, отражающие восточные орнаментальные мотивы, можно увидеть в Тверском кремле. Открытые в центральной части укреплений кожевенные мастерские последней четверти XIII–первой половины XIV в. содержат скопления отходов от кроения кожаных деталей. В них встречаются и негативы фигурно вырезанных деталей в «восточном» стиле [26, рис. 142: 1–4, 7, 14, 51, 54; 147: 2–3]. Материалы этого же времени из раскопок южной части Тверского кремля в 1985 г. также показывают раскрой и пошив изделий со специфическим «восточным» декором. Имеются негативы вырезов в форме парных завитков и серия кожаных накладок (рис. 10) с такими завитками [27, с. 44, рис. 2, 8, 13]. Встреченная в комплексах определенного времени концентрация восточных элементов в кожевенных материалах позволяет предполагать, что спрос на изделия «восточного стиля» в средневековой Твери могло вызывать постоянное присутствие в городе представителей ордынских властей.

Историк средневековой Твери В.В. Овсянников писал, что в Затьмачье, близ церкви Николая Чудотворца, находился так называемый «татарский двор», на котором могли останавливаться татарские сборщики податей. Двор этот, как утверждали одни, был сожжен в 1327 г., при Великом князе Александре Михайловиче, в приезд ордынского баскака Шевкала, или Щелкана. По другим же сведениям, более достоверным, избиение татар в 1327 г. было в крепости. Но это не отрицает того, что «в числе улиц за Тьмакой одна называлась Татарскою и шла к татарскому двору. О татарском периоде осталась в Твери память и в песнях, и в местных названиях. В Твери сохранилась память о них например в названии «татарских гор» – это небольшое возвышение, занимаемое ныне кладбищенской церковью во имя Смоленской иконы Божьей Матери, где ханские баскаки со своими отрядами, непривычными к комнатному воздуху, жили в шатрах. Близ этой местности есть также татарская улица» [37, с. 73; 36, с. 194].

В Тверском кремле, также в слоях последней четверти XIII–первой половины XIV в., найдены немногие образцы декора обуви, который мог быть навеян кочевническим образом жизни части населения Поволжья в Ордынский период. Среди них:

1) декоративная обшивка швов сапог, сходная с археологическими находками в ордынских погребениях Нижнего Поволжья [26, рис. 66: 10];

2) один обрезок голенища взрослого сапога с расшивкой и набор из четырех деталей, принадлежавших двум низким детским сапожкам (или полусапожкам) с расшивкой по швам на голенище и головке (рис. 11: 2, 5);

3) фрагмент задника с расшивкой металлической вальцованной нитью (рис. 11: 12). Эта расшивка идентична ранее найденной на Кировском раскопе в Новгороде, в слое начала XIV в. [20, с. 217];

4) пара деталей «домашней туфли» с «восточным» узором, полученным при выскабливании мереи (рис. 12).

Использование в расшивке древнерусской обуви восточных мотивов, в некоторой степени, подкрепляет употребление привозного декоративного материала – цветных шелковых нитей. Они были определены специалистами на мягких туфлях из Минска [52, с. 79].

Среди находок «восточного стиля» в Московском кремле есть головка сапога с поперечным тиснением головки, с оплеткой из растительных нитей по верхнему краю, которую можно относить к первой половине XVI в. Предмет был найден в сложенном виде и в публикации назван ножнами, перешитыми из головки сапога [63, с. 124, рис. 9]. Такая оплетка очень схожа с цветной нитяной обшивкой швов на сапогах восточного типа. Использование декоративной оплетки по швам на голенищах сапог с рубежа XV–XVI вв. отмечено в Пскове (рис. 13) [28, с. 222] и Ивангороде (рис. 14, 15). Ко второй половине XVI в. единственный сохранившийся образец такого рода в Стокгольме, куда попал как дар татарского посольства в 1582 г. (рис. 16) [70, с. 94, fig. 103]. Хотя для этого времени такой вид отделки сапог мог быть заимствован и москвскими мастерами.

Начиная с XVI в. образцы обуви «восточного стиля» начинают встречаться не только на территории России, но и в других европейских странах. Кроме названной пары в стокгольмском музее имеются элитные сапоги XVII в. в венгерских музеях, имеющие расшивку цветными нитями боковых и нижних швов голенищ в сочетании с полной расшивкой голенищ золотной нитью [66, с. 49 and oth.]. Известны и более поздние образцы восточной обуви, получившие распространение в городах Европейской России в XVIII–XIX вв. К ним относятся сапоги из шагрени на тонком изогнутом каблуке, хранящиеся в музеях Новгорода и Москвы [39, с. 134–136]. В изобразительном материале этого времени низкие башмаки без задника, но на высоком и тонком каблуке показаны на портрете иранского принца Аббаса Мирзы, написанном около 1820 г. [64, Cat. № 138].

Выводы. Современное состояние изученности средневековых археологических материалов Восточной Европы позволяет выделять в русских средневековых городах кожаные изделия, отражающие «восточные» традиции, берущие начало в городах Среднего Поволжья.

Сегодня определенно можно отметить появление на территории древнего Казанского ханства специфических форм мягкой обуви во второй половине XV–первой половине XVI в., которые развиваются в дальнейшем как этнографическая черта культуры татар Среднего Поволжья, – это мягкие сапоги *ичиги* (*ичетыги*), башмаки, туфли и галоши. В *ичигах,* вероятно, использовали специальный тачной шов, выполняемый цветными нитями или металлической проволокой, выполнявшими также и декоративную функцию. Голенища и головки в местах их соединений могли фигурно выкраиваться. Головки башмаков имели линование и нашивку из кожи или ткани. Стельки в них могли украшаться растительным декором [6, с. 115, 119, 121]. Из этнографиче-

ских материалов известно, что в задник татарских *ичиг* вставляли куски шагреневой кожи [50, с. 134–135].

Но выделение в русских городах отдельных элементов конструкции и декора кожаных изделий восточного происхождения после монгольских завоеваний позволяет предполагать начало их объединения в позднейшую этнографическую культуру татар, по крайней мере, с рубежа XIII–XIV вв. Появление восточной кожевенной продукции в русских городах определенно подтверждает восстановление широких торговых связей городов Руси с городами Среднего Поволжья, последовавшее вскоре после разорения многих городов Руси в 1237–1240 гг.

Взаимодействие древнерусской и булгаро-татарской культур в XIV–XVI вв. сегодня можно рассматривать и в материальной, и в языковой сферах. Здесь надо обратить внимание на общую периодизацию в развитии русско-тюркских языковых связей, разработанную Н.А. Баскаковым в 1960–1970-е гг. Он выделял пять периодов, соответствующих основным историческим этапам сложения русского государства и взаимодействия его с соседними регионами [3, с. 6]. Из них второй период охватывает эпоху Киевской Руси, третий – эпоху монгольского нашествия и складывания централизованного государства, а четвертый – эпоху колонизации и присоединения Казанского, Астраханского, Крымского, Сибирского ханств, а также народов Средней Азии и Кавказа.

Большое число названий обуви и терминов кожевенного производства появляется в русском языке с XIV–XV вв. Это термины из восточного кожевенного производства, связанные с: 1) выделкой кожи – *лабаз, тузлук, шакша, шадрик*; 2) отделкой и сортами кожи – *булгара, мусат, сафьян, бахтарма, башка* [42, с. 234, табл. XIV], а также ряд наименований одежды и других предметов – *сарай, кирпич, башмак, чулок, калита, карман* [19, с. 9–25]. Такая четкая и пространная терминологическая лексика указывает на значительные изменения в технологии выделки кожи и расширение сортамента кож.

О заимствовании русскими обуви у татар в XVI–XVII вв. писал Н.И. Костомаров: «Сапоги, чеботы, башмаки, ичетыги были всегда цветные, чаще всего красные и желтые – иногда зеленые, голубые, лазоревые, белые, телесного цвета» [21, с. 63].

О широте восточного влияния на русский быт в XIV–XVI вв. говорит и отмеченный факт восточных заимствований предметов для содержания, обучения и использования ловчих птиц [55,с. 68 и сл.].

Рассмотрение культурных и производственных связей Руси и Среднего Поволжья отражается и на понимании стадиальности в развитии древнерусского кожевенного ремесла. Начало распространения в русском языке специальной лексики, связанной с кожевенным ремеслом, можно относить ко времени не ранее XV в., но широкое отражение в письменных памятниках такая лексика получает уже в XVI в. Значительное влияние на складывание профессиональной кожевенной терминологии и отражение в лексике специфических наименований кожевенной продукции связано с усвоением определенных культурных блоков восточного происхождения в XIV–XV вв., в период монгольского политического влияния на Руси, и позднее, в XVI–XVII вв., при освоении русскими территорий Сибири и Севера.

Со временем отдельные восточные термины изменяли свое первоначальное значение в русскоязычной среде. Например, слово *тузлук* сохранилось в значении, отличном от первоначального. Слово пришло в русский язык из татарского, где означало особым образом выделанную кожу. В тюркских языках так называли «кожаный мех, бурдюк для воды» и «рассол (для соления рыбы и особенно икры)» [53, IV: 116]. В языке русских старожилов Бурятии слово сохранилось только в значении «концентрированного раствора поваренной соли», применявшегося для консервации шкур мокросолением [44, с. 66].

Видимо, не позднее XV в. в русский язык входит слово *юфть*, первоначально означавшее, скорее всего, систему счета кож парами [62, II: 462–463]. Последние исследования показывают, что название относится к сортам русских кож таннидного дубления, выделываемых в XVI–XVII вв. и позднее из шкур крупного и мелкого рогатого скота. В московском государстве для таких кож были ходовые названия *краснодубная кожа* и *краснодубный товар*. Появление названия *юфть* связано с развитием экспорта краснодубной кожи в XVI–XVII вв. в страны Западной Европы. Персидское по происхождению слово *джофт*, означавшее «пара вещей», отражало технологический прием дубления кож парами и происходящий от этого метод счета. Трансформация звучания термина в *юфть* произошла уже в русском языке, и в значении «пара» оно широко бытовало в хозяйственной и деловой речи XVI–XVII вв. Из русского слово попало в украинский, болгарский, чешский, польский, немецкий, английский, французский и другие языки, но в другом значении – как своеобразная «русская кожа» или «особо прочная кожа специальной выделки». В этом же значении слово затем стало употребляться и в России [28, с. 130–131].

В связи с восточным влиянием на древнерусское кожевенное дело сохраняется и необходимость конкретизировать не совсем ясный вывод советских историков об «упадке ремесла» после монголо-татарских походов на Русь (1237–1240 гг.) и политического подчинения русских княжеств государству Тимуридов. Работы отечественных специалистов последнего времени содержат призывы к пересмотру прежних оценок. В этом вопросе изменение научных взглядов происходило постепенно, под влиянием расширяющихся археологических свидетельств того, что культурные слои и комплексы середины-второй половины XIII в. отчетливо показывают дальнейшее развитие материальной культуры, в частности, технологий – в ремеслах, а в сфере торговли – сложение широких контактов Руси со всем евразийским миром. Обзор данной проблематики в отечественных исторических работах показывает аргументированные мнения о положительных последствиях монгольских завоеваний, сказавшиеся, в частности, в расширении связей между Европой и Азией, о чем писали некоторые востоковеды [5, с. 129–148]. Прямую доказательную базу дают археологические материалы. Например, они позволили Г.А. Федорову-Давыдову сделать принципиально важный вывод, что общественные системы, сложившиеся к XIII в. на Руси, в Волжской Булгарии, Крыму и других оседлых регионах, «испытав страшное потрясение в момент нашествия и потеряв огромную массу производительных сил, все же выстояли, выжили, сохранились в основных своих чертах… власть монголов свелась к сбору дани…оказалась опосредованной местной феодальной верхушкой» [56, с. 26, 27].

Отсутствие разрывов в технологических традициях ремесла на Руси в XIII в. дает последовательное и постоянное накопление аналитических материалов в древнерусской археологии, особенно в изучении средневекового кузнечного ремесла, в частности, исследований по металлографии. Специалисты считают, что «в железообрабатывающем производстве не произошло разрыва традиций, который можно было бы предполагать в результате татаро-монгольского нашествия» [9, с. 219].

Изменение мнений по данному вопросу наглядно показала конференция, посвященная обсуждению тенденций развития древнерусского общества и государства в XIII в. и проведенная в Москве 14–16 ноября 2000 г., материалы которой легли в основу сборника статей [60; 35]. Так, А.В.Чернецов подвергает сомнению тезис Б.А. Рыбакова о том, что монголо-татары разрушили более 2/3 древнерусских городов, из которых 1/3 не была затем восстановлена. Он пишет: «…устанавливаемая археологически дата гибели большинства рассмотренных городищ слишком широка для того, чтобы с полным основанием связывать каждое такое событие с монголо-татарским нашествием». По его представлению, даже Киев и Рязань не были

полностью уничтожены и вскоре после событий 1237 и 1240 гг. восстановлены, ибо в глазах ордынцев они представляли собой важные торговые и военно-политические пункты [61, с. 13].

Вывод А.В. Чернецова подтверждает Г.Ю. Ивакин, отмечая, что до недавнего времени киевские археологи считали братские могилы погибших, разрушенные каменные сооружения, клады, следы пожаров исключительно связанными с 1240 г. Они также полагали, что после разгрома Киева в 1240 г. в нем прекратилось производство стекла, шиферных пряслиц, ювелирных изделий и т. д. При этом исследователи не учитывали многочисленные разгромы и осады города первой половины XIII в., произведенные русскими князьями, а также возможные пожары и стихийные бедствия этого времени. «Все свое незнание археологи перекладывали на нашествие Батыя… Каменные соборы Киева (если не считать Десятинной церкви) не были разрушены монголами в 1240 г. Археология таких случаев не фиксирует… Считаю, что продолжалось развитие материальной культуры XI–XII вв., обусловленное прежде всего внутренними факторами, которые были осложнены внешними ударами. Последнее касалось лишь отдельных аспектов и сторон культурной ситуации, а не ее глубинной основы. Разрыва традиций не было» [15, с. 48–49].

Подобный ход развития древнерусской культуры Т.Д. Панова видит для Москвы и для других территорий Руси, где XIII столетие отнюдь не было катастрофическим. Наоборот, «в истории города это был период не застоя, а бурного развития и роста», который в новых, благоприятных для Москвы условиях вскоре положил начало стремительному политическому взлету [41, с. 79]. С этим утверждением согласился Л.А. Беляев [4, с. 14–17].

Более того, некоторые историки подчеркивают, что в течение более двух столетий «татарского ига» на Руси не была разрушена ни одна православная церковь, а наоборот, их количество увеличилось ровно в два раза. Также в два раза увеличилось количество населения, более того, была заложена прочная основа для формирования единого Русского государства [57, с. 205].

Применительно к кожевенному делу практическая оценка влияния монголо-татарского нашествия наталкивается на определенные трудности, в которых можно выделить два узловых момента. Это 1) разная степень изученности ремесла по археологическим данным для отдельных городов и регионов, а также 2) разнородность методических приемов и действий, используемых при работе с археологическими коллекциями, значительно усложняющие сопоставление материалов. Для многих городов отсутствуют сопоставимые хронологические колонки изменения изделий из кожи по столетиям.

Комплексный анализ источников по кожевенному делу средневековой Руси позволяет утверждать, что монголо-татарское завоевание оказало позитивное влияние на технологическую сторону кожевенного производства, на формирование новых конструкций обуви и других кожаных изделий, а также на развитие декора кожаных изделий на Руси [25, с. 197 и сл.; 32].

Список литературы

1. Андрианова Л.С., Федоров А.С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде// Археология Севера. Вып. 4. Череповец. 2012. С. 82–91.

2. Археалогія Беларусі. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.). 2000. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. 2001. Мінск: Беларуская навука.

3. Баскаков Н.А. Предисловие // Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука. 1974. С. 5–8.

4. Беляев Л.А. XIII век в московском зеркале: начало или продолжение?// Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? Научная конференция: Москва, 14 – 16 ноября 2000 г. Тезисы докладов. М.: ИА РАН. 2000. С. 14–17.

5. Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру// Проблемы истории СССР. V. М.: Изд. МГУ. 1976. С. 129–148.

6. Валиев Р.Р. Кожевенное дело ханской Казани (по материалам раскопок 1994 – 2005 гг.) // Российская археология. 2009. № 1. С. 112–124.

7. Валиев Р.Р. Кожевенно-сапожное производство ханской Казани. АКД. Казань. 2010.

8. Варфоломеева Т.С. Средневековые кожаные футляры для торгового инвентаря// ННЗИА. 1997. Вып. 11. С. 105–114.

9. Вознесенская Г.А. Археометаллография в изучении кузнечного производства Южной Руси// Міста Давньоі Русі. Збірка наукових працъ пам`яті А.В.Кузи. Київ: Стародавній світ. 2014. С. 217–224.

10. Ганина Ю.В. Обувь жителей древней Вологды // Вологда. Краеведческий альманах. Гл. ред. М.А.Бензин. Вып. 3. Вологда: Русь. 2000. С. 78–92.

11. Горелик М.В. Золотоордынские предметы и их местные подражания в материалах древнерусских городов// КСИА. 2008. Вып. 222. С. 11–125.

12. Горелик М.В. Татаро-монгольский зверино-растительный стиль XII – XIV вв.// Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13. Армавир– Краснодар. 2012. С. 138–166.

13. Горяев Н.В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис: тип. Главнокомандующего. 1892.

14. Древний Новгород: прикладное искусство и археология. Альбом. Сост. Б. Колчин, В. Янин, С. Ямщиков. 1985. М.: Искусство.

15. Ивакин Г.Ю. Киев и монгольское нашествие// Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций. М. 2000. С. 47–49.

16. Калан Э. Улус Джучи (Золотая Орда) и страны Востока: торгово-экономические взаимодействия во второй половине XIII – XIV вв. Казань: Изд. «Яз»; Институт истории АН РТ. 2012.

17. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л.: Изд. АН СССР. 1928

18. Козлова А.В. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде// ННЗИА. Вып. 18. Новгород Великий. 2004. С. 188–207.

19. Козырев И.С. К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке// Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука. 1974. С. 9–25.

20. Колчин Б.А., Е.А.Рыбина Раскоп на улице Кирова// Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. 1982. С. 178–238.

21. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб. 1860.

22. Краснов Ю.А., Каховский В.Ф. Средневековые Чебоксары. Материалы Чебоксарской экспедиции 1969 – 1973 гг. М.: Наука. 1978.

23. Курбатов А.В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980 – 1986 гг.)// КСИА. 1991. Вып. 205. С. 71–77.

24. Курбатов А.В. Кожаные предметы из Чернигова// Археологія. 1996. № 2. Київ. С. 148–151.

25. Курбатов А.В. Культурные влияния Востока в кожевенном производстве средневековой Руси // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара: СОИКМ. 2001. С. 197–210.

26. Курбатов А.В. Кожевенное производство Твери XIII – XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993 – 1997 гг.). СПб: Петербургское Востоковедение. 2004.

27. Курбатов А.В. Археология и палеоэтнография средневековой Твери (по материалам кожевенного ремесла)// Древняя Тверь. Материалы НК. Тверь. 2006. С. 42–72.

28. Курбатов А.В. Торговля кожевенными товарами в средневековой России или «феномен русской кожи»// Археология и история Литвы и Северо-запада России в раннем и позднем средневековье. СПб: Нестор-История. 2009. С. 122–133.

29. Курбатов А.В. О городе Болгар и сорте кожи «булгари»// Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб: Дмитрий Буланин. 2010. С. 447–452.

30. Курбатов А.В. «Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси: движение людей и вещей// Stratum plus, 2011. № 5. Кишинев-Одесса-Санкт-Петербург. 2011. С. 183–200.

31. Курбатов А.В. Булгаро-татарские кожаные изделия в русских городах// АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Вып.1. /Султанова А.Н. отв. ред./ Уфа: РИЦ БашГУ. 2015. С. 62 – 69.

32. Курбатов А.В. (В печати) Кожевенное ремесло лесной зоны Руси в XIII–XIV вв. // Stratum plus. 2016. № 5.

33. Лавыш К.А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X – XIV вв.). Минск: Белорусская наука. 2008.

34. Мазанов А.А. Одежда татар XVI – XVIII в. (по старым рисункам и гравюрам) // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань. 1982.

35. Макаров Н.А., Чернецов А.В. (отв. ред.) Русь в XIII в. Древности темного времени. М.: Наука. 2003.

36. Никоновская летопись, X, 1885 – ПСРЛ. Т. X. СПб: тип. МВД. 1885.

37. Овсянников Н.Н. Тверь в XVII в. Исторический и археологический путеводитель по г. Твери. Тверь: Типография Губ. Правления. 1889.

38. Орлова М.А. О группе произведений древнерусского серебряного дела конца XIV – начала XV века (к проблеме генезиса стиля орнамента)// Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб. 1997. С. 148–169.

39. Осипов Д.О. Сапог зеленой шагрени // Родина. 2011. № 5. С. 134–136.

40. Осипов Д.О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: АКТЕОН. 2014.

41. Панова Т.Д. Москва и монгольское нашествие: характер культурного слоя Кремля XIII в.// Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций. М. 2000. С. 78–79.

42. Поварнин Г.Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. Ч. 1. История и техника производства. СПб. 1912.

43. Рабинович М.Г. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI – XVI вв. М. 1964.

44. Рахимова Р.К. Из древнетюркского пласта кожевенной лексики татарского языка// Исследования по лексике и грамматике татарского языка. Отв. ред. Х.Р.Курбатов. Казань: ИЯЛИ. 1986. С. 57–70.

45. Саттарова Л.И. Казанская узорная кожа. М.: Культура и традиции. 2004.

46. Ситдиков А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань. 2006.

47. Словарь русского языка XI – XVII вв. М.: Наука. Вып. 7(1980), 16 (1990).

48. Словарь русского языка XVIII в. СПб. Вып. 9 (1997).

49. Словарь русских народных говоров. Л. СПб: Наука. Вып. 12(1977).

50. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука. 1967.

51. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР. 1962.

52. Фадзеева В.Я. Да пытання аб старажытнарускім арнаментальным шыцці X – XIII стст.// Помнікі старажытна-беларусскай культуры. Новыя адкрыцці. Мінск. 1984. С. 78–83.

53. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Издание 3-е. Т.I–IV. СПб: Азбука, Терра. 1996.

54. Фатюнина О.А. 2011 Кожаная обувь Переяславля Рязанского конца XV – XVI века// Археология Подмосковья. Вып. 7. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. 217 – 221.

55. Федоров В.М. О восточном влиянии на охоту с ловчими птицами, проводимую в средневековой Руси, с точки зрения практики ее применения (По предметам археологических находок)// Лавровский сборник. Материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010 – 2011 гг. СПб: МАЭ. 2011. С. 68–75.

56. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1973

57. Хакимов Р.С. Метаморфозы духа. К вопросу о тюрко-татарской цивилизации. Казань: Идел-Пресс. 2005.

58. Халиков А.Х. Археологические работы на предбулачной части посада Казани XV – XVI веков// Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар. 1989. С. 116–118.

59. Хлебникова Т.А. Кожевенное дело // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. 1988. С. 244–253.

60. Чернецов А.В., Макаров Н.А. (отв. ред.) Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? ТДНК: Москва, 14–16 ноября 2000 г. М.: ИА РАН. 2000.

61. Чернецов А.В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа// Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука. 2003. С. 12–17.

62. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Тт. 1–2. М.: Русский язык. 1994.

63. Шеляпина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // Древности Московского Кремля. МИА. 1971. № 167. МИАМ. Т. IV. М.: Наука. С. 117–157.

64. Beyond the Palace Walls. Islamic Art from the State Hermitage Museum. Islamic Art in a World Context. Ed. By Mikhail B.Piotrovsky and Anton D.Pritula. 2006.

65. Celmiņš Andris Zemē apslēpta pilsete. Izstade par 1991.–1997. gada arheologiskajiem atradumiem Rīga. (Город под землей. Выставка археологических находок из Риги). Rīga. 1998.

66. Lichner M. Data on gyula benczúr`s collection of textiles// Ars Decorativa. 18. Budapest. 1999. 49 – 75.

67. Rickevičiūtė K. Karmėlavos senkapis (1998 – 2000 m. tyrinėjimai)// Lietuvos ARCHEOlogija. 24. Vilnius. 2003. 161 – 228.

68. Satkūnaitė Sandra XVI a. piniginė iš Ruklių senkapio// Baltų archeologija, 1998 N. 1–2 (11–12). 1998. 32 – 37.

69. Svetikas E. Tretininkų odiniai kapšeliai: jų apkalų tipologija, chronologija ir simbolika// Lietuvos ARCHEOlogija. 24. 2003. 241 – 266.

70. Swann J. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 2001.

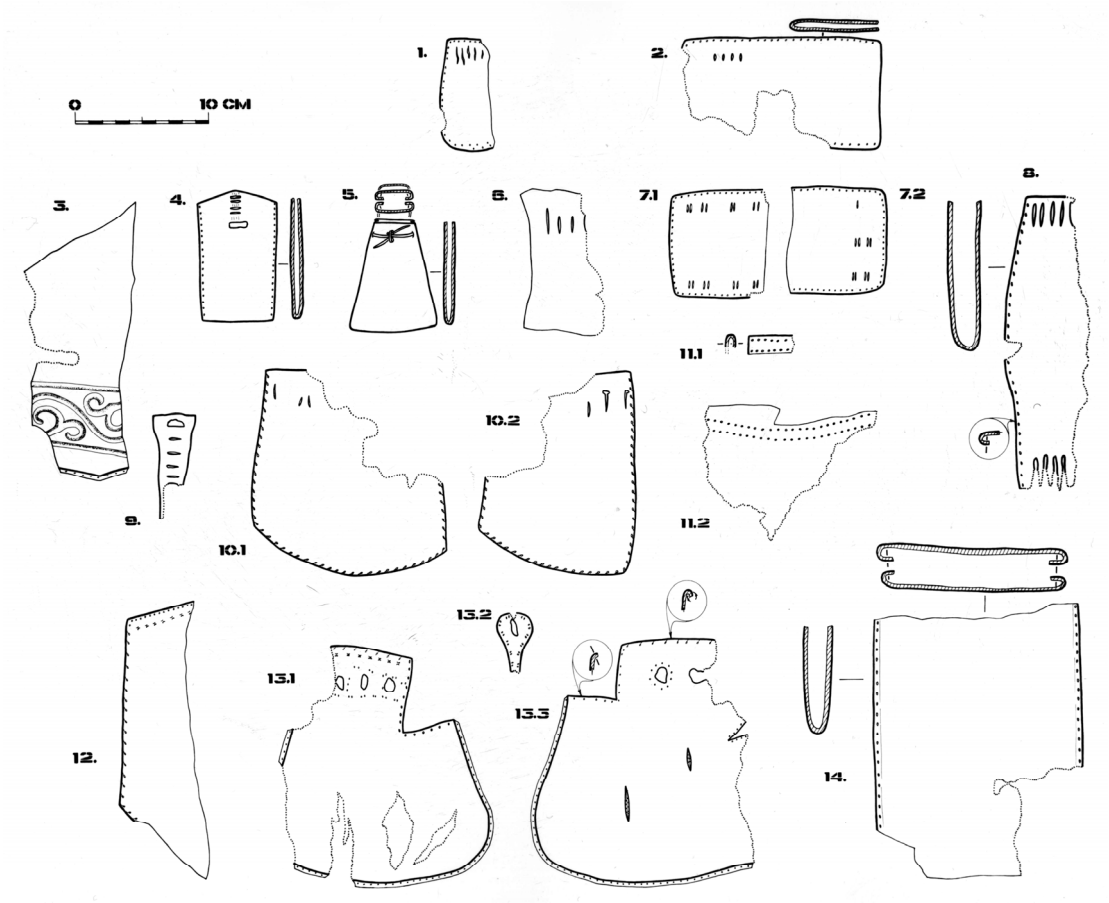


Рис. 1. Тверской кремль, центральная часть, раскопки 1993–1997 гг.
Детали кошельков и сумок

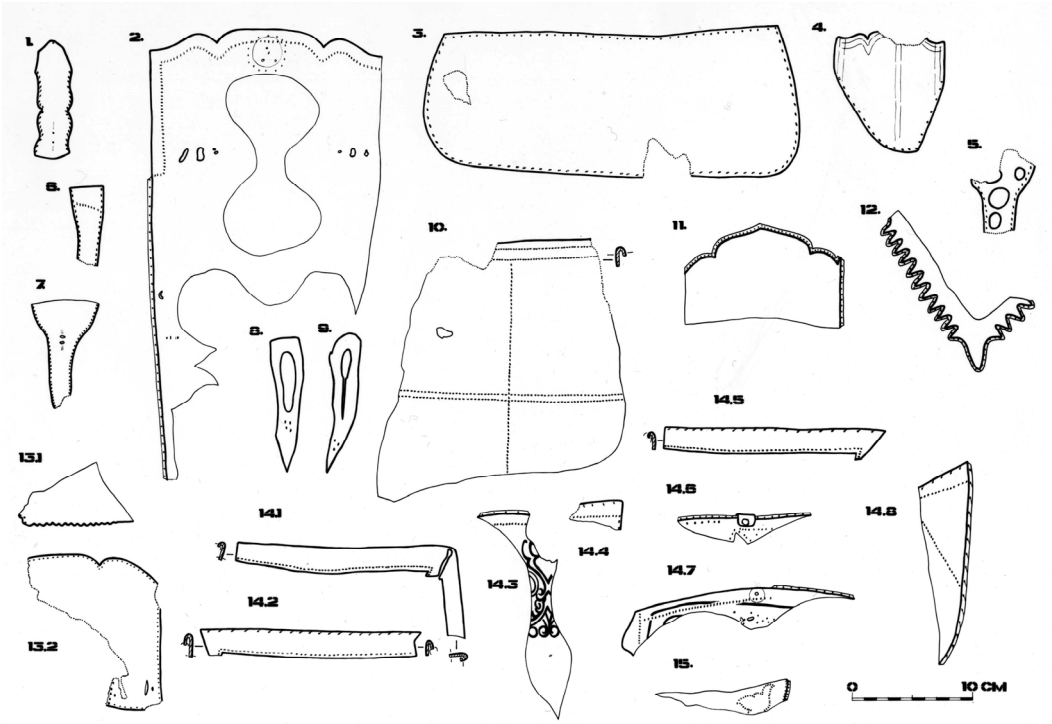


Рис. 2. Тверской кремль, центральная часть, раскопки 1993–1997 гг. Детали разных «вместилищ» и других изделий

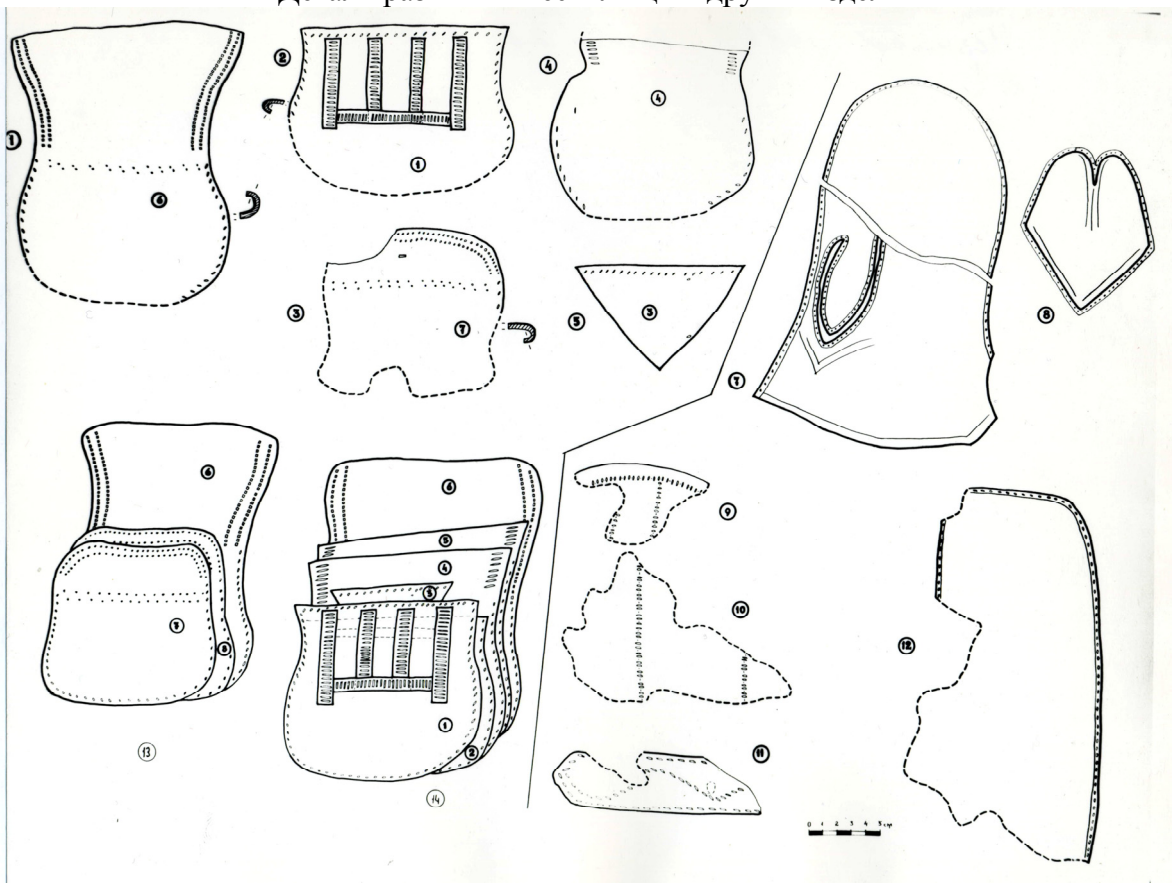
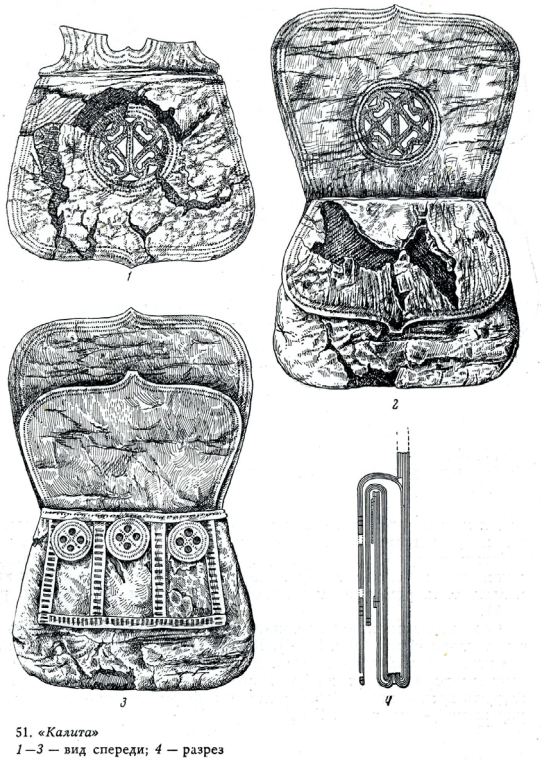


Рис. 3. Чернигов, раскоп 1986 г. Детали *калиты*, рукавиц, пояса и неопределенного изделия



51. «Калита»
1—3 — вид спереди; 4 — разрез

Рис. 4. Калита из Москвы. Взято: Рабинович 1964, рис. 51

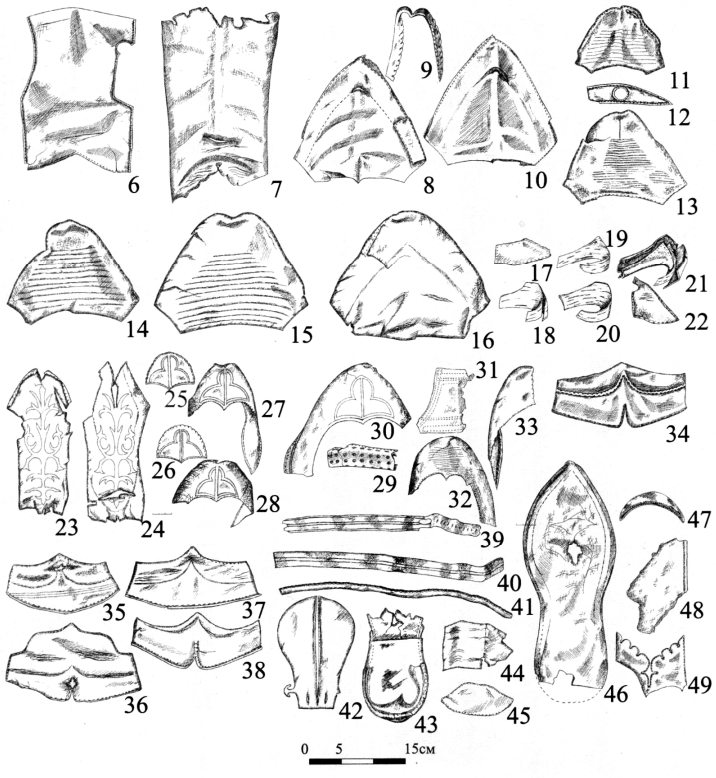


Рис. 91. Находки кожевенной мастерской

Рис. 5. Кожаные предметы из Казанского кремля. Взято: Ситдиков 2006, рис. 91

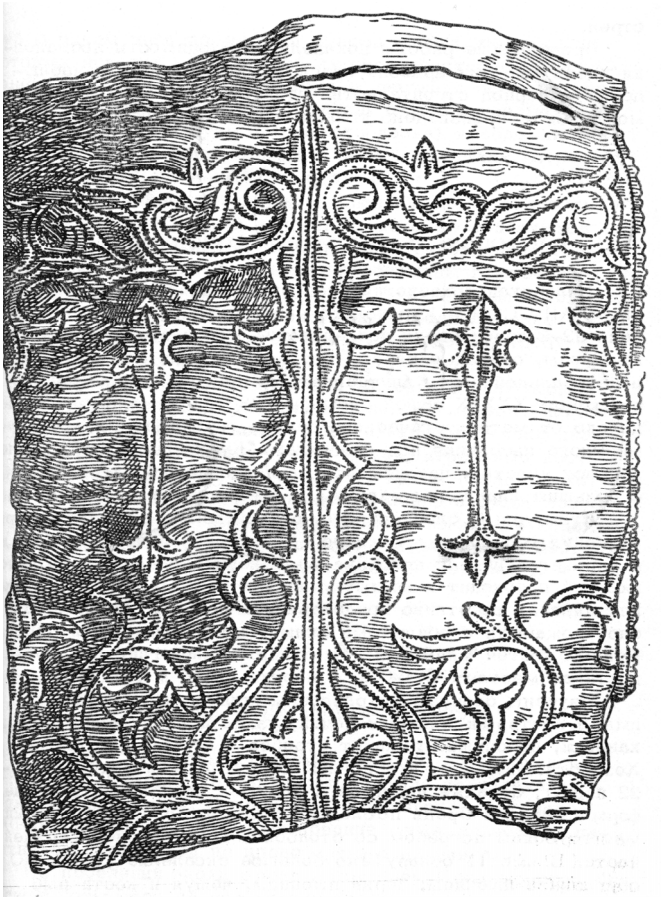


Рис. 6. Посад г. Казани. Голенище сапога с нитяной расшивкой.
Взято: Халиков 1989, рис. на с. 117

Рис. 7. Крепость Ивангород. Головка сапога с нитяной расшивкой

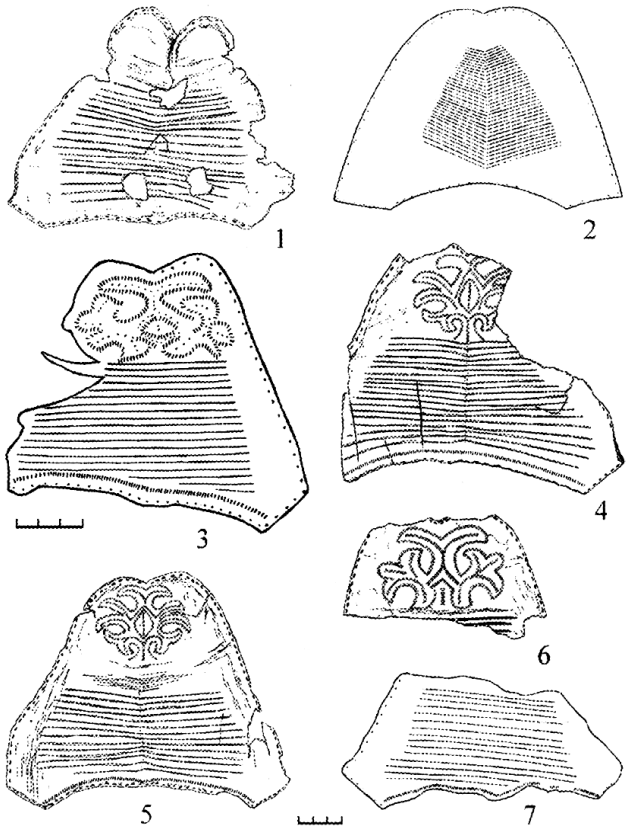


Рис. 8. Кожаные изделия из кремля Переяславля-Рязанского.
Взято: Фатюнина 2011, рис. 1

Рис. 9. Великий Новгород. Головка сапога с расшивкой.
Взято: Древний Новгород, 1985, ил. на с. 146

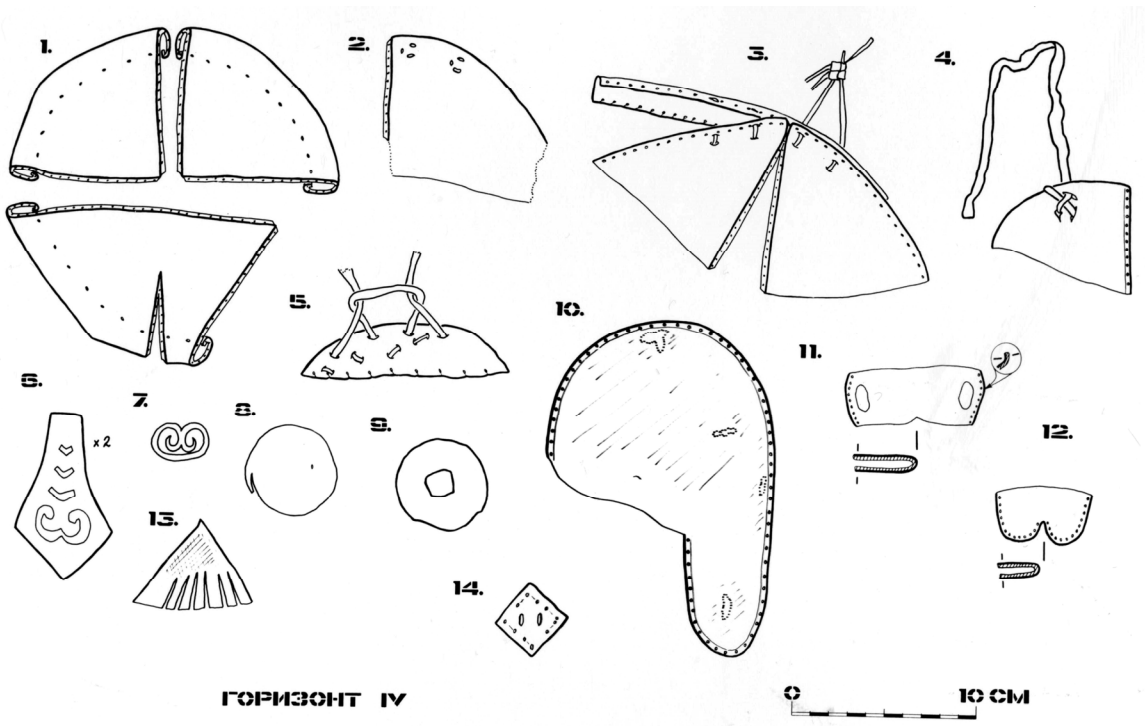


Рис. 10. Тверской кремль, южная граница, раскопки 1985 г. на ул. «Правды». Горизонт IV. Изделия и детали: 1 – поплавок?; 2 – 5 – фартуки; 6 – декоративная нашивка; 7 – негатив вырезного декора; 8 – негатив от раскроя; 9 – шайба; 10 – рукавица; 11, 12 – обрезки чехлов для ножей; 13 – обрезок детали?; 14 – усилительная накладка

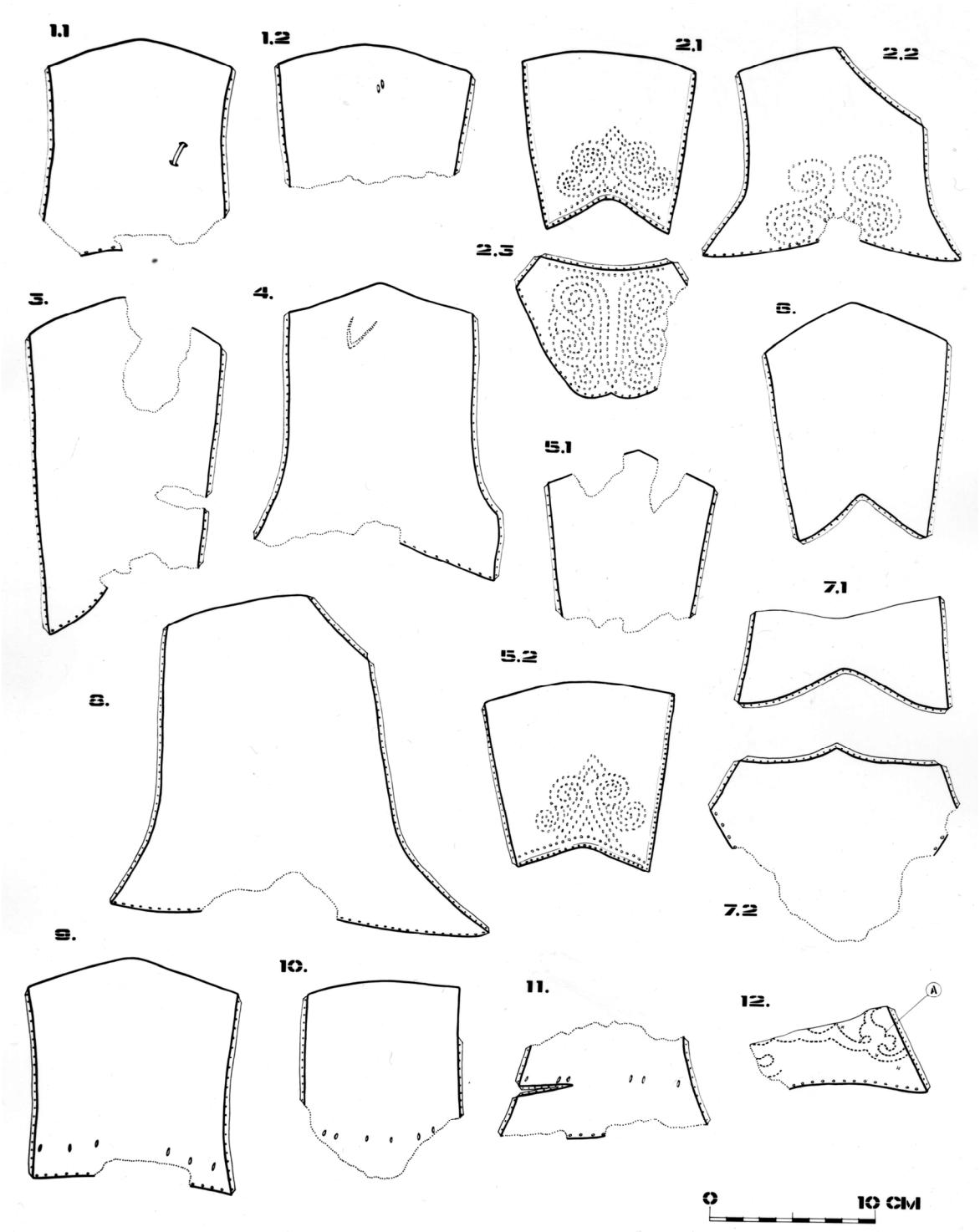


Рис. 11. Тверской кремль, центральная часть, раскопки 1993–1997 гг.
Детали сапог и полусапожек

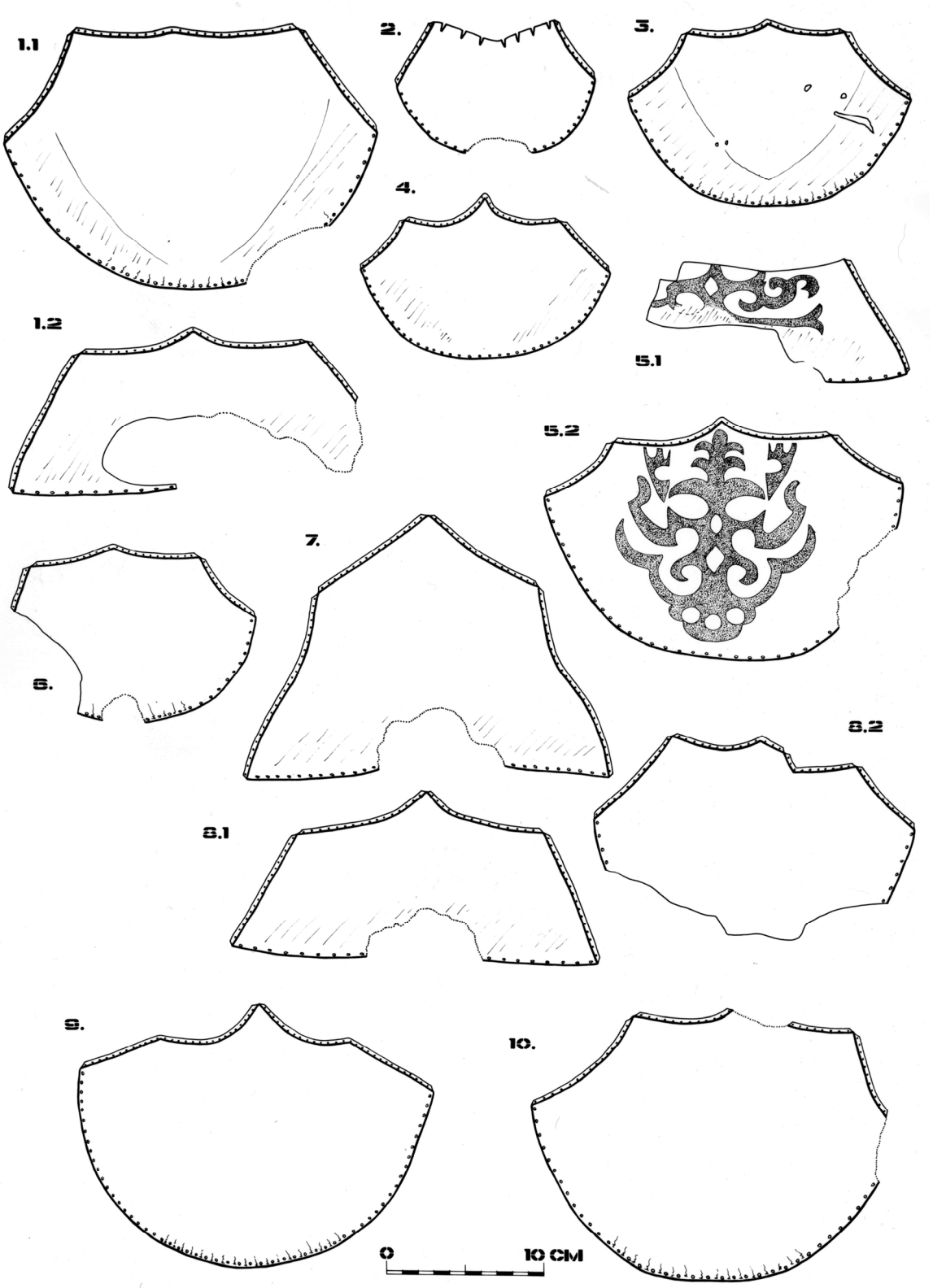


Рис. 12. Тверской кремль, центральная часть, раскопки 1993–1997 гг.
Детали «комнатных туфель»

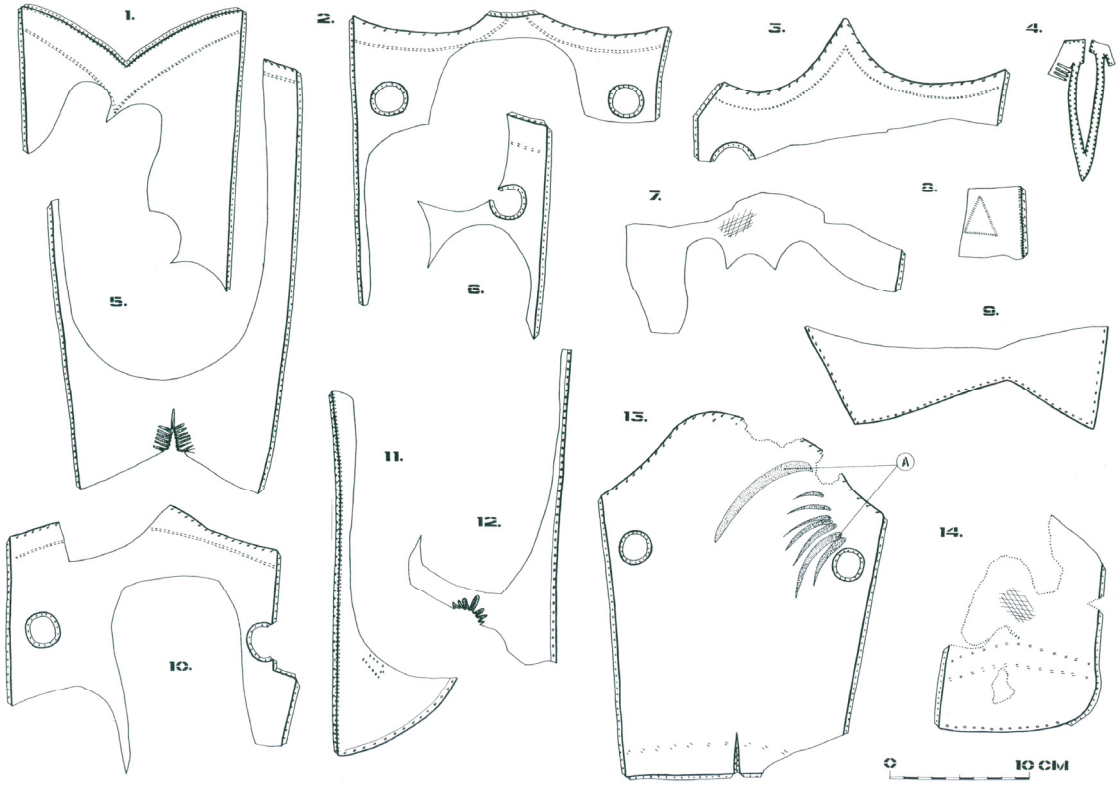


Рис. 13. Псков. Петровский-VIII раскоп, 2007 г. Детали голенищ сапог

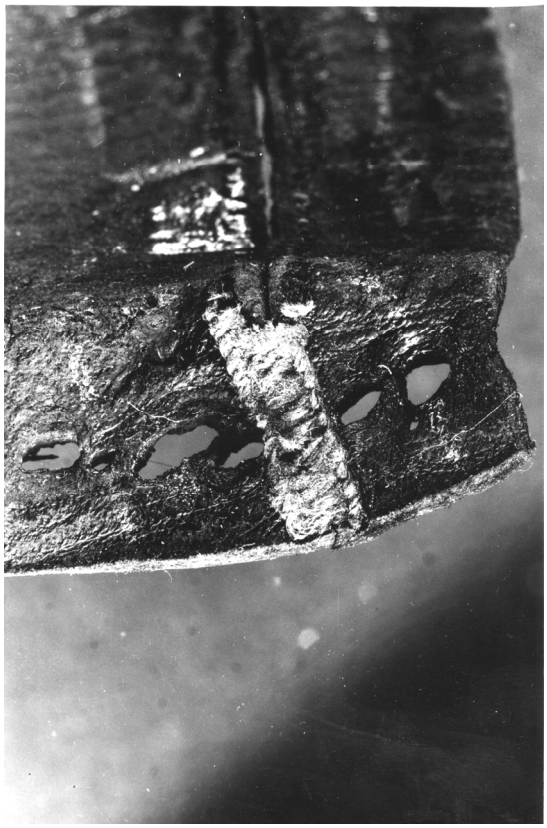


Рис. 14. Крепость Ивангород. Деталь задника вторичного использования. Вырезана из голенища

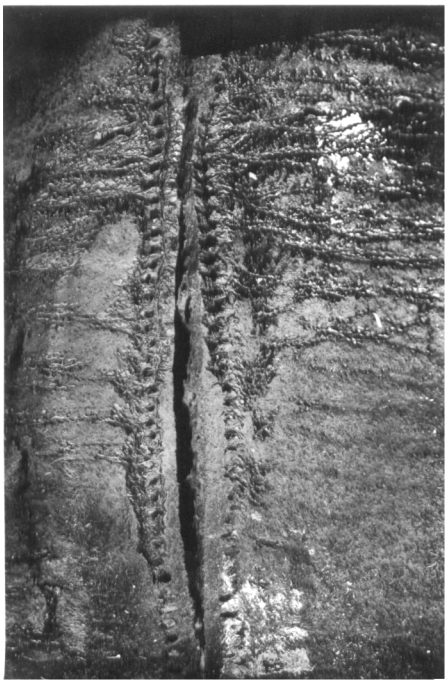


Рис. 15. Крепость Ивангород. Деталь голенища с декоративным наружным швом

Рис. 16. Татарский сапог из Национального музея Швеции. Взято: Swann 2001, fig. 103

В.В. Мингалев
(РФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь)
М.К. Юкова
(РФ, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань)

ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ ПЫШТАЙН I–III

В статье представлено исследование материалов из раскопок могильников Пыштайн I–III, которые датируются от V в. до X в. Представлены хрономаркирующие артефакты для раннехаринского и позднехаринского хронологических горизонтов.

Ключевые слова: Пыштайнский I курганный могильник, Пыштайнский II курганно-грунтовый могильник, Пыштайнский III грунтовый могильник, Великое переселение народов, Пермское Прикамье, Верхокамье, раннехаринский хронологический горизонт, позднехаринский хронологический горизонт.

V.V .Mingalev
(RF, National Research University "Higher School of Economics", Perm)
M.K. Yukova
(RF, Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences, s. Kazan)

CHRONOLOGY OF THE CEMERTES PYSHTAYN I-III

Research is devoted to artifacts of the complex Pyshtan I-III cemetery's which dates back to the V–X century AD. We have made hronomarker's for the early harino chronological horizon and late harino chronological horizon.

Key words: Pyshtayn I barrow cemetery, Pyshtayn II & III cemetery's, Great Migration period, Perm region, , early harino chronological horizon, late harino chronological horizon, region of the Kama river head.

Вместо предисловия

«Я знаком с Натальей Борисовной очень давно, еще с 1988 г., когда она иногда вела занятия для кружка «Школа юных археологов» во Дворце пионеров и школьников г. Перми вместо А.М. Белавина, мне тогда было 11 лет. Потом были раскопки на Телячьем Броде. А потом еще много раз нас сводила в поле безумная богиня Археология. Мы долго работали вместе в ПГПУ. Начальник экспедиции – тяжелая и нервная должность, но Наталья Борисовна несет ее с легкостью и достоинством. Ее добрая улыбка всегда радует нас. В любой сложной ситуации она всегда находит незлые, но отрезвляющие слова, за что ее любят студенты и коллеги. Хочется пожелать, новых открытий, новых экспедиций, новых достойных научных дискуссий. Я рад, что судьба свела меня с таким замечательным человеком». (Мингалев В.В., 2017 г.)

1. История изучения могильников Пыштайн I–III

В 1886 г. И.Я. Кривощеков приобрел в дер. Пыштайн несколько находок для коллекции Теплоухова [1, с. 52; 2, с. 118]. В 1900 г. В.Л. Борисов обследовал окрестности деревни и выявил курганные насыпи. Через год он повторно приехал туда и провел стационарное исследование могильника, им было вскрыто три кургана, найдены: медная пряжка, удила, остатки кольчуги и др. [2, с.118]. Находки из раскопок В.Л. Борисова хранятся в Эрмитаже (коллекция № 576) [3, с. 182]. В 1951 г. могильник был обследован В.А. Обориным Месторасположение памятника было определено в 400 м к юго-западу от дер. Пыштайн, где на пашне имелось ок. 30 распаханных курганов, находок не было найдено [4]. В 1962 г. могильник был обследован Ю.А. Поляковым ни каких следов курганов или находок не было найдено [5]. В 1964 г. в ходе строительства пио-

нерского лагеря в 400 м к югу от могильника Пыштайн I А.И. Верещагиным было выявлено погребение X в. Предметы, найденные Верещагиным, в настоящее время выставлены в Гайнском краеведческом музее им. А.Я. Сазонова как одно погребение, хотя, судя по вещевому набору, это минимум два разрушенных погребения X в. Было найдено два копья, один вток, пять железных наконечников стрел, медное коньковое кресало, витое серебряное кольцо, втульчатый ромбовидный боевой топорик, пластинчатый медный браслет, оковка кошелька, медная оковка седла, два поясных набора (с сердцевидными накладками и квадратными прорезями), сюльгама, ложкарь и два саманидских дирхема (по определению В.Г. Луконина саманидского эмира Наср ибн Ахмада II (914–943 гг.), чеканка 931–932 гг.) [21].

Для стационарного исследования района пионерского лагеря прибыл отряд КАЭ под руководством В.А. Оборина. В ходе раскопок было вскрыто 362 м^2 и выявлено 15 погребений (вместе с первым – 16), пять из них окружены курганной канавкой [6]. В погребениях были найдены серебряные и бронзовые украшения, стеклянные и янтарные бусы, костяные наконечники стрел, предметы пермского звериного стиля, саманидские и иранские монеты. По характеру находок могильник был атрибутирован как памятник ломоватовской культуры и, в связи с неоднозначностью вещевого материала, был датирован широко – VI–X вв. В отчете и в ранних публикациях могильник назывался Пыштайнским. Позднее Пыштайнский могильник, который протянулся более чем на 500 м вдоль террасы, был разделен на Пыштайн I, который исследовал в 1900 г. В.Л. Борисов и Пыштайн II, обследованный в 1964 г. В.А. Обориным. Разделяет их р. Даниловка, могильник Пыштайн I расположен на левом берегу реки, а могильник Пыштайн II – на правом. Попытку разобраться с месторасположением Пыштайнских могильников в 1987 г. предпринял Э.Ю. Макаров. В ходе его исследований были выявлены несколько погребений разрушенных при строительстве дороги Пыштайн–Харино, на юго-западной окраине д. Пыштайн. Были исследованы три разрушенных погребения, найдены детали поясной гарнитуры (трехсоставная пряжка «харинского» типа, щиток, фрагмент накладки), костяной наконечник стрелы, подвеска в виде удлиненной трапеции. По характеру находок погребения были отнесены к харинскому этапу ломоватовской культуры и датированы VI–VII вв. [7]. Э.Ю. Макаров посчитал, что это часть могильника Пыштайн I, протяженность которого ок. 400 м, а приблизительная площадь 2,5 га. В настоящее время, найденный Э.Ю. Макаровым могильник принято считать могильником Пыштайн III, так как, в отличие от могильника Пыштайн I, он приурочен к р. Каме и находится на высокой пойменной террасе.

Несмотря на проведение трех стационарных исследований и выявление богатого вещевого материала, ситуация с границами, характером и хронологией Пыштайнских могильников остается неразрешенной. В связи с этим, в научной литературе часто возникает путаница, что приводит к смешиванию материалов двух, разновременных могильников Пыштайн I (материалы 1899 г.) и Пыштайн II (материалы 1964 г.).

В 2004–2005 гг. на могильнике Пыштайн II были зафиксированы несанкционированные раскопки. На этом основании, в рамках федеральной программы аварийных раскопок памятников Гайнского района, было принято решение о проведении стационарных исследований на могильнике Пыштайн II.

В ходе раскопок 2005 г. могильника Пыштайн II, по открытому листу В.В.Мингалева, была вскрыта площадь около 100 м^2, выявлено 22 погребения, 10 культовых ям и канавок. Многие погребения накладываются друг на друга, что дает основание для относительной хронологии. Большая часть погребений, ограблена, судя по стратиграфии, не менее чем через 50 лет после проведения погребального обряда, и шесть погребений ограблены в 2004-2005 гг.

По результатам раскопок 1900 г. могильника Пыштайн I В.Л. Борисов, публикаций не сделал, не введя в научный оборот материалы, чертежи раскопок утеряны.

В.А. Оборин упоминал о своих раскопках 1964 г. в обзорных статьях [8, с. 100; 9 с. 25–26].

По результатам раскопок могильника Пыштайн II автором раскопок в 2005 г. было опубликовано три статьи: «Раскопки средневекового могильника Пыштайн II в Гайнском районе Коми-пермяцкого автономного округа» [10], «Стрела из могильника Пыштайн: неизвестный ранее тип?» [11] и «Предварительные замечания по хронологии Пыштайнского II могильника (по материалам раскопок 2005 г.)» [12]. Ведущий специалист лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ Н.Г. Брюхова, проводившая исследования костей погребенных на раскопках 2005 г., опубликовала две статьи, в которых использовала полученные при раскопках данные [13; 14].

Коллекция Пыштайнского могильника разделена и в настоящее время хранится в Эрмитаже, Пермском краеведческом музее, Гайнском краеведческом музее им. А.Я. Сазонова, Коми-Пермяцком краеведческом музее им. П.И. Субботина-Пермяка и музее археологии Прикамья в ПГНИУ.

Данная статья посвящена анализу вещевого материала из раскопок разных лет с Пыштайнских могильников.

2. Хронология курганного могильника Пыштайн I

Коллекция из раскопок В.Л. Борисова 1900 г. хранится в Эрмитаже под номером 576. Всего в коллекции 15 предметов, девять из них это фрагменты керамики, из которых только два венчика. Оставшиеся шесть предметов – это фрагмент кольчуги, два железных ножа (один, судя по форме, относится к русскому периоду), трехсоставная бронзовая пряжка с утерянным щитком (рис. 1, *1*), удила (рис. 1, *2*) и тыльник плетки (рис. 1, *3*).

Железные удила с подвижными кольцами-трензелями среднего диаметра (ок. 3,5–4 см) и грызлами разной длины (рис. 1, *3*). Разность длины грызл связана со способом управления лошадью. Управление производилось левой рукой, при этом рука всадника была отклонена сильно влево, в связи с чем правое грызло имеет большую длину, чем левое. Правая рука в данном случае освобождалась и, вероятно, была занята оружием, сильное же отклонение влево давало простор для фехтования с коня и быстрого вынимания клинкового оружия из положения слева на поясе. Данный тип удил характерен для V–VII вв. н. э. [15, с. 9].

Бронзовая «хоботовидная» трехсоставная пряжка со слегка прогнутым язычком, рамка имеет незначительное утолщение в передней части (рис. 1, *1*). Пряжка необычная, прогнутость язычка и неутолщенная передняя рамка указывает на раннюю датировку III–пер. пол. IV в., в то время как выраженная «хоботовидность» язычка и его массивность указывают дату не ранее V-VII вв. Все вышесказанное позволяет датировать пряжку V в. н. э.

Тыльник плетки представляет собой верхнюю часть деревянной ручки от плетки, обернутую медным (?) тонким листом, прикрепленную к дереву с помощью маленьких бронзовых гвоздиков. Тыльник подобной формы и способа крепления найден на Мокинском могильнике (п. 257) в составе комплекса, датированного вт. пол. IV–V в. [16, с. 13–14, рис. 61; 17, с. 258].

Как видно из перечисленных предметов, материал могильника Пыштайн I является невыразительным и предварительно позволяет отнести памятник к V в. н. э., раннехаринскому культурно-хронологическому горизонту.

3. Хронология могильника Пыштайн III

Коллекция Э.Ю.Макарова, в настоящее время частично хранится в Коми-Пермяцком краеведческом музее им. П.И. Субботина-Пермяка, а частично вероятно, утеряна. Автору данной статьи довелось увидеть и зарисовать данные предметы в 1999 г., коллекцию показал сам Э.Ю. Макаров. Всего в коллекции представлено четыре предмета: трехсоставная пряжка (рис. 1, *6*), накладка (рис. 1, *7*), подвеска (рис. 1, *8*) и костяной наконечник стрелы (рис. 1, *9*).

Бронзовая «хоботовидная» трехсоставная пряжка с язычком, выходящим далеко за пределы рамки, передняя часть рамки сильно утолщена, концы дрота, из которого сделана рамка, слегка сплюснуты и имеют овальное сечение. Щиток рамки одинаков из реверсной и аверсной стороны и имеет подпрямоугольную форму. Пластина, из которой изготовлен щиток, толстая, но сильно коррозирована. Сплав рамки и язычка («благородная», темно-зеленая патина) визуально отличается от сплава пластины (светло-зеленая патина с белым налетом). Данные пряжки датируются вт. пол. V–VI вв. н. э.

Подпрямоугольная бронзовая гладкая накладка с четырьмя отверстиями под штифты для крепления к поясу. В настоящее время нет четкого разграничения между данным типом накладок и накладками с двухштифтовым креплением в хронологическом плане, но весьма небольшое количество находок подобных накладок указывает на то, что они могут являться хрономаркерами. Аналогичные накладки найдены в двух погребениях Варнинского могильника (п. 82 и п. 134) [18, с. 56–57, табл. XII, *5*], в погр. 82 с накладкой с прорезью в виде замочной скважины, а в погр. 134 с подвеской бельком, это позволяет датировать данные комплексы кон. VI–VII вв. На Митинском могильнике в погр. 9 было найдено несколько подобных накладок [19, с. 110], данный комплекс по пряжкам и коньковым подвескам-пронизкам может быть датирован вт. пол. VI - пер. пол. VII в. Предварительно можно датировать данный тип накладок вт. пол.VI-пер. пол.VII в.

Подтрапецевидная подвеска, первоначально имевшая привески, скорее всего изготовленные в виде бронзовых цепочек. Данные подвески датируются вт.пол. VI-пер. пол.VII в. н. э. [20, с. 300].

Комплекс предметов собранный Макаровым Э.Ю. позволяет отнести могильник к VI–VII вв. н. э.

4. Хронология Могильника Пыштайн II

Рассмотрение хронологии следует начать с отсылки, к выводам статьи 2006 г. [12], в которой доказывается, что смена ориентировки погребений на памятнике согласуется по времени (см. табл.1).

Таблица 1. Ориентировка и хронология погребений могильника Пыштайн II [12]

№	Ориентировка	Номра погребений	Кол-во	Дата
1	Северо-восточная	22, 32, 34, 35, 36, 38	6	VIII–X вв.
2	Восточная	17, 21, 23, 25, 26, 27	6	
3	Юго-восточная	14, 16, 18, 32, 31, 29	5	вт. пол. VII–сер.VIII в.
4	Юго-западная	2, 3, 4, 6, 7, 8, 12	8	вт. пол.VI–пер.пол.VII в.

№	Ориентировка	Номра погребений	Кол-во	Дата
5	Юго-юго-западная	1, 11,	2	
6	Неизвестная	5, 9, 13, 15, 20, 24, 28, 37	8	

Смена ориентировки происходила с юго-запада к северо-востоку и, соответственно, с VI к X в. Данную тенденцию удалось обнаружить благодаря тому, что в конце VIII в. повторно начинает использоваться заброшенная часть могильника, в связи с чем погребения конца VIII–X вв. перекрывают или частично разрушают погребения VII в.

Раскоп В.А. Оборина находился в той части могильника, в которой нарушений погребений не было. Доминирующей ориентировкой погребений в раскопе В.А. Оборина является юго-западная, лишь погр. 14 ориентировано на юго-восток. Кроме того в раскопе 1964 г. выявлены канавки, которые автор раскопа трактовал как курганные. Из всех четырнадцати погребений, только четыре имеют выразительный датирующий материал (погр. 2, 3, 6, 8).

Погребение № 2. Ширина погребения – 0,45–0,50 м., длина 1,85 м, глубина 0,20–0,32 м. Кости в беспорядке, выше костей черепа друг на друге выявлены две бронзовые подтрапецевидные подвески с пятью привесками цепочкам (рис. 2, *7*), спутанность цепочек и характер находки могут указывать на парные арочные подвески. Данные подвески датируются вт. пол. VI–VII вв. н. э. [20, с. 300]. В центральной части погребения выявлено несколько фрагментов пояса с прямоугольными гладкими бронзовыми накладками прикрепленные к поясу двумя штифтами (рис.2, *13*), данные накладки считаются «харинскими» и датируются V-VI вв. [19, с.84-87, табл.7]. Погребение можно датировать вт.пол. VI в. н.э.

Погребение № 3. Ширина – 0,60 м., длина – 2,24 м., глубина – 0,16–0,20 м. В районе костей черепа найдены височное кольцо и две височные подвески с привеской обожженным сердоликом. Аналогичные встречаются на Варнинском могильнике (погр. 88, 114) [18, с. 31], комплекс погр. 88 имеет хороший набор хрономаркирующих предметов (двухсоставная В-образная пряжка и накладка в виде замочной скважины), все это позволяет датировать комплекс VII в. Близкая по типу височная подвеска с напускной бусиной выявлена в погр. 21 Митинского могильника [19, с. 112], в составе комплекса погребального инвентаря найдена В-образная трехсоставная пряжка, которая является несомненным подражанием В-образным двухсоставным пряжкам, что позволяет также датировать комплекс не ранее VII в.

Погребение № 6. Ширина – 0,25 м., длина – 1,30 м., глубина – 0,35 м. Костяк находился в анатомическом порядке, бронзовая пряжка лежала на груди. Бронзовая «хоботовидная» трехсоставная пряжка с язычком, выходящим далеко за пределы рамки, передняя часть рамки утолщена, концы дрота, из которого сделана рамка, слегка сплюснуты и имеют овальное сечение. Щиток у пряжки отсутствует, но при разборе погребения он фиксировался в виде тлена. Данные пряжки датируются VI–пер. пол. VII вв. н. э.

Погребение № 8 расположено в 17 м от основной массы погребений, выявленных при раскопках 1964 г., и является самым богатым из погребений Пыштайнского II могильника.

В погребении выявлены две сасанидские монеты, низка бисера с несколькими крупными бусинами на ней (рис. 2, *10*), таблетковидные инкрустированные сердоликовые бусины (4 экз.), бусы янтарные (13 шт.) (рис. 2, *2-4*), треугольная подвеска с листо-

вым золотом (рис. 2, *6*), подвеска-пронизка медведь, коньковая пронизка (рис. 2, *10*), серебряный браслет.

Два сасанидских дирхема относящихся к правлению Пероза (457–484 гг.); по определению В.Г.Луконина, один относится к 3–8-му году правления (460–465 гг.), а второй – 9-му году (466 г.) [21], выброс сасанидских монет в основной своей массе относится не ранее чем к вт. пол. VI в. [22].

Таблетковидные сердоликовые травленные бусины (4 экз.) орнаментированные 5-конечной решеткой с вписанными «звездочками», по типологии Е.В Голдиной, похожи на тип XIБ3 [23, с. 44–45]. Е.В. Голдиной данный тип бус датируется IV–VII вв. н. э. [23, рис. 34], причина столь широкой датировки остается загадкой, все найденные бусы происходят из погребений Верх-Саинского могильника, что позволяет отнести их ко вт. пол. VI–VII в. В.Б. Ковалевская говорит, что пик распространения данного типа бус приходится на VII–VIII вв., Гораций Бек, описывая такой же узор, который мы фиксируем на пыштайнских бусах, датирует их VII–IX вв. [24, с. 23–24]. Исходя из общего характера сопутствующего материала, данные бусы не могут быть датированы позднее VII в.

Янтарные бусы – 13 шт. (5 – фрагменты, 2 – сломаны пополам, 6 – целые) делятся на три типа: 1. Крупные (D до 31 мм) дисковидные с округлыми краями (рис. 2, *2*), 2. Средние (D от 13 до 18) дисковидные бусы с четкими краями неровной высоты (рис. 2, *4*), 3. Одна дисковидная квадратичная в поперечном сечении бусина с крестообразной формой отверстия (рис. 2, *3*). По визуальной оценке все бусы из одного сорта красно-коричневого янтаря. Тип 3 не находит аналогий. Типы 1 и 2 встречаются в Митинском могильнике в п. 40 [25, с. 14–15; 19, с. 58–121 табл. 2, с. 115]. Бусы данных типов также встречаются в рамках неволинской культуры, на могильнике Верх-Сая [26, рис. 64, *4*]. Крупные и средние янтарные бусы дисковидной и диско-конической формы многочисленны на северокавказских памятниках [27, с. 95–96]. На данных памятниках подобные янтарные бусы датируются со вт. пол. IV в. до VII в.

Бисер ($D \leq 5$ мм) из тянутой трубочки с последующим делением (отшибание или разрезание). Оливкового и желтого цвета (рис. 10, 17). Подобный бисер распространен на могильниках Прикамья и имеет широкую датировку.

Раковины каури (рис. 2, *1*). Одна – со срезанной спинкой. На могильниках неволинской культуры раковины каури встречаются в комплексах кон. VI–VII в. [23, рис. 31].

Трехчастная бусина с металлической прокладкой (предположительно «золотой»), изготовленная из тянутой трубочки, с желто-коричневым внешним слоем. Подобные бусы распространены на средневековых могильниках Прикамья.

Особый интерес представляет бронзовая литая треугольная подвеска с имитацией зерни и скани, сверху подвеска обернута золотой фольгой с продавливанием узора через фольгу, в фольге сделано три отверстия со стеклянными (?) вставками (рис. 2, *6*). Прямых аналогов данное украшение не имеет, но явно имитирует стиль Варна-Кара-Агач. Прототипом данного украшения является треугольная золотая подвеска из коллекции А.Л. Бертрана-Делагарди, представленная в настоящее время в Британском музее, датирующаяся IV в. н. э. [28, p. 33, 66]. Уникальность артефакта не дает основания точно его датировать, но, учитывая черты деривата и явные черты позднехаринского полихромного стиля, треугольную подвеску следует датировать не ранее вт. пол. V в., скорее всего, VI в.

Учитывая погребальный инвентарь, погребение № 8 может быть датировано вт. пол. VI–пер. пол. VII в.

При раскопках В.А. Оборина так же было найдено несколько предметов вне погребений, вероятно, из разрушенных погребений, интерес с точки зрения датирования имеют калачиковидная серьга «харинского типа» и В-образная пряжка.

В-образная цельнолитая пряжка со щитовидной обоймой (Рис.2, *8*), исходя из явной деградации стиля, данная пряжка датируется – VII в. [29, с.196-197].

Калачиковидная серьга «харинского типа» височное или ушное украшение, состоящее из тонкопроволочной дужки и двучастной полой привеской в виде несомкнутого кольца с утолщенной нижней частью (калачик), завершающейся тремя полыми шарами. Коэффициент вытянутости серьги составляет в среднем 2,40. Крепление дужки к основанию – с помощью двух муфт. Датировать ее можно VI–VII вв. н. э. [30].

Комплекс вещей, найденных при раскопках В.А. Обориным, в целом относится ко вт. пол.VI-пер .пол.VII в. н. э.

Пыштайнский комплекс могильников является традиционным для северной группы средневековых погребальных памятников, подобно Агафоновскому, Аверинскому и Чазевскому комплексам. Данные могильники обслуживали одну локальную группу начиная от периода раннего средневековья (V–VI вв.) до развитого средневековья (XII–XIV вв.), а возможно, и до периода русской колонизации, если ситуация с Чазевским погребальным комплексом будет транспонировать на аналогичные комплексы памятников [31, с. 125–126]. При этом могильники расширялись вдоль террасы.

Пыштайнский I курганный могильник является самым ранним в комплексе и связан с миграцией в кон.V в. н. э. населения с юга, он появляется на значительном расстоянии от реки на подъеме террасы, заполнение могильника идет от данной точки вдоль р. Даниловки в сторону р. Камы. Пыштайнский III могильник, как становится понятно в настоящее время, это северная часть разросшегося Пыштайнского I могильника. В VII в. Пыштайнский I могильник заполнил весь левобережный мыс террасы. Вероятно, в конце VI в. мест для погребений на левобережной террасе р. Даниловки не стало хватать и часть погребений начали совершать на ее правобережной террасе, так появился Пыштайнский II могильник. Начиная со вт. пол. VII в. местное население перестает использовать Пыштайнский I и III могильники и начинает хоронить исключительно на правобережной террасе р. Даниловки (Пыштайнский II могильник). В VIII в. происходит смена погребального обряда, а к кон. VIII–нач. IX в. площадка Пыштайнского II могильника оказывается заполнена, местное население начинает использовать заброшенную часть могильника VII в. Судя по данным раскопок 2005 г., повторное использование площадки продолжается до IX–X вв., скорее всего, после этого могильник снова был перенесен.

Список литературы

1. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоухова. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К, 1902.
2. Кривощеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь: Электро–типография «Труд», 1914. 850 с.
3. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна реки Камы. (По данным, собранным М.В. Талицким). // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 27. 224 с.
4. Оборин В.А. Отчет о полевой археологической разведке в верховьях р. Камы летом 1951 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 602. 74 л. 25 илл.
5. Поляков Ю.А. Отчет о работе Гайнского отряда Камской археологической экс- педиции Пермского университета в 1962 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 2446. 167 л. 136 илл.
6. Оборин В.А. Отчет об археологических раскопках в Пермской области в 1964 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 2948. 117 л., 82 ил.

7. Макаров Э.Ю. Отчет о разведочных работах в Коми-пермяцком автономном округе в 1987 г. // Архив кабинета археологии ПГНИУ.

8. Денисов В.П., Оборин В.А., Поляков Ю.А. Камская археологическая экспедиция // Археологические открытия 1966 года. М.: Изд-во ИА АН СССР, 1967. С. 100.

9. Оборин В.А. Краткий очерк работ Камской археологической экспедиции ПГУ в 1961-1966 гг. // Уч. зап. ПГУ. Пермь. 1968. № 191. С.7-27.

10. Мингалев В.В. Раскопки средневекового могильника Пыштайн II в Гайнском районе Коми-пермяцкого автономного округа // Археологические открытия 2005 года. М.: ИА РАН. 2007, С. 384–385.

11. Коробейников А.В., Мингалев В.В. Стрела из могильника Пыштайн: неизвестный ранее тип? //Вестник КИГИТ. Ижевск-Екатеринбург. 2006. № 2. С. 117–134.

12. Мингалев В.В. Предварительные замечания по хронологии Пыштайнского II могильника (по материалам раскопок 2005 г.) //Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург. 2006. С.104–109.

13. Брюхова Н.Г. Опыт исследования половозрастного состава населения ломоватовской эпохи (по материалам раскопок могильника Пыштайн II в 2005 г.). // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург-Сургут, Екатеринбург: Магеллан, 2007. С. 228–230.

14. Брюхова Н.Г. Система питания средневекового населения Пермского Предуралья как индикатор биологической и социальной адаптации (по данным антропологии) // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. Вып. 4. Пермь. 2015. С.42-47.

15. Седышев О.В. Снаряжение верхового коня у древней мордвы в III–XIII вв. автореф. Ижевск. 2004. 20 с.

16. Перескоков М.Л. Отчет об археологических раскопках на территории объектов культурного наследия регионального значения «Мокино 1, поселение-могильник» у д. Мокино, на левом берегу р. Мулянки, в Пермского районе Пермского края в 2013 год. Пермь, 2014. 151 с. // Архив кабинета археологии ПГНИУ.

17. Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI вв. н. э. в Пермском Прикамье //Проблемы сохранения и использования культурного наследия. История, методы и проблемы охранных археологических исследований. Екатеринбург-Нефтеюганск. 2014. С. 255-261.

18. Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник Поломской культуры. Ижевск. 1980. С. 5–135.

19. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ Свердловск. 1973. Вып.12. С. 58–123.

20. Мингалев В.В. Хронология и функциональная интерпретация парных арочных подвесок //Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Уфа. 2007. С. 296–303.

21. Письмо 1965 г. из Эрмитажа в Кабинет Археологии ПГУ Оборину В.А. // Архив кабинета археологии ПГНИУ.

22. Мингалев В.В. Монетные комплексы раннего средневековья Прикамья и Привычегодья // Путями средневековых торговцев. Пермь 2004. С. 39–46.

23. Голдина Е.В. Бусы могильников Неволинской культуры (конец IV–IX вв.) Ижевск. 2010. 264 с.

24. Ковалевская В.Б. Хронология восточно-европейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998. 84 с.

25. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках курганного могильника у д. Митино Юксеевского с/с Кочевского района Коми-Пермяцкого нац. округа, произведенных летом 1956 г. // Архив кабинета археологии ПГНИУ.

26. Голдина Р.Д., Лещинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собраний Удмуртского государственного университета. Ижевск, 2007. 196 с.

27. Мастыкова А.В. Женский костюм центрального и западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М, 2009. 502 с.

28. Andrasi J. The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and Related Material The catalogue. 82 p. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.britishmuseum.org/pdf/3-Catalogue-Pls-Andrasi_rfs.pdf.

29. Гавритухин И.Ю. В-образные пряжки, изготовленные вместе с щитовидной обоймой // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск. 1999. С. 160–209.

30. Мингалев В.В. Калачиковидные серьги харинского типа. // Оборинские чтения. Вып.4. Пермь. 2006. С. 52–56.

31. Мингалев В.В. Керамика Чазевского I могильника // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. Пермь. 2009. С. 125–133.

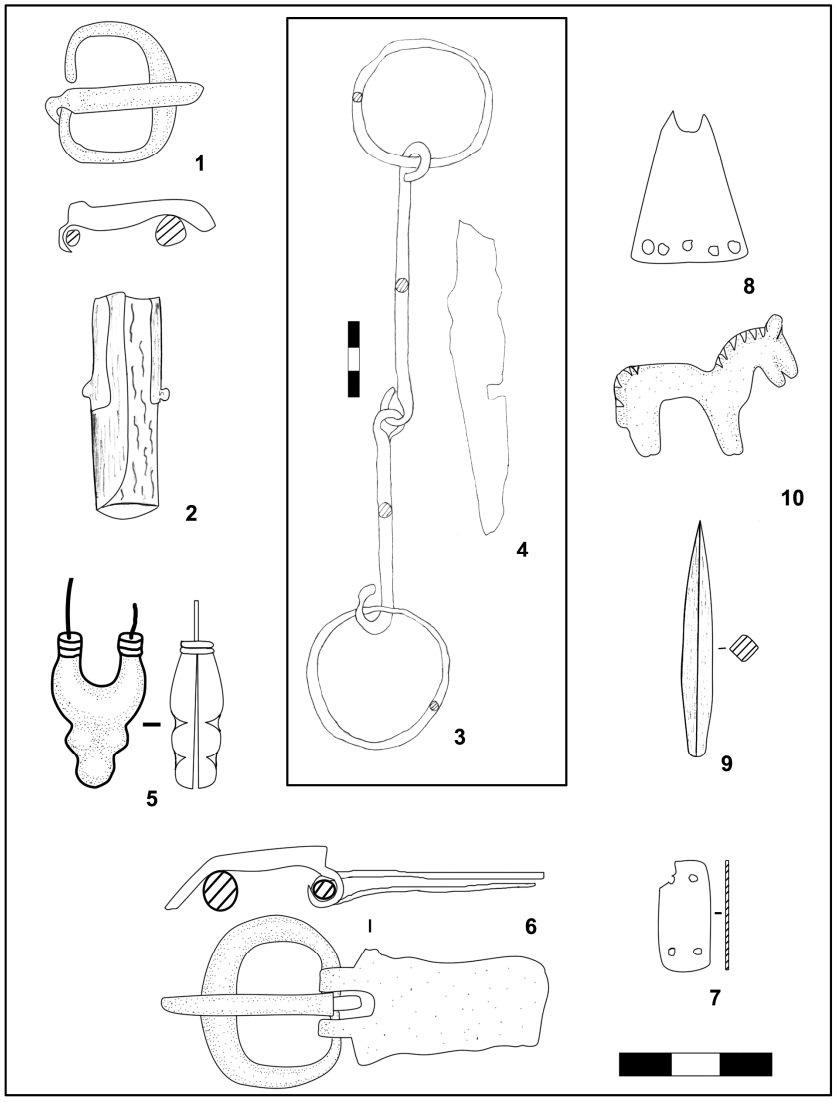


Рис. 1. Материал из раскопок В.Л. Борисова (1900 г.), В.А. Оборина (1964 г.) и Э.Ю. Макарова (1987 г.)

1–4 – Пыштайнский I могильник, коллекция 576, Эрмитаж (раскопки Борисова В.Л.)
5 – Пыштайнский II могильник (раскопки В.А Оборина.) сбор с поверхности
10 – Пыштайнский II могильник (раскопки В.А.) Оборина, погребение № 8
6–9 – Пыштайнский III могильник (раскопки Э.Ю.Макарова)

Рис.2. Материалы из раскопок Пыштайнского II могильника (В.А.Оборин)
1–4, 6, 10, 11 – погребение № 8; 5 – погребение № 3; 12, 13 – погребение № 2;
9 – погребение № 6; 8 – пахотный слой.

К.В. Моряхина
(РФ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПЛАСТИНЧАТЫХ БРАСЛЕТОВ СО СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Рассмотрены формообразующие техники изготовления пластинчатых браслетов, среди которых можно выделить литье, ковку, литье+ковку, и их возможное сочетание с декоративными приемами. В качестве декоративных техник используются литье, чеканка, штамп-колесико. Пластинчатые браслеты по своему оформлению являются более вариативными, чем дротовые и витые. Применение разных техник имеет определенные хронологические рамки. На протяжении VII–XIII вв. кованые браслеты преобладают над литыми, в XIII–XIV вв. встречаются только литые изделия. Также учитывается возможность изготовления украшений из цветных металлов в Пермском Предуралье. В статье представлены находки ювелирного инструментария на ключевых средневековых памятниках Пермского Предуралья.

Ключевые слова: браслеты, средневековье, Пермское Предуралье, литье, ковка, чеканка, бронзолитейное производство, ювелирный инструментарий.

K.V. Morjakhina
(RF, Perm State Humanitarian Pedagogical University, s. Perm)

PECULIARITIES OF MANUFACTURING BRACELET WITH MEDIEVAL MONUMENTS PERM CIS-URAL

This article discusses techniques for making bracelets. Are allocated casting, forging, casting+forging. We consider a combination of techniques with the decor. Decorative techniques used by casting, stamping, die-wheel. These bracelets on its design are the most diverse. The use of different techniques has certain chronological framework. During the VII-XIII centuries. forged bracelets prevail over the cast. In XIII-XIV centuries. found only castings. Also consider the possibility of making jewelry from the non-ferrous metals in the Perm Cis-Urals. The article presents the findings Jewelry tools on medieval monuments Perm Cis-Urals.

Key words: bracelets, medieval, Perm Cis-Urals, casting, forging, stamping, bronze casting, jewelry tools.

Пластинчатые браслеты наряду с дротовыми получили распространение у средневекового населения Пермского Предуралья. Их количество на памятниках Пермского Предуралья составляет 127 экземпляров (40,9% от общего количества браслетов). Впервые такие браслеты начали встречаться в погребениях в VII в. – это пластинчатые неорнаментированные украшения. Со временем появился дополнительный декор. Пик популярности пластинчатых браслетов, как и в целом данной категории изделия, приходится на X–XI вв. После этого их количество резко снижается на памятниках Пермского Предуралья. Дротовые браслеты в XII–XIV вв. практические исчезают из употребления, но пластинчатые – продолжают бытовать.

Хронологически пластинчатые браслеты в процентном соотношении распределяются следующим образом: VII–XI вв. – 75,6%, кон. XI–XIV в. – 24,1%.

Изделия весьма разнообразны по оформлению окончаний (с прямыми, отогнутыми, квадратными, округлыми, зооморфными концами) и нанесению декора (с кружковым, геометрическим, с имитацией зерно-сканного декора, растительным орнаментом, зернью и вставкой). Всего можно выделить 29 вариантов пластинчатых браслетов.

Украшения различаются и по технике изготовления. Можно выделить три схемы изготовления: литье, литье+ковка, ковка.

1.Литье (24 экз.).

В эпоху средневековья у финно-угорских народов литье было основной техникой для изготовления украшений. Пластинчатые браслеты могли отливаться в односторонние и двухсторонние формы, возможно, также по восковой модели. Некоторые изделия имеют четкий орнамент, который сложно получить при литье в разъемную форму.

Как правило, браслеты имели литой орнамент. В качестве декора использовались геометрический орнамент, желобки, имитация зерно-сканного декора. На одном браслете кружковый орнамент был процарапан. Круги на нем «рваные» и неровные, что указывает на недоработку мастера или нанесение орнамента его непосредственном обладателем.

Первые литые пластинчатые браслеты появляются в VIII в. Изделия представляют собой тонкую неорнаментированную пластину с прямыми концами (рис. 1/1). Края изделия имеют зазубрины, как это обычно бывает, если предмет вырезают из металлической пластины. Ввиду этого предположено, что первоначально был изготовлен металлический лист путем выплеска расплавленного металла на гладкую ровную поверхность, после чего зубилом вырезался браслет и загибался по форме руки. В Новгороде такую технику изготовления использовали до того времени, пока не научились применять прокатку [9, с. 233]. Такие браслеты были обнаружены на Запосельском могильнике.

К этому же времени относятся браслеты из Агафоновского I и Плесинского могильников, концы которых украшены медвежьими головами (рис. 1/8). Изделия изготавливались по восковой модели. Мордочка медведя имеет ярко выраженные уши, глаза и нос.

Основная масса литых пластинчатых браслетов (50%) относится к X–XI вв. и происходит с памятников Агафоновский II, Мало-Аниковский, Огурдинский, Рождественский, Степаново Плотбище могильники, Роданово и Рождественское городище – это с прямыми концами, с изображением змей на концах, с квадратным и округлым расширением на концах и желобками (рис. 1/2–3).

В XII в. пластинчатые литые браслеты перестают изготовляться в Пермском Предуралье. Их появление в XIII–XIV вв. на Саламатовском I городище и селище Телячий Брод связано с влиянием извне. Узкопластинчатый браслет с геометрическим орнаментом происходит, скорей всего, из Золотой Орды [3]. Происхождение браслетов со спиралевидными концами и желобками (рис. 1/5) может быть связано с влиянием Древней Руси на территорию Пермского Предуралья.

К сожалению, в Пермском Предуралье на данный момент не найдено ни одной литейной формы для браслетов. Но, тем не менее, есть основания полагать, что существовало местное производство этих изделий. Во-первых, согласно картографическому и статистическому анализу, данный вариант браслетов не получают распространения за пределами Пермского Предуралья. Во-вторых, на памятниках Пермского Предуралья был обнаружен бронзолитейный инструментарий.

Например, на Рождественском городище (раскопки до 2008 г.) были обнаружены тигли (12 экз.) различной формы (конические, цилиндрические и чашеобразные) для расплавки металла и ложки-льячки (12 экз.), которые использовались для заливки расплавленного металла в форму. На этом же памятнике были обнаружены литейные формы для изготовления подвесок, пронизок, привесок и прутков [1, с. 260–264]. В 2011–2012 гг. в ходе археологических работ на Рождественском городище была обнаружена металлургическая мастерская: горн, предназначенный для бронзолитейного и кузнечного производства, очаги, тигли (около 70 сосудов), льячки, металлический лом и др. Литейных форм в слое не было, вероятно, использовались одноразовые формы, которые разламывались при извлечении изделия из нее. Интерес представляют четыре ме-

таллических слитка из свинцовой бронзы и свинцовой латуни. Такие сплавы использовались в Пермском Предуралье при изготовлении украшений, в том числе браслетов. Металлургический комплекс датируется X–XI вв. [5, с. 29-36].

На Чашкинском II и Запосельском селищах были обнаружены куски медистого песчаника, слитки из медного сплава, тигли (около 80 экз.), ложки-льячки, литейные формы для привесок-лапок и колечек-нашивок. Это указывает на то, что местные жители разрабатывали находящиеся близи залежи меди и использовали их в бронзолитейном производстве [4, с. 386–388].

2. Литье+ковка (14 экз.).

Данная техника изготовления предполагает, что сначала была отлита основа изделия, после чего в результате механической обработки под давлением ему придавалась окончательная форма и прорабатывался орнамент (если он был). При изготовлении ювелирных изделий, в том числе браслетов, применялась холодная ковка, т. е. изделие могло нагреваться до 300°С. Такая схема изготовления была выявлена по результатам металлографического анализа.

Техника *литье+ковка* применялась либо для упрощения процесса изготовления (изготовление браслетов, для которых типично использование формообразующей ковки), либо с целью повышения качества (для придания большей прочности литые браслеты проковывались).

Так, пластинчатые браслеты с имитацией зерно-сканного декора (рис. 1/7) отливались вместе орнаментом. После изъятия изделия из формы оно укладывалось лицевой стороной в наковальню (возможно, в деревянную изложницу) с углублением и проковывалось с изнаночной стороны [9, с. 235]. Орнамент мог дополнительно прорабатываться чеканом. На одном из изделий заметен случайный удар чеканом по месту имитации вставки (бороздка длиной 4 мм). Скорее всего, длина бороздки аналогична длине рабочей поверхности чекана. От аналогичных литых изделий без последующей обработки данные браслеты отличаются более высоким качеством и четким орнаментом.

В единичном экземпляре был найден пластинчатый браслет с орнаментом в виде елочки, который после отливки был прокован, а при помощи чекана с плоским боем на него был нанесен орнамент (рис. 2/1).

При изготовлении пластинчатых браслетов с округлым расширением на концах с желобками и кружковым орнаментом (рис. 1/6) иногда использовалась в качестве основы литая пластина. Окончания пластины расковывались, декор наносился под давлением. На основную часть изделия укладывался металлический стержень, при ударе по которому на браслете оставались желобки. В последнюю очередь между желобками и на окончании браслета наносился пуансоном кружковый орнамент.

Техника *литье+ковка* также могла использоваться при изготовлении неорнаментированных браслетов – с прямыми концами и с граненым уплощением на концах (рис. 1/4). Последние, как правило, были кованые.

Указанные браслеты были обнаружены на Рождественском и Саламатовском I городищах, Бояновском, Каневском, Мало-Аниковском, Рождественском могильниках. Изделия датируются X–XIII вв.

3. Ковка (89 экз.).

Ковка является наиболее характерной техникой для изготовления пластинчатых браслетов и начинает применяться с VII в. По такой технике сначала изготавливаются простые неорнаментированные браслеты, с VIII в. появляются браслеты с отогнутыми концами и дугообразным или геометрическим орнаментом, которые бытовали в сер. X в. (рис. 2/4-5). Орнамент на таких изделиях при предварительном нагреве наносился

при помощи чекана или зубчатого штампа-колесика [7, с. 62–65]. Браслеты со следами штампа-колесика (4 экз. из 36 аналогичных) все происходят с Бояновского могильника, а остальные браслеты данного варианты были обнаружены на Бояновском, Важгорском, Деменковском, Каневском, Плесинском, Редикорском могильниках.

В X–XI вв. получают распространение браслеты с граненым уплощением на концах и с расширяющимися концами и кружковым орнаментом (рис. 2/3; Бояновский, Плесинский, Рождественский м-ки), в XI–XIII вв. – с округлым расширением на концах и спиралевидным окончанием (рис. 2/2; м-к Степаново Плотбище, гор. Анюшкар, Саламатовское I).

В XI–XIII в. на территорию Пермского Предуралья попадают серебряные створчатые браслеты с чернью (рис. 2/7) из Волжской Булгарии [6, с. 84]. Также в это время появляются браслеты с шатонами, украшенные зернью (рис. 2/6,8). Место изготовления таких изделий неизвестно. Они обнаружены на территории от Новгорода до Приобья в единичных экземплярах, и каждый имеет свои особенности [8, с. 163]. Браслеты, обнаруженные в Пермском Предуралье (4 экз.), отличаются наличием кружкового орнамента на основной части браслета, зерни вокруг вставки, помимо этого основа изделия в одном случае была из бронзы, а не из серебра, как это обычно бывает. Возможно, бронзовый браслет был изготовлен местными мастерами.

Поскольку последние два варианта браслетов не иллюстрируют уровень развития ювелирного ремесла Пермского Предуралья, в данной статье не будет подробно рассмотрена техника их изготовления.

На памятниках Пермского Предуралья был обнаружен инструментарий, используемый при обработке металла под давлением. На Рождественском городище и могильнике были найдены зубила, бородки, ювелирные щипчики и два ювелирных молоточка. Первый, металлический с клювообразной рабочей частью, мог использоваться в качестве пуансона-чекана при тиснении и штамповке [1, с. 259–260], второй – костяной с прямоугольной рабочей частью (обнаружен в яме с большим количеством лома и обломков изделий из цветных металлов) [2]. Костяной молоточек мог применяться в процессе придания готовому изделию окончательной формы. Например, для придания браслету формы руки изделие загибалось вокруг деревянной болванки ударами костяного молоточка по внешней стороне. В таких целях использовался деревянный или костяной молоточек (киянка), т. к. при данной операции было важно не испортить декор и само изделие [9, с. 228]. На Саламатовском I городище были обнаружены зубила, шилья и оселки, которые могли использоваться при механической обработке металла [10, с. 19].

Таким образом, опираясь на изученные материалы, можно сделать вывод о том, что в Пермском Предуралье мастера начиная с VII в. активно используют ковку для изготовления украшений. В VIII в. начинают применять чеканку, в X в. – пробуют использовать штамп-колесико. Литье, техника, наиболее характерная для ювелирного дела Пермского Предуралья, редко используется при изготовлении пластинчатых браслетов. Отмечается использование схемы литья и последующей ковки, которая могла как усложнять (проковка литых изделий), так и упрощать производство (использование вместо формообразующей ковки). Применение такой технической схемы указывает на то, что мастера использовали разные техники при изготовлении одних и тех же вариантов изделий, соответственно, не было универсальной схемы и единства в работе мастеров.

Список литературы

1. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.

2. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках городища и могильника у с. Рождественск Карагайского района Пермского края в 2015 г. Пермь, 2016 // Архив МАЭ ПГГПУ.

3. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках селища и могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермской области в 1999 г. Пермь, 2000 // Архив Государственной инспекции по охране объектов культуры Пермского края, ф. 3, оп. 2, д. 85/2.

4. Крыласова Н.Б., Лычагина Е.Л., Белавин А.М., Скорнякова С.В. Археологические памятники Чашкинского озераПермь: ПГГПУ, 2014. 565 с.

5. Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского научного центра. 2015. – № 4. С. 27-41.

6. Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.

7. Пермякова А.В. Применение зубчатого штампа-колесика на средневековых браслетах Пермского Предуралья // Международная полевая школа в Болгаре: сб. матер. итог. конф. Казань, Болгар, 2016. С. 62-67.

8. Руденко К.А. Атрибуция серебряных пластинчатых браслетов с шатонами из Предуралья и Зауралья (к вопросу о булгарском импорте) // Человек и север: антропология, археология, экология. Тюмень: ИПО СО РАН, 2015. С. 162–165.

9. Рындина Н.В. Технология производства Новгородских ювелиров X-XV вв. // МИА. 1963. № 117. С. 200–268.

10. Юрков И.А. Ювелирные инструменты из раскопок Саламатовского I городища (VIII–XIII вв.) // Вестник ПГГПУ. 2014. – № 1. С. 16–22.

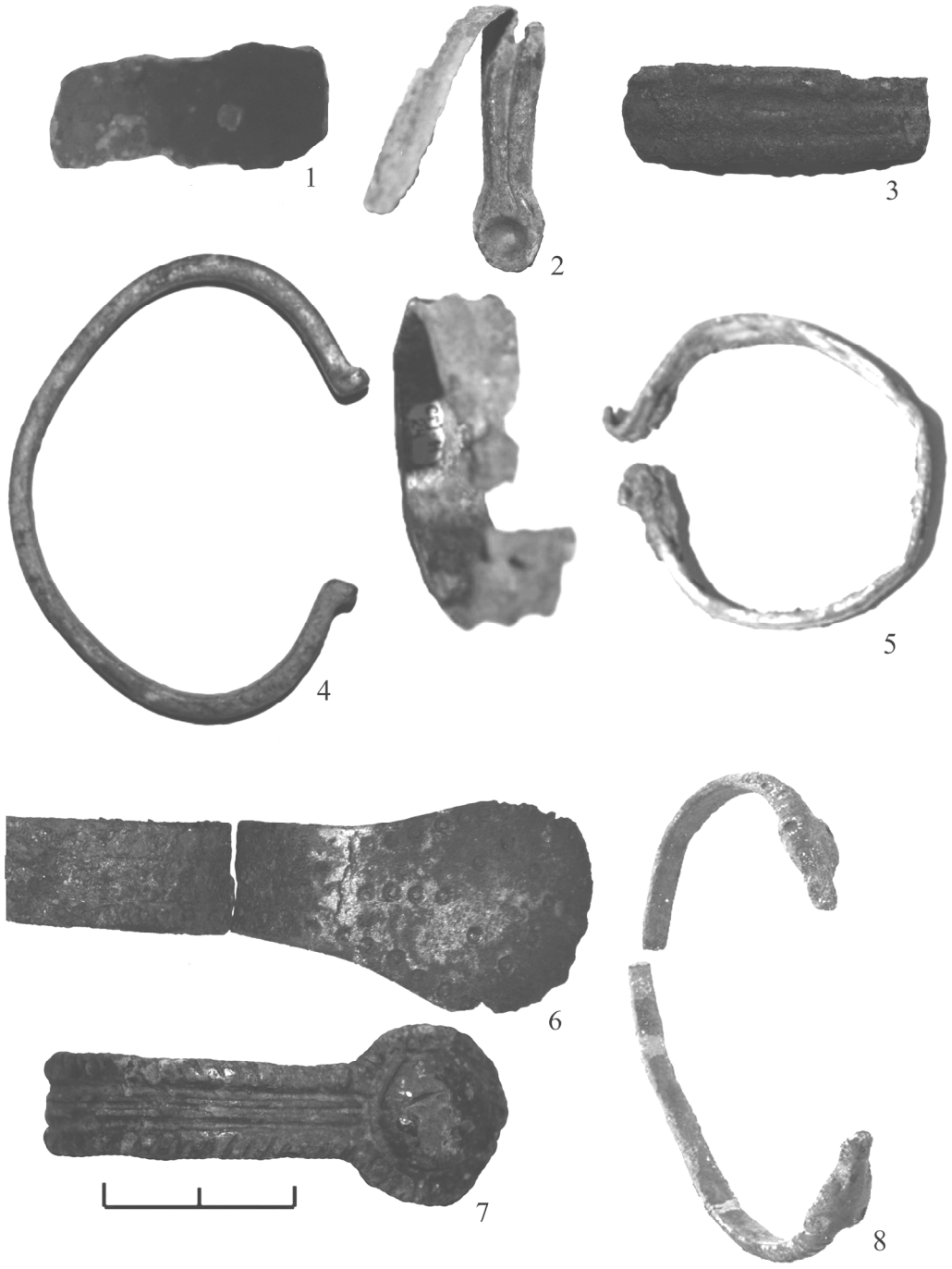


Рис. 1. Литые браслеты из Пермского Предуралья
1–3, 5, 8 – литье; 4, 6, 7 – литье+ковка
1 – Запосельский м-к, 2, 7 – Рождественский м-к, 3 – м-к Степаново Плотбище, 4 – Каневский м-к, 5 – Саламатовское I гор., 6 – Рождественское гор., 8 – Плесинский м-к

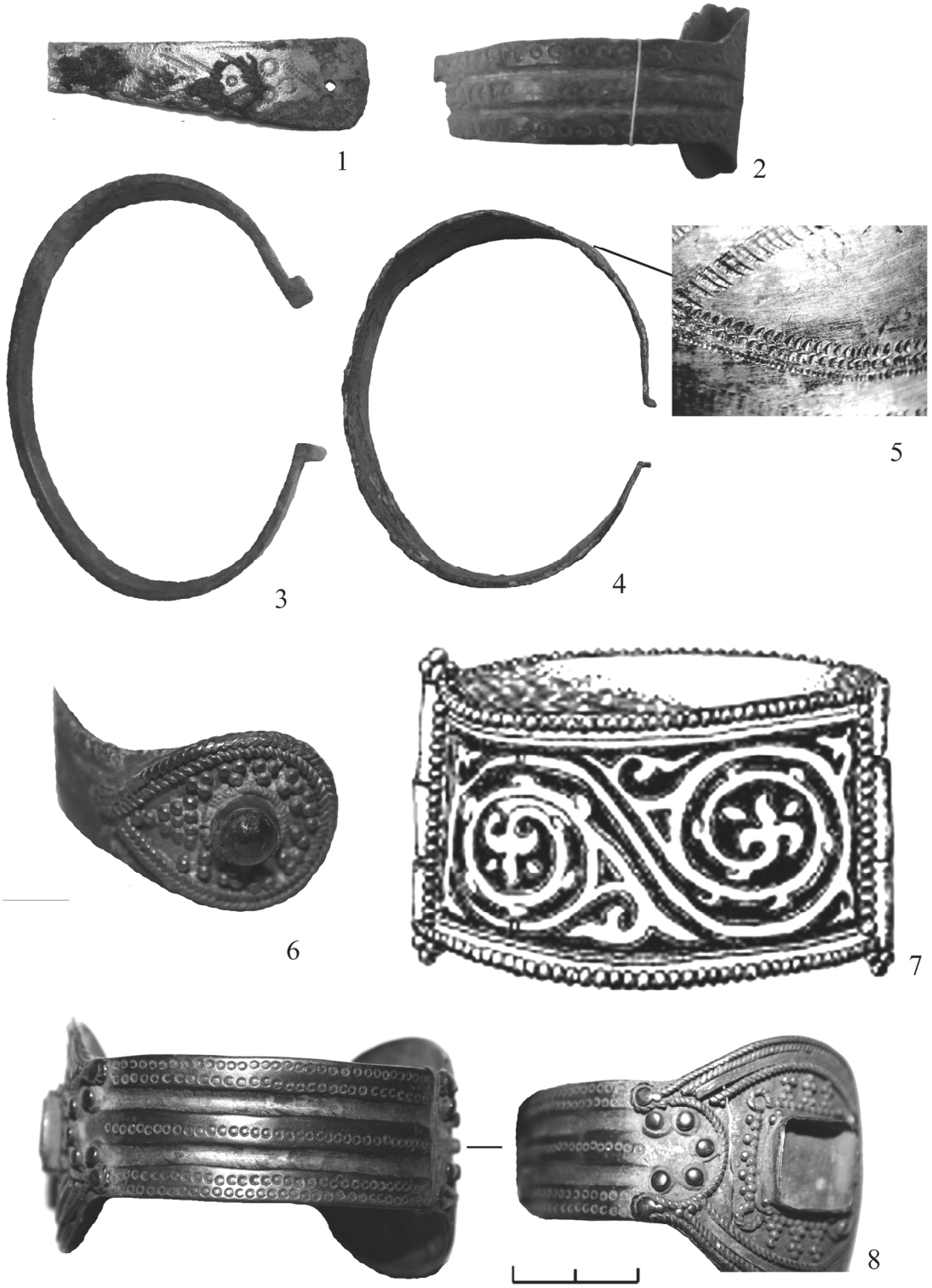


Рис. 2. Литые и кованые браслеты из Пермского Предуралья
1 – литье+ковка; 2–8 – ковка, 5 – следы штампа-колесика.
1 – Рождественское гор., 2 – гор. Анюшкар, 3–4 – Бояновский м-к, 6 – местонахождение неизвестно (коллекция Теплоуховых), 7 – сбор у д. Старковой, 8 – Чупинский клад

Т.Б. Никитина
(РФ, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, г. Йошкар-Ола)

КОСТЮМ ПОВОЛЖСКИХ ФИННОВ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В статье рассмотрены материалы из мордовских, муромских, марийских могильников IX–XI вв. Внешняя схожесть костюма поволжских финнов обеспечивается, в первую очередь, за счет одинаковых структурообразующих элементов, кроя и материалов, использованных для изготовления костюмов. Основным материалом служили мех, кожа, текстильные волокна, среди которых преобладают шерстяные ткани.

Ключевые слова: поволжские финны, мари, мурома, мордва, головной убор, нагрудные украшения, поясные принадлежности, обувь, аналогии, культурные связи.

T.B. Nikitina
(RF, Mari Research Intitute of Language, Literature and History after V.M.Vasilyev under the Government of the Republic of Mari El, s. Yoshkar-Ola)

SUIT OF VOLGA REGION FINNS OF PRE-MONGOL PERIOD: GENERAL AND SPECIAL

The article deals with materials from Mordovian, Murom and Mari burials of IX–XI centuries. External similarity of Volga Finns' suits ensured primarily due to the same building blocks, cut and materials used for the production of costumes.

Features of the individual parts are shown in a form of ornamentation and the way of wearing, which is revealed, as a rule, on an arrangement of a decoration in the burial.

Surface analysis of the costumes of the Volga Finns illustrates affinity of Mari, Mordovian and Murom cultures. According to certain categories of costume a close resemblance reveals: Mordvinians-Murom (form head beaters), Mari-Murom (form of head beaters, additional decorations for hats, rings like bracelets, clearance of round openwork metal plates). Proximity of Mari and Murom costumes probably based on more ancient foundations and the answer must be sought in the monuments of Akhmylovsk-bezvodninsk type.

Key words: Volga Finns, Maris, Murom, Mordvinians, headgear, chest ornaments, belt accessories, footwear, analogy.

Особенности отдельных деталей проявляются в форме, орнаментации изделия и способе ношения, который выявляется, как правило, по расположению того или иного украшения в погребении. Этномаркирующие признаки в большей степени выражены в украшениях головы.

Поверхностный анализ костюмов поволжских финнов наглядно иллюстрирует родственность марийской, мордовской и муромской культур. По отдельным категориям костюма обнаруживается более близкое сходство: мордва–мурома (форма головных венчиков), мари–мурома (форма головных венчиков, дополнительные украшения к головному убору, браслетообразные кольца, оформление круглых ажурных блях). Близость марийского костюма муромскому, вероятно, базируется на более древних основах, и ответ нужно искать в памятниках ахмыловско-безводнинского типа.

«Одежда – социальный знак, метка, обозначающая место данного индивидуума в общественной системе…– одежда объединяет людей одинакового социального (в том числе и этнического) статуса, она служит интегрирующим фактором внутри данной группы, одновременно противопоставляя эту другим группам» [23, с. 9–10]. Поэтому

неслучайно гласит пословица : «Встречают по одежке…» , формируя отношение к человеку по принципу «свой – чужой».

Значимость этого источника объясняет постоянный интерес к нему со стороны исследователей. В настоящее время существует большое количество работ, освещающих костюм поволжских финнов, как в целом, так и составляющие его элементы в отдельности, предлагаются различные варианты реконструкций костюмов того или иного народа или носителей определенной культуры, раскрывается семантика. Основные элементы костюмных комплексов каждого народа обозначены в монографиях обобщающего характера. Но сравнительного анализа костюмных комплексов поволжских финнов не проведено. Причина ясна: недостаток полностью опубликованных по комплексам памятников. Использование для этих целей «случайно надерганных» из чужих отчетов картинок приводит к появлению неправильной информации и необъективной интерпретации источника. Наиболее удачной остается работа А.Е. Алиховой, в которой дан обзор наиболее важных деталей костюма мордвы и муромы [1].

В последние годы ситуация в области изучения археологии финно-угорских народов положительно изменилась. Появились полные публикации погребальных комплексов (Р.Ф. Воронина, И.М. Петербургский, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Т.Б. Никитина), обеспечившие надежную базу для характеристики различных аспектов материальной культуры, в том числе и для сравнительного изучения костюмных комплексов.

В статье рассмотрены материалы из мордовских, муромских, марийских могильников IX–XI вв. Выбор источников обоснован следующими позициями: 1) родственностью носителей, оставивших эти памятники и входивших в одну языковую группу поволжских финнов; 2) репрезентативностью материалов, полученных из закрытых комплексов.

Внешняя схожесть костюма поволжских финнов обеспечивается в первую очередь за счет одинаковых структурообразующих элементов и материалов, использованных для изготовления костюмов.

Основным материалом для изготовления одежды служили мех, кожа, текстильное волокно. При выборе материала для изготовления одежды преобладают шерстяные ткани. Анализ фрагментов тканей из марийских могильников показал, что 84,5% составляют шерстяные ткани, 11,1% – ткани из растительных волокон, 4,45% – шелковые [19, с. 72]. В качестве преобладающих шерстяные ткани отмечены среди материалов мордовского второго Журавкинского могильника [22, с. 66], муромского Чулковского [5–8]. Близкое соотношение текстиля в могильниках поволжских финнов было отмечено еще Л.В. Ефимовой [12, с. 132]. Интересно, что в Верхнем Прикамье, напротив, отмечено преобладание тканей из растительных волокон [13, с. 32; 16, 1953].

Костюмные комплексы поволжских финнов состоят из головного убора, включающего полотенцообразное покрытие и охватывающее голову украшение, украшений шеи, рук, особенно запястий, груди, поясного набора с металлическими деталями независимо от половой принадлежности носителя, мягкой обуви. Характерной особенностью является значительное количество (до 6 экз. на каждой руке) наручных браслетов.

Костюм всех поволжских народов содержит большое количество металлических шумящих украшений, выполненных в наборной технике путем пайки гладких крученых, плетеных проволок, пластинок, шариков и других мелких деталей. С.Я. Алибековым проведены исследования нескольких образцов (трапециевидные и круглые нагрудные подвески) из марийских могильников Русенихинского и Нижней стрелки. На всех четко зафиксированы следы пайки: наплывы припоев, неравномерности присоединений пластин, соосность поперечных и боковых пластин – типичные дефекты паянных соединений. Для обеспечения жесткости (прочности) изготовленной конструкции на паянных соединениях имеются усиления в виде дополнительно нанесенного

припоя. Изделия, полученные таким способом, как правило, плоскостные и легкие, чем существенно отличаются от прикамских литых более массивных и тяжеловестных.

Среди украшений значительное место занимают изделия с выраженной охранительной функцией, стилизованные и реалистические изображения символов воды и солнца, коня, утки, змеи.

Значительное место в украшении костюмов поволжских финнов занимает вышивка медно-оловянной металлической нитью, или «оловянным» бисером.

Особенности отдельных деталей проявляются в форме, орнаментации и способе ношения, который выявляется как правило по расположению того или иного украшения в погребении.

Головные уборы.

Общими элементами женских головных уборов поволжских финнов являлись головной венчик на берестяной, кожаной или тканой основе и покрывало или платок, закрывающие волосы. О наличии покрывала полных сведений немного по той причине, что органика сохраняется плохо, но отдельные упоминания в отчетах встречаются достаточно часто. Наиболее хорошо остатки ткани сохранились в жертвенных комплексах марийских могильников. Свернутые в тугой узел вместе с украшениями из бронзы, окись которых создала благоприятную среду для консервации органических материалов, ткани сохранили свою структуру, швы и декоративную отделку. В результате сохранились прямоугольные куски ткани значительных размеров с боковыми кромками. В жертвенном комплексе 10 могильника Нижняя стрелка кусок ткани мелкого саржевого переплетения квадратной формы имел размер сохранившейся части: 40 х 40 см. Фактически кусок был больше. Сохранилось две боковые кромки, расположенные перпендикулярно друг другу и подогнутые швом в два оборота. Данный образец, вероятно, является остатками платка. В погребении 19-а могильника Нижняя стрелка обнаружены два куска шерстяной ткани прямоугольной формы от головного полотенца с кромками с 4 сторон размерами 30 х 130 и 122 х 31 см.

Более 50 находок остатков полотенец отмечены В.Н. Мартьяновым по материалам Крюково-Кужновского, Елизавет-Михайловского, Журавкинского мордовских могильников [14, с. 92–93]. В погребении 300 Крюково-Кужновского могильника размеры полотенца составляют 18 х 80 см [15, с. 99–100]. Головные полотенца обозначены при реконструкции муромского костюма [9, рис. 3, с. 101].

Головные венчики по своему устройству различаются. Для мордовского костюма А.Е. Алихова отмечала венчики, украшавшие голову полностью или только переднюю часть головы [1, с. 26]. Но в большинстве опубликованных материалов из мордовских могильников отмечены венчики, охватывающие голову полностью и скрепленные на затылке пряжками или узлом; по всей длине украшенные пронизками и обоймами (рис. 2/1,2). Венчики марийского костюма отличаются: они закрывают только часть головы от виска до виска, крепятся с помощью дополнительных шнурков и завязок, украшены накладками или вышивкой (могильник Веселовский, Кузинские хутора) (рис. 1/5). Головные ремни муромы имели ширину около одного сантиметра, охватывали голову кругом и на затылке чаще всего, по-видимому, завязывались узлом или закреплялись пряжками [4] (рис. 3/1). Судя по материалам погребений 29, 53, 62 Чулковского могильника, в муромском костюме венчики иногда, подобно марийским, являлись налобными [5, с. 16; 6, с. 23, 32].

Головные уборы муромы и марийцев кроме головных венчиков имели дополнительные украшения: мурома – жгуты, мари – металлические цепочки, обернутые вокруг головы. В единичных случаях головные цепочки, но более простой конструкции, встречены в погребениях муромы (Чулковский, Подболотьевский могильники [6, табл. 32/8].

Головные уборы дополнены **накосниками. У** мордвы-мокши известны кистевые накосники из кожаных ремешков, украшенных бронзовыми обоймами с привесками различных форм (бутыльчатыми, звездчатыми и т. д.) (рис. 2/4) и трубчатые накосники, включая пулокерь (рис. 2/5). У муромы в качестве накосников могли использоваться также кистевые накосники (рис. 3/2) и подвески-коромысла (рис. 3/11), которые обнаружены обычно под тазовыми костями лицевой стороной вниз [10, с. 104]. В марийском костюме встречены кистевые накосники из кожаных или шерстяных ремешков, обвитых проволокой из цветного металла, с подвесками (колокольчиками, металлическими уточками или коньками, копоушками и т. д.) на концах (рис. 1/4). Общепризнанным этнокультурным маркером считаются **височные кольца.** В качестве височных украшений муромские женщины использовали браслетообразные височные кольца со шитком на одном конце и крючком на другом (рис. 3/4,5); браслетообразные височные кольца с заходящими концами, один из которых отогнут и имеет оформление, являются визиткой карточкой марийского костюма (рис. 1/2,3). Мордовский костюм отличает височная подвеска в виде стержня, обмотанного тонкой проволокой со спиралью на одном конце и грузиком на другом (2/3).

Шейные ожерелья из металлических привесок (трубчатых, ажурных прямоугольных с коньковыми головками) характерны для мордовского и муромского костюмов. Ярким своеобразием отличаются мордовские серповидные гривны с привесками или без привесок (рис. 2/7), муромские ложновитые гривны с замком в виде петли и лодочки (рис. 3/7); шейные украшения из бронзовых подвесок и планок. Марийские женщины предпочитали гривны «глазовского типа» (рис. 1/1).

Яркой деталью костюма являются **нагрудные украшения.** Ажурные круглые бляхи в составе костюмных комплексов использовали представительницы всех поволжских народов. У мордвы, как правило, круглые ажурные бляхи имели выступающие наверх стойки, украшенные конскими головами или волютами (рис. 2/9). Кроме того, мордовский костюм отличает обилие застежек-сюльгам (рис. 2/6) и наличие парных трапециевидных пластинчатых подвесок с трубчатыми привесками (рис. 2/10). Круглые ажурные подвески муромского костюма в большинстве не имели шумящих привесок (рис. 3/9), подвески с привесками встречены редко. Марийские круглые ажурные бляхи всегда с подвесками (рис. 1/12). Марийские женщины носили трапециевидные подвески другого типа, изготовленные в наборной технике, со стилизованным изображением конских головок (рис. 1/9). Кроме того, в марийских женских захоронениях часто встречены биконьковые литые и арочные подвески, которые также носили парно на груди (рис. 1/10,11). В.В. Гришаков в качестве особенностей муромского костюма выделил парные кистевые ленты, которые обычно располагаются на груди и близки украшению мордвы-мокши [9, с. 104].

Поясные украшения

Пояса муромских и марийских женщин богато украшены металлическими накладками. Наборные пояса в мордовских захоронениях в большей степени обнаружены в мужских комплексах. В муромских захоронениях обращают на себя внимание длинные боковые кожаные ремни преимущественно на правом бедре, украшенные накладками и завершающиеся наконечником в области спины

Для марийских женских погребений характерны пояса с металлическими накладками, близкие к мужским, но в большинстве случаев более простые, в 1,5 оборота.

Выразительным элементом является **обувь**. Мягкие кожаные тапочки типа поршней знакомы всем поволжским народам. По материалам марийских могильников прослежен крой обуви. Основная часть изделия изготовлялась из одного или двух соединенных на заднике швом кусков кожи, собранных в верхней части кожаным шнурком. Кожаный шнурок вдевался в прорези по верхнему краю и слегка стягивал

кожу, а также на него крепились дополнительные украшения. В комплекс украшений обуви марийской женщины входил достаточно устойчивый набор: парные очковидные подвески в области подъема, умбоновидная подвеска в пяточной области, кожаные ремешки или шерстяные шнуры-оборы с нанизанными металлическими бусами, онучи из шерстяной ткани.

Близкие формы обуви существовали у муромы. По материалам Подболотьевского и Чулковского могильников выделен комплект женской обуви, которая состояла из мягких тапочек, дополненных бронзовыми украшениями в области носка и по верхнему краю, обор с бронзовыми пронизками [5, рис. 33, 34, 39, 40, 47, 61; 5] и многослойных онучей из шерстяной ткани. По оформлению пластины носка и обилию бронзовых пронизок на оборах муромских женщин легко отличить от других финно-угорских представительниц. В мордовских захоронениях зафиксирована кожаная обувь с втачным носом [21, с. 59, 154] и двумя узкими ремешками, прикрепленными к заднику, которые обматывали ноги от щиколотки до колен [4, с. 38]. На ремешки надеты бронзовые обоймы.

Существуют близкие типы вещей, которые встречаются в могильниках разных этносов, но имеют различное функциональное назначение. Например, умбоновидные подвески с шумящими украшениями использовались для украшения обуви муромскими и марийскими женщинами, но первые ими украшали переднюю часть обуви, а вторые крепили их на задник. Нагрудная прямоугольная подвеска из погребения 7 марийского могильника Нижняя стрелка идентична хорошо известным муромским подвескам к поясным коромыслам. Ажурные трапециевидные нагрудные подвески, являющиеся характерным маркером марийского костюма, в единичных случаях найдены в муромских погребениях Подболотьевского, Малышевского Урвановского и Чулковского могильников, но входили в состав ожерелий. В качестве поясных украшений мордовского костюма отмечены бляхи из цветного металла с дверцей [3, с. 20, 21] (рис. 2/11). Аналогичные бляхи фиксируются и в муромских погребениях, но при этом занимают место нагрудных украшений (рис. 3/6).

Таким образом, поверхностный анализ костюмов поволжских финнов наглядно иллюстрирует родственность марийской, мордовской и муромской культур. По отдельным категориям костюма обнаруживается более близкое сходство: мордва–мурома (форма головных венчиков), мари–мурома (форма головных венчиков, дополнительные украшения к головному убору, браслетообразные кольца, оформление круглых ажурных блях). Близость марийского костюма муромскому, вероятно, базируется на более древних основах, и ответ нужно искать в памятниках ахмыловско-безводнинского типа. По ряду позиций (коньковые и арочные подвески, гривны глазовского типа) марийский костюм имеет многочисленные аналогии с прикамским. Подобные параллели неоднократно отмечались Н.Б. Крыласовой [13]. Определенная близость материальной культуры населения Ветлужско-Вятского междуречья и финно-угорского населения Прикамья требует специального исследования.

В данной статье проведен ограниченный анализ ведущих типов украшений для каждой из трех культур, который позволяет обозначить основную линию развития. Для объективного глубокого изучения костюма необходим сравнительной анализ каждой категории и костюмных комплексов в целом с учетом возраста и социального положения носительниц. Только в таком случае возможно использовать костюм как источник для выводов этнокультурного плана.

Список литературы

1. Алихова А.Е. Мордва и мурома //КСИИМК, 1949, Вып. XXX. С. 26–30.
2. Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва //Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УдИИЯЛ УрОРАН, МарНИЯЛИ, 1999. С. 119–160.
3. Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. По материалам Цнинской археологической экспедиции. М.: ИА РАН, 2007. 164 с.
4. Воронина Р.Ф. О некоторых деталях одежды среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА, 1974. Вып.140. С. 33–38.
5. Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. // Древности. М. Т. XXIV, 1914. 385 с.
6. Гришаков В.В. Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области в 1986 году. Архив МордНИИЯЛИ, № 1175.
7. Гришаков В.В. Отчет о работе Нижнеокской археологической экспедиции в Горьковской области и Мордовской АССР в 1988 году, с. 23, 32. Архив Гришакова.
8. Гришаков В.В. Отчет о раскопках Чулковского могильника в Вачском районе Нижегородской области и разведках в Темниковском районе Мордовии в 1992 году. Архив Гришакова.
9. Гришаков В.В. К истории населения правобережья Нижней оки в конце I тысячелетия нашей эры //Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1988. С. 71–103.
10. Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. Мурома //Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УдИИЯЛ УрОРАН, МарНИЯЛИ, 1999. С. 89–118.
11. Гришаков В.В., Павлова Н.А. Текстильные изделия из Чулковского могильника: к вопросу о межплеменных контактах муромы //URL: http: // исторический сайт.
12. Ефимова Л.В. Ткани из финно-угорских могильников 1 тыс. н. э. // КСИА. Вып.107. М.: Наука, 1966. С. 127–134.
13. Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма. Пермь: ПГПУ. 2001. 259 с.
14. Мартьянов В.Н. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–XI вв. //Материалы по археологии Мордовии. Труды МордНИЯЛИЭ. Вып. 52. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1976. С. 88–106.
15. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.: Крюково-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. Моршанск: Моршанский краеведческий музей, 1952. 232 с.
16. Никитина Т.Б. Мари //Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УдИИЯЛ УрОРАН, МарНИЯЛИ, 1999. С. 161–206.
17. Никитина Т.Б. Костюм средневекового марийского населения как маркер этнической культуры // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2014. № 3. С. 21–32.
18. Оборин В.А. Рождественское городище и могильник // Уч. зап. ПГУ. Т. 9. Вып. 3. Пермь, 1953. С. 161–177.
19. Орфинская О.В., Никитина Т.Б. Ткани из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв. //ПА. 2014. № 2. С. 70–91.
20. Петербургский И.М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь, 2011. 408 с.
21. Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Древние памятники на реке Ляча. Саранск: Красный Октябрь, 2008. 168 с.

22. Петербурский И.М., Вихляев В.И., Святкин С.В. Второй Журавкинский могильник. Саранск: Красный октябрь, 2010. 132 с.

23. Токарев С.А. 1970. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. № 4. С. 9–10.

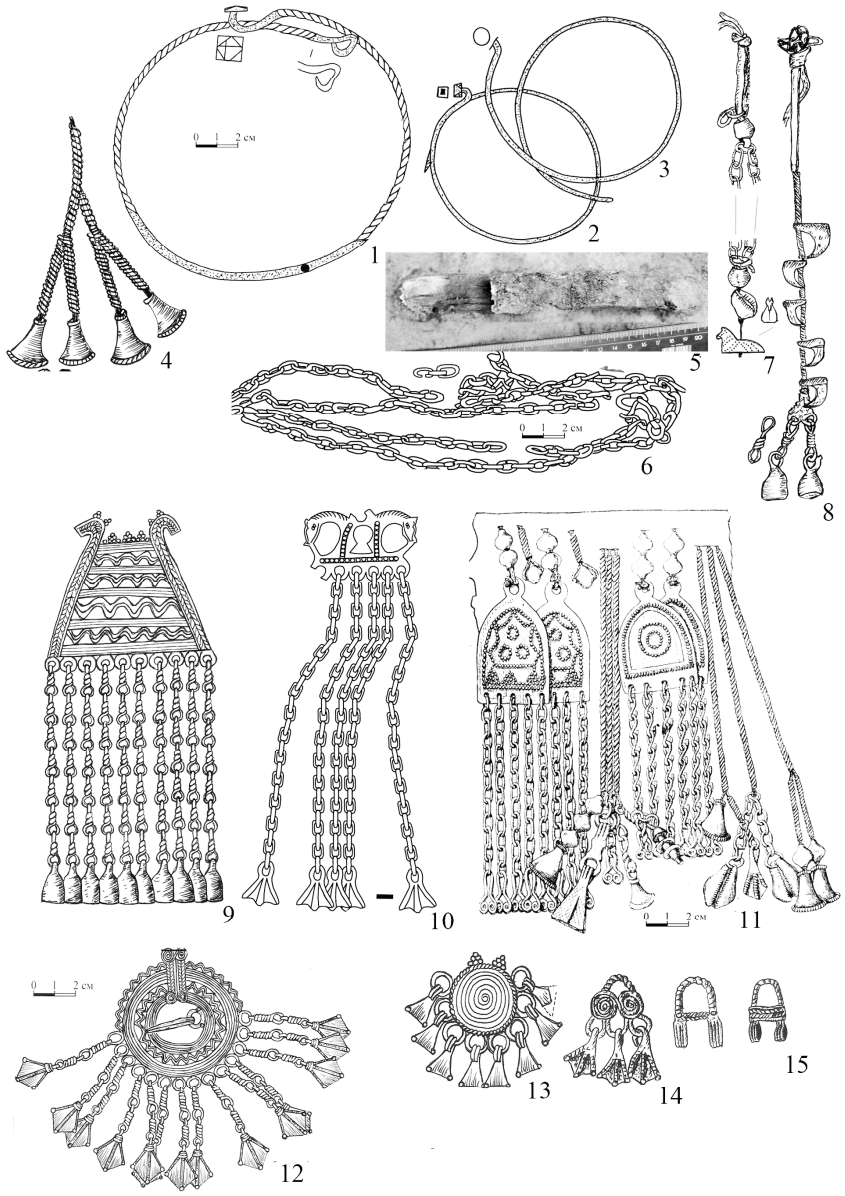


Рис. 1. Украшения марийского костюма

1 – шейное украшение; 2–8 – украшения головного убора; 9–12 – нагрудные украшения; 13–-15 – украшения обуви

1 – Веселовский м-к, погр. 4; 2,3,7,8 – Веселовский м-к, погр. 6; 4 – Юмский м-к, погр. 8; 5 – м-к Кузинские хутора, погр. 10; 6 – Дубовский м-к, погр. 49; 9 – Веселовский м-к, погр. 12; 10 – Выжумский м-к, погр. 17; 11 – Веселовский м-к, погр. 5; 12 – м-к Черемисское кладбище, погр. 14; 13–15 м-к Черемисское кладбище

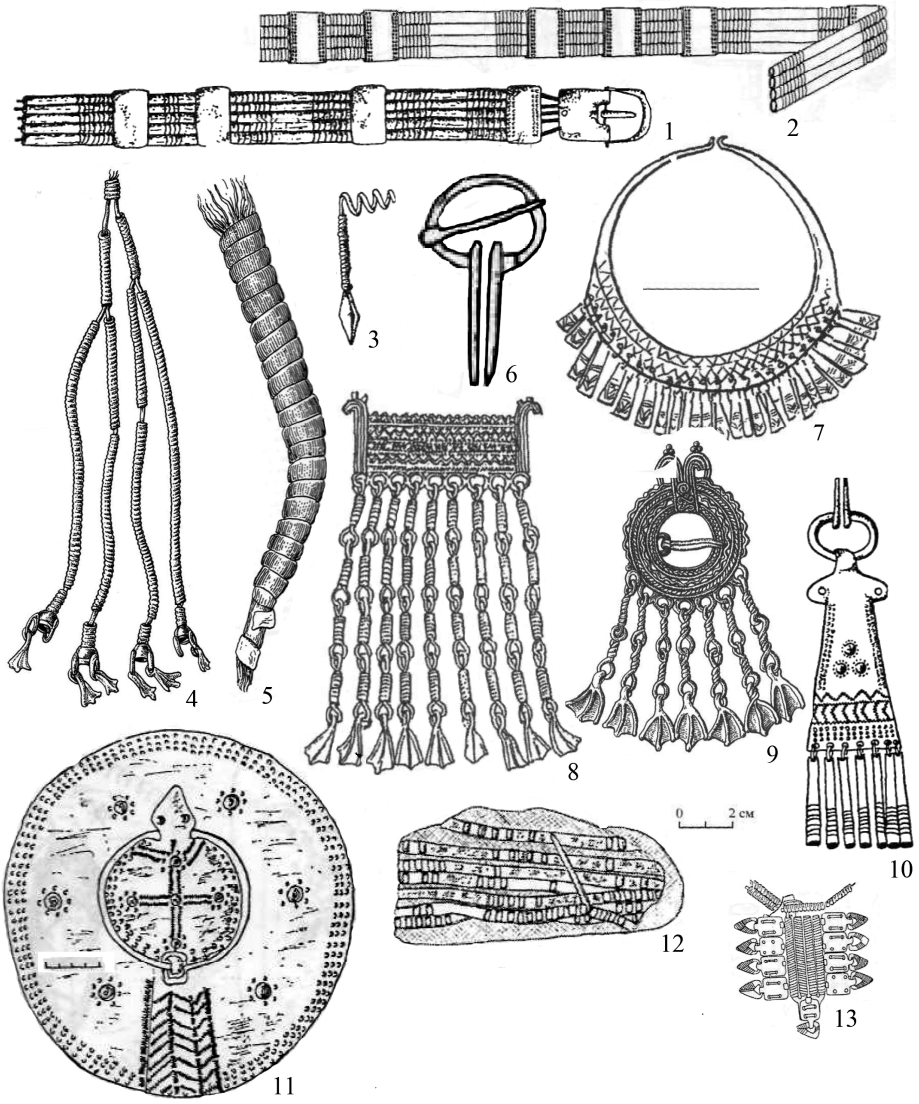


Рис. 2. Украшения мордовского костюма
(по Р.Ф Ворониной и И.М. Петербургскому).
1–5 – украшения головного убора; 7 – шейные украшения; 8–10 – нагрудные украшения;
11 – поясные украшения; 12–13 – украшения обуви.
1 – Степановский м-к, погр. 63; 2 – Журавкинский II м-к, погр. 6; 3 – Журавкинский II м-к, погр. 8; 4 – Лядинский м-к, погр. 39; 5 – Лядинский м-к, погр. 14; 6,10,11 – Журавкинский II м-к, погр. 30; 7 – Лядинский м-к, п. 34; 8 – Лядинский м-к, погр. 36; 9 – Лядинский м-к, погр. 13; 12 – Степановский м-к, погр. 9; 13 – Степановский м-к, погр. 68

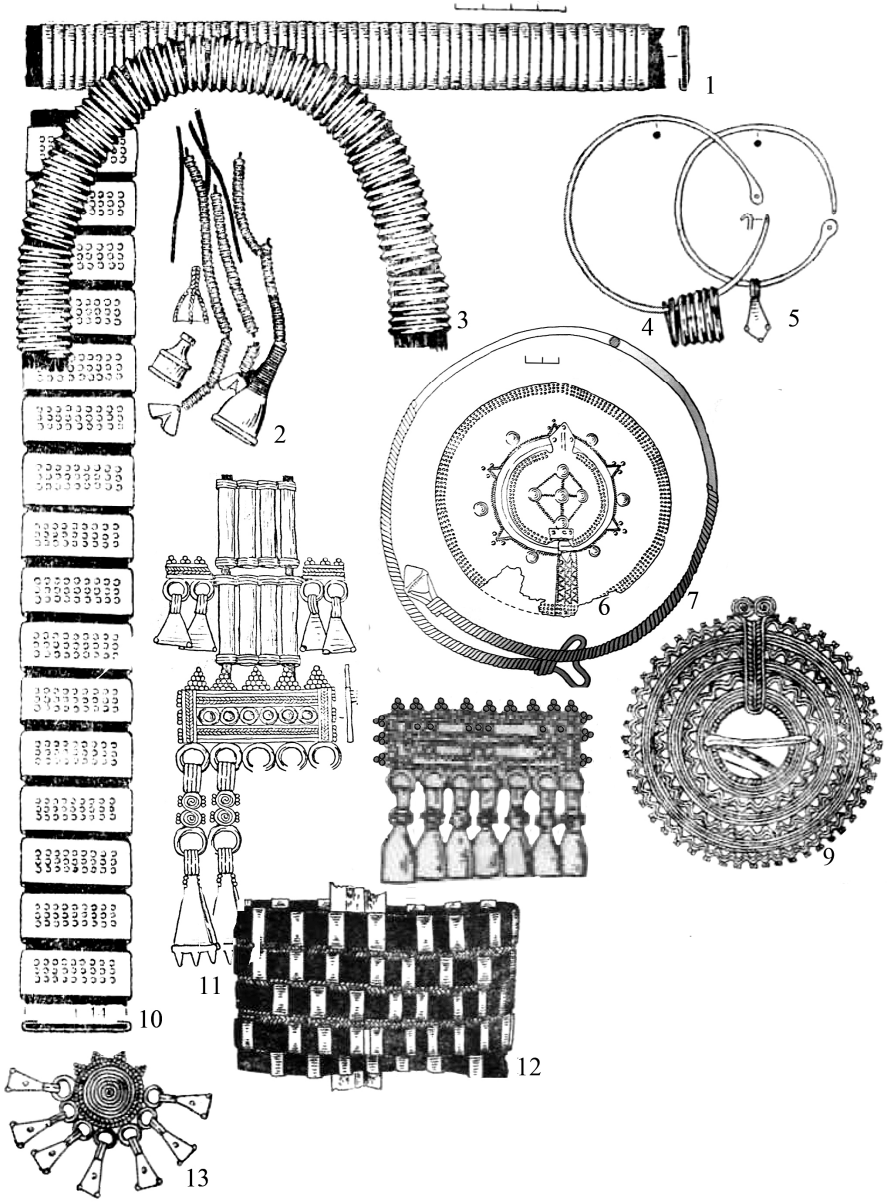


Рис. 3. Украшения муромского костюма (по В.В. Гришакову):
1–5 – украшения головного убора; 6,8,9 – нагрудные украшения; 10 – поясное украшение; 11 – наспинное украшение; 12,13 – украшение обуви
1–5,9,10,12,13 – Чулковский м-к, погр. 1; 6 – Чулковский м-к, погр. 87; 7 – Чулковский м-к, погр. 84; 8,11 – Чулковский м-к, погр. 29

А.В. Пермякова
(РФ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА ПРЕДУРАЛЬСКИЙ ЮВЕЛИРНЫЙ ЦЕНТР (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЗДЕЛИЙ С ХОЛОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКОЙ МЕТАЛЛА)

В данной статье собраны и обобщены известные признаки техник холодной художественной обработки металла. Учтены известные ювелирные центры, находящиеся на территории от Среднего Поволжья до Зауралья. Установлено первоначальное происхождение таких техник, как гравировка, чеканка, басмление, тиснение, накатка. Выявляются некоторые обстоятельства, способствующие выбору техники или способу ее нанесения. Определены основные регионы, откуда были принесены техники: басма и накатка – угорское влияние, чеканка – среднеазиатское влияние, гравировка – булгарское. Указываются определенные хронологические рамки для техник холодной художественной обработки металла. Для чеканки периодом распространения является вторая половина IX – первая половина XI в. Басмление и накатка появляются в X – первая половина XIвв., тиснение - X – XI в., гравировка – начиная со второй половины XI в. по XIV в.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, ювелирный центр, техники холодной художественной обработки металла, чеканка, гравировка, басмление, накатка, тиснение.

A.V. Permyakova
(RF, Perm State Humanitarian Pedagogical University, s. Perm)

ETHNO-CULTURAL FORCE ON CIS-URAL JEWELRY CENTRE (TO MATERIALS RESEACH OF PRODUCTS COLD METAL WORK DECORATION TECHNIQUES)

The article summarizes the features of metalwork decoration techniques as well as known jewellery production centres situated from the Middle Volga region to the Trans-Urals. Focusing on the origins of metalwork decoration techniques as stamping, engraving, embossing, knurling and toreutics, the author indicates a range of circumstances that could influence on the selection of particular techniques. The author also indicates the possible jewelry production centres from which the techniques were transferred to region under the study, namely embossing and knurling was introduced to the local practice due to Ugric impacts, whereas stamping and engraving indicate Central Asian and Bulgarian influences respectively. The article suggests chronological frameworks for the distribution of the techniques in the region as the following: stamping (the mid-9th – the mid 11th centuries), embossing and knurling (the 10th – the mid11th centuries), toreutics (the 10th-11th centuries) and engraving (the mid 11th – the 14th centuries).

Key words: Perm region, the Urals, jewellery production centre, metal work decoration techniques, stamping, engraving, embossing, knurling, toreutics.

В современной археологической науке в настоящее время происходит переход от непосредственных описаний артефактов к изучению техник и технологий выполнения изделий. Развитие данного направления связано с последующей интерпретацией полученных данных. На основе анализа техники изготовления можно не только получить знания об уровне металлообработки в отдельный период времени на определенной территории, но и выделить отдельные ювелирные мастерские (центры) внутри этих территорий, решить вопросы происхождения отдельных вещей и происхождения отдельных техник.

На территории Пермского Предуралья определены следующие техники холодной художественной обработки металла: гравировка, чеканка, тиснение, басмление, накат-

ка. Поскольку данные техники являются декоративными, их исполнение требует достаточно высокого уровня владения орудиями, а также необходимо довольно качественное изготовление инструментария. Определение инструментария достаточно проблематично, поскольку часто рабочая поверхность сильно коррозирована, что затрудняет реконструкцию. В некоторых случаях инструменты отсутствуют в материалах памятников, где обнаружены изделия с применением исследуемых техник.

Из материалов археологических памятников Пермского Предуралья эпохи средневековья можно выделить группу изделий, в изготовлении которых применялась техника гравировки. В данную группу входит такая категория предметов, как широкосерединные перстни. Также уникальной находкой является обкладка сумочки, найденная при полевых исследованиях Баяновского могильника. Выделяются два способа нанесения (вида) гравировки: зигзагообразная и линейная. Чаще всего зигзагообразная гравировка встречается на перстнях из городища Анюшкар, селища Калинского и Плотниковского могильника. Более распространенной была гравировка с зигзагообразным шагом. Вероятно, данный способ нанесения был «любим» ювелирами Пермского Предуралья, поскольку он наиболее прост в исполнении, а также проще вести закругленные линии. Стоит заметить, что зубчатая гравировка являлась одним из наиболее излюбленных способов орнаментации изделий в Древней Руси (4, с. 8). Изделия, украшенные зигзагообразной гравировкой, были иногда орнаментированы и линейной, но только в качестве создания и проработки в бордюре перстней. Виды гравировки четко разделены на перстнях. Например, если линейная гравировка нанесена на перстень, то она является единственным видом гравировки на этом изделии (за исключением бордюра) (7, с. 289). Вероятно, из-за сложности исполнения линейной гравировки данным способом чаще всего наносились бордюры, т. е. линии, где штихель нужно вести только по прямой.

Изделия с гравировкой зачастую сопровождаются техникой чернения. Можно выделить два вида техники чернения: фоновое чернение и чернение по рисунку. В первом случае чернью покрывалась часть, где не был изображен рисунок, фон прорабатывался штихелем (выбирался), наплавлялся черневой сплав, затем, на этапе полирования, на рисунке пемзой соскабливалась чернь и полировался рисунок, окруженный чернью. Во втором случае чернь наплавлялась на «бороздки» рисунка, а затем, на этапе полировки, она счищалась, оставаясь лишь в углублениях от гравировки. Чернение часто встречается на изделиях, свидетельствуя о высоком уровне этого мастерства. Материалом, на который наносилась гравировка, являлись высокопробное серебро либо сплавы металлов с высоким содержанием серебра. Данный металл, вероятно, был выбран для этой техники за счет его химических и физических свойств: мягкость металла, ковкость, пластичность. На основе датировки изделий можно наметить время появления техники гравировки в изделиях Пермского Предуралья. Гравировка появляется на широкосерединных перстнях не ранее XI в. и получает широкое распространение в XII–XIII вв., что иллюстрируется находками из вышеупомянутых могильников. Техника гравировки, вероятно, приходит на территорию Пермского Предуралья из Волжской Булгарии. К такому выводу приходит и К.А. Руденко, исследуя орнаментальную композицию перстней. Он полагает, что «местные направления и школы торевтов формировались на основе копирования оригинальных образцов или при переезде самих мастеров, а появление спроса на продукцию являлось результатом, с одной стороны, адаптации чужих художественных образов под собственную мифологическую картину мира у населения рассматриваемого региона, с другой — единого мультикультурного пространства, связанного как с этническим родством, так и с экономическими и политическими контактами» (8, с. 360). Данную точку зрения поддерживает и А.А. Адамов, сопоставляя орнаментальные композиции на перстнях из Пермского Предуралья и Волжской Булга-

рии: «Пермский (или Предуральский) центр по производству черневых перстней сложился при непосредственном участии булгарских мастеров» (1, с. 48) Наиболее представительной кажется теория о первоначальном проникновении мастеров с последующим заимствованием техники местными ювелирами. Стоит отметить, что аккуратность изготовления перстней «булгарского» типа, распространяясь с запада на восток (Волжская Булгария – Пермское Предуралье – Зауралье), снижается, что также указывает на изначальный центр – Волжскую Булгарию, не отрицая создания собственных ювелирных центров.

Другая исследуемая техника – чеканка. На территории Пермского Предуралья изделия, в изготовлении которых применялась техника чеканки, появляются не ранее второй половины IX века (Баяновский могильник). Скорее всего, это были импортные изделия. Подобный вывод появляется при исследовании орнаментальных композиций, например, медальона с растительным орнаментом из Редикарского клада. Вероятнее всего, основа данного украшения была вырезана из импортной торевтики. Фон украшения заполнен мелко – пуансонной чеканкой, контуры орнамента выполнены плоской чеканкой. Последний способ нанесения легко фиксируется за счет валков, оставляемых на месте удара от чекана. Растительный узор имеет свои особенности. У пальметт выступающие края лепестков образуют завитки. Характерен мотив трех кружков на коротком стебельке внутри каждого лепестка. От волнистых стеблей отходят спиральные завитки с массивными пальметтовидными цветками. Данный орнамент характерен для Фергано – Семиречной группы торевтики, датируемой второй половиной VIII – первой половиной IX веков. Металлическую посуду с заполнением фона мелкими окружностями Б.И. Маршак датирует началом IX– началом XIII веков (что сходится со временем распространения изделий с чеканкой в Предуралье). В то же время Н.В. Федорова относит подобную пальметту к виду растительных орнаментов изделий, происходящих из венгро-уральской группы, и датирует IX–X вв. (9, с. 94). Кроме растительного украшения медальонов можно выделить сцены охоты, что также связывает с персидскими мотивами. Возникает проблема с атрибуцией вида плоской чеканки, которая применялась при изготовлении таких изделий, как медальон с сокольничим, о происхождении которых до сих пор ведутся споры, поэтому данный вид лишь относительно можно идентифицировать как местное производство. Мелко-пуансонная чеканка встречается на всех изделиях, где установлено местное производство, что позволяет выделить мелко-пуансонную (точечную) чеканку как особенность декорации изделий местного ювелирного центра. Вероятно, данный вид чеканки был популярен ввиду своего несложного исполнения. Скорее всего, техника чеканки приходит от импортных предметов с данной техникой. Интересно, что такие две техники, как гравировка и чеканка, практически не встречаются в одно время. Если в середине IX в. появляется чеканка, то на памятниках, где она встречается, она продолжает существовать вплоть до XI в. и позднее обнаруживается. Гравировка же, наоборот, в XI в. только появляется и позднее достигает своего расцвета. Косвенно данное суждение может утверждать о смене ломатовской и родановской культур.

Сложнее ситуация с такими техниками, как тиснение и басмление. Если тиснение – это одномоментный оттиск матрицы на металле, то басмление – техника выдавливания рельефов в листовом металле на литых металлических или деревянных матрицах (5, с. 226). При тиснении можно обнаружить матрицы (если они каменные или металлические), которые использовались для создания рельефа, отличающегося общей однородностью рисунка. Наиболее часто встречаются находки на Баяновском, Огурдинском и Рождественнском могильниках. Таким образом, хронологические рамки ограничиваются X–XI вв., что соответствует датировкам данных могильников. Техника

тиснения, вероятно, пришла с территории Волжской Булгарии, где данная техника была наиболее развита, а также обнаружено большое количество матриц.

При басмлении матрица остается как бы зажата в листе металла (обкладка). Данная техника встречена на данный момент только в материалах Баяновского могильника, что можно продатировать следующим образом: X- первая половина XI в. Ввиду того что памятник, где обнаружена техника, связан с угорским населением, следует предположить, что и басмление принесено уграми.

Если в вышеперечисленных техниках инструментарий сложно определим или же найден в малом количестве, то зубчатых штампов-колесиков вообще не найдено. Однако данная техника встречается среди средневековых украшений Пермского Предуралья. Зубчатые штампы-колесики использовались при создании декора браслетов, как серебряных, так и бронзовых. Обнаружены браслеты с применением трех- и двухсоставного зубчатого колесика. Несомненно, серебряный браслет служил неким показателем статуса погребенного, об этом свидетельствует особый подход к изготовлению браслета. Бронзовые браслеты были проще, но также с использованием штампа. Изделия с техникой накатки в Пермском Предуралье можно продатировать X–нач. XI в., ввиду того что данная техника обнаружена лишь среди материалов Баяновского могильника. Использование данной техники указывает на высокое развитие ювелирного дела в Пермском Предуралье. Поскольку данная техника обнаружена только на Баяновском могильнике, можно предположить связь с угорским населением. В поддержку данной теории может выступать аналогия браслетов с накаткой, описанная К.В. Моряхиной. «Аналогичные изделия вариантам б-в встречаются (рис. 106) в Удмуртском Предуралье на Варнинском и Мыдлань-Шай могильниках, в Печерском Предуралье на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте, на Неволинском могильнике, на Больше-Тиганском могильнике в Волго-Камском междуречье», что также связано с угорским населением (6, с. 116).

Таким образом, можно выделить несколько волн влияния на предуральский ювелирный центр (по материалам исследования изделий с холодными художественными обработками металла):

1) Среднеазиатская волна: связана с распространением чеканки. Плоская чеканка встречается в случайных сборах, а также в Редикарском (IX в.), Мало–Аниковском кладе (VI–IX вв. по М.В. Талицкому). Пуансонная чеканка – Агафоновском II (IX–XIIвв.), Баяновском (X– первая половина XI в.), Огурдинском(конец X- первая половина XI в.), Рождественском (X–XI вв.), Каневском (VIII–X вв.), Плесинском (VII–X вв.), Степаново Плотбище (IX–XII вв.) могильниках. В вышеперечисленных памятниках, где присутствует широкая датировка, изделия с чеканкой следует все же датировать не позднее XI вв. Таким образом, хронологические рамки – IX–XI вв.
2) Угорская волна: связана с таким памятником, как Баяновский могильник. Встречаются техники (басмление и накатка) только на данном памятнике. Также среди материалов имеется техника тиснения, но она проявляется не только в материалах Баяновского могильника, что может указывать на две волны проникновения техники. Хронологические рамки – X– первая половина XI в.
3) Булгарская волна. Техники гравировки и тиснения. Встречаются на памятниках: городище Анюшкар (VIII–XIV вв.) и Саломатовское I (VIII–XIV вв.), селище Калинское (XI–XIII вв.), могильники Плотниковский (XIII–XV вв.) и Телячий Брод (XI–XIII вв.), а также языческий некрополь Рождественский (VIII–XII вв.) для гравировки. Для тиснения: Рождественский могильник (VIII–XII вв.) и Рождественское городище (VIII–XIV), где датировка достаточно широка, ее иногда сложно установить. Однако общим периодом для бытования тисне-

ния можно считать X–XI вв., так как Баяновский (X– первая половина XI в.) и Огурдинский (конец X– первая половина XI в.) могильники имеют относительно узкие датировки.

Список литературы

1. Адамов А.А. Серебряные перстни с чернением булгарского типа из Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической конференции. – Вып. 9. Пермь: ПГГПУ. 2014. С. 44–49.
2. Брюхова Н.Г., Подосенова Ю.А. Перстни «Булгарского» типа из материалов Плотниковского могильника Родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.17. № 3. Самара: Самарский научный центр РАН. 2015. С. 304–311.
3. Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Ювелирные техники на территории Верхнего Прикамья в эпоху // Казанская наука. 2013. №5. Казань: Казанский издательский дом. С. 27–34.
4. Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. – М.: Наука. 1986. 156 с.
5. Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2014. 472 с.
6. Моряхина К.В. .Украшения рук населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: магистерская диссертация. Пермь. 2015. 170 с.
7. Пермякова А.В. Гравировка на щитковосерединных перстнях Пермского Предуралья. //Актуальная археология-3. Новые интерпретации археологических данных. СПб: ИИМК РАН. 2016. С. 287–290.
8. Руденко К.А. Этнокультурные контакты народов Западной Сибири и Поволжья в X-XV вв. по находкам художественного металла // Культура как система в историческом контексте. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск. 2010. С. 357–360.
9. Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып.1(57). С. 90–99.

Ю.А. Подосенова
(РФ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Отдел истории, археологии и этнографии ПНЦ УрО РАН, г. Пермь)

«ДРЕВНЕВЕНГЕРСКИЕ» ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ ИЗ СЕРЕБРА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ *

Многие годы различных исследователей занимает вопрос – когда и откуда появились венгры, какими путями, по каким территориям и когда древневенгерский народ «обретал» свою родину и где располагались загадочные территории «Этелькез», «Леведия» и Великая Венгрия (Magna Hungaria) известные нам по письменным источникам. В поисках ответа на данный вопрос учеными устанавливаются мадьярские (древневенгерские) признаки материальной культуры в памятниках, которые должны помочь найти ответ на эти вопросы. К одним из таких признаков ученые приписывают наличие в погребениях деталей или целого поясного набора с определенными декоративными элементами: звеньевым орнаментом или перевязанным бордюром; с изображением трех- и четырехлепестковой розетки или расцветающего цветочного бутона; с присутствием зооморфного или антропоморфного изображения; золочением фона орнамента или всей поверхности изделия. Особенности техники изготовления этих изделий авторами зачастую не рассматриваются. Предлагаемая статья посвящена химико-технологической характеристике поясных наборов из серебра, происходящих из средневековых памятников Пермского Предуралья и интерпретируемых исследователями как изделия древневенгерского происхождения. Это поясные наборы из Редикарского клада и погребений Бояновского могильника.

Ключевые слова: «древневенгерские» изделия, поясной набор, эпоха средневековья, техника изготовления, химический анализ металла, Пермское Предуралье

Y. A. Podosenova
(RF, Perm state humanitarian-pedagogical University, s. Perm)

THE "HUNGARIAN" BELT OF SILVER IN THE PERM CIS-URALS IN THE MIDDLE AGES

For many years various researchers is the question – when and where did the Hungarians, in what ways, in what territories and when the people "took" their country and where the mysterious territory "Ateles", "for levediya" Great Hungary (Magna Hungaria) known to us from written sources. In search of an answer to this question, scientists established the Magyar signs of material culture and monuments, which should help to answer these questions. One of these characteristics scientists attribute to the presence in the burials of parts or the whole ring set with defined decorative elements: the foreman ornament or tied with a border; depicting the three - and four-petal rosettes blooming or flower Bud; with the presence of zoomorphic or anthropomorphic image; the gilding of the background of the ornament or the entire surface of the product. Features of the art of the manufacture of these products by the authors are often not considered. The article is devoted to chemical and technological characteristics of belt sets made of silver, originating from the medieval monuments of the Perm CIS-Urals, and interpreted by the researchers as products of Hungarian origin. This waist packs Redemarrage treasure and burials of the burial ground Boianowski.

Key words: "vengerskie" products, belt kit, middle ages, machinery manufacturing, chemical analysis of metal in Perm pre-Urals

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №16-46-590325 «Средневековая Венгрия и Урал (по материалам металлических украшений»; Проекта Министерства образования и науки РФ № 1091 «Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья».

В археологической литературе последних десятилетий нередко можно встретить публикации, посвященные решению вопросов, связанных с обретением родины древними венграми. В таких публикациях ученые пытаются ответить на вопросы довольно широкого круга – это когда и откуда появились венгры, какими путями, по каким территориям и когда древневенгерский народ «обретал» свою родину и где располагались загадочные территории «Этелькез», «Леведия» и Великая Венгрия (Magna Hungaria), известные по письменным источникам. Опираясь на археологические данные, исследователи определяют признаки в материальной культуре, которые могут диагностировать присутствие древних венгров на разных территориях. К одним из таких признаков ученые приписывают наличие в погребениях деталей или целого поясного набора с определенными декоративными элементами или поясные наборы, выполненные в «мадьярском» или «древневенгерском» стиле. Четкого, конкретизированного определения «древнемадьярского» стиля в исследованиях не приводится. Однако, следуя за описаниями таких деталей поясных наборов, можно выделить следующие его характеристики: оформление бордюра звеньевым орнаментом – чередующимися овалами и кружками (или в других вариациях); перевязанный бордюр; изделия, где центральным элементом орнамента выступает трех или четырехлепестковая розетка; изделия, где центральным элементом орнамента может выступать расцветающий цветочный бутон («лотосовидный декор»); изделия, где в орнаментальных мотивах присутствуют зооморфные или антропоморфные изображения; орнамент в виде трилистников; золочение фона орнамента или всей поверхности изделия.

Поясные наборы, интерпретируемые исследователями как изделия «древневенгерского» стиля, обнаружены и в памятниках Пермского Предуралья [1, с.121–128].

Детали поясного набора из Редикарских сборов исследователь Н. Феттих напрямую относил к предметам «искусства древнемадьярской группы памятников» [6, s.73–75]. Изделия представлены двумя типами накладок (фонд Государственного Эрмитажа, Редикорский клад, 1909 г., инвентарный номер 535/39, 535/40; публикации: 4, с.228–230; 5, с.361–362).

Первый тип накладок представлен тремя серебряными позолоченными поясными накладками арочной формы с прямоугольной прорезью в нижней части (рис.1/13–15). Изделия декорированы растительным орнаментом (трилистниками), по краю накладок бордюр из чередующихся овалов. На тыльной стороне изделий имеются шпеньки для крепления накладок к кожаной основе. Изделия цельнолитые. Они были отлиты в двустворчатых глиняных формах по оттиску готового изделия или модели. Разное расположение шпеньков свидетельствует о том, что проколы для них были изготовлены на оборотной створке формы индивидуально. Лицевая сторона накладок позолочена способом амальгамирования.

Второй тип представлен девятнадцатью серебряными позолоченными поясными накладками подтреугольной формы (рис.1/1–12). Изделия декорированы растительным орнаментом (трилистниками), по краю накладок бордюр из чередующихся овалов и двойных кружков. На оборотной стороне каждой накладки располагаются по три шпенька для крепления к кожаному поясу. На шпеньках отдельных изделий имеются маленькие пластинки, которые были вырезаны из тонкого серебряного листа и насажены на шпеньки для лучшего крепления к кожаной основе пояса. Накладки были отлиты в двустворчатых глиняных формах по оттиску готового изделия или модели. Разное расположение шпеньков свидетельствует о том, что проколы для них были изготовлены на оборотной створке формы индивидуально. Лицевая сторона накладок позолочена способом амальгамирования.

Химический состав металла анализировался для следующих деталей поясной гарнитуры: поясных накладок, относящихся ко второму типу. Всего из данного поясно-

го набора было исследовано 13 изделий. В связи с тем что на лицевой стороне накладок было зафиксировано золочение, для получения корректных данных по содержанию сплава, из которого были изготовлены собственно детали поясного набора, был проведен анализ металла как с оборотной стороны (в местах, где отсутствовало золочение), так и с лицевой стороны изделий (подробные результаты анализа приведены в табл. 1).

Результаты анализа показали, что основа изделия была изготовлена из следующих сплавов: Ag–Cu–Zn и Ag–Cu–Zn–Pb. В 12 экземплярах содержание серебра в сплаве варьируется в пределах от 63 % до 92 %, содержание меди в сплаве варьируется в пределах от 5 % до 25 %, содержание цинка варьируется в пределах от 1 % до 8,47 %, содержание свинца в сплаве варьируется в пределах от 0,7 % до 1,46 %.

Один экземпляр отличается по количественным показателям элементов: медь – 48,2 %, свинец – 0,2 %, цинк – 1,3 %, серебро – 47 % (табл.1).

В пробах наблюдается высокое наличие железа, содержание которого варьируется в пределах от 1,4 до 17,5 %. При этом содержание железа в пробах с лицевой стороны не превышает 2,2 %. Вероятнее всего, наличие повышенного содержания железа в пробах связано с коррозийными процессами в изделиях.

Следующие поясные наборы, относимые исследователями к изделиям древневенгерского круга, происходят из Бояновского могильника [2; 3].

Первый поясной набор происходит из погребения 279, датированного автором полевых археологических работ первой половиной X в. [2]. Погребение принадлежало мужчине, умершему в возрасте 20–30 лет. Поясной набор включал пряжку, два типа накладок и наконечник ремня (рис.2, 3).

Пряжка составная (из трех частей: рамка, язычок, щиток; рис.2, 3/1), шарнирного соединения с рамкой и язычком. Рамка лировидной формы, декорирована геометрическим орнаментом. Язычок пряжки прямой, декорирован треугольником. Щиток пряжки по краю орнаментирован рядом чередующихся овалов и рядом чередующихся прямоугольников. В центре щитка растительный орнамент. Все детали пряжки (рамка, язычок, щиток) отлиты в двустворчатых глиняных формах, сделанных с помощью шаблонов или оттиска готового изделия. Вероятнее всего, орнамент на щитке пряжке должен был быть симметричным, но одна из его частей не пролита по сравнению с другой. Фон орнамента щитка позолочен способом амальгамирования. На оборотной стороне щитка три шпенька для крепления изделия к кожаной основе. Один шпенек вместе с петлей шарнирного соединения был утрачен и заменен сквозным шпеньком и петлей из другого металла.

Наконечник ремня U-образной формы, орнаментирован трилистниками и орнитоморфными элементами (рис.2,3/28). Бордюр наконечника ремня оформлен звеньевым орнаментом – чередующимися овалами и двойными кружками. Наконечник ремня цельнолитой. Он изготовлен способом литья в двустворчатой глиняной форме, сделанной с помощью шаблона или оттиска готового изделия. Фон трилистников, орнитоморфного орнамента позолочен способом амальгамирования. На оборотной стороне наконечника пять шпеньков для крепления изделия к кожаной основе. Один из шпеньков был утрачен и заменен сквозным шпеньком из другого металла.

Накладки, служившие для оформления поясного ремня, представлены двумя типами. Первый тип (рис.2,3/2–13;16 экземпляров) – это поясные накладки овальной формы, декорированные растительным орнаментом с петлей в нижней части для подвешивания кольца. Второй тип (рис.2,3/14–27; 17 экземпляров) – пятиугольные накладки, декорированные растительным орнаментом. Данные изделия имеют стилистическое сходство. Бордюр накладок этих типов оформлен чередующимися, пустыми внутри, овалами. Центральная часть накладок декорирована двумя одинаковыми растительными элементами, расположенными симметрично друг другу. Накладки цельнолитые. Ве-

роятнее всего, литье накладок выполнялось двумя разными способами: литьем в двустворчатой форме по оттиску готового изделия и литьем по утрачиваемой модели. Фон растительного орнамента на лицевой стороне накладок позолочен. На оборотной стороне каждой накладки располагаются по три шпенька для крепления к кожаному поясу. Разное расположение шпеньков свидетельствует о том, что проколы для них были изготовлены на оборотной створке формы индивидуально. Часто накладки имеют следы ремонта на местах утери шпеньков.

Также было проведено исследование химического состава металлического сплава, из которого были изготовлены данные предметы. Всего было исследовано 26 изделий (табл. 2). Анализ проводился как на изнаночной стороне изделий (в местах, где отсутствовало золочение), так и на лицевой стороне изделий. Результаты анализа показали, что основа изделий была изготовлена из следующих сплавов: Ag–Sn–Cu–Pb–Zn, Ag–Cu–Pb–Sn, Cu–Ag–Pb–Sn–Zn, Ag–Sn–Pb–Cu–Zn, Ag–Cu–Pb–Zn. Содержание серебра в сплаве варьируется в пределах от 31 до 88%, содержание меди в сплаве варьируется в пределах от 2,86 до 52%, содержание цинка варьируется в пределах от 0,8 до 3,7 %, содержание свинца в сплаве варьируется в пределах от 2,3 до 8 %, содержание олова в сплаве варьируется от 1,27 до 14 % (подробные результаты анализа приведены в табл. 2).

Следующий поясной набор происходит из погребения 357 Баяновского могильника, датированного автором полевых археологических исследований первой половиной X в. [3]. Погребение принадлежало мужчине, умершему в возрасте 18–25 лет. Поясной набор включал пряжку, наконечник ремня, три типа накладок (рис.4, 5).

Двусоставная пряжка поясного набора небольшого размера овально-рамчатая с неорнаментированным щитком овальной формы (рис.4). Пряжка имеет шарнирное соединение составных частей. Язычок пряжки прямой. Сама основа пряжки цельнолитая. Щиток пряжки по краям был механически доработан (опиливание). Язычок пряжки первоначально был отлит в виде стержня. Один край, накладывающийся на рамку пряжки, был механически доработан – заострен. Другой край сгибался в петельку для последующего шарнирного соединения с основой пряжки.

Наконечник ремня состоял из двух деталей. Основы – внешней части наконечника и подкладочной пластины (изнаночная сторона наконечника) (рис.4, 5/15–16). Основа наконечника орнаментирована чередующимся растительным орнаментом с изображением трилистника в его центральной части. Бордюр наконечника ремня представлен прямым бортиком. Наконечник ремня был выполнен с помощью литья в двустворчатой форме по оттиску готового изделия или шаблона. После литья орнамент наконечника дорабатывался – контуры орнамента проходили острым предметом (резцом). На оборотной стороне наконечника имеется пять шпеньков для крепления изделия к кожаной основе.

Подкладочная пластина была вырезана из тонкого листа металла. Места для шпеньков в пластине не пробивались, а вырезались по контуру.

Наладки этого поясного набора представлены тремя разными типами. Они разные по форме, основному центральному орнаменту. Их объединяет единое оформление бордюра одинаковым звеньевым орнаментом в виде чередующихся овалов и кружков.

Первый вид (рис.4,5/1–7,19; 15 экземпляров): накладки подтреугольной формы, где центральным звеном орнамента выступает изображение трилистника. На оборотной стороне накладок имеется по три шпенька для крепления к кожаной основе. Накладки цельнолитые. Они отливались в двустворчатых глиняных формах. Проколы для шпеньков в форме производились индивидуально.

Второй вид (рис.4,5/17–18; 2 экземпляра): накладки полукруглой формы с полукруглой прорезью в центральной части. На оборотной стороне накладок имеется по три шпенька для крепления к кожаной основе. Накладки цельнолитые. Они отливались

в двустворчатых глиняных формах по оттиску. Проколы для шпеньков в форме производились индивидуально.

Третий вид накладок (рис.4,5/8–14; 10 экземпляров) представлен двусоставными накладками в виде фигурного щитка с петлей и подвешенного кольца. Щиток накладки декорирован антропоморфным орнаментом в виде человека, сидящего со скрещенными ногами. Основа такой двусоставной накладки (щиток накладки и петелька для кольца) цельнолитая. Изделия были отлиты в двустворчатых глиняных формах по шаблону. Кольца изготавливались отдельно и вкладывались в литейные формы для отливки накладок. На оборотной стороне накладок имеется по три шпенька для крепления к кожаной основе. Проколы для шпеньков в форме производились индивидуально.

Необходимо отметить, что после литья орнамент отдельных накладок был доработан механическим путем острым предметом (резцом).

Также было проведено исследование химического состава металлического сплава, из которого были изготовлены данные предметы. Всего было исследовано 22 изделия из поясного набора (табл.3). Результаты анализа показали, что основа изделия была изготовлена из сплава: Ag–Cu–Zn–(Pb). Содержание серебра в сплаве варьируется в пределах от 89 до 94 %, содержание меди в сплаве варьируется в пределах от 3 до 7,4 %, содержание цинка варьируется в пределах от 1 до 2,3 %, содержание свинца в сплаве варьируется в пределах от 0,6 до 1,8 % (более подробные результаты представлены в табл. 3).

Таким образом, для поясных наборов Пермского Предуралья, относимых исследователями к изделиям мадьярского круга, можно выделить следующие характерные стилистические и технические признаки: литье изделий в двустворчатых глиняных формах по оттиску готового изделия, модели или с помощью утрачиваемой модели; золочение фона орнамента или всей лицевой поверхности изделия способом амальгамирования; декорирование деталей поясной гарнитуры растительными (трилистники), орнитоморфными и антропоморфными орнаментами; окантовка деталей поясных наборов звеньевым орнаментом (чередующимися овалами и кружками); проработка контуров орнамента резцом; изготовление изделий из сплава с высоким содержанием серебра.

Примечания и благодарности.

Химический состав цветного металла деталей поясных наборов был изучен с помощью неразрушающего метода безэталонного рентгено-флуоресцентного анализа (РФА); исследование проводилось при помощи портативного РФА-анализатора Bruker S1.

Выражаю благодарность канд. ист. наук Е.А. Шаблавиной за предоставленную возможность ознакомиться с предметами Редикарского клада в фондах Государственного Эрмитажа.

Список литературы

1. Белавин А.М., Данич А.В., Иванов В.А. Древние мадьяры в Предуралье // Фодор И. Венгры: древняя история и обретение Родины. Пермь: ЗЕБРА, 2015. С.101–131

2. Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе. Раскопки Бояновского могильника в МО г. Добрянка Пермского края в 2012 году // Архив Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ.

3. Данич А.В. Отчет о научно-исследовательской работе. Раскопки Бояновского могильника в МО г.Добрянка Пермского края в 2015 году // Архив Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ.

4. Отчет Императорской археологической комиссии за 1909–1910 гг. СПб: ТИПОГРАФИЯ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ УДЕЛОВ, 1913. 290 с.

5. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара / Каталог выставки. М.: Издательство дом Марждани, 2016. 560 с.

6. Fettich N. Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarlandischen Denkmaler. Prague, 1929.

)

Таблица 1. Химический состав металла поясных деталей из Редикарского клада (РФА-анализ**)**

номер	предмет	место	Fe	Cu	Pb	Zn	Ag	Ta	Au
1	накладка	лицевая	1,43	4,41	0,5	0	65,7	0	27,96
		изнаночная	2,9	48,2	0,2	1,3	47,3	0,1	0
2	накладка	лицевая	1,78	7,07	0,3	0	63	0	27,85
		изнаночная	2,5	6,7	0,7	1,9	88	0,2	0
3	накладка	изнаночная	4,32	9,25	0,78	1,95	83,4	0,3	0
		лицевая	1,67	5,41	0,19	0	64,5	0	28,23
4	накладка	лицевая	2,2	6,8	0	0	51,6	0	39,4
		изнаночная	2,4	25,1	1	7,6	63,6	0,3	0
5	накладка	лицевая	1,74	8,66	0,2	0,5	62,2	0	26,7
6	накладка	лицевая	1,5	9	0,2	0,9	58,8	0	29,6
		изнаночная	5,29	10,5	1,42	3,29	79,1	0,3	0
7	накладка	лицевая	1,6	10,2	0	1	50,2	0	37
		изнаночная	1,79	19,6	0,94	8,47	68,9	0,3	0
8	накладка	изнаночная	1,42	18,92	0,9	4,76	73,7	0,3	0
9	накладка	изнаночная	7,51	7,64	1,06	4,13	79,26	0,4	0
10	накладка	изнаночная	17,1	8,18	0,8	2,46	71,2	0,26	0
		лицевая	1,44	5,58	0,2	0	57,6	0	35,18
11	накладка	лицевая	1,57	10,43	0,2	0,7	57,5	0	29,6
		изнаночная	4,82	5,94	1,03	2,61	85,6	0	0
12	накладка	лицевая	1,8	8,62	0	1,01	47,8	0	40,77
		изнаночная	2,42	18,4	1,01	4,18	73,69	0,3	0
13	накладка	лицевая	1,72	5,3	0,2	0,4	50,5	0	41,88
		изнаночная	1,4	5	0,7	1	91,9	0	0

Таблица 2. Химический состав металла поясных деталей из погребения 279 Бояновского могильника (РФА-анализ)

	предмет		Fe	Cu	Pb	Zn	Ag	Au	Sn
1	наконечник	изнаночная	0,09	35,9	3,84	0	58,9	0	1,27
		лицевая	0,32	47,6	7,65	1,89	33,2	5,67	3,67
2	накладка с ушком	изнаночная	0,69	52,4	7,97	2,24	31,9	0,27	4,53
		лицевая	0	50,4	2,5	1,81	32,9	7,55	4,84
3	накладка с ушком	изнаночная	0,35	3,23	2,46	1,46	82,2	0,57	9,73
		лицевая	0,08	5,31	2,79	0,8	62,9	20,33	7,79
4	накладка с ушком	изнаночная	0	2,99	3,93	1,64	81	1,13	9,31
		лицевая	0,25	15,36	3,56	0,43	55,9	24,5	0
5	накладка с ушком	изнаночная	0	2,86	2,94	1,64	82,7	0,1	9,76
		лицевая	0	7,15	3	1,07	68,7	12,66	7,42
6	накладка с ушком	изнаночная	0	3,34	2,51	1,3	82,6	0,52	9,73
		лицевая	0,08	4,46	2,65	0,74	65,3	18,62	8,15
7	накладка с ушком	изнаночная	0,75	3,07	2,69	1,22	83,9	0,59	7,78
		лицевая	0,57	26,1	3,16	1,76	54,7	13,5	0,21
8	накладка с ушком	изнаночная	0,49	10,5	4,34	2,17	82,5	0	0
		лицевая	0,3	36,6	3,45	2,19	45,2	5,46	6,8
9	накладка с ушком	изнаночная	0,89	10,2	5,09	2,17	72,8	0	8,85
		лицевая	0	40,6	4,18	1,28	42,8	5,13	6,01
10	накладка с ушком	изнаночная	1,73	3,51	2,9	1,54	81,9	0	8,42
		лицевая	0,26	9,83	3,77	0,84	75,6	9,7	0
11	накладка с ушком	изнаночная	1,92	5,87	2,93	1,71	79,1	0	8,47
		лицевая	2,54	29,7	2,99	1,28	42,8	15,41	5,28
12	накладка с ушком	изнаночная	1,33	3,13	2,6	1,45	84,27	0	7,22
		лицевая	0	6,06	2,9	1,56	87,8	1,68	0
13	накладка	изнаночная	0,29	10,5	3,3	1,27	76,3	0,4	7,94
		лицевая	0	7,68	2,54	1,16	79,9	8,72	0
14	накладка	изнаночная	1,05	17,9	3,49	2,49	67,95	0	7,12
		лицевая	0,1	26,4	3,58	1,66	59,3	2,36	6,6
15	накладка	изнаночная	0,31	24,2	4,43	1,34	57,12	0	12,6
		лицевая	0,08	7,8	3,06	0,79	58,2	18,8	11,27
16	накладка	изнаночная	0,3	22,6	3,8	1,3	72	0	0
		лицевая	0,57	31,3	4,44	0,88	55	7,81	0
17	накладка	изнаночная	1,78	17,3	2,86	1,5	67,41	0	9,15
		лицевая	0,68	28,3	3,84	1,87	55,86	1,63	7,82
18	накладка	изнаночная	0,78	12,16	3,86	1,4	81,8	0	0
		лицевая	0,26	37,6	3,56	1,47	36,5	14,9	5,71
19	накладка	изнаночная	0,34	7,68	4,62	1,58	71	0,45	14,33
		лицевая	0,18	40,5	3,19	1,3	42,7	3,18	8,95
20	накладка	изнаночная	1,07	10,4	2,37	1,47	77,4	0	7,29
		лицевая	1,11	35,3	4,38	0,66	41,8	12,28	4,47
21	накладка	изнаночная	0	46,7	8,17	2,43	38	0	4,7
		лицевая	0,75	43,8	4,44	1,37	35,7	9,45	4,49
22	накладка	изнаночная	0,29	5,62	3,36	1,36	80,3	0,57	8,5
		лицевая	0,45	18,2	7,32	0,63	55,6	17,8	0
23	накладка	изнаночная	0,29	5,19	2,42	1,3	82,4	0,57	7,83
		лицевая	0,48	30,6	3,11	1,11	55,9	8,8	0
24	накладка	изнаночная	1,63	37,6	6,99	2,27	46,1	0	5,41
		лицевая	0,1	34,3	3,17	1,86	41,1	14,61	4,86
25	накладка	изнаночная	0,77	19,2	5,04	0,99	74	0	0
		лицевая	0,83	30,3	7,35	1,95	47,3	4,92	7,35
26	пряжка	изнаночная	0,08	16,9	3,44	3,07	68,2	0	8,31
		лицевая	0,08	11,8	6,38	1,03	57,6	15,9	7,21

Таблица 3. Химический состав металла поясных деталей из погребения 357 Баяновского могильника (РФА-анализ)

№	Предмет	Fe	Cu	Pb	Zn	Ag	Au
1	наконечник ремня	0	3,95	0,63	1,42	94	0
2	пластина	0	5,26	1,71	1,73	91,3	0
3	накладка	0	3,67	0,71	1,45	94,17	0
4	накладка	0,21	3,34	1	1,75	93,7	0
5	накладка	0	3,65	0,68	1,48	94,19	0
6	накладка	0	5,14	0,83	2,23	91,8	0
7	накладка	0	4,53	0,82	1,75	92,9	0
8	накладка	0	4,59	0,8	1,81	92,8	0
9	накладка	0	4,51	0,99	2,28	91,79	0,43
10	накладка	0,12	3,86	1,03	1,7	92,7	0,59
11	накладка	0,61	3,68	0,85	1,72	93,14	0
12	накладка	0,43	7,4	0,95	1,71	89,51	0
13	накладка (с кольцом)	0	4,59	0,81	1,36	93,24	0
14	накладка (с кольцом)	0	4,59	0,98	1,71	92,3	0,42
15	накладка (с кольцом)	0	4,1	0,59	1,19	94,12	0
16	накладка (с кольцом)	0	4,39	0,81	2	92,8	0
17	накладка (с кольцом)	0	4,46	0,81	1,43	93,3	0
18	накладка (с кольцом)	0,08	3,96	1,2	1,99	92,35	0,42
19	накладка (с кольцом)	0,1	3,95	0,69	1,66	93,6	0
20	накладка (с кольцом)	0,1	4,43	0,66	1,2	93,61	0
21	накладка (с кольцом)	0	4,3	0,72	1,4	93,58	0
22	накладка (с кольцом)	0,69	4,22	0,81	2,18	92,1	0

Рис. 1. Детали поясного набора Редикарского клада

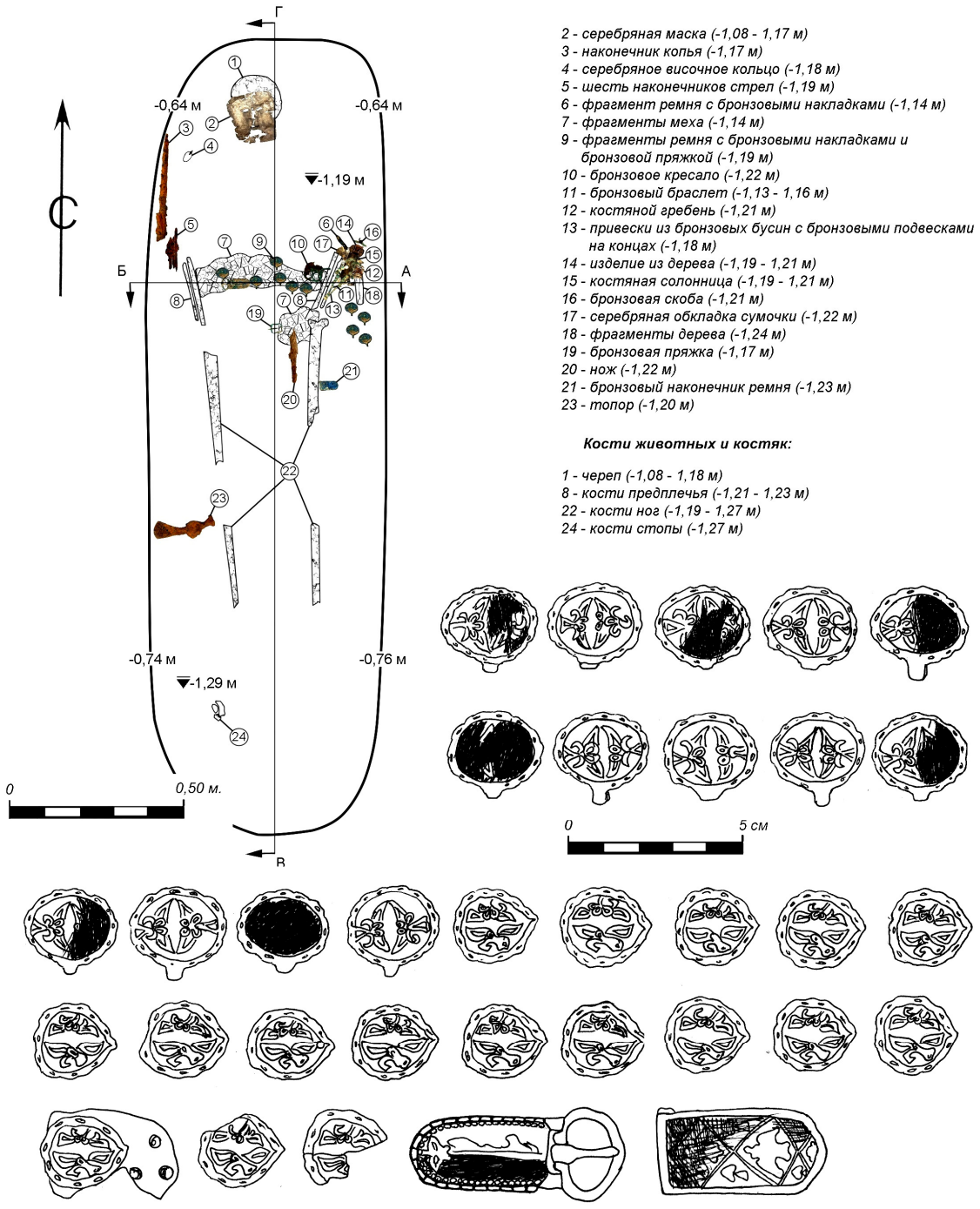


Рис. 2. Поясной набор из погребения 279 Баяновского могильника (прорисовка А.В. Данича). Погребение 279 Бояновского могильника: план, находки

Рис. 3. Поясной набор из погребения 279 Баяновского могильника

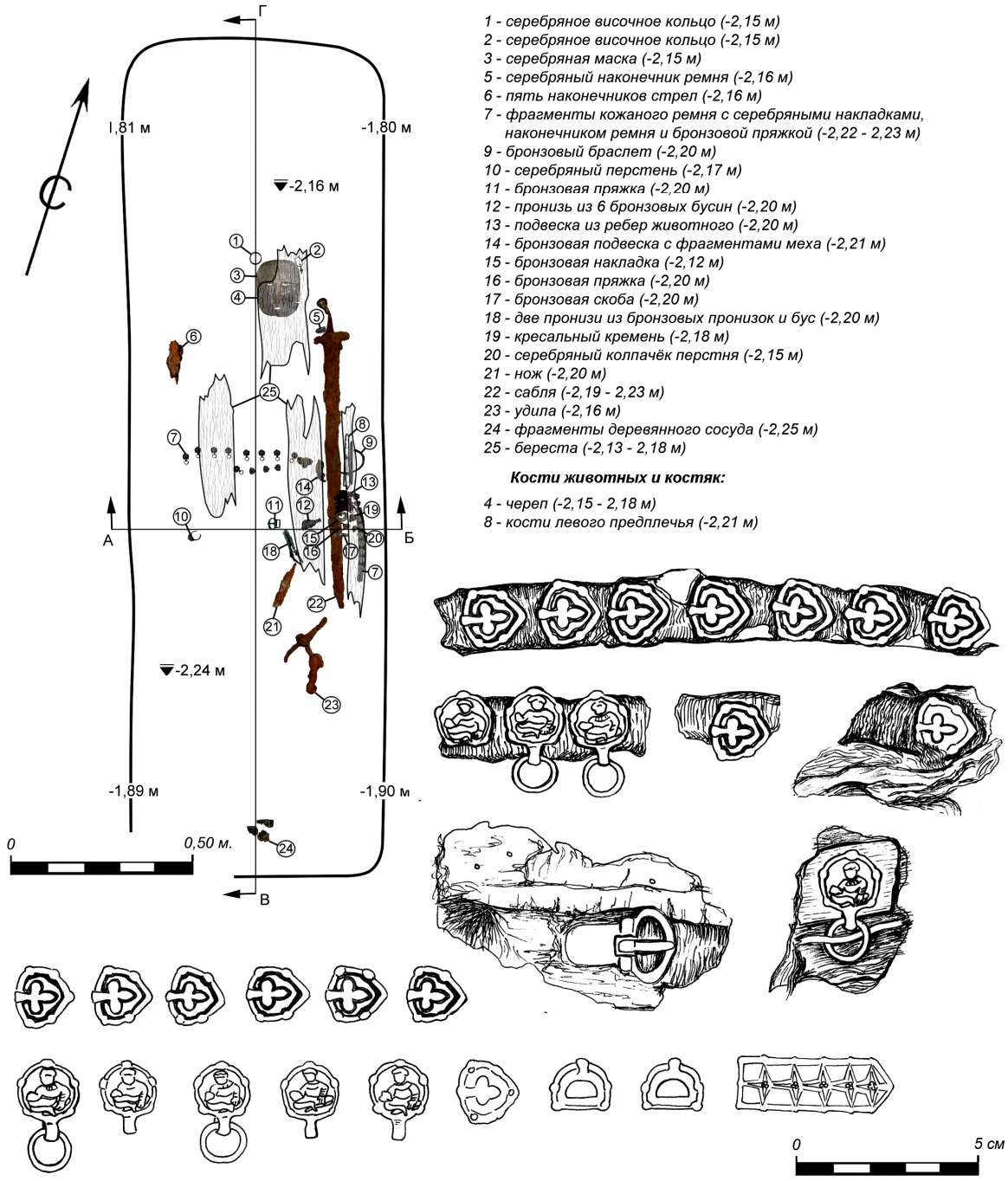


Рис. 4. Поясной набор из погребения 357 Баяновского могильника (прорисовка А.В. Данича). Погребение 357 Баяновского могильника: план, находки

Рис. 5. Поясной набор из погребения 357 Баяновского могильника

К.А. Руденко
(РФ, Государственный институт культуры, г. Казань)

ИДОЛ ИЗ СЕЛА ЗМЕЕВО: ДАТИРОВКА, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И АНАЛОГИИ

В статье рассматривается необычная бронзовая фигурка антропоморфного существа, найденная на булгарском Змееевском городище. С одной стороны фигуры изображена женщина, с обратной - мужчина. Кроме нее известны и другие подобные изделия. Больше всего их найдено на самом крупном булгарском городище X–XIII вв. – Билярском. Традиционно такие изделия связывают с тюркским культурным кругом. Часть таких находок является оберегом на бронзовых навесных замках, выполненных в виде фантастического существа - барса. Анализ материалов, с учетом новых находок позволяет датировать Змеевский идол и изделия этого типа концом XII – началом XIII в., т.е. предмонгольским временем.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, волжские булгары, язычество, ислам, культы, Билярское городище.

K.A. Rudenko
(RF, The state institute of culture, s. Kazan)

IDOL FROM VILLAGE ZMEEVO: DATING, INTERPRETATION AND ANALOGIES

In article are considered an unusual bronze figure антропоморфного the beings, found on bulgar the Zmeeevsky hillfort. On the one hand the woman, with return - the man is represented. Except it other similar products are known also. Most of all them it is found on the largest bulgar hillfort X - XIII centuries - Biljarsk. Traditionally, such products connect with Turkic cultural circle. The part of such finds is talisman on the bronze hinged locks executed in the form of fantastic being - a leopard. The analysis of materials, taking into account new finds the Zmeevsky idol and products of this type the end XII– beginning XIII centuries allows to date, that is the premongolian time.

Key words: archeology, Volga Bulgaria, Volga bulgars, paganism, Islam, cults, the Biljarsk hillfort.

В древностях Волжской Булгарии выделяется группа артефактов, не раз привлекавшая внимание исследователей. Это небольшие бронзовые ростовые мужские фигурки (рис.2, 3) и отдельно отлитые головы с несколькими лицами (рис. 4). Большинство ученых считали такие находки свидетельством языческой культуры волжских булгар, при этом расходясь в их интерпретации и датировках. Так, А.А. Спицын считал их монгольскими онгонами, а А.Х. Халиков утверждал, что некоторые из них являются изображением тюркских мифологических предков-прародителей, а другие – образами демонических существ. Датировал их А.Х. Халиков периодом создания булгарского государства – IX – X вв. или в более широких рамках раннебулгарского периода – VIII–X вв. [15, с.18–19]. Эту идею поддержал и развил Г.М. Давлетшин, исследователь булгарской духовной культуры. По его мнению, общетюркский тотем, отраженный в изображениях металлических идолов постепенно заменялся булгарским барсом – тотемом брасил – одного из булгарских племен [3, с.59,61]. В качестве такого тотема выступали бронзовые замочки (рис. 6), интерпретированные А.Х. Халиковым и Г.М. Давлетшиным как изображения барса.

Основатель советского булгароведения А.П. Смирнов, анализируя динамику развития прикамского искусства в X–XIV вв. обратил внимание на сходство одного из би-

лярских идолов (рис. 2/2) с бронзовыми фигурками из Прикамья [14, с. 220, табл. LIX/3,4], сочтя этот факт отражением воздействия булгар на пермские народы Прикамья.

Среди таких необычных изделий, общее количество которых из Волжской Булгарии, как целых, так и отдельных их частей насчитывает 8 экз., выделяется достаточно крупный по размерам бронзовый литой идол из Змеевского городища, расположенного поблизости от современного г. Чистополя в Татарстане. Артефакт находился в коллекции казанского коллекционера Н.Ф. Высоцкого и в настоящее время хранится в Национальном музее Татарстана (инв. № 5441). Несколько раз он фигурировал в публикациях археологов - булгароведов [11, с. 86; 15, с.15–16], но не стал объектом детального исследования, что обусловило обращение к нему в настоящей статье.

К сожалению, каких-либо дополнительных сведений об обстоятельствах обнаружения этого идола, кроме того, что он был найден в селе Змеево близ Чистополя, мы не имеем. На этом месте еще во второй половине XIX в. было зафиксировано булгарское городище, полностью застроенное. Тогда еще были заметны укрепления, состоявшие из одного вала и рва. Вплоть до конца XX в. обследование городища не проводились, что не позволило точно датировать памятник. Поэтому в археологической литературе его относили к XI–XIV вв.

В конце 80-х гг. XX в. городище было осмотрено К.А. Руденко. Было установлено, что следы укреплений окончательно нивелированы и исчезли, а территория памятника полностью занята городскими дачами. Был собран подъемный материал, представленный в основном мелкими фрагментами круговой керамики домонгольского облика. Также было найдено несколько фрагментов с примесью крупнозернистого песка в тесте (тип «джукетау», по Т.А. Хлебниковой) и с мелкой толченой ракушкой. По всем этим данным мы определили время существования памятника домонгольским периодом.

Идол (рис.1) представляет собой двустороннюю массивную объемную фигурку размером 18,2Х9,5Х3,4 см, отлитую из золотистой бронзы. С одной ее стороны изображен мужчина, с другой – женщина, легко определяемые по выраженным признакам пола. Фигура коренастая широкоплечая, но с небольшими почти дистрофичными ногами, явно не пропорциональными туловищу. От этого самостоятельно стоять она не могла. Одна нога у идола отсутствует, а вторая полноценная нога с небольшой ступней, чуть согнута как бы колесом, что придает фигуре в целом сходство с наездником.

Можно было бы предположить наличие у этой фигуры основы с помощью которой она могла бы быть устойчивой, например, фигуры лошади, но доказать это, не имея каких-либо аналогий невозможно. Скорее всего она крепилась на стержне или каком-то упоре, для чего имелось отверстие в нижней части тулова, образовавшееся в процессе изготовления. Можно утверждать, что это отверстие было сделано преднамеренно, а не от нарушения технологии отливки или неопытности мастера.

Руки у идола две: одна упирается в бедро, вторая – согнута в локте и раскрытой ладонью касается груди в области солнечного сплетения. У мужской фигуры нет правой ноги и правая же рука согнута в локте. У женской фигуры нет левой ноги и согнута в локте левая рука. Мастер-литейщик сознательно стремился показать ущербность идола, вероятно тем самым обезвредив ее.

Наиболее выразительными являются лица этого идола, хотя они тоже с дефектом – отсутствует одно ухо, причем мочка его оттянута вниз, а верхний хрящик неестественно скошен. На месте второго уха имеется пустота, образовавшаяся от недолива металла. От этого пострадала и часть лица мужской половины идола. Мужское лицо круглощекое с прямым широким носом и узким подбородком (рис.1/1а, 2а). Брови чуть приподняты, как бы с удивлением, большие, почти миндалевидные глаза глубоко «запали» в глазницы; губы небольшого рта плотно сжаты. Женское лицо (рис.1/1б, 2б) более эмоционально и экспрессивно. Щеки округлые, «надутые», как будто они наполне-

ны воздухом. Ее полные, пухлые губы сложены «в трубочку», будто женщина с усилием выдыхает воздух из груди. Если бы не положение рук, то можно было бы сказать, что автор этой скульптуры хотел показать роженицу. На это вроде бы намекает и небольшой выпуклый животик женской части фигуры. Однако нам кажется, что в большей степени здесь продемонстрировано стремление изобразить именно эмоции, а не определенное физическое состояние, процесс или действие, хотя отвергать идею о беременности не стоит.

Голова идола имеет высокое коническое завершение – скорее всего головной убор, хотя, можно предположить, что это прическа.

Интересно, что в древностях Волжской Булгарии имеется еще один женский идол, обнаруженный в Билярске (рис.3/2). Однако стилистика этого изображения иная: лицо показано линиями, а не рельефом (как на трехликой голове с того же памятника (рис.4)), руки практически отсутствуют, ножки короткие; на левой груди отлито лицо младенца. Кроме того, эта фигурка односторонняя. Аналогии последнему изображению достаточно многочисленны и детально рассмотрены А.А. Спицыным и А.Х. Халиковым [15, с.14–17].

Змеевский идол по своей иконографии в булгарских древностях единственный. Остальные известные нам изображения отличаются по форме, деталям и даже размерам. Самое главное отличие – это то, что все они только мужского пола. При этом ряд деталей у некоторых таких изделий имеет явные соответствия с змеевским артефактом, как например, билярский одноголовый идол (рис.2/1) из собрания НМ РТ (инв. № 5427; Бил. 87–5). Рассмотрим его подробнее.

Этот билярский идол литой, односторонний; в центре тулова у него сквозное круглое отверстие диаметром 0,5 см. По размерам он чуть уступает змеевскому: высота его 15,1 см, ширина – 4, толщина – 2 см. Обнаженная фигурка показана с физическими дефектами: отсутствует левая нога, правая рука укорочена – имеется только верхняя часть плеча длиной 2,7 см. Туловище фигурки вытянутое, прямое, но с короткой дистрофичной ногой длиной 3,5 см, что по пропорциям составляет 1:3 по отношению к общей длине фигуры. Причем нога изображена так же, как и у идола из Змеева. Левая рука фигурки имеет длину 6,5 см. Она вытянута вниз, ладонь с намеченными пятью плотно сжатыми пальцами плотно прижата к той части где должна была быть правая нога. Мастер подчеркнул у идола признак пола – *phallus*. Считается, что такие изображения символизируют мужское плодородие и начало новой жизни.

Стоит обратить внимание на голову билярского изделия – она каплевидной формы (4,5Х3 см) с одним левым глазом и открытым, «кричащим» ртом. С некоторой долей условности можно сопоставить верхнюю часть головы с головой змеевского изделия. Однако билярский одноглазый идол менее реалистичен, хотя эмоциональное состояние здесь выражено не меньше. Лоб идола имеет две широкие грани, образуя в сечении треугольник. Средняя часть лица, углублена на 1 см, т.е. почти на половину всей толщины изделия, с резким переходом под углом 90^0. Округлые глазницы определяют край перехода от лобной к лицевой части. Нос выступающий массивный, трапециевидный; глаз выпуклый, круглый. Подбородок сильно выступает вперед. Рот напряженный, широко открытый, как будто в крике.

Второй билярский идол также из коллекции НМ РТ (инв. № 5427, Бил. 22–2) (рис. 2/2), не имеет головы и совпадает с предыдущей поделкой некоторыми деталями, например, укороченной чуть выше локтя правой рукой (у нее квадратное сечение 0,4Х0,4 см). Идол бронзовый, литой и изображает обнаженного мужчину с эрегированным пенисом. Размер этого идола существенно меньше: 9,5Х5,2 см, однако учитывая то, что в верхней части имеются три маленьких отверстия, то у него очевидно была еще голова, что естественно увеличивало его общую длину.

Левая рука фигуры объемная – плечо сегментовидного сечения, предплечье - прямоугольного, согнутая в локте, напоминает земеевского идола, однако ладонь с отставленным большим пальцем раскрыта и касается правого бедра. Ноги у него две, причем они показаны согнутыми в коленях, то есть идол как бы сидит в позе всадника. Это наводит на аналогию с известными находками: так называемых маклашеевских всадника (рис.5) и всадницы [15, с.8–9, рис.4; 2, с.182, рис.38].

В контексте рассматриваемых изделий из Билярска и Змеева особо интересна фигурка маклашеевского всадника, находящегося сейчас в экспозиции Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (БГИАМЗ, инв. № 221-466), практически идентичная второй билярской находке (рис. 5). Их сближает посадка фигуры, размер, пропорции, расположение увечий и даже моделировка туловища. Замочек имеет размер: 7,2Х5,5 см; фигурка идола – 15Х5,7 см. Главным отличием является отсутствие головы у билярского идола, однако она скорее всего была отломана, возможно в ритуальных целях и заменена или заново прикреплена к туловищу с помощью вышеупомянутых сквозных отверстий. Кроме того, билярский второй идол не был прикреплен к замочку, как маклашеевский (у него нет отверстия в районе пояса). Здесь можно предположить, что либо он не предназначался для такой комбинированной конструкции и был самостоятельной фигурой, либо на какой-то стадии производства его по какой-то причине не стали завершать. В любом случае связь маклашеевского всадника, билярской находки и змеевского идола очевидна. То есть они создавались в одном хронологическом промежутке и в одной культурной среде. И не исключено, что это происходило в одной мастерской, поскольку у обеих этих поделок имеется много совпадающих мелких деталей.

Установив связь замков с фигурками и идольчиков из Билярска и Змеева, можно рассмотреть датировку этих изделий в целом, поскольку замочки в этом отношении являются достаточно точным хронологическим ориентиром.

Замочки – это небольшие объемные литые поделки, состоящие из двух отдельно сделанных, одинаковых по размеру и изображению половинок, затем спаянных между собой (рис. 6/7). Общий средний размер замочков: 6,5–7,5Х5,5 см. В передней правой части изделия имеется выемка для ключа с кольцевидной или Т-образной лопастью, которая была предназначена для зажима пластинчатых пружин замочного механизма. Одна прорезь сделана с торца (рис. 6/1а), вторая – перпендикулярно ей - сбоку, справа (рис. 6/2).

Литая дужка замка (рис. 5) имеет вид П-образной петли, верхняя часть которой в виде гладкого стерженька круглого сечения, нижняя - той же длины, но прямоугольного сечения (к ней крепятся пружины), а изгиб выполнен в виде арки со стилизованным трилистником (?) посередине. Замочный механизм в виде двух прямоугольных гибких пластин крепится к нижней, уплощенной части дужки у ее окончания одной стороной. Чтобы закрыть замок, необходимо одновременно вставить дужку верхней частью в круглое отверстие на «затылке» под «рогом» зверя, а нижней частью с пружинами – в прямоугольное отверстие, расположенное чуть выше хвоста, и продвинуть вперед до тех пор, пока пружины не разойдутся внутри корпуса и не зафиксируют дужку. Если на замочке имеется фигурка идола, ее сначала нужно насадить на верхнюю часть дужки.

Замочек (рис.6/3–8) изображает фантастическое существо с вытянутым туловом. Поза его спокойная, статичная. При этом, если его в собранном виде поставить на горизонтальную поверхность, то на своих 4 ногах он будет стоять вполне устойчиво (рис.6/1;7). Это происходило от того, что массивная передняя часть изделия, на которую приходится крупная голова с «рогом» на загривке, частично уравновешивается выделенной задней частью замка - тазом и большими бедрами, а также декоративным

изгибом дужки с фигурными декоративными выступами. Чаще всего такие замочки украшались циркульным орнаментом (рис.6/1–7; 7/11,2,4–7,8–12,15), хотя встречаются поделки и без него (рис.6/8; 7/3,13,14).

Стоит обратить внимание на трактовку морды этого существа. Она обнаруживается в нескольких вариантах. Первый (6 экз., Билярское городище): морда овальная, чуть выпуклая, лобная часть ее скошена назад; на макушке головы расположена пара вытянутых вверх овальных «стоячих» ушек (2 экз., рис.6/1;7). Морда в этом варианте украшена циркульным орнаментом (четыре кружочка с точкой в центре) или вообще не имеет декора (3 экз., рис.7/3). Внизу под личиной показана широкая пасть.

Второй вариант: морда в форме геральдического щита с углублениями в форме полуприкрытых глаз (1 экз., Маклашеевское II городище) (рис.5). Можно выделить и третий вариант (3 экз., Болгарское и Билярское городища): морда с выступающим «горбатым» носом, под которым открывается широко оскаленная «улыбающаяся» пасть, в отличие от замочков других вариантов, хорошо видная в фас (рис.7/1;11). На морде двумя мелкими кружочками показаны глаза. Разновидностью третьего варианта (1 экз., Билярское городище) является морда существа с прямым носом, но с такими же глазами в виде кружочков с точкой в центре на замочке из Билярска (рис.7/11). Большая часть остальных находок также была найдена на Билярском городище и его округе.

Замочки этого типа в булгароведческой литературе имеют разную интерпретацию. А.Х. Халиков и вслед за ним Г.М. Давлетшин утверждали, что замки изображают барса, основывая свою аргументацию на пропорциях фигуры этого существа, округлости морды и по наличию циркульного орнамента, который они рассматривали как стилизованный рисунок, имитирующий шкуру кошачьего хищника [15, с10]. А.П. Смирнов видел в этих замочках фигурки баранов [13, с.118], а Г.Ф. Полякова утверждала, что это изображение львов [6, с. 248, 250, рис. 76/15,16]. Ею же вполне убедительно было дано объяснение происхождению роговидного выступа на загривке существа. По ее мнению, это стилизация кисточки львиного хвоста, загнутого на спину и превратившегося сначала в дужку запорного механизма [6, с.250–251], а затем в декоративный выступ на корпусе самого замка́. Основывалась она на аналогиях этому изделию из Пендинского оазиса, расположенного недалеко от Мерва и считала, что Хорасан был местом производства таких замков в домонгольское время. Но одновременно с этим тезисом она полностью не отвергала и точку зрения А.П. Смирнова о возможности происхождении таких замков из Крыма (Херсонеса) [13, с.118, 120], отмечая при этом что там они более позднего – золотоордынского – времени [6, с.250] и иной иконографии.

Представляется, что гипотеза Г.Ф. Поляковой о домонгольском времени производства и бытования замочков такого типа имеет больше оснований, чем раннебулгарская с барсами, поскольку ее версия подтверждается и другими данными. Например, материалами восточной торевтики, в частности, изображениями на тонкостенных чашах из «белой бронзы» начала XI в., восточноиранского производства стилизованной фигуры фантастического существа идентичной иконографии [11, с.154, рис. 43/7], а также на керамических глазурованных чашах из Тохаристана караханидского времени, где нарисованы пантеры и львы в такой же трактовке, как и замочки [4, с.84–87, кат. №13,14]. Известны иранские бронзовые курильницы, выполненные в виде львов близкой к замочкам по стилистике форме, датированные XI–XII вв. [4, с.88–89, кат. № 15; 1, ил.325]. Особенности моделировки ног существ на замках также соответствует скульптурным изображениям львов XI–XII вв. из фатимидского Египта [17, p.107; 1, ил. 150].

Датировка замочков из Волжской Булгарии в виде фантастического существа различна [8, с.41] и опиралась в основном на гипотезы об их происхождении. Вместе с тем половинки таких замков найдены при раскопках на Билярском городище – раскоп XX, XXIII [5, с. 64, рис. 3/26; 16, с.193, рис. 25/14], по комплексу находок, датирован-

ных XII – началом XIII в. и на Булгарском городище – раскоп LVI (БГИАМЗ, инв. № 24–432). Подтверждают эту дату и находки таких замков на булгарских негородских поселениях, например, на Мурзихинском селище, датированном по материалам раскопок XI –XII вв. [8, с.41–42, рис.15/12,13; 12, с. 356, 358, рис.104/20;106/59,60]. Поздние экземпляры таких изделий золотоордынского времени несколько отличаются от домонгольских [7, с.157, рис.7]. К ним можно отнести несколько замочков с вытянутой шеей и имитацией арабской надписи или вертикальными линиями на боках существа (рис. 6/4; 7/8,9). Кроме того, запорный механизм у них имеет две пружины, тогда как у домонгольских замочков, как правило, она одна.

Устойчивые типы таких замочков на территории Волжской Булгарии встречены на четырех поселениях: Билярском, Булгарском, II Маклашеевском городищах и Мурзихинском селище. Все они домонгольского времени или имеют отложения этого периода (Булгарское городище). Только II Маклашеевское городище существовало в I тыс. н.э. Однако находки таких замочков с идольчиками связаны, скорее всего, с населением булгарского I Маклашеевского городища и нескольких селищ, находившихся поблизости от места находки. Интересно, что исследованные захоронения на кладбище, относящемся к этим поселениям, были совершены по мусульманскому обряду[34], но сама возможность такого рода действий не составляет чего-то необычного для Волжской Булгарии [9]. Никакого отношения к населению, проживавшему на II Маклашеевском городище в V–VII вв. н.э., эти находки не имели. В целом назначение замков с идолами-«уродцами» вполне укладывается в обряды охранительной магии, являясь явным воплощением домашнего духа-покровителя, охранявшего что-то, закрытое на замок. Не исключено, что совмещенные идол и замочек имели исключительно культовый характер.

Таким образом, установив связь между змеевским идолом и фигурками «уродцев» можно утверждать, что эти изделия относятся к одному кругу и датируются в большинстве своем XII в. Это еще раз подтверждает предположение, что булгарское общество в домонгольское время в культурном отношении было неоднородно, что выражалось в распространении у населения центральных районов государства, в первую очередь у части жителей городов, разнообразных культов помимо ислама. В этом нет ничего необычного, поскольку с самого начала булгарское государство строилось на полиэтничном базисе. Волжская Булгария могла существовать и процветать только при условиях тесного и при этом мирного взаимодействия с окружающими разноязыкими народами, исповедовавшими разные религии. Нет фактов, которые бы доказывали, что булгары противопоставляли себя окружающему миру, по этническому или конфессиональному признакам не было конфронтации.

Список литературы

1. Веймарн Б.В. Классическое искусство стран ислама. М.: Издат. дом «Искусство», 2002. 496 с.

2. Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (домонгольский период X – начало XIII вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 192 с.

3. Давлетшин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (Истоки, становление и развитие). Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 431 с.

4. Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего: каталог / сост. Г. Ласикова. М.: Издат. дом Марджани, 2013. 432 с.

[34] Сообщение П.Н. Старостина.

5. Кокорина Н.А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1983. С.50–69.

6. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С.154-268.

7. Пятышева Н.В. Раскопки государственного исторического музея в Херсонесе // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. / ред. В.П. Левашова. М.: ГИМ, 1969. С.141-158.

8. Руденко К.А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001. 244 с.

9. Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования / отв. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С.36–66.

10. Руденко К.А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // Татарская археология / гл. ред. Р.Г. Фахрутдинов. 2006. №1–2 (16–17). С.89-196.

11. Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. - Казань: Школа, 2007. 244 с.

12. Руденко К.А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992 – 1996 гг. Казань: ЗАО «Издат. дом «Казанская недвижимость», 2015. 400 с.

13. Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 276 с.

14. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 276 с. (МИА. №28).

15. Халиков А.Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1981. С.5–20.

16. Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра–Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 224 с.

17. Migeon G., Saladin H. Art of Islam. N.-Y.: Parkstone, 2009. 256 p.

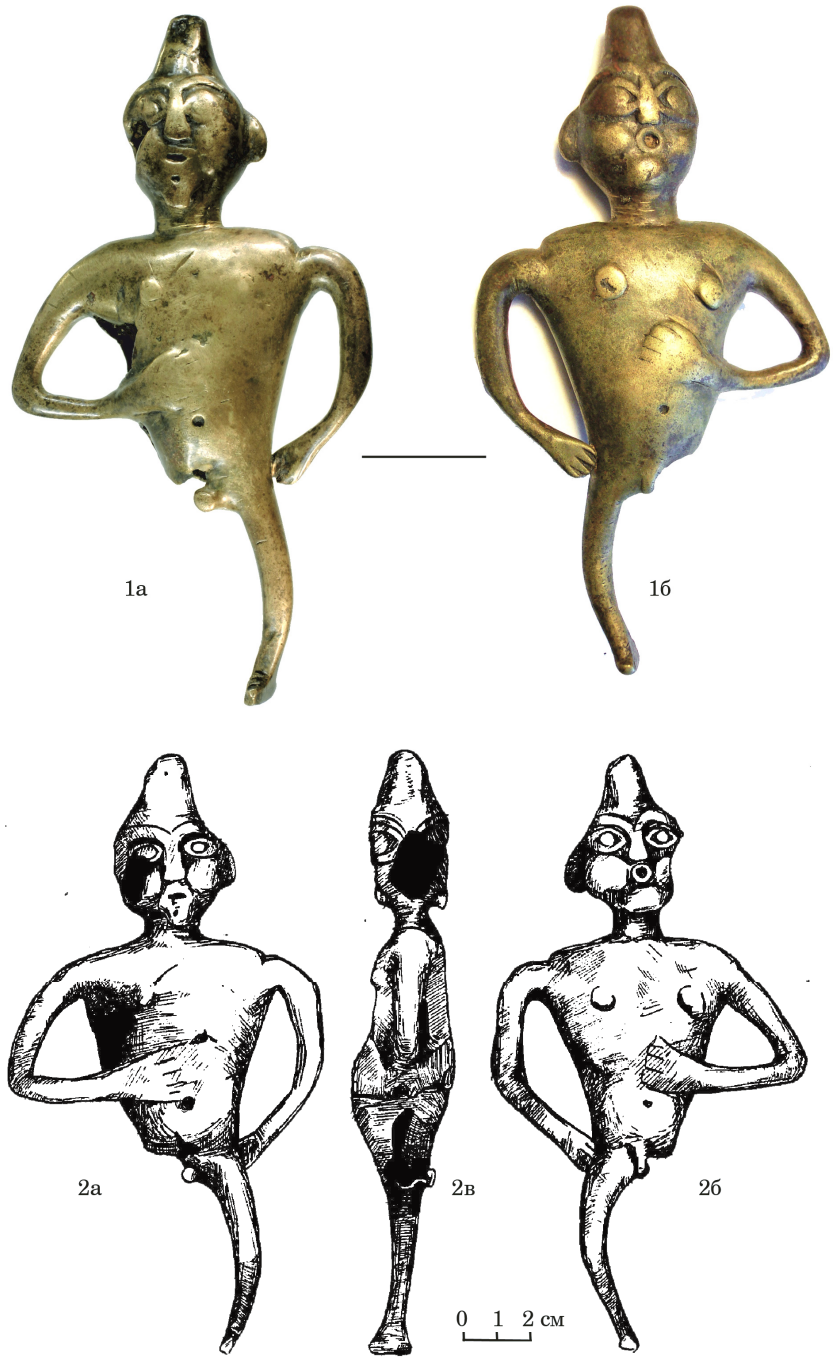


Рис.1. Идол из Змеево (Чистопольский район РТ).
Бронза, литье. Волжская Булгария. XII в. Собрание НМ РТ, инв. №5441.
1– фото; 2 – прорисовка К.А. Руденко

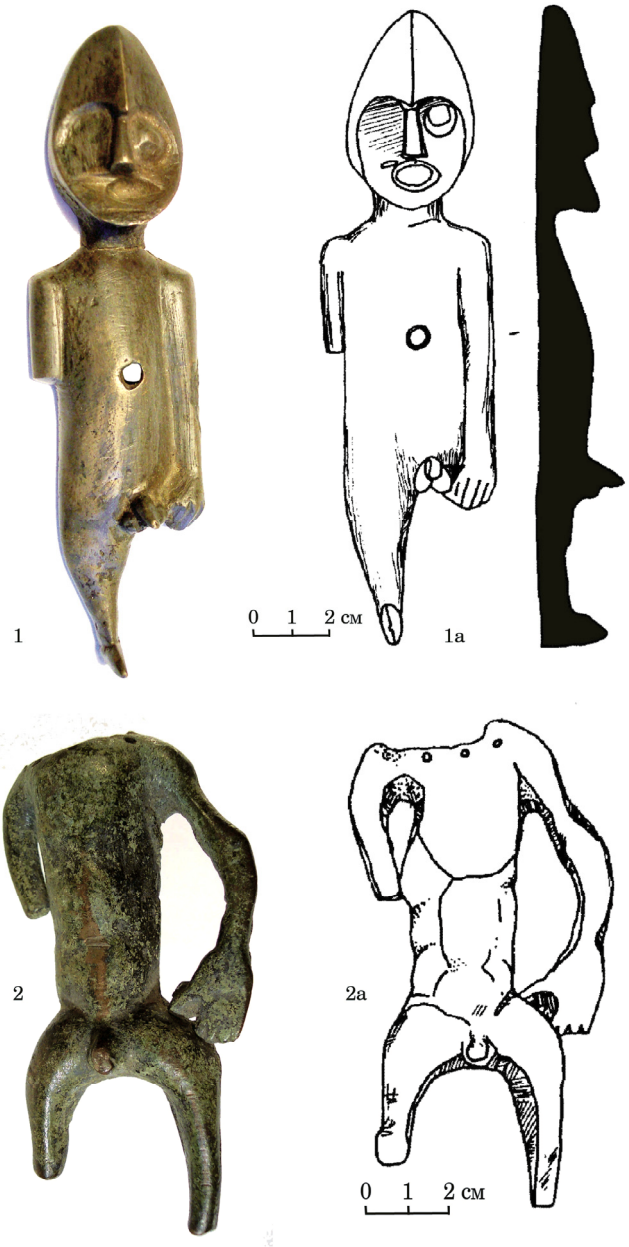


Рис.2. Идолы из Билярска (Алексеевский район РТ).
Бронза, литье. Волжская Булгария. XII в. 1,2 – собрание НМ РТ, инв. №5427.
1,2– фото; 1а, 2а – прорисовка К.А. Руденко

Рис.3. Идол из Билярска (Алексеевский район РТ).
Бронза, литье. Волжская Булгария. XII в. (по А.А. Спицыну)

Рис.4. Голова трехликого идола из Билярска (Алексеевский район РТ).
Бронза, литье. Волжская Булгария. XII в. Собрание НМ РТ, инв. № 5427

Рис.5. Маклашеевский всадник (Спасский район РТ).
Бронза, литье. Волжская Булгария. XII в. Экспозиция БГИАМЗ, инв. №221-466

Рис.6. Замочки в виде фантастического существа (стилизованный лев).
Бронза, литье. Волжская Булгария. XI – начало XIII в.
Собрание НМ РТ, инв.№5427. Фотография

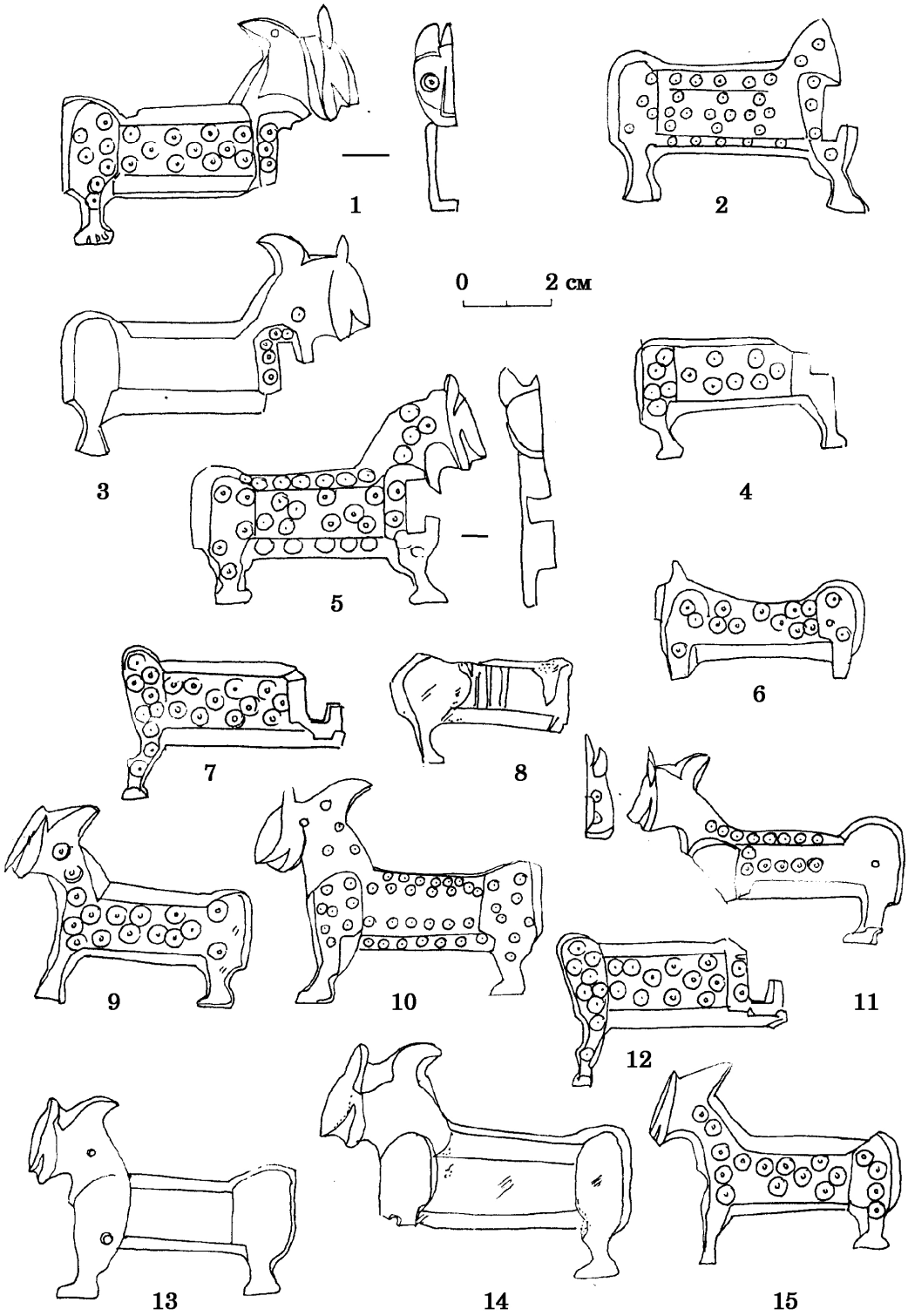


Рис.7. Замочки в виде фантастического существа (стилизованный лев). Бронза, литье. Волжская Булгария. XI – начало XIII в. Собрание НМ РТ, инв. № 5427 и 5363 (1, 12). Прорисовка К.А. Руденко. Болгарское городище (1,12), остальное – Билярское городище

И.Ю. Чикунова
(РФ, Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень)

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ПЕРСТЕНЬ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИОБЬЯ

Вводится в научный оборот информация о металлическом широкощитковом перстне из Северного Приобья. Перстень, найденный на городище Усть-Васъеган 1, заставляет обратиться к вопросам освоения человеком северных территорий в эпоху средневековья, возможных контактах различных групп населения из Приуралья, Среднего Приобья и Северного Приобья. Перстень по своему облику напоминает изделия «булгарского» типа из Пермского Предуралья: схожи орнаментальные композиции, прослеживаются остатки позолоты в углубленных элементах орнамента щитка. Однако некоторые показатели (сплав, вес изделия, техника изготовления, датировка комплекса) заставляют рассмотреть другой вариант происхождения усть-васъеганского перстня.

Ключевые слова: металлические украшения, перстни, эпоха средневековья, городище, Северное Приобье.

I. Yu.Chikunova
(RF, Institute of the problems of Northern development SB RAS, Tyumen)

THE METAL RING OF THE NORTHERN OB ' REGION

Information about the metal ring from the Northern Ob' region is Introduced into scientific circulation. The ring of settlement Ust-Vasyugan 1 makes addressing the issues of human exploration of the Northern territories in the middle ages, it is possible to contact various groups of the population from the Urals, and North of the Middle Ob' region. Multicultural influence can be clearly seen in the ornamental compositions of the ceramic complex.

Key words: metal jewelry, rings, middle ages, settlement, North Priobe.

Полевой сезон 2015 г., проведенный на городище Усть-Васъеган 1[35] (далее для краткости – УВ1), принес не только богатую керамическую коллекцию, но и интересные индивидуальные находки. Среди них массивный перстень из серого металла (рис. 1).

Данная находка заставила автора «причаститься» к проблеме изучения металлических перстней «булгарского» типа. Суть ее заключается в присутствии на территориях Средней Волги, Предуралья и Западной Сибири металлических, большей частью серебряных, щитковосрединных перстней с чернением и иногда позолотой, имеющих между собой некоторое сходство и общее обозначение – «булгарский тип». Широкое распространение они получили в XI–XIII вв.

Предметы из Волжской Булгарии, ввиду их массовости, большей частью опубликованы и систематизированы [11]. Опубликованных перстней из Пермского Предуралья меньше (17 ед.), но это позволило А.А. Адамову предложить типологию серебряных перстней, основанную на анализе орнаментов на щитках. Сравнение их с булгарскими изделиями позволило сделать вывод о существовании пермского ювелирного центра по изготовлению перстней, который сложился при участии булгарских мастеров [1]. Для полноты картины автором указанной работы были использованы также иллюстрации 51 перстня из различных интернет-ресурсов. Но данные находки не атрибутированы, лишены точного археологического и хронологического контекста. Однако, по утверждению А.А. Адамова, они все происходят или связаны с Предуральем [1, с. 45].

[35] Памятник находится в Приуральском районе ЯНАО Тюменской области. Открыт А.Г. Брусниciной в 1997 г. [4]. Исследовалось автором в 2013-2015 гг. [16, 17, 18]

Рассмотрение техники изготовления перстней из Плотниковского могильника[36] лишь обострило вопрос о возможности существования в Предуралье собственных ювелирных центров, поставляющих свою продукцию в том числе и за Урал [5]. Вероятность существования в Предуралье собственных ювелирных центров при участии булгарских мастеров неоднократно рассматривалась в работах, посвященных проблемам рассмотрения материальной культуры населения средневекового Прикамья [2; 12, с. 94]

Перстней из Зауралья и Западной Сибири, к сожалению, опубликовано очень мало – из Аятского могильника [3, 1963], Ликинского могильника [7, с. 165], сборов С.К. Патканова близ д. Скрипуновой в Среднем Приобье [8], Лобвинской пещеры [15] – в основном это все изделия «булгарского» типа. Безусловно, на просторах Зауралья и Западной Сибири предметов из этой категории найдено гораздо больше: так, в работе А.В. Кузиной [10, с. 243] были рассмотрены 72 перстяных украшения, из которых проиллюстрированы, к сожалению, только 9.

Приходится констатировать насущную необходимость сбора и обобщения всей имеющейся на сегодняшний день информации о данной категории находок в Зауралье и Западной Сибири.

Перстень[37], которому посвящена данная статья, был найден у западной стенки, маркирующей очаговую зону в жилище 7 на городище Усть-Васъеган 1 [16, 17, 18]. Изделие тяжелое (более 15 г), массивное. Залощенность его граней, сглаженность рельефных элементов орнамента свидетельствуют о достаточно долгом использовании. Анализ металла не производился, но визуально-сравнительные наблюдения говорят в пользу свинцово-оловянисто-медного сплава. Диаметр перстня 2,1 см, высота щитка 1,8 см. Толщина перстня по всему диаметру практически одинаковая – около 3 мм. В расправленном состоянии щиток имеет форму вытянутого шестиугольника, на который нанесен орнамент из 2 ромбов, расположенных вдоль пластины, и 2 треугольников сверху и снизу центральной части щитка, смыкающиеся углы которых образуют в центре щитка косой крест. Узор подчеркнут желобками и мелкими ямками, в которых кое-где прослеживается остатки золочения (рис. 1–4).

Техника изготовления широкосрединных (щитковых) перстней различна.

Многие перстни из Белозерья изготовлены путем отливки в двусторонних разъемных формах. В случае, когда щиток и обруч отливались в разных частях формы, на наружных поверхностях обруча с двух сторон от щитка остаются выпуклости от литейных швов [14].

Техника изготовления перстней Плотниковского могильника из Предуралья предполагает изготовление перстней «булгарского» типа двумя путями: расковкой прута прямоугольного сечения и вырезания изделия из пластины [5]. Для нанесения орнамента использовались в основном такие способы гравировки, как линейная и зигзагообразная (дрожжировка) [10, с. 56].

Для сибирских перстней такой работы еще не проводилось.

Поиск аналогий перстню из УВ1, сравнение его (формы, техники изготовления, орнаментального сюжета) с перстнями из Волжской Булгарии и Пермского Предуралья навело на мысль о его некоторой архаичности.

Во-первых, датировка городища Усть-Васъеган 1, в материалах которого был найден перстень, соответствует IX–XII вв.[38]

---

[36] Раскопки Н.Б. Крыласовой (1989, 2007, 2009) и Н.Г. Брюховой (2010–2014 гг.) [6, с. 114].

[37] Перстень в составе комплекса находок передан на хранение в МВК им. С.И. Шемановского (г. Салехард, ЯНАО)

[38] СОАН-9279 1165 ± 50 лет, СОАН-9278 860 ± 50 лет.

Во-вторых, отсутствие макроследв, присущих для чеканки, гравировки штамповки, тиснения, признаки, характерные для литых изделий, подтверждают предположение, что его щиток явно был отлит в глиняной или каменной форме, затем ему была придана полукруглая форма требуемого диаметра, а затем к краям щитка припаяна дужка (рис. 3). Хотя, не исключено, что он был отлит в двусторонней каменной форме со вставным стержнем, как новгородские перстни [13, с. 131].

В-третьих, орнамент – четкий, продуманный, достаточно симметричный, покрывает всю площадь щитка. Его сюжет – два продольно размещенных ромба, украшенных по внутреннему периметру ямками и смыкающимися вершинами в центре треугольниками – совершенно нетипичен, нехарактерен и не встречается ни на одном из опубликованных перстневых украшений из всех регионов их распространения. Надо особо обратить внимание, что щиток на усть-васъеганском перстне един в своей композиции (рис. 1, 2, 4), в отличие от изделий из Волжской Булгарии или Предуралья, где практически на всех изделиях фиксируется трехчленность орнаментальной композиции, подчеркнутая и самой формой перстня (боковая грань–щиток–боковая грань).

Однако при фронтальном взгляде на перстень из УВ1 создается обманное впечатление принадлежности его к типу 13 из предложенной А.А. Адамовым классификации, где «основу орнамента составляет косой крест» [1, с. 47, рис. 1–*13*]. Но рассмотрев конкретно некоторые украшения, послужившие основой для выделения вышеупомянутого 13-го типа [10, с. 113, рис. 37], закрадывается подозрение, что они являются всего лишь репликой, подражанием усть-васеганскому перстню.

В заключение хочется высказать предположение, что введение в научный оборот всех найденных перстней (обнаруженных в ходе раскопок или случайные находки) и их дальнейшее тщательное изучение по всем параметрам позволит не только выявить возможные, еще не известные, ювелирные центры (например, в Зауралье), но и проследить вероятные пути перемещения на просторах от Волги до Иртыша мастеров-ювелиров и их изделий.

Список литературы

1. Адамов А.А. Серебряные перстни с чернением булгарского типа из Предуралья // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Пермь, 2014. С. 44–49.

2. Белавин А.М. Ремесленные центры Пермского Предуралья в системе средневековой торговли // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 139–147.

3. Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, Свердловское книжное издательство, 1963 г. 115 с. URL: http://annales.info/sibir/ural/bers.htm (дата обращения 15.08.2015).

4. Брусницына А.Г. Отчет об археологических разведках в Приуральском и Ямальском районах Ямало-Ненецкого автономного округа в 1997 году. – Салехард, 1999.

5. Брюхова Н.Г., Подосенова Ю.А. Перстни «булгарского» типа из материалов плотниковского могильника родановской археологической культуры: техника изготовления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. № 3 . Т. 17. 2015. С. 304–311.

6. Брюхова Н.Г., Подосенова Ю.А., Крыласова Н.Б. Ювелирные изделия Плотниковского могильника родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011–2013 гг.) // Вестник Пермского университета. История. Вып. 1 (28). 2015. С. 114–131. URL: http://histvestnik.psu.ru/PDF/20151/09.pdf (дата обращения 20.07.2016).

7. Викторова В.Д. Древние Угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси) / Институт истории и археологии УрО РАН, Свердловский областной краеведческий музей, Департамент культуры и искусства ХМАО-Югры. Екатеринбург: Издательство КВАДРАТ, 2008. 208 с.

8. Гордиенко А.В. Археологические исследования С.К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого: Томск – Ханты-Мансийск: Изд-во Томс. ун-та, 2009. Вып. 7. С. 80–105.

9. Кузина А.В. Перстяные украшения Нижнего и Среднего Приобья // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной археологической конференции (Сургут, 1-4 октября 2013 г.). Екатеринбург–Сургут: Изд-во Магеллан, 2013. С. 243–246.

10. Пермякова А.В. Средневековое ювелирное дела Пермского Предуралья (техники холодной обработки цветного металла): выпускная квалификационная работа. Пермь, 2016. - 119 с. URL: http://vkr.pspu.ru/uploads/1461/Permyakova_vkr.PDF (дата обращения 20.09.2016).

11. Руденко К.А. Средневековые ювелирные украшения Поволжья и Зауралья: некоторые итоги и перспективы исследования // Уральский исторический вестник. 2012№ 3 (36). С. 139–144. URL: http://uralhist.uran.ru/en/pdf/UIV_3(36)_2012_Rudenko.pdf (дата обращения 05.07.2015).

12. Савельева Э.А, Королев К.С. Торгово-экономические связи Перми вычегодской с Волжской Булгарией // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сыктывкар, 2011. Вып. 3(7). С. 89–97.

13. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М: Наука, 1981. 196 с.

14. Сумина И.А.. Металлические перстни средневекового Белозерья // Труды ГИМ. М., 1999. Вып. 111. С. 167–189.

15. Чаиркин С.Е., Карачаров К.Г. Материалы железного века из Лобвинской пещеры // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 195–207.

16. Чикунова И.Ю. Раскопки городища Усть-Васъеган 1 в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области: Отчет о полевых исследованиях 2013 года // Архив ИПОС СО РАН. Тюмень, 2014.

17. Чикунова И.Ю. Раскопки городища Усть-Васъеган 1 в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области: Отчет о полевых исследованиях 2014 года // Архив ИПОС СО РАН. Тюмень, 2015.

18. Чикунова И.Ю. Раскопки городища Усть-Васъеган 1 в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области: Отчет о полевых исследованиях 2015 года // Архив ИПОС СО РАН. Тюмень, 2016.

Рис. 1. Городище Усть-Васъеган 1. Металлический перстень

Рис. 2. Городище Усть-Васъеган 1. Металлический перстень. Боковая грань

Рис. 3. Городище Усть-Васъеган 1. Металлический перстень. Боковая грань и место спайки щитка к дужке

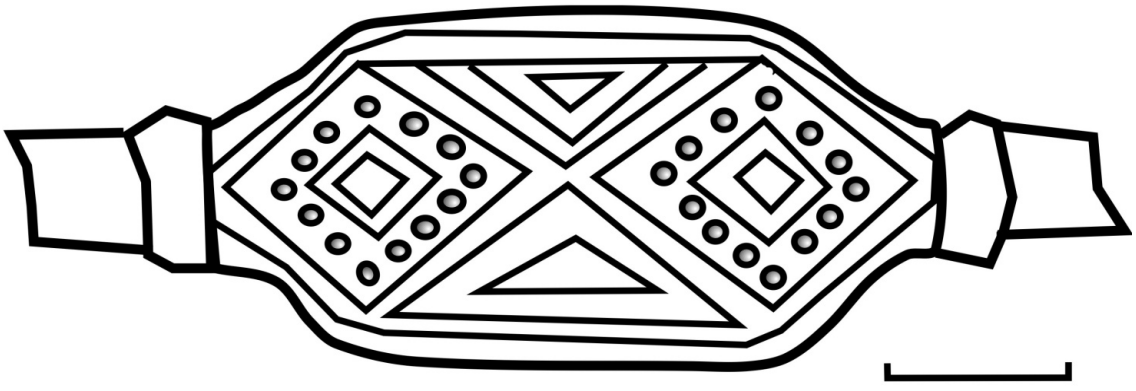


Рис. 4. Городище Усть-Васъеган 1. Металлический перстень. Прорисовка орнамента

Е.В. Юркова
(РФ, МАОУ «Средняя общеобразовательная школа №91», г. Пермь)

И.А. Юрков
(РФ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь)

ЛЕПНАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ГОРОДИЩА САЛАМАТОВО I (по материалам археологических раскопок КАЭЭ 2012 г.)*

Саламатовское I городище уникальный памятник средневековья, имеющий разнообразные предметы материальной культуры. Самой массовой находкой является лепная керамическая посуда. В статье приводятся результаты изучения коллекции лепной керамической посуды по материалам раскопок 2012 года. Приводится характеристика технологических и морфологических свойств посуды, а также анализ видов и способов орнаментации. В заключении делается вывод о своеобразии лепной керамики городища и принадлежности ее к ломоватово-родановской традиции, а также наличия в ней сосудов постневолинской традиции. Помимо этого, авторы отмечают дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, ломоватовская археологическая культура, родановская археологическая культура, керамика, форма сосудов.

Yurkova E. V.
(RF, Perm State middle school number 91, Perm)
Yurkov I. A.
(RF, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm)

MOLDED CERAMICS WARE SETTLEMENT SALAMATOVO I (on the materials of archaeological excavations the kama archaeological and ethnographic expedition of 2012)

Salamatovskoe I settlement unique monument of the Middle Ages, which has a variety of artefacts. The most mass finding is modeled pottery. The article presents the results of a study collection of pottery modeled based on the excavations in 2012. The characteristic of technological and morphological properties of the dishes, as well as analysis of the types and methods of ornamentation. In conclusion, it is concluded originality molded ceramic settlement and its affiliation to the lomovatovo-rodanovskoy tradition, as well as the presence in it of vessels postnevolinskoy tradition. In addition, the researchers say further research perspectives.

Keywords: archeology, the Middle Ages, the Perm Cis-Urals, the Lomovatovskaya archeological culture, the Rodanovskaya archeological culture, ceramics, the shape of the vessels.

Среди вещественных комплексов большинства археологических памятников Пермского Предуралья керамическая лепная посуда – один из наиболее массовых артефактов. Быт средневекового населения невозможно представить без посуды. Зачастую она выступала не только емкостью для хранения, приготовления и приема пищи, но могла иметь важное ритуальное и универсальное (производственное) значение.

Большинство археологических памятников Пермского Предуралья содержат в культурном слое фрагменты керамических сосудов (а иногда и целые сосуды). Не является исключением и городище Саламатово I, расположенное на правом берегу

* *Материалы подготовлены в рамках технического задания НИР «Ремесло Пермского Предуралья в эпоху средневековья» в соответствии с заданием Минобрнауки № 33.1091.2014/К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности.*

р. Усьвы в 3,5 км от д. Саламатово Чусовского района Пермского края. С 2011 г. на памятнике возобновились работы под руководством С.И. Абдуловой после многолетнего перерыва. Работы на памятнике показали, что требуется детальное изучение материалов, в том числе и керамического комплекса. Городище Саламатово I датируется VIII – XIII вв. [2, с.7].

Полевые работы 2012 г. показали достаточно разнообразный керамический материал. По материалам памятника в 2012 г. было выявлено около 2674 фрагментов лепных сосудов, среди которых 672 являются информативными. Вся керамика – лепная. Особенностью данного памятника можно считать высокую степень фрагментарности. В основном представлены фрагменты венчиков и стенок сосудов, фрагменты лепных ручек и крышек сосудов. Вместе с тем из общей массы фрагментов на основании сохранности соотношения частей сосуда (венчик + шейка + плечико + стенка + дно / переход к донышку) можно восстановить 27 сосудов полной формы, что составляет 4 % от общего числа информативных фрагментов.

Характеристика саламатовской посуды проводится с учетом трех основных групп признаков: формы сосудов, технологии изготовления и орнаментации.

Технологический анализ саламатовской керамики предполагает определение следующих показателей: цвет сосудов, примеси в формовочной массе, способ обработки поверхности и обжиг сосудов.

Цветовая гамма посуды представлена 9 вариантами. В основном преобладают цвета: коричневый светлый (92 фр. – 13,7 %) и темный (290 фр. – 43,2 %), а также серо-коричневый темный (121 фр. – 18 %) и серо-коричневый светлый (83 фр. – 12,4 %), что не противоречит общим характеристикам ломоватовско-родановской посуды. В незначительном количестве по отношению к общей массе керамических фрагментов присутствуют цвета: рыжевато-коричневый (4 фр. – 0,6 %), желто-коричневый (18 фр. – 2,7 %), красно-коричневый (19 фр. – 2,8 %) и серый светлый (5 фр. – 0,7 %), серый темный (40 фр. – 5,9 %). Внутренняя сторона стенки нередко имеет более темный цвет, чем внешняя. Обжиг, вероятно, производился у костра, о чем может свидетельствовать неодинаковая окраска стенок одного и того же сосуда.

Формовочная масса сосудов включает в себя следующие примеси: толченая раковина, органика, слюда. Основной примесью в тесте является толченая раковина (658 фр. – 97,9 %). Использовалась она в качестве отощителя, и характерна, в основном, для сосудов, которые служили для приготовления пищи. Визуально наблюдается мелкотолченая раковина, отдельные фракции которой не превышают в среднем размеров 0,2–0,3 см. Такая примесь в формовочном тесте является достаточно распространенной на территории Пермского Предуралья (селища Запоселье I, городище Анюшкар, Рождественское городище, Купросское городище, Калинское селище и т.д.).

Органические включения в формовочной массе немногочисленны (122 фр. – 18,2 %). Ее функциональное назначение можно свести к приданию сосуду легкости, однако такие сосуды чаще всего подвергались разрушению при использовании их в быту. Также примесь органики способствовала меньшей усадке сосуда при сушке. В основном такая формовочная масса как «глина + органика», характерна для массивных толстостенных сосудов, служивших, предположительно, для хранения продуктовых запасов.

Примесь слюды (381 фр. – 56,7 %), в отличие от других, не является характерной для родановской культуры. Слюда – минерал, характерный тем, что очень мелко расщепляется на тончайшие прозрачные пластинки. Скорее всего, она попадает на данную территорию в результате взаимодействий местного населения с представителями средневековых культур Зауралья и Западной Сибири. Однако на данном этапе исследования

пока сложно строить какие-либо предположения в силу отсутствия результатов анализа исходного пластичного сырья (ИПС) и состава формовочных масс (ФМ).

Песок обнаруживается в единственном экземпляре, что составляет 0,1 % от информативных фрагментов.

В целом для керамических фрагментов частым является сочетание в рецепте теста – «глина + мелкотолченая раковина + слюда» (около 80 % и выше). Причем данное сочетание отмечается на всех горизонтах раскопа.

У части сосудов на тулове присутствуют пятна нагара как с внешней, так и с внутренней стороны. Данное обстоятельство свидетельствует об их активном использовании в приготовлении пищи. Так, нагар на внешней стороне сосудов наблюдается в 14 случаях (2 %), а изнутри - на 12 фрагментах (1,7 %). Нагар и с внешней, и с внутренней стороны прослеживается на 3 фрагментах (0,4 %). Наличие или отсутствие нагара может указывать и на функциональное предназначение сосудов.

Поверхность сосудов также была подвергнута визуальному осмотру на предмет наличия следов обработки. Известно, что поверхность сырых сосудов «заглаживалась» с помощью твердых или мягких инструментов. Так, в качестве твердых инструментов могли быть использованы: крупнозубчатые гребенки, шпатель, а также твердый инструмент с неровным рабочим краем (чаще это была деревянная щепа, но могли использоваться и пучки грубой травы или прутьев, костяные предметы). Такая «затирка», как правило, оставляет грубые расчесы (однонаправленные или хаотичные). В лепном керамическом материале раскопок 2012 г. она представлена в 39 случаях (5,8 % от числа информативных фрагментов). Кроме этого, в коллекции представлены сосуды поверхность которых имеет следы обработки гребенчатым штампом. Технология обработки поверхности подобным штампом сводилась к применению его как твердого предмета для заглаживания неровностей. После проведения орнаментиром по поверхности оставались характерные оттиски в завершении (рис.10/15). Причем следы часто нечеткие и могут указывать на определенную засоренность орнаментира (забивание глиной) или отмечаются следы замывания водой.

В отдельных случаях поверхность могла быть тщательно заглажена гладким твердым или мягким предметом. В качестве первого могла быть использована галька, а к мягким предметам стоит отнести: кусок кожи, ткань (возможно шерстяная), негрубая трава и следы, оставленные руками. Мягкая «затирка» представлена на 10 фр. (1,5 %). В основном такой способ использовался для обработки поверхности небольших тонкостенных сосудиков с четкой «богатой» орнаментацией, в то время как грубая обработка поверхности отмечается на более крупных сосудах.

На 21 фрагменте (3,1 %) отмечены сквозные отверстия, что, в свою очередь, указывает на функциональную принадлежность тех или иных типов посуды, которая сводится, скорее всего, к функции защиты продуктов от порчи и затхлости. Причем сквозные отверстия расположены преимущественно на сосудах средних размеров. Также сквозные отверстия можно наблюдать и на крышках сосудов.

В выделении форм саламатовской посуды были учтены 27 реконструируемых форм сосудов (практически во всех случаях дно сосудов восстанавливалось приблизительно). Отдельные фрагменты лепной посуды послужили материалом для последующей типологизации венчиков сосудов. К типообразующим следует отнести морфологические особенности, такие как: дно – тулово – предплечье – плечо – горловина [6, с. 137–157].

При характеристике общей формы сосуда была проведена корреляция двух соотношений – общей высоты (Н) к наибольшему расширению тулова (Д3) и диаметра устья сосуда (Д1) к наибольшему расширению тулова (Д3). Она позволяет оценивать форму сосуда, его вытянутость, раздутость.

Чем более вытянутые пропорции имеет сосуд, тем более узким является его горло по сравнению с его максимальным диаметром [9, с.44].

Группа I – круглодонные горшки, чаши, кружки.

Горшки – это наиболее распространенный вид сосудов для варки у большинства этносов, в том числе и у местного населения. Так, толстое тулово горшка способствовало оптимальному обогреву с боков; благодаря сферической форме достигалось максимальное соотношение полезного объема посуды и ее поверхности, а это не только экономило материал, уменьшало вес, но и позволяло долго сохранять пищу горячей; малая площадь горловины уменьшала площадь испарения и позволяла не только варить пищу, но и тушить ее, парить долгое время, запекать [13, с.28].

Поскольку полных форм сосудов удалось реконструировать единицы, мы имеем в распоряжении только верхние части (представлено 254 фрагмента венчиков, что составляет 37,8 % от общего числа фрагментов), не позволяющие установить высоту тулова, и разделить горшки и чаши, обычно абсолютно одинаковые сверху, не представляется возможным [4, с.175]. Для определения формы сосуда использованы восстановленные варианты сосудов, а также берутся во внимание наиболее крупные фрагменты венчиков, позволяющие увидеть условные очертания сосуда – 51 экз. (от этого количества считается процентное соотношение).

В зависимости от пропорций сосуда (диаметр венчика, высота тулова и т.д.) можно выделить следующие типы:

Тип 1 – сосуды со значительным расширением в средней части тулова, небольшим устьем и с короткой цилиндрической шейкой (группа IX по Т.А. Хлебниковой). Всего представлено 12 фр., что составляет 21,4 %. Диаметр варьируется, в основном до 32 см. Венчик таких сосудов округло-уплощенный (рис.1; 2/2; 4/6,8; 6/6). Сосуды редко орнаментированы (из встречающихся орнаментов – округлый штамп с уголковым вдавлением). По мнению В.А. Оборина, «бомбовидные сосуды с сильно раздутыми боками, с прямым цилиндрическим горлом, иногда отогнутым» характерны для сылвенских памятников и «совершенно не встречаются в родановской керамике» [14, с.11].

Тип 2 – сосуды с незначительной разницей диаметров по шейке и наиболее раздутой части тулова (30 фр. – 53,6 %). Шейка сосудов чаще прямая или слегка отогнутая наружу. Сосуды данного типа представлены как небольшие, например, горшки-чаши (рис.3/4-5; 4/1-3,7,9-10; 5/1,3-5,7-12), так и средних объемов (рис.2/1; 3/1-2, 4/4; 5/6). По мнению Р.Д. Голдиной, подобные сосуды по функциональному назначению носили универсальный характер и использовались в хозяйстве в качестве кухонной, столовой посуды и как емкости для хранения запасов [8, с.95].

Серия небольших сосудиков визуально может быть поделена на два варианта: а) сосуды, имеющие многорядные оттиски веревки на горловине в сочетании с подковками или «личинками», при этом плавно переходящие в тулово; б) широкогорлые сосуды с приземистым туловом с наибольшим расширением в средней части. Поверхность таких сосудов либо не орнаментирована, либо имеет оттиски псевдорезного штампа (оттиски гладкой лопаточки) как на венчике, так и на тулове.

Тип 3 – сосуды баночной формы (рис.3/3; 11) с короткой, резко отогнутой блоковидной шейкой, прямым, округлым или приостренным венчиком (5 фр. – 8,9 %). Диаметр таких сосудов колеблется от 10 до 22 см. Сосуды орнаментированы, встречаются вертикальные «елочки» гребенчатого штампа, защипы по средней части тулова, венчик также может быть орнаментирован (например, резным орнаментом). Также подобные сосуды могли снабжаться дополнительным налепным валиком и налепами разных форм (рис.11). Сосуды этого типа встречались ранее на городище Саламатово I и селище Телячий Брод на р. Чусовой [15, с. 42].

Тип 4 - круглодонные сосуды, тулово которых раздуто, с цилиндрической относительно высокой шейкой (рис.5/2). Всего представлено 4 фрагмента, что составляет 7,1 %. Диаметр сосудов составляет 10 – 20 см. Сосуды этого типа узнаваемы по характерной орнаментации в верхней части, которая представлена оттисками веревки (группа VII по Т.А. Хлебниковой). Точка зрения Т.А. Хлебниковой основывается на том, что эта керамика появилась в Нижнем Прикамье с начала X в. и продолжала свою эволюцию до XII–XIII вв. как развитие неволинской цилиндрошейной посуды с верхнекамской. Что касается этнической принадлежности этого типа посуды, то в решении данного вопроса, по мнению Т.А. Хлебниковой, нужно исходить из определения неволинских памятников их исследователями как угорских [16, с.112].

Позднее Е.П. Казаков рассматривал ее как синтез позднекушнаренковской и верхнекамской (чепецкой) и в качестве башкиро-приуральского компонента в культуре ранней Волжской Булгарии [10, с.23–24].

Тип 5 **– кружки**

Наличие в материалах городища фрагментов ручек (37 экз. – 5,5 % от числа информативных фрагментов) или следов отлома от ручек на стенках некоторых сосудов свидетельствует о существовании кружек и иных сосудов с ручками. Однако стоит заметить, что поскольку полных форм этих сосудов не выделено, будет сложно точно сказать кружки это или горшки-кашницы. Фрагменты сосудов богато украшены (в том числе и ручки), чаще всего преобладает гребенчатый орнамент.

Ручки лепных сосудов. На городище Саламатово I широко представлены и фрагменты ручек лепных сосудов.

Тип 1 – ручки, которые крепились в верхней части сосудов с одной стороны тулова.

Подтип 1 – ручки в виде С-образной петли круглоовального (17 экз.) или подтреугольного сечения (3 экз.). Такие ручки, как правило, не орнаментированы, хотя в 6 случаях наблюдаются наклонные оттиски гребенки и псевдорезной орнамент (рис.7/12–13,16).

Подтип 2 – ручки подтреугольной формы с уплощением на уровне верхнего крепления (7 экз.) Такие ручки имели упор-площадку (для большого пальца руки) овально-подпрямоугольной формы. Площадка, как правило, сильно уплощена, а ручка в сечении круглая или овальная. Чаще всего поверхность выступает за пределы петли. Иногда край площадки мог иметь своеобразный наплыв-бортик (рис.7/11,14–15). Поверхность таких ручек украшалась гребенчатым штампом в виде «елочки» (2 экз.), резным (2 экз.) или псевдорезным орнаментом (6 экз.), ногтевыми вдавлениями (1 экз.).

Тип 2 – «ушки» (2 экз.). Это своеобразные ручки, поднимающиеся выше уровня сосуда с небольшим сквозным отверстием для крепления железной дужки (рис.7/8–9). Такие ручки характерны для котлов, железная дужка которых способствовала подвешиванию котла над огнем.

Группа II – котлы.

Объемные сосуды хозяйственного назначения (2 экз. – 3,6 %) с цилиндрическим или усеченно-коническим туловом с двумя полукруглыми ручками, поднимающимися выше уровня края сосуда [11, с.43]. Глиняные котлы как подражание медным булгарским котлам имели чаще «кошелевидную форму» с наибольшим расширением в придонной части тулова, со слабо отогнутым или прямым венчиком, плавно переходящим в тулово, иногда со слабо выраженной шейкой, с уплощенным дном [13, с. 32–33]. Ручки-ушки таких котлов несколько плотнее, чем край венчика и незначительно отогнуты наружу (рис. 7/8–9). В ушках крепились железные дужки, аналогичные дужкам медных котлов. К сожалению, найденные фрагменты не позволяют восстановить сосуд в силу незначительных размеров. Подобные сосуды также встречены на Рождественском городище, городище Анюшкар, а также на селище и могильнике Телячий Брод. По мне-

нию Н.Б. Крыласовой и А.М. Белавина, такие котлы с подобными ушками являются наиболее распространенными в Пермском Предуралье и преобладают на памятниках XIII – XIV вв. [4, с.181].

Группа III - лепные миски (3 фр. – 5,4 %).

Тип 1 - сосуды со сходящимися стенками или так называемый сосуд с закрытым устьем. Вариации заключаются лишь в оформлении устья.

Вариант 1 – сосуды с прямым скошенным вовнутрь венчиком (рис.5/13, 2/3). Представленные фрагменты мисок не имели следов нагара и орнамента. Толщина стенок не превышает 0,4–0,5 см.

Вариант 2 – сосуды с округлым венчиком (рис.6/5). Представленный фрагмент имеет толстые стенки порядка 0,9 см, массивный округлый венчик украшен вдавлениями округлым предметом, на стенки сосуда нанесен орнамент в виде волнистых линий.

Группа IV – крышки лепных сосудов (31 экз. – 4,6 % от общего числа информативных фрагментов).

Керамические крышки использовались для покрытия горшков. При этом с точки зрения функциональности они могли служить приспособлением для лучшего распаривания круп во время варки, а также являлись своеобразным барьером для проникновения в сосуд грызунов и насекомых. Для этого на крышке часто можно увидеть небольшие сквозные отверстия, которые как раз могли служить для привязывания ее к сосуду или как дополнительное обеспечение доступа воздуха в целях предотвращения порчи содержимого во время хранения.

Фрагменты найденных на городище крышек представляют собой плоский диск толщиной 0,6 – 0,9 см (рис.8). Диаметр фрагментов восстановить не представляется возможным.

Тип 1 – фрагменты крышек, внешний край которых обработан пальцевыми защипами и подпрямоугольными вдавлениями (рис. 8/1,4,6). Поверхность таких крышек может быть ребристой, украшенной резным или псевдорезным орнаментом, гребенчатым штампом в виде «елочки». Подобные крышки часто характерны для крупных поселений (например, обнаружены на Рождественском городище [4, с.188], городище Анюшкар и т.д.).

Тип 2 – фрагменты крышек, внешний край которых округлый. Лицевая часть таких крышек может быть украшена резным или псевдорезным орнаментом, гребенчатым штампом, а также ногтевыми вдавлениями и кружковым штампом (рис. 8/5,10).

Тип 3 – фрагменты крышек, внешний край которых имеет возвышающийся округлый или подпрямоугольный бортик (рис. 8/2-3,8-9). Чаще всего бортик не имеет орнаментальных следов. Исключение составляют 3 фрагмента с нанесенными легкими резными линиями, напоминающими решетку, а также отпечатки наклонных линий гребенчатого штампа.

Часть крышек имеет просверленные сквозные отверстия. Иногда количество отверстий выстраивается в определенный ряд (рис. 8/6). На одном экземпляре обнаружено недосверленное отверстие с характерными ямочными следами с внешней и внутренней стороны крышки (рис. 8/3).

Примечателен фрагмент красновато-коричневой крышки, имеющей слегка выпуклую вверх форму (рис. 8/7). Поверхность украшена линейным орнаментом. Однако в силу незначительных размеров фрагмента точно установить его принадлежность не представляется возможным.

Интересен фрагмент крышки, тыльная сторона которой имеет отпечаток фактуры грубой ткани в виде тонкого упорядоченного регулярного «текстиля» с прямоперекрещивающимися рядами коротких штрихов. При этом поверх отпечатков нанесено еще вдавление пальца. Ранее на данном памятнике подобные фрагменты не встреча-

лись. В литературе существует несколько объяснений и его происхождения. Наиболее уместной можно считать точку зрения Ю.Б. Цетлина и ряда исследователей [5, с.193–207; 17, с.206; 19, с.35–39] о существовании и использовании формы-основы для изготовления керамического изделия. При этом между формой-основой и изготавливаемым изделием помещалась специальная тканевая прокладка, чтобы глина не прилипала к поверхности формы-основы. Однако, как отмечает автор, сами формы-модели в раскопках не встречаются, или мы не умеем их выделять среди находок. С другой стороны, Т.Н. Глушкова допускает использование специальных штампов-орнаментиров для получения «текстильных» отпечатков на керамике [7, с.219–223]. В нашем случае ввиду отсутствия репрезентативности подобных фрагментов сложно предположить и природу происхождения выявленных отпечатков текстиля.

Характеризуя функциональное предназначение лепных сосудов, стоит учитывать, что зачастую емкости для удовлетворения основных потребностей человека в функциональном плане могли иметь разное предназначение – изначальная функция сосуда не всегда совпадала с его реальной функцией, т.е. реальной сферой использования сосуда.

Ю.Б. Цетлин, опираясь на опыт А.А. Бобринского, определяет следующие группы посуды для удовлетворения основных потребностей человека: 1) индивидуальные сосуды для питья (кружки, чашки); 2) сосуды для индивидуального или коллективного приема пищи (миски и горшки разного размера); 3) сосуды для приготовления пищи (горшки разного размера); 4) сосуды для переноски и содержания жидкостей (кувшины); 5) сосуды для хранения продуктов (крупные горшки); 6) сосуды для удовлетворения культовых нужд и т.д. [18, с.374–378].

Для материалов памятников Пермского Предуралья классификацию керамической посуды по функциональному назначению очень четко определила Н.Б. Крыласова [11, с.27–57].

Таким образом, по функциональному назначению можно выделить тарную посуду (для хранения и транспортировки) – крупные толстостенные горшки + крышки, котлы (группа 1/ тип 1; группа 2; группа 5), кухонную (для приготовления пищи) – горшки и чаши (группа1/ тип 2–3) и столовую (индивидуальная посуда для принятия пищи) – чаши, небольшие горшочки, кружки, миски (группа 1/ тип 2; группа 3, группа 4).

Орнаментация лепной керамической посуды Саламатовского I городища

Способы украшения шейки и плечика рассмотрены совместно, это определено тем, что узор с шейки часто переходит на плечико и наоборот. В этом случае использованы лишь те сосуды и их фрагменты, у которых прослеживается законченная орнаментальная зона или полностью виден узор.

По способу оформления орнаментации все орнаментированные керамические фрагменты можно поделить на три большие группы: а) печатных, б) чеканных и в) резных орнаментов [9, с. 46].

К группе *печатных* относятся те, что наносились мягким предметом – веревочкой, нитью, тканью. Однако возможно и использование скрученной проволоки, оттиски которой также могут внешне напоминать шнур.

Группа *чеканных* орнаментов наиболее многочисленна, к ней относятся различные штампы (гребенчатые и фигурные), палочка, которой выполнялись ямочные и накольчатые узоры. Здесь же следует рассматривать кружковый орнамент, который наносился мелкими трубчатыми костями животных и птиц или перьями птиц. Гребенчатые штампы, представленные на городище, довольно разнообразны. Они имеют от двух до восьми зубчиков, форма которых была квадратной, прямоугольной, овальной, различны также и расстояния между зубцами. Помимо приведенных орнаментов, к чеканным должна относиться и большая группа орнаментов, считавшихся ранее резными. Однако

при пристальном рассмотрении можно определить, что так называемые резные насечки выполнены различными штампами, и на первый взгляд их действительно можно принять за резной орнамент. Поэтому в данном случае предлагаем считать такой вид орнамента «псевдорезным». По сечению псевдонасечки делятся на приостренные и округлые, встречаются «насечки» прямоугольного сечения и прямоугольной формы. Кроме гладких штампов применялись штампы с поверхностью, орнаментированной поперечными полосами, оставляющие своеобразные «полосатые» оттиски или «личинки».

Непосредственно *резная техника* орнаментации встречается в виде прочерченных узоров в виде прямых или волнистых линий, а также ногтевые вдавления.

В материалах раскопок 2012 г. на городище доля орнаментированных фрагментов составляет 62,3 % (439 фрагментов, включая фрагменты ручек и крышек лепных сосудов). При этом нанесению орнамента подвергалась преимущественно верхняя часть сосуда (См. *Табл. №2 «Степень орнаментированности посуды»*). Всего рассмотрено 158 фрагментов венчиков.

Для *оформления венчика* чаще всего использовались пальцевые защипы или пальцевые вдавления по уплощенной его поверхности, при этом последние могли оставлять и вдавление от ногтя. Помимо пальцев рук для оформления венчиков применялись и различные орнаментиры, оставляющие характерные следы, среди которых можно отметить «розетки» от вдавления пучком стеблей травы, подковки, обращенные выпуклостью влево, вдавления округлой палочкой или косточкой, решетка из мелких насечек или псевдорезных оттисков, «личинки», наклонные влево-вправо оттиски гребенчатого штампа. Примечательно то, что выделяется 9 фрагментов венчиков где присутствует орнамент как на срезе венчика, так и на внутренней стороне поверхности сосуда под венчиком. Чаще всего это мелкая решетка из псевдорезных насечек.

Достаточно широко представлена посуда со *«шнуро-гребенчатой»* орнаментацией – в совокупности 154 фр. (35 %). Часто это небольшие сосуды, так называемые чаши прикамского типа, имеющие достаточно тонкие стенки (0,2–0,4 см). Однако в коллекции представлены и достаточно объемные горшки, имеющие схожую орнаментацию. Представленные сосуды часто имели серый, почти черный цвет или, наоборот, могли быть светло серыми. Помимо хорошо разглаженной поверхности, рассматриваемые сосуды узнаваемы наличием широкого многорядного пояса оттисков веревки. В сочетании со шнуровым орнаментом мог использоваться не только гребенчатый штамп. Часто это могли быть округлые вдавления палочкой, подковки, обращенные выпуклостью вверх, «личинки», а также варианты фигурного штампа. Для ломоватовской посуды, варианты которой представляют данные сосуды, характерно и наличие только лишь оттисков шнура, без дополнительных элементов. Исходя из этого базовой следует считать шнуровую орнаментацию [3, с .454]. Венчик сосудов, как правило, либо плоский, либо округлый, часто подвергался орнаментированию. В качестве варианта оформления использовался гребенчатый штамп, насечки, также встречаются нечеткие оттиски в виде «личинки». В некоторых случаях оттиски гребенчатого штампа имеют нечеткие формы, при этом не наблюдается сильного нажатия на орнаментир, нет четких перемычек между зубцами, сами зубцы достаточно мелкие (рис.5/1, 6/2, 9/7). Возможно, орнаментир был либо забит глиной и давал такие нечеткие оттиски, либо использовался достаточно сточенный его фрагмент. Стоит обратить внимание на несколько фрагментов, где гребень (возможно фрагмент внутренней поверхности широкой трубчатой кости!) располагался не перпендикулярно к поверхности сосуда, а параллельно, оставляя продольные оттиски (рис.10/11). В некоторых случаях оттиски тиражировались друг на друга, создавая многорядный мотив.

Среди чеканных орнаментов наиболее часто применяем был штамп из псевдонасечек, или *псевдорезной* (153 экз. – 34,8 % от числа орнаментированных фрагментов).

Он представляет собой вдавления орнаментира, создающего узкие острые или прямоугольные оттиски, имитирующие резные линии. Из элементов орнамента выполнены наклонные линии, создающие горизонтальную «елочку» (рис.4/2,5; 5/9), вертикальный прерывный зигзаг (рис.5/3), наклонные влево-вправо линии, сгруппированные чаще по 3 оттиска.

Ямочный орнамент представлен в 29 случаях (6,6 %). Выполнялся подобный орнамент с помощью наколов круглой (рис. 5/9; 9/18; 10/16), овальной (рис.3/1; 10/5) или подпрямоугольной палочкой (рис. 9/3), а также с помощью пальцевых вдавлений (рис. 5/6). В коллекции отмечаются фрагменты, где пальцевые вдавления оставляют «жемчужины» на внутренней поверхности сосуда (рис.10/1–2,10). Иногда овальная в сечении палочка имела следы доработки – верхний край в результате доработки имел подтреугольную форму (рис.3/2).

Часть фрагментов содержит орнамент в виде скобкообразных или ногтеобразных вмятин (рис. 2/3; 9/13; 10/13). Он получался путем вдавливания в глину штампиков с круглым или прямоугольным сечением не под прямым углом к поверхности, а под острым. При этом разнится и степень вдавления орнаментира. Так, прослеживаются как следы грани / ребра подпрямоугольной палочки, оставляющей уголок, так и оттиск полого, расположенного к поверхности орнаментира, оставляющего характерный след торца палочки и плоский след (рис.3/4; 4/10; 6/5). Встречаются оттиски удлиненной каплевидной формы – 17 экз. (3,8 %), возможно, нанесенные ребром животного в сечении напоминающим удлиненную каплевидную форму (рис. 10/7,9,15).

Встречаются также отпечатки *«личинок»* – оттиски овального штампа с прослеживающимися внутри насечками – 16 экз. (3,6 %). Такой штамп нередко рассматривается исследователями как вариант гребенчатого (рис.3/5; 5/12; 9/4; 10/9). Скорее всего, в качестве штампа для нанесения «личинок» использовалась палочка или кость овального сечения с насечками на торце, причем в процессе работы насечки, очевидно, забивались глиной, так как в некоторых случаях наблюдаемые отпечатки неотчетливые, насечки просматриваются только по краю. В некоторых случаях отпечатки, напоминающие «личинки», наносились, возможно, также пучком соломы, но в отличие от первого варианта, со стеблями, сложенными в ряд [3, с. 454].

Фигурные штампы немногочисленны. Встречен овальный штамп, содержащий внутри оттиски рядов гребенки (рис. 9/10), штамп в виде круга с радиальными лучами (рис. 9/2,9), овальный штамп с перемычкой по центру, штамп в виде гребенчатой окружности – «розетка» (рис. 10/6).

На части фрагментов отмечаются *пальцевые защипы,* сгруппированные по 3 элемента и более (рис.4/2,10; 5/1).

На незначительной части фрагментов лепных сосудов городища Саламатово I отмечается наличие *рельефного налепа*. По способу нанесения можно выделить небольшие вертикальные налепы, часто сгруппированные по несколько штук, налепы-«пуговки», а также налеп в виде рельефного горизонтального валика, покрытого тонкими насечками в виде мелкой косой сетки (рис. 5/5). Так, на фрагментах, принадлежащих одному развалу сосуда были представлены оба варианта налепов в орнаментальной композиции (рис. 11). Сосуды с налепами встречаются в материалах памятника Рождественское городище, селище Телячий Брод [3, с. 457].

Вместе с тем, сделав предварительный анализ, можно отметить, что на посуде рассматриваемого памятника преобладает орнамент в виде псевдорезных оттисков, а также варианты шнуро-гребенчатого.

Рассмотренные элементы орнамента (рис.12) входят в состав орнаментальных образов (композиций). Чаще всего в состав образов включались наиболее популярные элементы, такие как: простая сетка из ряда крестообразных псевдонасечек, разорван-

ный вертикальный зигзаг, простая горизонтальная «елочка» гребенки или оттисков псевдорезного штампа. Помимо этого, в орнаментальных образах в единичных случаях могли быть представлены и иные элементы орнамента. Как правило, количество элементов в орнаментальных образах превышало 2–3.

Дальнейшие перспективы исследования. Таким образом, на настоящий момент необходимо продолжить изучение памятника, так как требуется уточнение, как датировки памятника, так и его культурной принадлежности. Некоторые исследователи отождествляют Саламатовское I городище с летописной факторией «Сибыр». Памятник, по всей видимости, является крупным торговым и производственным центром эпохи средневековья на территории Приуралья [1, с.7], что не может не отразиться и на лепной посуде. Исходя из этого, стоит обратить внимание на принадлежность лепной посуды городища Саламатово I: помимо ломоватово-родановской и неволинской традиций необходимо определить наличие инокультурного влияния.

Для этого следует: провести технико-технологический анализ исходного пластичного сырья (ИПС) и состава формовочных масс; синхронизировать образцы посуды с таковыми с соседствующих территорий; определить наличие подражания в технике изготовления и т.д.

Интересным представляется вариант сопоставления коллекций керамического материала раскопок 2011 и 2012 г.: количество посуды с гребенчатым орнаментом заметно меньше, чем посуды с псевдорезными насечками. Кроме того, сами оттиски гребенчатого штампа по материалам раскопок 2012 г. достаточно просты, традиционны и ничем не выделяются, в то время как в материалах 2011 г. представлены сложные по своей структуре оттиски гребенки. Нет и большого разнообразия форм сосудов.

Список литературы

1. Абдулова С.И. Отчет о раскопках Саламатовского I городища в Чусовском районе Пермского края в 2012 году // Архив МАЭ ПГГПУ, ф.1. 175 л. 2012.

2. Абдулова С.И. Отчет о раскопках Саламатовского I городища в Чусовском районе Пермского края в 2015 году: в 2-х т. Т. 1. // Архив МАЭ ПГГПУ, ф.1. 80 л. 2016.

3. Археологические памятники Чашкинского озера: монография / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.М. Белавин, С.В. Скорнякова. Пермь: Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т., 2014. 565 с.

4. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск: монография / Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.

5. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

6. Бобринский А.А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Изд-во Куйбыш. гос. ун-та, 1986. С. 137–157.

7. Глушкова Т.Н. Способы орнаментации «текстильной» керамики // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: монография). Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 219–223.

8. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

9. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья: материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. / Р.Д. Голдина, И.Ю. Пастушенко, Е.М. Черных и др. – Ижевск, 2012. Т.23. 264 с.

10. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Болгарии 2 пол. XI – нач. XV в. Казань, 2002. 383 с.

11. Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья: монография. Пермь.: Перм. ун-т, 2007. 352 с.

12. Крыласова Н.Б. Керамическая посуда Рождественского городища. Раскоп VII 2008 г. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2008. № 5. С. 139–147.

13. Крыласова Н.Б., Ю.А. Подосенова Материальная культура средневекового Предуралья. В 2 ч. Часть 1. Культура жизнеобеспечения: учебное пособие. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 183 с.

14. Оборин В.А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Вып. 9. Свердловск: УрГУ, 1970. С. 3–29.

15. Оборин В.А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // УЗ ПГУ. - №191 / Труды камской археологической экспедиции. Пермь: ПГУ, 1968. С. 28-48.

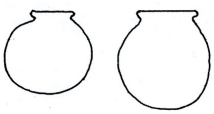
16. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

17. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

18. Цетлин Ю.Б. Формы сосудов как объект анализа и источник исторической информации // Краткие сообщения института археологии. 2014. - № 236. С. 374–378.

19. Чернай И.Л. Керамика и текстиль // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения): тез. докл. всесоюзной археологической конференции 11–16 февраля 1991 г. Куйбышев: Куйбышевский гос. пединститут им В.В. Куйбышева, – 1991. С. 35–39.

Таблица № 1. Формы лепной посуды (по результатам раскопок 2012 г.)

№ п/п	**Типы + изображение** *(условное)*	**Краткая характеристика**	**Кол-во, экз.**	**% (от числа фрагментов венчиков)**
ГРУППА I / Горшки, чаши, кружки				
1	Тип 1 	Сосуды со значительным расширением в средней части тулова, небольшим устьем и с короткой цилиндрической шейкой	12	21,4
2	Тип 2 	Сосуды с незначительной разницей диаметров по шейке и наиболее раздутой части тулова	30.	53,6

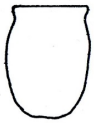
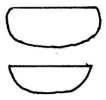
№ п/п	Типы + изображение *(условное)*	Краткая характеристика	Кол-во, экз.	% (от числа фрагментов венчиков)
3	Тип 3 	Сосуды баночной формы с короткой, резко отогнутой блоковидной шейкой, прямым, округлым или приостренным венчиком	5	8,9
4	Тип 4 	Круглодонные сосуды, тулово которых – раздуто, с цилиндрической относительно высокой шейкой	4.	7,1
5	Тип 5	-	-	-
		Ручки лепных сосудов	37	5,5 от числа информативных фрагментов
ГРУППА II / Котлы				
6		Объемные сосуды хозяйственного предназначения с цилиндрическим или усеченно-коническим туловом с двумя полукруглыми ручками, поднимающимися выше уровня края сосуда	2	3,6
ГРУППА III / Лепные миски				
7	Тип I 	Сосуды со сходящимися стенками или так называемый сосуд с закрытым устьем	3	5,4
ГРУППА IV / Крышки лепных сосудов				
8			31	4,6 от числа информативных фрагментов

Таблица №2 Степень орнаментированности посуды

№ п/п	Функциональные части сосуда	Кол-во, фр.	% (от числа фрагментов венчиков)
1	Венчик неорнаментирован	41	25,9
2	Орнамент только по венчику	23	14,5
3	Орнамент только по шейке	8	5,4
4	Орнамент только по плечику	15	9,4
5	Венчик + шейка	25	15,8
6	Венчик + плечико	13	8,2
7	Шейка +плечико	14	8,8
8	Венчик + шейка + плечико	19	12
		158	

Таблица №3 Соотношение видов орнамента (наиболее часто используемый)

№ п/п	Орнамент	Кол-во, экз.	% (от числа фрагментов венчиков)	
1	Шнуровой	51	11,5	35
2	Гребенчатый	103	23,5	
3	Подковки	12	2,7	
4	Штамп в виде «личинки»	16	3,6	
5	Псевдорезной	153	34,8	
6	Ямочный	29	6,6	
7	Резной	13	3	
8	Штамп в виде каплевидной формы	17	3,8	

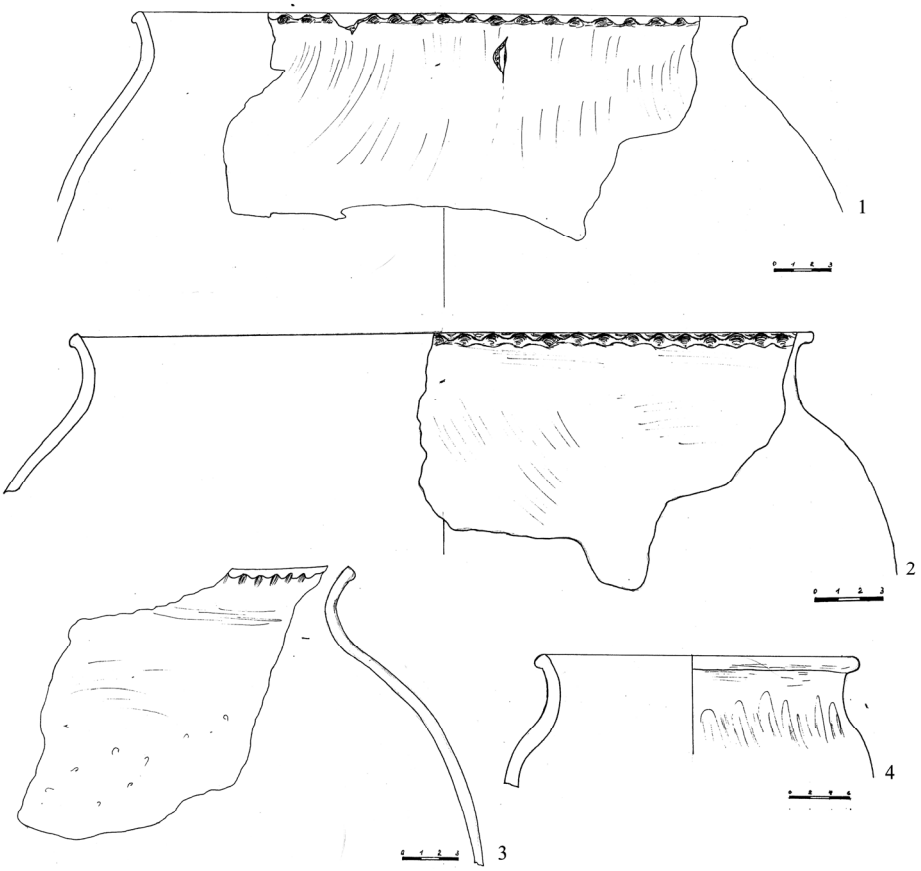


Рис. 1. Лепная посуда городища Саламатово I

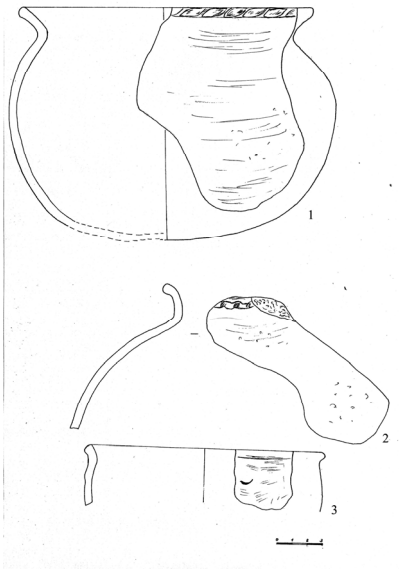


Рис. 2. Лепная посуда городища Саламатово I

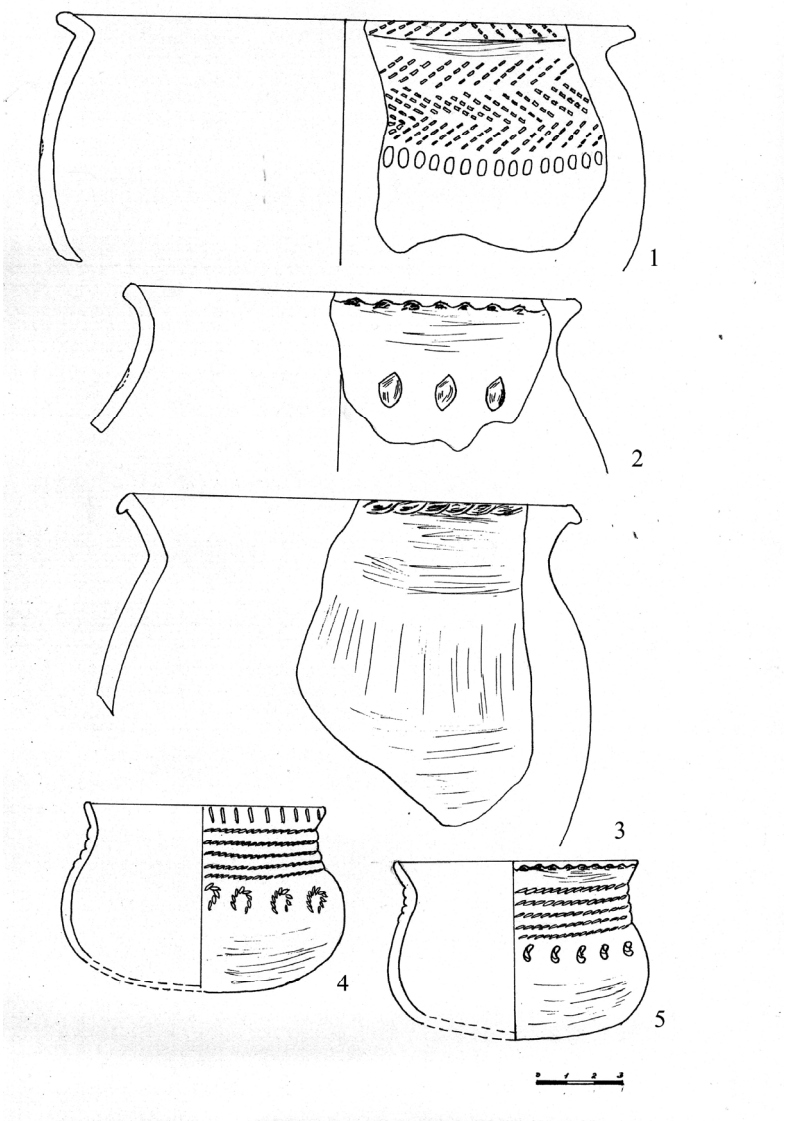


Рис. 3. Лепная посуда городища Саламатово I

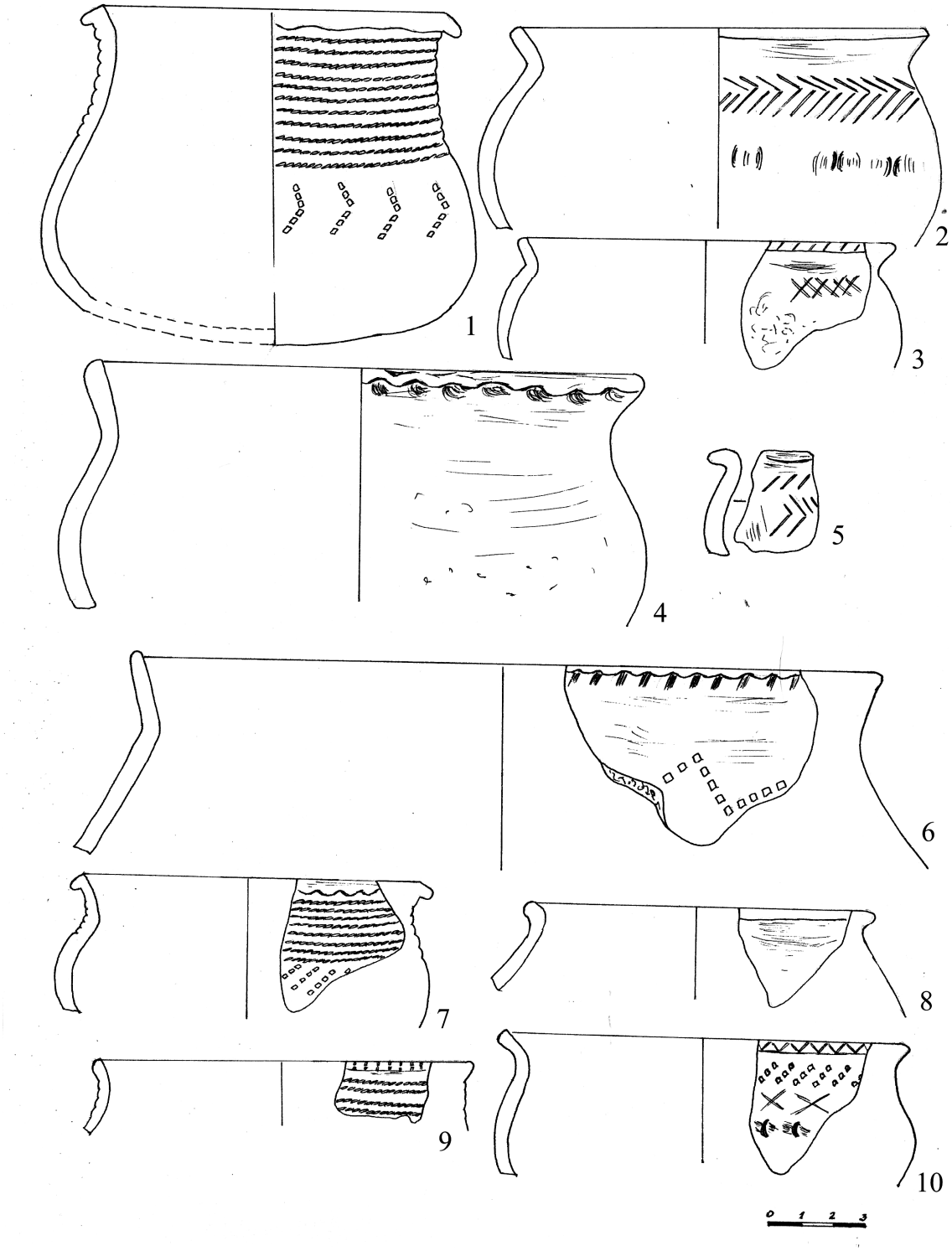


Рис. 4. Лепная посуда городища Саламатово I

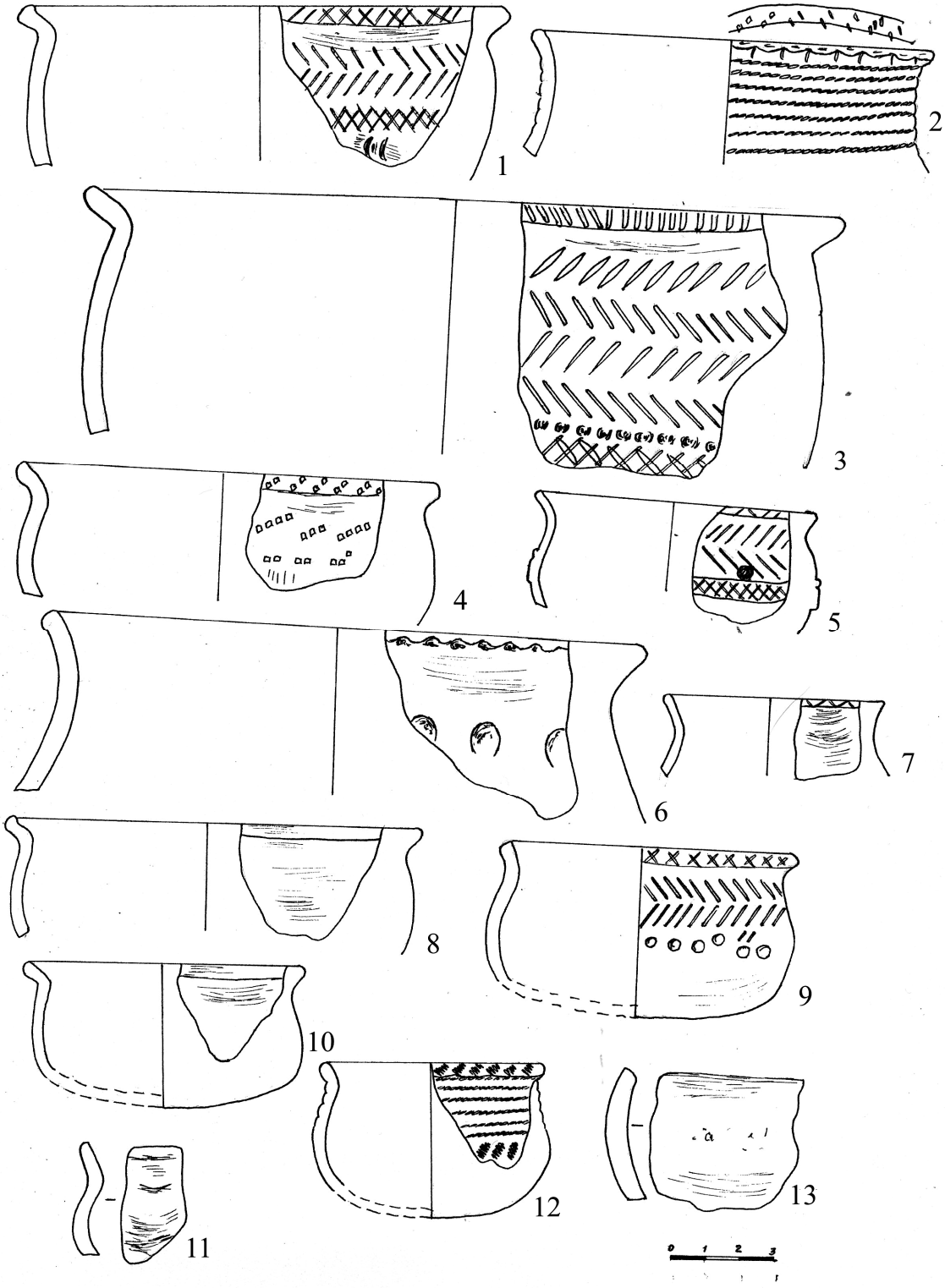


Рис. 5. Лепная посуда городища Саламатово I

Рис. 6. Фрагменты лепных сосудов городища Саламатово I

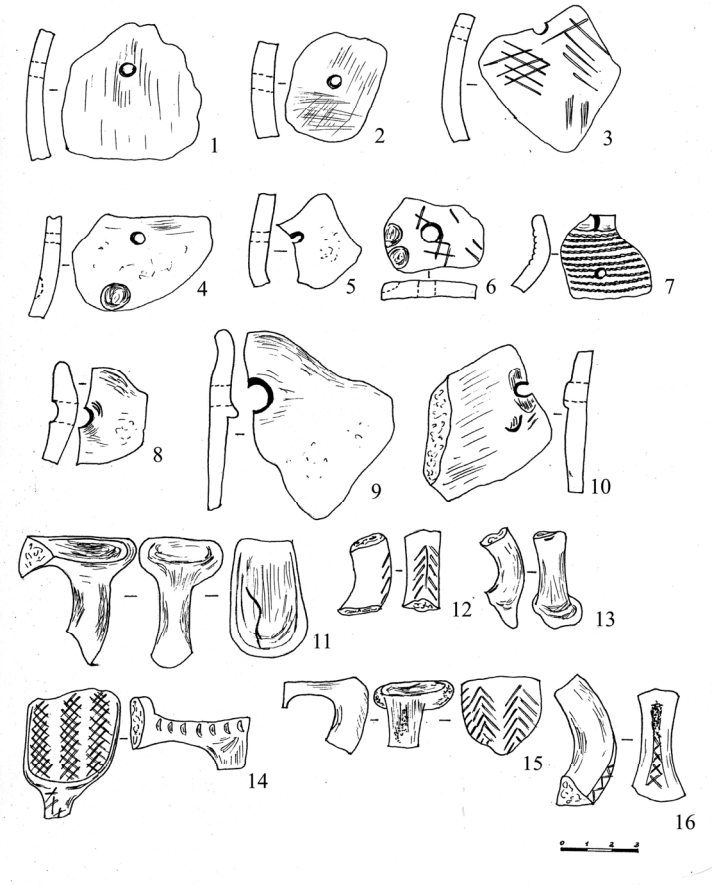


Рис. 7. Фрагменты лепных сосудов с отверстием, ручки городища Саламатово I

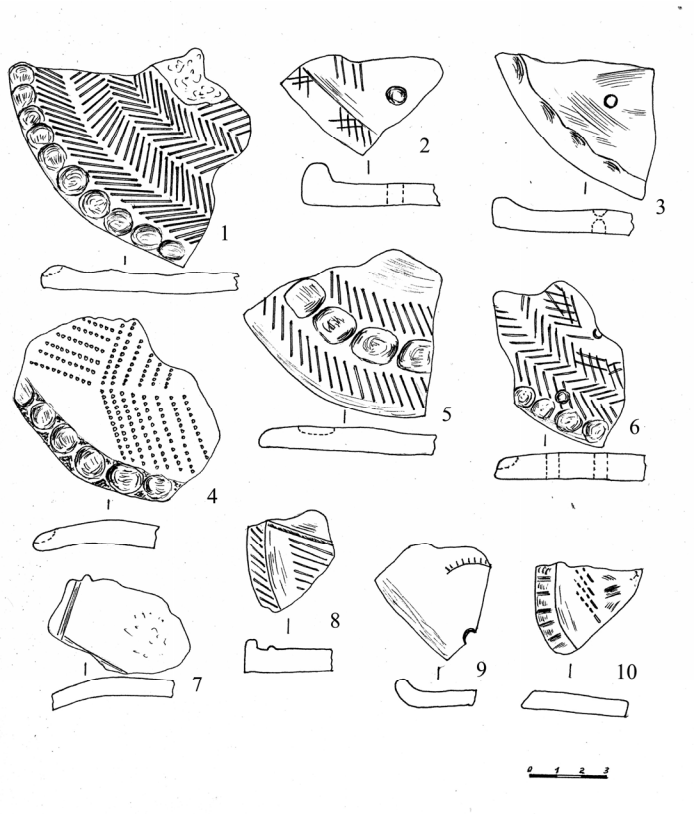


Рис. 8. Крышки лепных сосудов городища Саламатово I

Рис. 9. Фрагменты орнаментированных сосудов городища Саламатово I

Рис. 10. Фрагменты орнаментированных сосудов городища Саламатово I

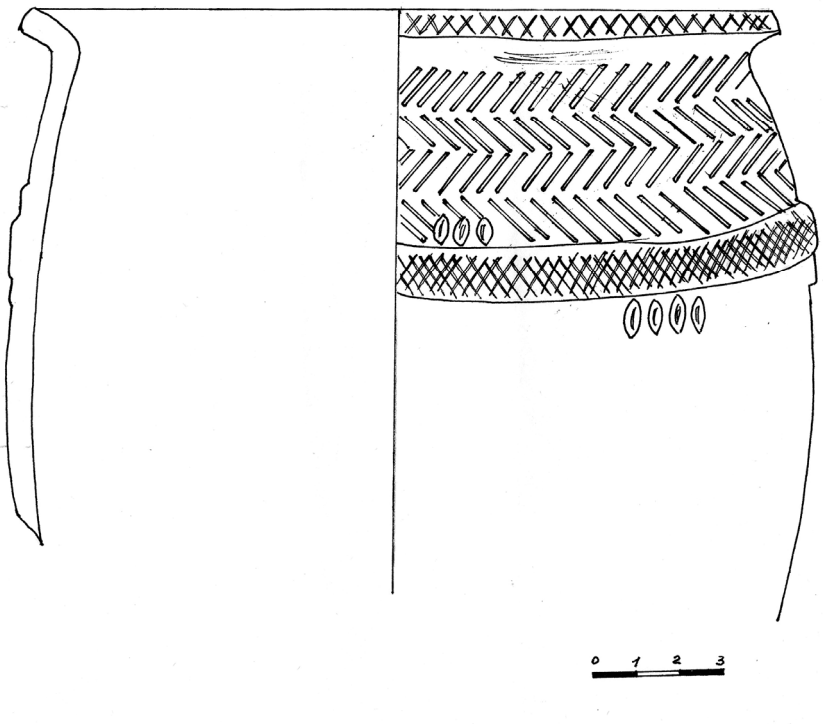


Рис. 11. Развал сосуда

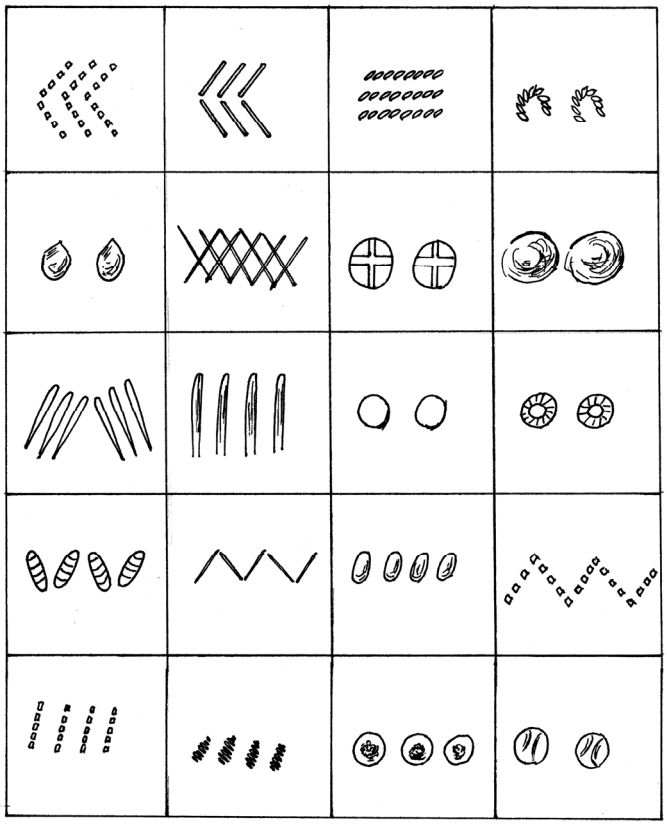


Рис. 12. Элементы орнамента

Иштван Фодор
(Национальный музей Венгрии, Будапешт)

КАК БЫЛА УСТАНОВЛЕНА ДАТА «ОБРЕТЕНИЯ РОДИНЫ» ДРЕВНИМИ ВЕНГРАМИ?

Обсуждается проблема датирования переселения венгров в Карпатскую котловину. Анализируется комплекс различных письменных источников. Датировать переход предлагается весной 895 г., что несколько корректирует дату, предложенную Д. Паулером еще в конце XIX.

ключевые слова: венгры, Карпаты, печенеги, этапы переселения

István Fodor
(Hungarian National Museum, Budapest)

HOW WAS THE DATE OF HUNGARIAN "CONQUEST OF THE HOMELAND" IDENTIFIED?

The problem of dating the migration of Hungarians to the Carpathian Basin is discussed. A complex of various written sources is analyzed. The spring of 895 is proposed as the date of passage, which somewhat corrects the date proposed by Pauler in the end of the 19th century.
Keywords: Hungarians, Carpathian Mountains, Pechenegs, stages of migration

Сейчас уже мало кому известно, что якобы укоренившиеся даты переселения древних венгров в Карпатскую котловину (895 г. или 896 г.) не встречаются ни в одном из древних источников, включая и средневековые венгерские хроники. В последней трети XIX в. Венгрия переживала период динамичного экономического развития, когда значительно укрепилось национальное самосознание и национальная гордость венгерского населения. В стране процветала историческая наука, во всех регионах образовались музеи, исторические общества, художественная литература весьма часто обращалась к сюжетам венгерской истории. Ни у кого не вызывало сомнения, что приближается давно ожидаемая дата тысячелетия овладения венграми Карпатской котловины, и широкие слои общества хотели ее достойно встретить. Установление этой даты стало актуальной задачей венгерской исторической науки.

В Венгрии вплоть до XIX в. сохранялось историческое предание о славном победоносном походе венгров, когда они овладели территорией Карпатской котловины. Однако дата этого славного события не была сохранена ни в устных, ни в письменных преданиях[39]. Как известно, у венгров в X в. не было своей письменности (правда, имеются доказательства использования ими не расшифрованного пока рунического письма), поэтому в этот период у них не возникали оригинальные письменные источники. А внешние источники не придавали этому событию особого значения, чем и объясняется их слабая достоверность.

[39] Об источниковедческой базе данного вопроса см. Györffy 1994.; О венгеро-византийских отношениях этой эпохи см. Moravcsik 1967, 221-241, 326-340; 1970, 37-76.

Несмотря на это, на первый взгляд надежным источником выглядит запись Регино (Регинон), аббата Прюмского монастыря (Лотарингия) в анналах того же монастыря. Он сообщает о приходе венгров в Европу из Скифии под годом 889. Однако этот источник кажется достоверным только тем историкам, которые недостаточно знакомы с условиями составления подобных анналов. Дело в том, что события данного года монахи записывали отнюдь не каждый год, а только спустя значительное время. Так было это и в данном случае. Регино после многих пропущенных лет – в 906-ом году – записал в анналы события последних десятилетий, вернее те из них, которые сохранились в его памяти. Эти события он приписал к определенным годам. Изгнание венгров печенегами из Скифии он описывает под 889 годом [MGH SRG I, 131; Györffy 1985, 233]. Эта же дата переселения венгров в свою новую родину указана в ранних венгерских хрониках: в первой, не дошедшей до нас хронике конца XI в., в хронике венгерского Анонима (ок. 1200 г.), в т.н. „гуннской хронике" Ш. Кезаи (1282-1285) и в краткой загребской хронике. Однако вследствие ошибок, сделанных при переписывании римских цифр, эта дата была искажена на 884, 888 и 872 гг. [SRH I, 41, 164, 286; Anonymus, 20]. Византийский император Константин Багрянородный в 37-ом параграфе своей работы, описывая победу печенегов над венграми и изгнание последних из Этелкузу (которые вслед за этим поселились в Карпатской котловине), отмечал, что печенеги живут там, где раньше жили венгры „…вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет" [DAI, § 37, с. 155]. По мнению Дь. Дьерфи, Константин писал свой известный труд в 948-950 гг., значит „обретение родины" венграми произошло в 893-895 гг. [Györffy 1983, 235]. Однако согласно мнениям, император закончил свою работу только в 952-ом году, а может быть и позже [DAI, 5; Moravcsik 1950, 6-7].

Упомянутые важнейшие источники, как мы видели, позволяют установить только относительную хронологию данного события, но они не указывают его точный год.

Время, однако, приближалось к концу XIX века. В стране все усиливался интерес, когда же будут праздновать тысячелетие прихода венгров в свою европейскую родину. В выяснении этого исторического вопроса, естественно, больше всего были заинтересованы политики и само правительство, так как необходимо было тщательно подготовить предстоящие мероприятия. Поэтому не случайно, что первый решительный шаг был сделан министром культуры А. Трефортом. 17 октября 1882 г. он обратился с письмом к Венгерской Академии наук, под влиянием, как он выразился: «…желания, живущего в сердцах миллионов венгерской нации, достойно встретить тысячелетнюю годовщину переселения в Европу венгров и создания ими своего государства» [Jelentés, 3]. Прошло лишь 13 дней после получения письма, как было созвано всеобщее заседание академии, где историческим отделением были предложены члены комиссии для обсуждения данного вопроса (Дь. Паулер, Ф. Саламон, К. Сабо, Т.Ботка) и вынесения предложений для заседания Президиума академии 20-ого января следующего года. Т. Ботка отказался от участия на заседании в связи со своим возрастом и болезнью. Он предложил к вниманию комиссии две свои статьи, написанные в предыдущие годы.

20 января 1883 г. на заседании комиссии, в сущности, и Сабо и Саламон подтвердили дату Регино, – 889 год. Правда, первый считал, что 889 г. также был датой выхода венгров из Лебедии и переселения в Карпатскую котловину, а второй переселение в новую родину датировал 896-897 годами (публикацию докладов см. Jelentés, 26-53). У Паулера сложилось другое мнение. Он заметил, что при сопоставлении разных источников самым важным из них оказалось продолжение византийской хроники монаха Георгия. Тут сообщается о полном солнечном затмении в Константинополе, что, вероятно,

произошло в 891-ом году[40], после чего источник сообщает о смерти патриарха Стефана в 893 г., и только вслед за ними рассказывается о деяниях венгров. Известно, что до обретения родины проходила война между венграми и болгарами. Она могла произойти только после 893-его года, когда Симеон вступил на болгарский престол. Причиной этой войны стал запрет болгарам торговать в Византии (893 г.). Вслед за этим болгары в Македонии одержали победу над византийцами. Поскольку византийская армия с середины 894 г. сражалась на востоке империи с арабами, император Лев Мудрый послал Никиту Склероса к венграм в устье Дуная для заключения союза против болгар. Склерос вел переговоры с двумя „королями" венгров (с Арпадом и Курсаном), после чего венгры в нескольких сражениях победили Симеона, который еле смог скрыться от них в укреплении Дистры (Силистры). Эти события произошли осенью 894 г.

Весной этого же года венгры заключили союз с князем Моравии Святополком против Арнулфа, короля восточнофранкской империи. Источник сообщает, что поход венгров в Паннонии (современное Задунавье в Венгрии) был особенно жестоким. Во время этого похода умер Святополк, а венгры, вероятно, проникли и в Моравию.

Первый свой поход, о котором сообщают источники, венгры провели в 862 г. еще из их восточной родины – Экелкузу, – и дошли до Дании. Эти западные походы продолжались в 881-892 гг., однако в один год никогда не совершалось два похода. Чем объясняется два похода в 894-ом году? На этот вопрос впервые ответил Паулер. Он обратил внимание на тот факт, что в этом году у восточных границ венгров, вблизи Поднепровья, появились печенеги. Они ведь были хорошо знакомы венграм, как сильные и жестокие противники. Константин Багрянородный передает, что раньше жившие еще восточнее на Донце, в Лебедии, венгры с хазарами каждый год сражались вместе [DAI, 159]. В то же время нам известно из арабского и персидского источника (Ибн Руста и Гардизи), что хазары каждый год вели поход против печенегов [Göckenjan – Zimonyi 2001, 54].[41] Для венгерских князей было ясно, что они не смогут защитить Этелкузу от своих беспощадных врагов. Поэтому они решили переселить свой народ в Карпатскую котловину, которая была хорошо защищена высокими хребтами Карпатских гор. Из этого ясно, что два похода 894 г. – не что иное, как пацификация (насильственное усмирение) территории их новой родины, т. е. ослабление силы противостояния местного населения и соседних держав.

Академией было принято мнение Паулера, и венгерский парламент в 1892-ом году принял закон № 1892:II о подготовке большой выставки к 1895-ому году, и стал организовывать разные мероприятия по всей стране. Однако эти подготовки были

[40] Любопытно, что на этот момент дискуссии обратил внимание преподаватель гимназии Ференц Локич. Он занимался астрологией и сразу же приступил к уточнению этой даты. Исследования он закончил в 1890 г., когда опубликовал свои выводы. („Дата обретения родины венграми и астрология.") Он убедительно доказал, что полное затемнение солнца в Константинополе имело место 8 августа 891 г. с 10 ч. 6 мин. до 13 ч. 26 мин. Сейчас читателям трудно поверить, что преподаватель средней школы мог сделать такое открытие. Однако мы не должны забывать, что в то время ученики, получившие аттестат зрелости после окончания гимназии, прилично знали латинский и древнегреческий языки и кроме этого немецкий, который тогда был „языком науки", в том числе и астрологии. И после этого следовали еще университетские годы [Lokits 1890].

[41] То, что эти сражения с печенегами у венгров оставили неприятные впечатления, отражает ответ венгров, который они дали послу (Габриелу) византийского императора, когда тот, уже после переселения венгров в новую родину предложил им отвоевать свою старую родину от печенегов: „Сами мы не ввяжемся в войну с печенегами, так как не можем воевать с ними – страна (их) велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей – не по нраву она нам" [DAI, 45].

настолько объемные (постройка парадного проспекта Андраши и части столицы, сооружение первого метро на Европейском континенте, написание огромной панорамы об обретении родины, создание третьего этнографического музея в Европе, издание фундаментальных монографий и т. д.), что для организаторов и политиков стало ясно: открытие выставки необходимо отсрочить. Так и было сделано. Его Величество Франц Иосиф, император Австро-Венгрии и апостольский король Венгрии, открыл в Будапеште выставку 2 мая 1896 г.

Выставка проходила с огромным успехом. Люди приезжали со всех концов страны. Были построены деревянные домики, где можно было снять комнаты весьма дешево, все восхищались художественной панорамой. В памяти многих посетителей позже сохранилось чудный их визит в столицу в 1896-ом году. И эта дата стала ассоциироваться у них с датой тысячелетия обретения родины. Они были далеки от спора каких-то ученых. И в учебниках вместо 895 г. все чаще стояла дата 896 г.. Однако кроме воспоминаний бывших посетителей выставки большую роль сыграло и другое обстоятельство. В честь тысячелетия была опубликована 10-томная «История венгерской нации». Если человек, не знакомый с этим пышным изданием, берет в руки и листает его первый том, то с удивлением может констатировать, что глава об эпохе обретения родины написана не Дь. Паулером – лучшим знатоком этой темы, а другим известным историком – Г. Марцали, крупным знатоком истории XVIII века. В его тексте нет ясной единой концепции, автор нередко вводит читателя в путаницу. О дате обретения родины он пишет, например, что оно могло произойти и в 895, и в 896 году. Он долго разворачивает свою непонятную и ничем не обоснованную идею о появлении венгерского населения в Карпатской котловине до прихода сюда основной массы венгров и т. д. Это печальный пример тому, когда многотиражные и популярные книги пишутся не лучшими специалистами.

В то же время в большинстве научных изданий и даже в художественной литературе мы находим дату Паулера, т.е. дату, которая почти не нуждается в коррекции до сих пор. Наиболее подробное обоснование своей хронологии Паулер дал в книге об истории венгров до правления Св. Иштвана, опубликованной в 1900-ом году [Pauler, 1900]. Он тут разбирает и ход этого весьма важного события в истории венгерского народа. Как известно, венгерские хроники описывают переправу венгерской армии под командованием Арпада, как славное, победоносное событие. В то же время византийский император изображает это как изгнание венгров из своей родины печенегами после страшного поражения, в ходе которого были убиты семьи венгров, в том числе и все женщины [DAI, 165]. Паулер относился с недоверием к рассказу Константина, говоря, что в таком случае исчез бы и венгерский язык, т.к. все новые жены переселенцев были бы славяноязычными. Паулер и в этом вопросе рассудил правильно. Сейчас антропологами уже доказано, что в венгерской популяции X в. женщины и мужчины принадлежали одному антропологическому типу [K. Éry 1970, 33-34].

В настоящее время данный процесс можно представить следующим образом.

Арпад во главе венгерских войск в долине Днестра поднялся до Северо-восточных Карпат, и через Верецкие ворота и Татарский перевал спустился на равнину Верхнего Потисья. За ним медленно тянулась длинная вереница телег, стад животных с домочадцами в сопровождении войска охраны. Тут их достиг сильный и неожиданный удар печенежско-болгарского союза. Охрана, естественно, не смогла отразить мощный удар неприятеля. Народ не мог продолжать свой путь по долине реки, и спасался бегством через молдавские леса к переходам Восточных Карпат в Трансильванию. Память об этом кровавом бегстве сохранили венгерские хроники, сообщая о том, что венгры своих жен поселили в Трансильвании [SRH, I. 287-288; Györffy 1983, 240]. Значит, 895 год одновременно был временем удачного перехода через Карпаты и, в то

же время, тяжелым кровавым поражением для населения. В том году венгры обосновались только в восточной части Карпатской котловины до Дуная на Западе. В течение 5 лет они не совершали ни одного похода. Это объясняется тяжелыми потерями в живой силе и в лошадях. Нужно было время для их пополнения. Западную часть котловины они заняли только в 900-ом году, после успешного похода в Италию, где одержали победу над королем Беренгаром. Через 2 года они стремительным походом уничтожили моравское княжество [Györffy 1985, 239]. Окончательно венгры укрепили свое положение в новой родине в 907-ом году, когда под Пожоном (Братиславой) разбили две крупных баварских армии [MGH SRG XXX/2, 742].

Позже Дь. Дьерфи обогатил теорию Паулера объяснением причины появления печенегов в тылу венгров. Исмаил ибн Ахмед, саманидский эмир, в 893-ем году напал на кочевников к северу от Самарканда, в первую очередь на карлуков, и одержал над ними блестящую победу. Вслед за этим карлуки, потеряв свои пастбища, напали на торок (узы). Торки же напали на печенегов, часть которых спаслась бегством на Запад, перешла Волгу и появилась в соседстве венгров, а в 895-ом году, выгнав их из Этелькузу, поселились на их территории [DAI, 155; Györffy 1983, 234-235].

Автор этих строк полагает, что переселение венгров в Карпатскую котловину началось не осенью 895 г, как это предложил Паулер, а весной. Дело в том, что все кочевые народы, планируя заранее походы и войны, начинают их поздней весной, когда их лошади после зимы набирают силу на свежих весенних пастбищах. Приобретение новой, более безопасной родины, было заранее запланировано и тщательно подготовлено [Фодор 2015; 2016, 64-68].[42]

Источники

1. Anonymus - ANONYMI Bela regis notarii, Gesta Hungarorum. – ANONYMUS. Notary of King Béla, The Deeds of the Hungarians. Ed. Rady, M. – Veszprémy, L. In: Anonymus and Master Roger. Central European Medieval Teksts, vol. 5. Ed. Bak, J. M. et al. Budapest – New York 2010, XV-XXXVIII, 1-129. CEU Press. (Латинский текст с английским переводом.)
2. DAI - Константин Багрянородный. Об управлении империей. Ред. Литаврин Г.Г., Новосельцев А.Н. М.: Наука. 1989.
3. MGH SRG - Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Germanicarum. Hannover. 1890.
4. SRH - Scriptores Rerum Hungaricarum, vol. I. Ed. Szentpétery, E. Budapest. 1937.

Литература

1. Шушарин В.П. Поселение венгерских племен в среднем Подунавье. Образование раннефеодального венгерского государства (конец IX — начало XI в.) / в кн. История Венгрии в 3 томах. Том 1. М.: Наука. 1971.
2. Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: Зёбра. 2015. 132 с.
3. Fodor I. Mikor volt a honfoglalás? Budapest: Kossuth Kiadó. 2016.

[42] Эта статья является кратким изложением содержания книги автора, опубликованной на венгерском языке [Когда было обретение родины? - Mikor volt a honfoglalás?] См. Fodor 2016.

4. Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag. 2001.

5. Györffy Gy. Die Landnahme der Ungarn aus historischer Sicht. // Ausgewählte Probleme der europäischen Landnahmen des Früh- und Hochmittelalters. Hrsg. von M. Müller-Wille – S. Schneider. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag. 1994, pp. 67–79.

6. Györffy Gy. Landnahme, Ansiedlung und Streifzüge der Ungarn // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae Vol. 31. Budapest: Akadémiai Kiadó. 1985, pp. 231–270.

7. Ipolyi A. et al. Jelentés a honfoglalás időpontjának meghatározása tárgyában. Budapest: MTA. 1883.

8. K. Éry K. Compararive biometrical examinations in the 6th – 12zh Century populations in the Middle Danubian Basin. Anthropológiai Közlemények 14. 1970, pp. 7-34.

9. Lakits F. A magyarok honfoglalásának ideje és a csillagászat // Természettudományi Közlöny Vol. 22. Budapest: Királyi Magyar ermészettudományi Társulat. 1890, pp. 561–571.

10. Moravcsik Gy. Bíborbanszületett Konstantin: A birodalom kormányzása. Budapest: Közoktatásügyi Kiadóvállalat. 1950.

11. Moravcsik Gy. Byzantium and the Magyars. Budapest: Akadémiai Kiadó. 1970.

12. Moravcsik Gy. Studia Byzantina. Budapest: Akadémiai Kiadó. 1967.

13. Pauler Gy. A magyar nemzet története Szent Istvánig. Budapest: MTA. 1900.

Дь. Паулер

Márta Kissné Bendefy*
Zsolt Petkes**
Attila Türk***

(* National Centre for Conservation and Conservation Training, Hungarian National Museum (kissne.bendefy@gmail.com); ** Centre for Social Sciences, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences (petkes.zsolt@btk.mta.hu); *** Institute of Archaeology, Pázmány Péter Catholic University, and Prehistory of the Hungarian People Research Group, Centre for Social Sciences, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences (turk.attila@btk.mta.hu); Hungary)

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE FOR LEATHERWORKING IN THE HUNGARIAN CONQUEST PERIOD (10TH C.)

The study describes the finds uncovered in Grave 33 of the burial ground investigated at Sárbogárd–Tringer-tanya and offers a new assessment of the grave goods, with a particular focus on the remains of a leather belt and leather purse as well as the remnants of a leather garment, whose tenth-century use could thus be conclusively demonstrated in the period's archaeological legacy. The examination of the archaeological finds by a conservator specialising in leather provides many new insights into the leatherworking of the ancient Hungarians of the tenth century. The leather remains were first examined in 2013 in the leather conservation laboratory of the National Conservation and Conservator Training Centre of the Hungarian National Museum. Tenth-century leatherworking was practiced on a much higher level than earlier believed. The finds from Sárbogárd provide evidence that the tanners of the tenth century were familiar with tawing and, also, that the various leather articles whose workmanship surpassed the more simple objects made as part of a home craft industry were created by highly skilled leatherworkers.

Keywords: *archeology, Tenth-century leatherworking, Hungarian Conquest period, Carpathian Basin*

Марта Кишнэ Бендефи
Жолт Петкеш
Аттила Тюрк

(Национальный музей Венгрии, Венгерская академия наук, Католический университет им. П.Пазмань, г. Будапешт, Венгрия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА КОЖЕВЕННОГО ДЕЛА В ПЕРИОД ВЕНГЕРСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ (X в.)

Исследование описывает обнаруженные в погребении № 33 могильника Шарбодард-Трингер-таня кожаные предметы X века (кожаный ремень и кошелек, а также фрагменты кожаной одежды). Изучение этих археологических находок специалистом в области реставрации кожаных изделий предоставляет много новых взглядов на кожевенное дело древних венгров X века. Кожаные артефакты были впервые рассмотрены в 2013 году в лаборатории по сохранению кожи Национального учебного центра по реставрации Венгерского национального музея. В результате сделан вывод о том, что кожевенное дело X в. находилось на гораздо более высоком уровне, чем считалось ранее. Находки из Шарбодард свидетельствуют о том, что кожевенники X века были знакомы с дублением и различными способами обработки кожи и изготовления кожаных предметов, высокое качество изученных предметов указывает на наличие специализированных мастеров, обладающих профессиональными навыками.

Существует мнение, что из-за климатических условий в Карпатском бассейне, археологическое наследие периода венгерского завоевания крайне бедно органическими остатками и, следовательно, о яркой повседневной жизни осталось очень мало свидетельств. Тем не менее, известны находки фраг-

ментов текстильных, кожаных и деревянных изделий, которые сохранились в погребениях. Несмотря на их фрагментарность, они несут огромное количество информации, однако она может быть извлечена из находок только современными методами археометрии и кропотливого изучения особенностей их изготовления.

Чанад Балинт был одним из пионеров комплексного аналитического исследования в археологии периода венгерского завоевания. Он выбрал мультидисциплинарный подход в исследовании могильников периода завоевания [3]. Систематическое изучение остатков текстиля [4], с последующим изданием необычайно хорошо сохранившихся шелковых фрагментов одежды X века [12], обусловило значительный прогресс в нашем понимании повседневной жизни того периода. Продолжая эту линию исследований, два года назад мы приступили к систематическому изучению остатков кожаных изделий X в. из погребения 33 в Шарбодард-Трингер-таня, при этом мы надеялись лучше понять сырьё и технику изготовления одежды, аксессуаров и прочих утилитарных предметов, извлеченных из этого захоронения.

Наши результаты во всех отношениях превзошли ожидания. Настоящее исследование предлагает описание и оценку находок из погребения 33 могильника Шарбодард-Трингер-таня, с особым акцентом на кожаный ремень и кожаный кошелек, а также фрагмент кожаной одежды, чье существование в X веке может быть впервые в венгерской археологии доказано без тени сомнения. Наше исследование – это дань новаторскому методу Чанада Балинта.

Ключевые слова: археология, кожаные изделия X века, период обретения родины венграми, Карпатский бассейн

Introduction[43]

One widely and oft-voiced assertion is that owing to the climatic conditions in the Carpathian Basin, the archaeological legacy of the Hungarian Conquest period is extremely poor in organic remains and thus very little is known about the period's colourful daily life, even though this would be one of the basic tasks of archaeological research. Still, this scarcity of finds has drawn the attention of the period's research to the few fragmentary textile, leather and wood remains that have survived. Despite their fragmentary nature, they offer a wealth of information – however, this information can only be coaxed out of the finds through modern archaeometric analyses and a painstaking attention to the finer details of how they had been made.

Csanád Bálint is one of the pioneers of comprehensive analytical studies that venture beyond imaginative reconstructions of the period's social history based on the meticulous analysis of well-preserved metalwork in the archaeology of the Hungarian Conquest period. He chose an admirably multi-disciplinary approach in his assessment of the Conquest period cemetery uncovered at Szabadkígyós-Pálligeti tábla, published in 1971 [3.]. The systematic study of the textile remains preserved in Conquest period burials [4.], followed by the publication of extraordinarily well-preserved tenth-century silk fragments discovered through a stroke of archaeological luck [12.], brought major advances in our understanding of the period's daily life. Continuing this line of research, two years ago we began the systematic study of tenth-century leather remains. When we began the appraisal of the current condition and the meticulous analysis of the large, well-preserved leather fragments from Grave 33 of the Sárbogárd-Tringer-tanya site, we hoped that we would gain a better understanding of the raw materials and the leatherworking techniques used for the manufacture of the garments, costume accessories and the other utilitarian objects recovered from the burial.

[43] *This research was realized in the frames of TÁMOP 4.2.4. A/1-11-1-2012-0001 „National Excellence Program". The research project was funded by OTKA Grant 106369; MTA BTK MŐT Grant 28.317/2012. This paper was supported by the János Bolyai Research Scholarship of the Hungarian Academy of Sciences*

Our findings exceeded our wildest expectations in all respects. This study offers a description and a re-assessment of the finds from Grave 33 of the burial ground uncovered at Sárbogárd-Tringer-tanya, with a special focus on the leather belt and the leather purse as well as the fragment of a leather garment whose existence and use in the tenth century could, for the first time, be demonstrated beyond any shadow of doubt in the period's archaeological record. The assessment of the archaeological finds by an experienced specialist in leather conservation has greatly enriched our rather scanty knowledge on the leather art and leatherworking of the tenth-century ancient Hungarians, and we offer our study as a tribute to Csanád Bálint's ground-breaking work.

The site

Sárbogárd–Tringer-tanya lies on the eastern side of the Sárvíz Valley, in the northern part of a northwest to southeast oriented longish hill overlooking the one-time floodplain *(Pl. 1. 2)*. The site was discovered during road construction in early March 1961. Work was suspended after the first burials came to light and the Szent István Király Museum of Székesfehérvár was notified about the finds. Alán Kralovánszky excavated the site between March 16 and July 7, 1961: he uncovered thirteen Late Bronze Age inurned burials [14, pp.201-203; 10, pp.33-74], a double pack horse burial dating from the late Roman Age [28, p.141] and two other horse burials, as well as a hundred graves of a tenth–eleventh-century burial ground [6, pp.93-147]. The latter can be regarded as having been completely excavated because the cemetery's layout conformed to the hill's form, extending in a northwest to southeast direction *(Pl. 1. 3)*. Nine burials (Graves 92-100) were destroyed on the cemetery's northern side during construction work, but their location was recorded and the human skeletal remains were collected. An almost complete calf burial came to light by the cemetery's northern edge, which the excavator assumed to have been part of the early Árpádian Age burial ground, regarding it as evidence for the cattle cult of the ancient Hungarians [15, pp.171-184; 16, pp.89-99; 17, pp.360-374]. However, the contemporaneity of, and thus the association between, the cemetery and the cattle burial has since been challenged [26, p.111].

The proportion of the sexes was roughly equal (37 male and 29 female burials), and child mortality was quite high (about one-third of the graves contained child burials). Although the proportion of burials with grave goods was fairly low, with finds recovered from no more than 29 per cent of the burials, many typical artefacts of the material culture of the Conquest period and the early Árpádian Age had been deposited in the graves. The earliest finds are represented by the braid ornaments[44] and the belt mounts [20, p.125], whose counterparts suggest that the cemetery was opened in the earlier tenth century. The end of the cemetery's use-life is indicated by the S-terminalled lockrings found in the outermost graves, whose appearance was dated to the 60s and 70s of the tenth century by Béla Szőke [24, p.87], although some scholars believe that this jewellery type appeared one or two decades earlier [27, p.43; 18, p.104; 19, p.332]. The cemetery was used from the early tenth century to its last third. The earliest graves lay in the cemetery's northern and middle zone and they were without exception west to east oriented with some divergence to the north, while the later burials, dating from the later tenth century, were also west to east oriented, but with divergences to the south.

[44] The best analogies to the braid ornaments from Grave 24 of the Sárbogárd-Tringer-tanya cemetery are known from Grave 1 of the Dormánd-Hanyipuszta burial ground, dated to the earlier tenth century [21, p.409].

One of the most lavishly outfitted interments in the cemetery was Grave 33 *(Pl. 2. 1-3)*, the burial of an elderly man from the community, who was laid to rest with a rich array of grave goods. The grave lay in a smaller area devoid of other burials *(Pl. 1. 3)* and two of the neighbouring graves were the rich burials of women with braid ornaments. The grave cannot be dated more precisely within the earlier tenth century, although its location within the cemetery and the conventional interpretation of cemetery layouts would suggest that it was one of the cemetery's earliest graves. The extraordinariness of Grave 33 was that leather from the man's clothing,[45] his belt[46] and his purse had been preserved and had survived, most likely owing to the metal mounts and the iron strike-a-light kept in the purse.

The purse had been attached to the mount-decorated belt by means of a narrower pendent strap sewn to the purse with several stitches *(Pl. 4. 4a)*. The lid of the leather purse was decorated with a strongly stylised foliate design perhaps composed of rows of palmettes. The purse lid was framed by a plain narrow band. The surviving piece of leather measured roughly 5 cm by 3.75 cm *(Pl. 4. 1, 3a-b)*.[47]

Grave 33 was excavated in the field. Several photos were made alongside a detail drawing. It was then lifted *in situ* and taken to the Szent István Király Museum *(Pl. 2. 4)*. After its transportation to the museum, the grave was exhibited *in situ* as part of the permanent exhibition. The artefacts recovered from the burial during the field excavation were conserved and restored, and placed back into the grave with the exception of the leather remains. The burial was completely uncovered in the museum in the early 1970s, but no documentation was made of this work phase.

Description of the leather finds

As mentioned in the above, the photos made during the excavation reveal that there were several relatively larger pieces among the leather remains *(Pl. 6. 1 a-b, Pl. 9. 1-2)*. As far as we know, these leather remains were not examined in greater detail either immediately after the excavation or since. The leather fragments were first examined and analysed in 2013, in

45 Adhering to the leather remains of the mount-decorated belt lying between the right pelvic bone and the floating ribs on the body's right side were fragments of a thinner leather, presumably the decayed remnants of a leather garment *(Pl. 4. 2a-b)*, whose material, colour and thickness differed substantially from the fragments of the leather belt.

46 It would appear that the belt had not been deposited in the grave as it was worn: judging from the position of the mounts, it was first wound around the body, then the pendent straps were likewise wound around the body, and finally the strap end was passed through the belt on the body's right side *(Pl. 3. 1-2)*. A few belt mounts between the right pelvic bone and the floating ribs on the right side survived embedded into the remnants of the leather belt. The belt's width was 1.8 cm. The remains of a thinner pendent strap with a width of 1.1–1.2 cm were found folded over the belt. The pendent strap was attached to the belt by a thin leather band under the belt, preventing its movement. Traces of two stitches could be noted at the end of the pendent strap, suggesting that the purse had been attached there *(Pl. 4. 4a-b)*.

47 Kinga Éry reconstructed the design on the purse lid as having a vertical arrangement [6, p.105, Fig. 17], and she published the remains of the leather purse accordingly, with the design in a vertical position [6, p.106. Fig. 2, 4). However, our examination of the surviving belt fragments and of the photos and drawings made during the excavation suggested that the lid of the purse suspended from the short, roughly 2.2 cm long pendent strap differed by some 90° from Kinga Éry's reconstruction *(Pl. 4. 1, 3a-b)*. The twisting or turning of the pendent strap seems unlikely in view of its shortness, as can be seen from the detail photo, which also shows that the end of the pendent strap folded over the belt extends to the edge of the purse. The size of the leather purse cannot be determined from the small size of its lid fragment. The flint stones kept in the purse can provide some clues as to its length, assuming that they lay at the bottom. In this case, the purse's inner length was *ca*. 8.5-9 cm. Its width remains unknown.

the leather conservation laboratory of the National Centre for Conservation and Conservation Training of the Hungarian National Museum, where we assessed the material of the recovered leather articles and their manufacturing techniques as well as their condition.

We were especially excited by the prospect of perhaps being able to confirm the assumption that the ancient Hungarians of the Conquest period had produced and used the leather type known as "Hungarian leather", described in several literary sources from the fourteenth to the eighteenth century. This leather type was scudded with a sharp knife without prior liming and piling in a warm atmosphere, then soaked in an alum-salt solution and thoroughly worked. After drying, it was held over embers and the heated leather was then impregnated with tallow [7, pp.97-98]. The role of this impregnation was to waterproof the alum-tawed leather that was sensitive to water. One advantage of leather worked in the Hungarian manner was that it did not call for large workshop areas or a wide range of materials, and that the entire procedure took about two to four weeks. In contrast, vegetable tanning lasts for several months or over a year in the case of thicker hides that have to be soaked in pits, and thus this procedure called for much larger workshop areas and material resources in addition to being restricted to a particular place.

The current study focuses on the analyses and the assessment of the leather fragments from the straps and the clothing. It was not possible to examine the remains of the purse and thus the description of its manufacturing technique is based on the photo and drawing made during the excavation. The finds were packed in ten bags, of which nine were labelled "Sárbogárd, Tringer tanya, Grave 33", while one was labelled "Sárbogárd, Tringer tanya, probably Grave 61.195.1.24 (?)".[48] It was clear from the first examination of the finds that they were in a much worse condition than on the photos from the 1960s. The belt fragment broke into several smaller pieces and only three of these fragments had the mounts still attached. A few more poorly preserved fragments had been glued to cardboard to prevent their further fragmentation. The bags from Grave 33 were numbered 1 to 9 to ease their identification, while the fragments glued to cardboard from the same bag were distinguished by letters (5/a, 5/b, 5/c. etc.). A macro-photo was made of both sides of each fragment before the start of the analyses, on which the dimensions were recorded. The fragments glued to cardboard were not removed and thus only one side was photographed and their analysis was restricted to their free surface.[49]

The comparison of the leather remains in the bags suggested that the fragments could be divided into three main groups: (a) fragments of the mount-decorated belt, (b) thin leather fragments, probably from clothing, and (c) remnants of a compacted fibrous material. Neither the form, nor the structure of the latter provided any clues as to what it had been used for.

The condition of the leather finds

The survival of the leather fragments in the grave can be ascribed to the fact that copper compounds from the corrosion of the metal mounts penetrating the leather slow the bacterial degradation of protein. Even so, the fragments were in different states of preservation with various forms of damage (decrease of the cohesion of the fibres, fragility, delamination, crumbliness, lack of a grain surface, shrinkage, deformation, discolouration, salting,

48 As it turned out, these fragments likewise came from Grave 33.

49 The examination and appraisal of the condition of all surviving fragments has been completed; a detailed table with the macrophotos will be published in the final report on the assemblage.

gelatinisation, etc.). A greenish corrosion could be noted on the mounts and the belt remains. Traces of an earlier biodeterioration (mould growth) could be noted on some fragments, which had probably appeared sometime after the excavation; however, this no longer appeared to be active. A few fragments were impregnated with a solution of synthetic consolidant either during the excavation or during subsequent conservation work, which changed the fragments' colour and made their surface shiny.[50] A few fragments appear to have been packed before the synthetic consolidant had dried: these had scraps of cotton wadding or packaging paper adhering to their surface, covering the original leather surface *(Pl. 6. 1a-b, Pl. 9. 1-2)*.

The pH value was not tested for every single fragment because we did not want to reduce their size through sampling; however, the examination of a few smaller scraps revealed that their pH values ranged between 4-7, which can be regarded as acceptable in the case of leather.[51] The measurement of shrinkage temperature (Ts) is often employed to assess the condition of historical leathers; Ts values tend to be lower with the decomposition of protein [13, p.96]. We did not perform this analysis because it often yields misleading results in the case of archaeological leathers. The metal compounds in leather (corrosion products, salts from the soil, etc.) create chemical bonds between the protein chains that decrease shrinkage even in cases when collagen is in a strongly decayed condition.

Assessment of manufacturing techniques[52]

In order to gain a better understanding of the manufacturing techniques and quality of the leather finds, we recorded their dimensions (distance between the cut edges), we examined their material (colour, possible presence of hair, animal species, tanning), their stitching (evenness, size and form of the stitch holes and their spacing, thread remains, stitch types suggested by the imprints) and the remnants of metal accessories. The identification of the stitch types was based on archaeological and historical analogies[1; 2].

Mount-decorated belt

Small fragments were preserved of the leather belt and the pendent strap looped around it. The animal species could not be determined from the microscopic examination of the remains because the hair follicle pattern of the surface could not be made out owing to the degradation of the surface.[53] However, the thickness and the surface compactness suggest that the belt had been made from the hide of a large-bodied species such as cattle or horse. The pendent strap was manufactured from thinner leather; however, a hair follicle pattern typical

50 We were unable to identify the consolidant that had been used; however, the dissolution tests performed on smaller scraps indicated that it dissolved in acetone.

51 We soaked the sample in distilled water (7.0 pH) in a micro-test-tube for eight hours, after which we measured the pH value of the water with a Merck pH indicator paper.

52 The educational CD "Leatherworking" was extremely helpful in our study and assessment of manufacturing techniques [25].

53 The hair follicle pattern, i.e. the size and arrangement of the hair holes following the removal of the hair, differs for every species and thus leather finds can be identified through a comparison with samples from known species. In the case of archaeological finds, however, a species identification often runs into difficulties if the surface is strongly degraded, if it is polluted by the soil or corrosion, or if its surface has been treated with a conservation material.

for goat or sheep hides was not visible on this fragment either and it is possible that it was made from the same material as the belt or from the hide of a younger individual of the same species.

The colour of the surviving fragments differed from the reddish-brown and dark brown hue of vegetable-tanned leathers. Their colour was greyish-brown and the section was clearly lighter, having a slightly yellowish hue, raising the possibility of tawing. We performed an alizarin test on a few fibres for determining the alum tawing procedure.[54] The analyses, performed on samples taken from several fragments, confirmed the presence of aluminium ions. It must here be noted that their presence could not be initially demonstrated on the belt fragments which had earlier been impregnated with a synthetic consolidant; however, following the soaking of the fibres in an acetone solution. the samples yielded a positive reaction similar to the other samples. Since the alizarin test may be interfered by the presence of copper ions, we submitted one sample to instrumental analysis in order to confirm the results.[55]

The width of the surviving belt fragments in their current condition is 16-17 mm. The width of the pendent strap is *ca*. 9 mm, while the width of the small attachment band looped around it is 2 mm. The remnants of another layer could be distinguished on one fragment (Sample 4/b, *Pl. 8. 1a-b*) together with three surviving stitch holes and the thread, which penetrated both leathers. This double-layered fragment and the stitching along the belt's edge suggest that the belt had been fitted with a second layer, perhaps a lining or some reinforcement, which had been sewn onto it. It is noteworthy that the remains of the stitches generally lie under the edge of the mounts adorning the belt, implying that the mounts had been added after the two leather layers had been stitched together because they would otherwise have impeded stitching. In this case, the attachment spike of the mounts had penetrated both leather layers and was bent/hammered afterwards.[56] However, we cannot exclude the possibility that the stitches had originally run beside the mounts and that the current condition is a consequence of shrinkage. Three fragments have the mounts still firmly attached *(Pl. 6. 1a-b, Pl. 7. 1 a-b)*, while on others, only traces of their one-time presence survive in the form of mostly round perforations of a typical size and placement *(Pl. 8. 1a-b)*. The surviving stub of the mounts' attachment spike generally has a circular section with a diameter of 1.8 mm on the average. On the fragments without mounts, the perforations indicating their one-time presence were usually 1.9-2 mm large. Their edges were stained green or greenish-blue by corrosion, resembling the compounds probably containing copper (at least judging from their colour) on the surface of the mounts.

The stitch holes along both edges of the belt were small, regular, round perforations. There were no lentil-shaped perforations among them. They were probably made with a round awl *(Pl. 8. 1b)*. The stitching ran 1-1.5 mm from the belt's edges, the stitches were spaced 2.5-3.5 mm apart and they had been made by an experienced hand judging from the fine, even stitching. Although the threads of archaeological leather fragments usually decompose, the

---

54 The alizarin test is suitable for demonstrating the presence of aluminium ions from alum in leather. The test is based on the principle that the aluminium ions react with natrium alizarin sulphonate in the ammonium hydroxide solution, creating a red colouration that retains its colour even under acidic conditions.

55 Scanning electron microscopy with X-ray microanalysis (SEM EDS) performed by Attila Lajos Tóth. The elements K, Al and S could be detected in the sample, proving the presence of alum.

56 This procedure could also be observed on the leather fragment adhering to the reverse of one of the harness mounts from Grave 11 of the Karos III cemetery *(Pl. 10. 4)* as well as on several early medieval leather finds from Eastern Europe *(Pl. 10. 1-3)*.

imprints of the original stitches nonetheless reveal much about the type of stitching. We only found a single imprint on the belt fragments owing to their poor preservation: it lay between two stitch holes, parallel to the edges. This imprint could equally well originate from a running stitch or perhaps from two-needle stitching, although in the latter case, the stitch holes would be elongated rather than round owing to the bidirectional tension. What seems quite certain is that binding stitching was not employed. Due to the physical protection of the leather, scraps of the sewing thread survived in several stitch holes *(Pl. 7. 1a; Pl. 8. 1b)*. They resemble tiny rivets or wooden pegs, often with a raised "head", because following the decay of the uppermost leather layer, its surface lay lower than originally. The threads were often coated with a lubricant (wax, pitch or animal fat) to make the fibres adhere better and to ensure the easier passage of the thread during sewing, to prevent its fraying from friction and to make it more waterproof. The lubricant and the soil remnants adhering to the thread provide a stability to the thread, making it protrude from the leather even after the degradation of the latter's surface. The examination of one of these "rivets" clearly proved that it was actually a bundle of fibres whose strands were held together by some soft, waxy substance *(Pl. 7. 1c)*. After dissolving the lubricant in mineral spirit, the strands became more visible and we found that they had a Z twist, even if this could only be made out very weakly. We separated the fibres in the sample and immersed them in a 1:1 solution of glycerine and water for further examination; however, the fabric of the fibres was degraded to the extent that they immediately disintegrated in the solution, and we were thus unable to identify their material. There were no traces of stitching along the edges of the pendent strap looped around the belt *(Pl. 6. 1a–b)*.

Thin leather, probably originating from a garment

Most of the leather fragments assigned to this category had been glued to cardboard and thus only one side could be examined. The traces of an earlier mould growth and the paper fibres adhering to the surface treated with a synthetic consolidant constrained the examination of these remains. The leather was much thinner than that of the belt and had remnants of hair in several spots. The animal species could not be determined, but it was probably a smaller-bodied animal, perhaps sheep or goat.

The samples were all dark brown, probably as a result of impregnation with a synthetic consolidant. One goal of our analyses was to identify possible tanning agents, whether vegetable or mineral, the latter by demonstrating the presence of aluminium ions indicating tawing. A 1% solution of iron(III) salts (e.g. iron-alum iron(III) chloride, etc.) is used for identifying the former under laboratory conditions: these develop dark coloured compounds with vegetable tannins. In the case of archaeological finds, identification is more difficult if there is a higher concentration of iron(III) ions in the soil near the leather finds because in this case, the reaction already occurs in the soil and the change in colour does not develop during the test. Neither can the reddish colouration developing during the aluminium test be noted in the case of darker leather fibres, even under a microscope. However, some of the smaller fragments included scraps that were as thin as the pieces identified as clothing remains and bore traces of a similar stitching, but had not been impregnated, and the presence of aluminium ions could be demonstrated in their case. Thus, while the dark colour of the larger leather fragments and their impregnation with a synthetic consolidant constrained the identification of vegetable or alum tanning agents, their use cannot be excluded.

Several fragments bore stitch remains. Some of these could be noted where the two leathers had been sewn together, others on the edging band of a gathered edge *(Pl. 9. 1-2)*. The surviving evidence of manufacturing techniques confirms that the raw material had been very soft, thin leather because the gathering is very dense, with 1 mm folds, and was made with tiny, 1.5-2 mm stitches. The remnants of a leather edging band with lentil-shaped perforations could be noted near the gathered side. Most of the stitches were binding stitches, while the band itself was probably attached with a running stitch.

Compacted fibrous material

Several assemblages included compacted, felt-like fragments of fibrous elements that proved impossible to identify even after a minute microscopic examination. It seems likely that they are made up of vegetal fibres. The original thickness of the fragments could not be determined owing to their fragmentary nature; however, they included 1.5-2 mm thick pieces. Several fragments are covered with a rather degraded dark brown coating on one side, probably originating from leather. After immersing a part of Fragment 33/4a in distilled water, we noted a thin, light, translucent layer under the fibrous material; the alizarin test indicated alum tanning. It is possible that the compacted fibrous fragments came from the lining of a leather garment.

Purse

We could not personally examine the remains of the purse and thus the following observations on its manufacturing technique are based on the photo and drawing made during the excavation, and we are fully aware that the reconstruction proposed here too runs the risk of mistakes. We focused on the purse's decorative design and how it had been made, presenting a reconstruction of its one-time appearance which seems most feasible to us *(Pl. 5. 2)*. A design of this type can be created using three techniques. The first of these is incising, when the surface of the leather is incised using a sharp tool along the line of the intended design and the groove created in this manner is enlarged with a thin, blunt implement. The second technique involves pressing a narrow, blunt bone or wooden implement onto the leather to draw the design – in this case, the lines are not as deep and as sharp because the leather surface remains intact. The third is accentuating the line of the design with decorative stitching. In the case of the Sárbogárd purse, incising or decorative stitching seems more likely because the design survived even after burial and the tears in the leather follow its lines. The cohesion of the fibres of a leather artefact bearing a semi-incised design or stitch holes is much weaker in these areas, the fabric is much more prone to damage than in the areas adjacent to the design. Still, it must again be emphasised that this is no more than a cautious assumption. If the drawing accurately reproduces the imprints, the stitching along the edge of the leather is overstitching *(Pl. 5. 3)*. The attachment of the purse can be reconstructed from the position of the two stitch holes on the pendent strap. Our reconstruction is in part based on the Bezdéd purse, on which there is a slit in the centre of the purse's top rear fold line and two stitch holes underneath it on the reverse, most likely indicating the place where it was attached to the pendent strap *(Pl. 5. 4-6)*.

The findings of the examination of the leather finds from Sárbogárd

Material

In her study published in 1962 ("Aspects of leatherworking in the Hungarian manner"), Alice Gáborján notes that "the presence of aluminium indicating the use of alum has been demonstrated on all of the few Conquest period leather remnants submitted to chemical analyses. These leather fragments originated both from footwear and clothing." [7, p.135]. Unfortunately, she did not specify the findspots and contexts of the analysed leather remains, or the analytical procedures employed in their examination. Neither do we know whether the findings of these analyses have been published.[57]

At the same time, our own analyses have confirmed the use of alum-tanned leathers during the Conquest period. The microchemical tests demonstrated the presence of aluminium ions in the samples taken from the mount-decorated belt, the small fragments probably originating from clothing and the leather adhering to the compacted vegetal fibres. Although the tanning agent of the thin leather fragments quite certainly originating from clothing could not be identified owing to their dark colour and their impregnation with a synthetic consolidant, it is our hope that subsequent analyses will yield conclusive results for these finds too. Whilst we could not personally examine the leather of the Sárbogárd purse, we could demonstrate the presence of aluminium ions on tiny fragments of the Bezdéd purse,[58] indicating that alum-tanned leathers were used for the manufacture of this artefact type too.

Alice Gáborján has argued that the presence of aluminium merely indicates that the leathers had been tawed, adding that the leathers made in the "Hungarian manner" had also been scudded with a knife and had been impregnated with tallow. In her view, "given that tallow is an organic matter, it decays in the case of archaeological finds and thus its one-time presence cannot be demonstrated with the current techniques." [7, p.136].

In this respect, there is space for optimism, in part because considerable advances have been made in analytical techniques and in part because it would appear that the animal fat had not completely disintegrated. For example, the bundle of sewing thread became much thinner after soaking in a benzene solution and its colour also changed, suggesting that some fatty lubricant, which had survived the long centuries in the ground, had been dissolved. While we did not note any hairs on the belt fragments, the remains of hairs could be observed on the thinner fragments from the clothing. It must here be noted that some leather fragments from other Conquest period sites were covered with hairs over their entire surface.[59]

Since the microscopic and microchemical analyses did not provide an answer to all our questions, we plan to submit samples to further archaeometric analyses in order to determine

---

57 It is possible that the analyses had been performed by Dr. Lajos Pósa, a leather chemist working in the Leather and Shoe Industry Research Institute, because he is known to have undertaken the identification of vegetable tanning agents in the shoe finds from Dr. Imre Holl's excavations in Buda Castle in 1952 [7, p.111].

58 We are grateful to László Révész and the Hungarian National Museum for the opportunity to study this artefact.

59 It must here be noted that hairs have been found on vegetable-tanned archaeological leathers too; however, on those finds, the presence of hairs was the result of imperfect scudding with a blunt knife after liming and thus hardly intentional [22, p.221].

whether they contain any fats in addition to alum or whether the presence of vegetable tannins can be demonstrated.

Although the animal species could not be identified owing to the strong degradation of the leather fragments' surface and their impregnation with a synthetic consolidant, we could establish that the belt had been made from a more compact, thicker leather, while the clothing from a thin, softer leather, probably from goat or sheep skin.

Stitching techniques

The belt was made from two layers of leather stitched together: both leather layers were perforated using a blunt round awl leaving round perforations and the thread was then passed through these holes, probably with a blunt needle. The use of an awl was necessary because thick, compact leathers of this type cannot be perforated with a needle. The stitching ran parallel to the edges in a straight line and was either a back stitch or a basting(running) stitch. The use of binding stitching can be excluded on the belt. Stitching along the edge of belts from other sites in uncommon.

The thinner leather fragments have been shown to originate from a garment. This was also suggested by their position because they had adhered to the reverse of the mount-decorated belt. Our examination of the fragments revealed that they had been made from a very soft, thin leather because an unusually dense gathering of 1 mm folds could be identified on one fragment. There is no need for an awl when stitching together thin leathers because they can be easily perforated with a needle. Furriers today use a three-edged needle for sewing together thin leathers and furs because these do not perforate, but rather cut through the leather, making work easier. It seems likely that a slightly sharpened needle was used, although the traces would suggest a double-edged needle because the stitch holes are not round, but lentil-shaped. Binding stitching was employed, a stitch type that has been used by furriers for centuries.[60] The stitching is very fine and even, with the stitches spaced 1.5–2 mm apart (for a drawing of the stitch type, see *Pl. 5. 3*).

In general, the stitchings surviving on the leather fragments were all made by a very experienced hand. This is hardly surprising in the case of the garment since in a period when every single item of clothing was sewn by hand, each family probably had members who were skilled at sewing, regardless of whether the garments were sewn from textile or leather. The manufacture of belts, however, was a more complicated task. Thick leather, especially if made up of two layers, can only be sewn together if it is perforated with an awl before each stitch, a procedure calling for more advanced skills. The stitches on the Sárbogárd belt are small, their spacing is surprisingly even both from each other and from the belt's edge, suggesting that its maker had made similar pieces oft-times. Since there was no need for too many belts in a single household, and thus there were no opportunities to practice belt making for long weeks or months, it is possible that these items were made as part of a craft industry.

[60] The names of various stitch types employed in the textile, leather and fur industry change, even in the case of the same stitch type.

Conclusion

The examination and analysis of the leather fragments from Sárbogárd were extremely rewarding because they provided a wealth of new information and they also contributed to the creation of a protocol for the study of leather remains from the Conquest period. Although several questions remain unanswered, it is our hope that our research project can be broadened in this direction too and will include further archaeometric analyses.

The next step is setting our findings in a broader archaeological context and interpretative framework. Our finds can be best compared to the well-preserved leather remains of the ninth–eleventh-century cultures of Eastern Europe whose metalwork shares similarities with the Conquest period material. Of outstanding importance among these is the middle horizon of the so-called ancient Mordvinic cemeteries dating to the ninth–eleventh centuries [9; p.5], whose finds include belts with pendent straps as well as leather purses made in different styles and with diverse structures and fastening mechanisms. Although the assessment of these eastern leather finds is still in a rudimentary stage, the leather structure of the belts indicates that they resemble the Sárbogárd belt regarding the stitching along their edge *(Pl. 10. 1-3)*. In Hungary, Grave 11 of the Karos III cemetery yielded the fragment of a comparable multi-layered, buckled and folded belt *(Pl. 10. 4)*.

We believe that one of the most unexpected findings of our leather studies is that we now have archaeological evidence for the one-time existence of upper garments made of leather *(Pl. 4. 2; Pl. 9)*. The literary sources of early Hungarian history and the early medieval sources on Eastern Europe record the use of leather upper garments among the ancient Hungarians and the neighbouring peoples as well as in the Byzantine Empire. Several Muslim sources recount the marriage customs of the ancient Hungarians:

They have the custom in [the matter of] taking a wife that when they ask for a wife, they take a bride-price in accordance with her wealth, consisting of horses of more or less that wealth. And when they mount to take the bride-price, the girl's father takes the groom's father to his house and whatever he has by way furs of sable (or marten), ermine, grey squirrel, weasel, and underbellies of fox, brocade fabrics and various leather pieces, he brings together to the amount of ten leather garments. [Then] he wraps [these] in a bed roll and ties [it] on the groom's father's horse and he sends it off towards its home.

(Gardizi)

In his account of the Pechenegs, Constantine Porphyrogenitus records that in addition to the well-known and oft-cited silks and other textiles, they also received processed leather in exchange for their services from the Byzantines in the Crimea:

Yet another folk of these Pechenegs … receive from the Chersonites a pre-arranged remuneration in respect of their service proportionate to their labour and trouble, in the form of pieces of purple cloth [silk], ribbons, gold brocade, pepper, scarlet or "Parthian" leather[61] *and other commodities*

[61] Scarlet or Parthian leather was probably a leather type made with alum tanning, which was a specialty of Asia Minor from the late Roman Age onward and was still employed in the Byzantine era. It has been

which they require according to a contract which each Chersonite may make or agree to with an individual Pecheneg.

(Constantine Porphyrogenitus: De administrando Imperio)

It would appear that the Pechenegs were not the only people to receive leatherware from the Byzantines – leather articles were coveted diplomatic gifts among other nomadic peoples too. We know from Ibn Fadlan's account that in 992, an Arab embassy presented leather articles to Etrek, the commander of the army of the Oghuz Turks:

He sent him fifty dinars, among which were a number of Musayyabi dinars, three mithqals of musk, pieces of processed [tanned?] leather, and cloth from Merv from which we cut him two tunics, tanned leather boots, one brocade garment, and five silk garments.

(Ibn Fadlan)

References to the leather upper garments worn by the Hungarians can be found in late medieval sources too, written several centuries later, for example in a description of fourteenth-century Hungarian soldiers:

I have no doubt that, as has been noted by others before me, the people of the Hungarians do not wear armour. When preparing for combat or jousts, they don a tight leather garment or a very close-fitting costume, which holds their limbs tightly.

(Description of Máté Csák's Hungarian light cavalry by a Czech chronicler, 1315) [11, p.213]

In sum, the examination of the leather remains preserved in the archaeological record of the Conquest period confirms the information contained in the literary sources on the ancient Hungarians. Our studies indicate that tenth-century leatherworking was practiced on a much higher level than earlier believed. The finds from Sárbogárd provide evidence that the tanners of the tenth century were familiar with tawing and, also, that the various leather articles whose workmanship surpassed the more simple objects made as part of a home craft industry were created by highly skilled leatherworkers. A better and more detailed knowledge of the period's leatherworking calls for the continuation of the study of the period's leather remains as well as the widening of the scope of these studies.

Acknowledgements

We are indebted to conservator László Torma for his helpful remarks on manufacturing techniques and to conservator and qualified leatherworker Zsuzsanna Várhegyi for her shrewd observations on the skills and experience needed for producing the leather articles discussed here. We are grateful to Gabriella Nádorfi and Frigyes Szücsi, our colleagues in the Székesfehérvár museum, for their assistance, and to Edit Ambrus for the digital illustrations.

suggested that the ancient Hungarians had adopted this tanning procedure from the Byzantines – the Hungarian word for tanner (*tímár*) comes from Greek [8, p.237].

References
Библиографический список

DAI
Constantine Porphyrogenitus: De administrando imperii. Greek text edited by Gy. Moravcsik, English translation by Jenkins, R. J. H.. Washington 1967.

Gardizi
Martinez, P.: Gardizi's two Chapters on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 2 (1982) 109–217.

Ibn Fadlan
Ibn Fadlan: *Risalah*. Translated by James E. McKeithen. Bloomington, 1979. http://www.indiana.edu/~cahist/Readings/2011Spring/Risala%20of%20Ibn%20Fadlan.doc

1. Bakayné Perjés, J. – Kissné Bendefy, M.: XIII–XVI. századi bőr leletek technikatörténeti és technológiai vizsgálata, Záróbeszámoló. OTKA T.021204 számú Kutatási Pályázat 1996–1999 (Kézirat) Budapest 2000.
2. Bakayné Perjés, J. – Kissné Bendefy, M.: Régészeti lábbelik egységes dokumentációja. *Műtárgyvédelem* 29 (2004) 39–53. pp.
3. Bálint Cs.: X. századi temető a szabadkígyósi-pálligeti táblában (Tenth Century Cemetery in the Pálliget Plot of Szabadkígyós). *Békés Megyei Múzeumok Közleményei* 1 (1971) 49–88. pp.
4. Bollók, Á. – T. Knotik, M. – Langó, P.– E. Nagy, K. – Türk, A.: Textile Remnants in the Archaeological Heritage of the Charpathian basin from the 10th–11th century. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 60 (2009) 147−221. pp.
5. Erdélyi I.: *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei.* Budapest 2008.
6. K. Éry, K.: Reconstruction of the tenth century population of Sárbogárd on the basis of archeological and anthropological data (A sárbogárdi X. századi közösség rekonstrukciója régészeti és embertani adatok alapján). *Alba Regia* 8–9 (1967) 1968, 93–147. pp.
7. Gáborján A.: A magyar módra való bőrkészítés problematikája. *Néprajzi Értesítő* 44 (1962) 97–140. pp.
8. Gáborján A.: Honfoglalás kori elemek a magyar viseletben. In: *Honfoglalás és néprajz.* Eds.: Kovács, L. – Paládi-Kovács A. Budapest 1997, 235–251. pp.
9. Иванов, П.И.: *Крюковско-Кужовский могильник.* Моршанск: Моршанский краеведческий музей. 1952.
10. Jankovits, K.–Váczi, G.: Spätbronzezeitliches Gräberfeld von Sárbogárd-Tringer-Tanya (Komitat Fejér) in Ost-Transdanubien. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 64 (2013) 33–74. pp.
11. KRE: *Károly Róbert emlékezete*. Szerk.: Kristó G. – Makk F. Budapest 1988, 213. p.
12. E. Nagy K. – Bíró Á. – Bollók Á. – Költő L. – Langó P. – Türk A.: Bizánci selyemruha töredéke egy fonyódi 10. századi sírból. Újabb adatok a Kárpát-medence 10. századi viselettörténetéhez. In: *Studia et Experientia Docent. Tanulmányok László Emőke tiszteletére.* Szerk.: Szegzárdy-Csengery K. – Szilágyi A. – E. Nagy K. Budapest 2010, 11−26. pp.
13. Kovács P.: Zsugorodási hőmérséklet – a bőrök lebomlási fokának értékmérője. *Műtárgyvédelem* 2009/34. Magyar Nemzeti Múzeum. 83–97. pp.

14. Kovács T.: Jelentés a sárbogárdi későhalomsíros temető 1961. évi feltárásáról (Bericht über die Ausgrabungen des spätbronzezeitlichen Gräberfeldes von Sárbogárd im Jahre 1961). *Alba Regia* 4–5 (1963–64) 1965, 201–203. pp.

15. Kralovánszky A.: Szarvasmarha temetkezés a honfoglalás korából. *A Magyar Mezőgazdasági Múzeum Közleményei* 1 (1964) 171–184. pp.

16. Kralovánszky, A.: Die landnahmezeitliche Rinderbestattung von Sárbogárd. *Alba Regia* 6–7 (1965–66) 1966, 89–99. pp.

17. Kralovánszky A.: Honfoglaló őseink szarvasmarhakultusza. In: *Az őshazától a Kárpátokig.* Szerk.: Szombathy V. Budapest 1985, 360–374. pp.

18. Mesterházy K.: Az S-végű karikák elterjedése a Kárpát-medencében (Die Verbreitung des Haarrings mit S-Ende im Karpatenbecken). *Debreceni Déri Múzeum Évkönyve* 47 (1962–1964) 1965, 95–113. pp.

19. Mesterházy K.: Dunántúl a 10. században. *Századok* 136 (2002:2) 327–340. pp.

20. Révész L.: *A karosi honfoglalás kori temetők. Régészeti adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez (Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des oberen Theißgebietes im 10. Jahrhundert).* Miskolc 1996.

21. Révész L: *Heves megye 10–11. századi temetői (Die Gräberfelder des Komitates Heves im 10.–11. Jahrhundert).* Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 5. Budapest, 2008.

22. Ringer I. – Bartosiewicz L. – Gál-Mlakár Zs. – Horváth A. – Kissné Bendefy M. – Kováts I.: 17. századi bőrfeldolgozó műhely maradványa Sárospatakon. In: *Csont és bőr.* MTA VEAB Iparrégészeti és Archaeometriai Munkabizottság. Budapest 2010, 215–228. pp.

23. Szőke, B.: Spuren des Heidentums in den frühmittelalterlichen Gräberfeldern Ungarns. *Studia Slavica* 2 (1956) 119–155. pp.

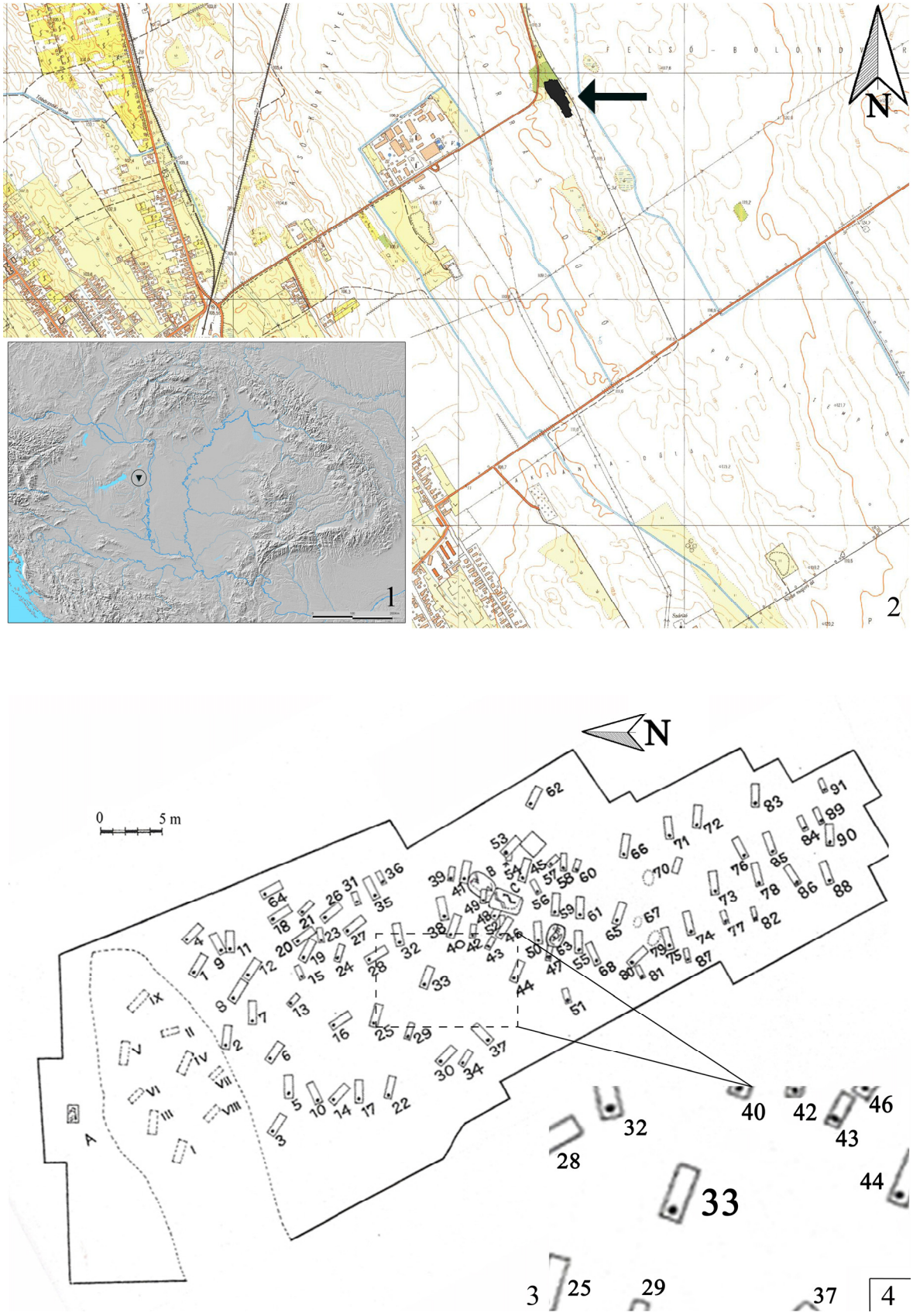
24. Szőke B.: *A honfoglaló és kora Árpád-kori magyarság régészeti emlékei.* Régészeti Tanulmányok 1. Budapest, 1962.

25. Torma L. – Fábián M. – Éber T. – Diós M. – Szőllősy G.: A bőrművesség. Oktatási segédanyag, CD-ROM. Hagyományok Háza–Néprajzi Múzeum 2003.

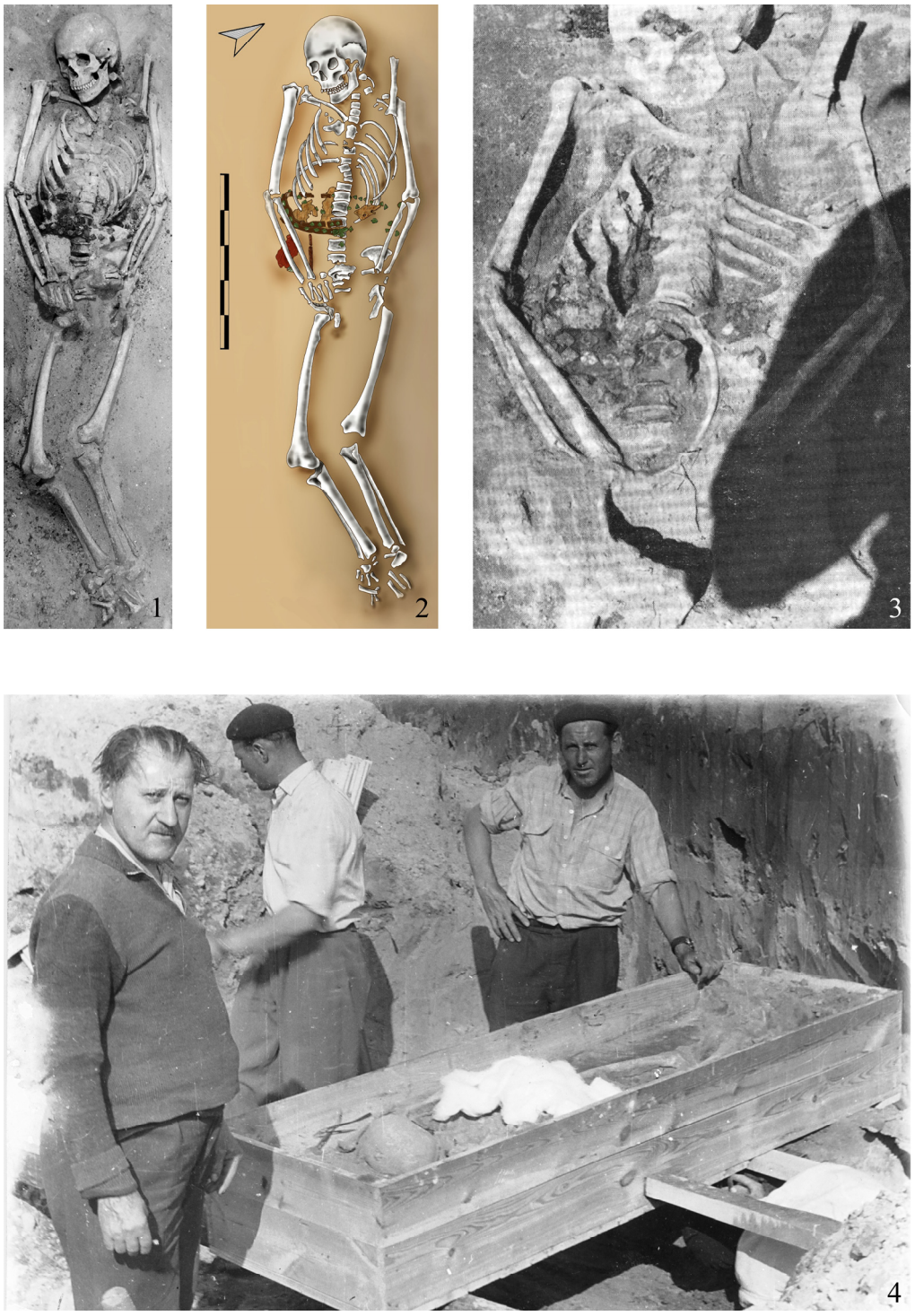
26. T. Szőnyi E. – Tomka P.: Győrszentiván–Söprűhegy: késő római és kora Árpád-kori temető (Spätrömisches und früharpadzeitkiches Gräberfeld von Győrszentiván–Söprűhegy). *Communicationes Archaeologicae Hungariae* 1985, 97–123. pp.

27. Török, Gyula: *Die Bewohner von Halimba im 10. und 11. Jahrhundert.* Archaeologia Hungarica, ser. nova. 39. Budapest 1962.

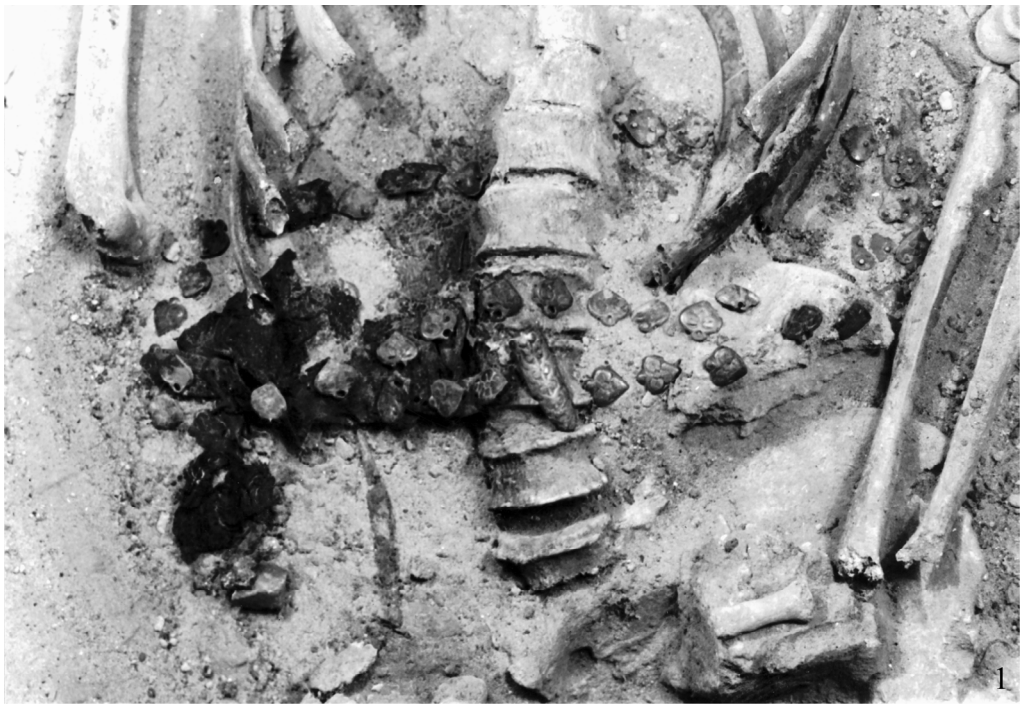
28. Vörös I.: A magyarok hadi ménjei és igavonói az írott források és a régészeti leletek alapján. In: *Honfoglaló őseink.* Szerk.: Veszprémy L. Budapest 1996, 28–146. pp.



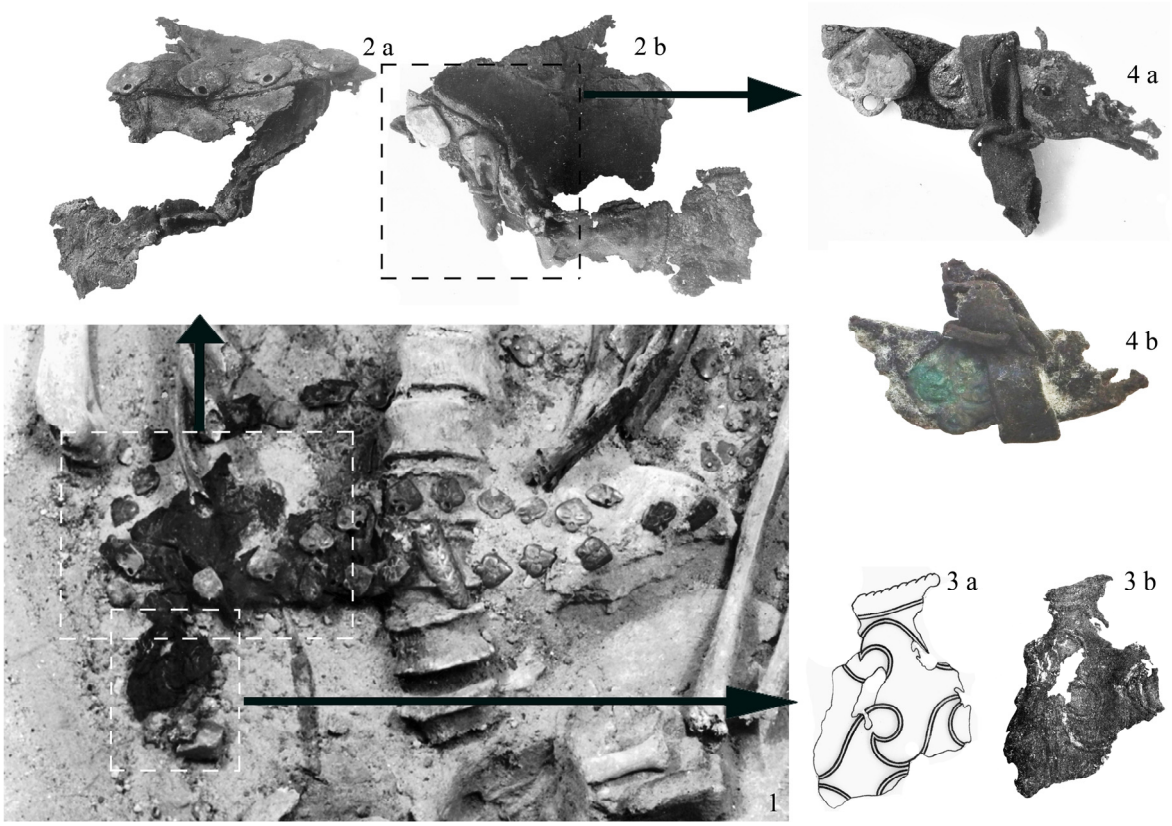
Pl. 1. 1–2. Location of the tenth–century site of Sárbogárd-Tringer-tanya;
3–4: Plan of the cemetery and the location of Grave 33



Pl. 2. 1–3: Sárbogárd-Tringer-tanya, Grave 33;
4: Sárbogárd-Tringer-tanya, in situ lifting of Grave 33 in 1961

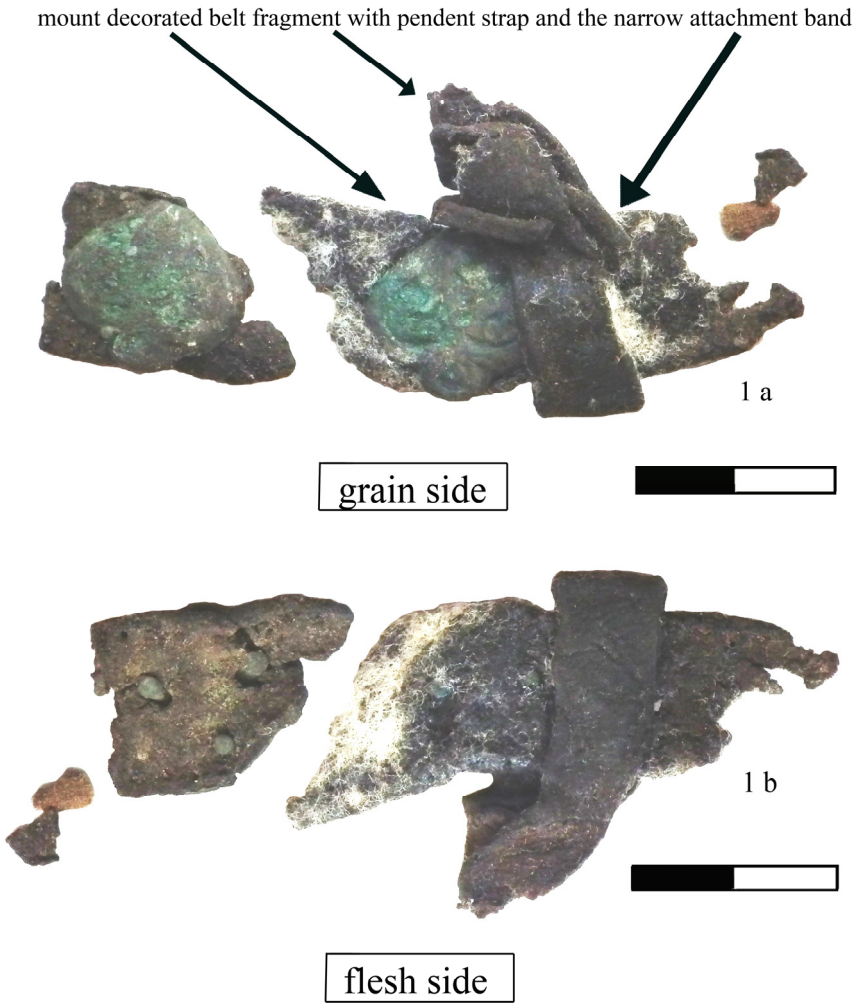


Pl. 3. 1–2: Leather remains in the pelvic area and the position of the belt.
Alán Kralovánszky's excavation photo (1) and the reconstruction based on it (2) (by Edit Ambrus)

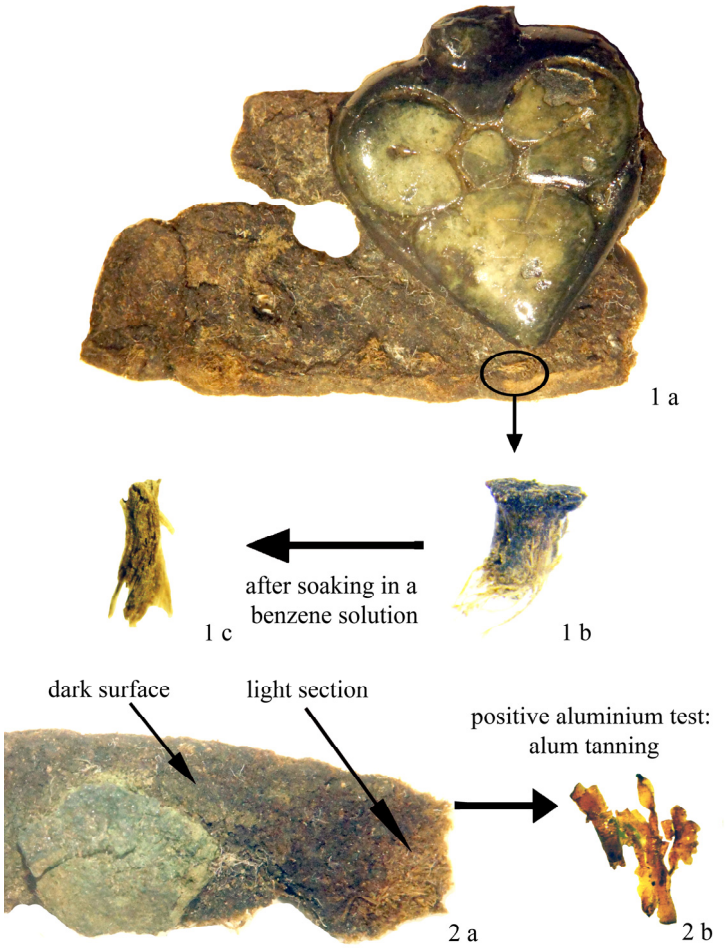


Pl. 4. 1–4: Position of the leather purse, the belt, the pendent suspension strap and the remains of the leather upper garment in the grave, based on Alán Kralovánszky's excavation photos

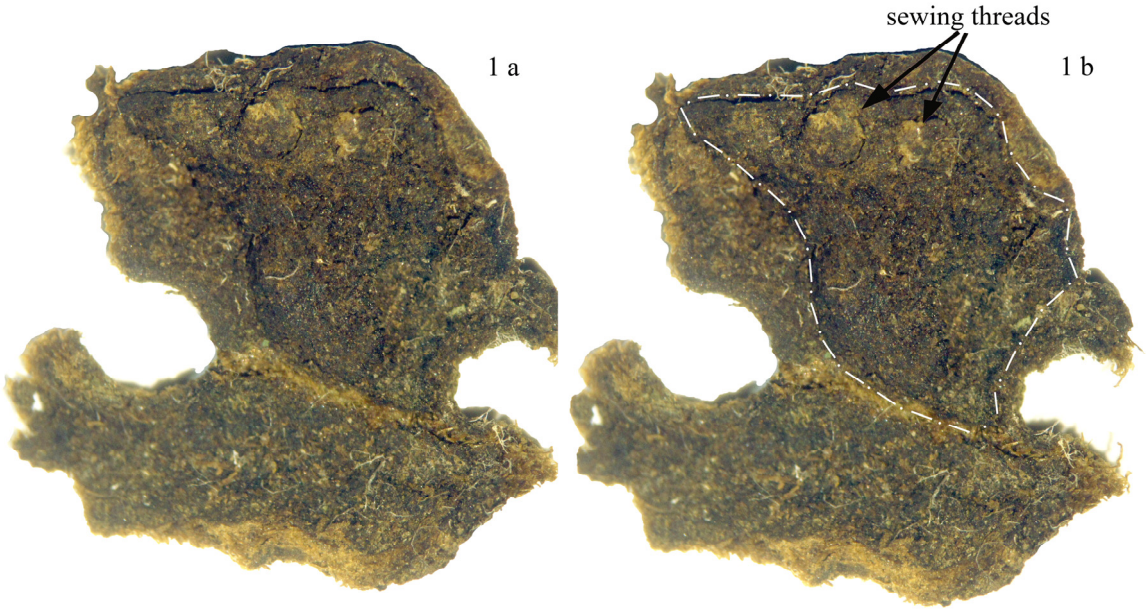
Pl. 5. 1: Reconstruction of the belt and the objects associated with it (by Edit Ambrus); 2–5: Reconstruction of the leather purse and its possible mode of suspension (by Edit Ambrus, photo by Márta Kissné Bendefy). 6: Reconstruction of how the purse was attached to the pendent strap, in part based on the evidence of the Bezdéd purse



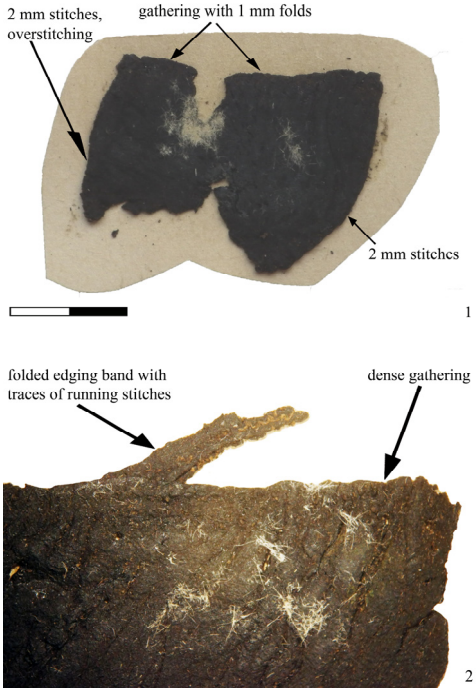
Pl. 6. 1–1a: Detail of the belt and the pendent suspension strap of the purse (photos by Márta Kissné Bendefy)



Pl. 7. 1: Results of the technological examination of the finish of the leather belt's edge and the greased edging thread; 2: Results of the chemical analysis of how the leather belt was tanned (photos by Márta Kissné Bendefy)



Pl. 8. 1–1a: Detail of the leather upper garment and its stitching (photos by Márta Kissné Bendefy)



Pl. 9. 1–2: Detail of the leather upper garment and its stitching and gathering (photos by Márta Kissné Bendefy)

Pl. 10. Tenth-century leather finds from Eastern Europe. Multi-layered leather belt from Panovo, Grave 2 (1–2) and Kryukovo Kuzhnoye, Grave 491 (3), detail of the multi-layered leather strap of the horse harness from Grave 11 of the Karos III cemetery (4) (photos by Attila Türk)

СПИСОК ТРУДОВ Н.Б. КРЫЛАСОВОЙ

1988 год

1. Крыласова, Н.Б. Особенности печей Лысьвенского района Пермской области /Н.Б. Крыласова // Областная отчетная студенческая научная конференция. Тезисы докладов. Пермь, ПГУ, 1988. С.34–36.

2. Голдобин, А.В., Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б., Ленц, Г.Т., Терехин, А.А. /А.В. Голдобин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц, А.А. Терехин / Археологические памятники бассейна реки Чусовой Чусовой: СКЦ «ОгонеК», 1988. 64 с., илл.

1989 год

3. Крыласова, Н.Б. Бронзовые украшения Чусовской группы средневековых памятников /Н.Б. Крыласова // Актуальные проблемы исторической науки. Тезисы докладов 2 межвузовской конференции студентов и молодых ученых. Пермь, ПГПИ, 1989. С.23–24.

4. Крыласова, Н.Б. Одежда и украшения костюма родановских племен бассейна р. Чусовой /Н.Б. Крыласова // Областная отчетная студенческая научная конференция. Секция исторических наук. Тезисы докладов. Пермь, ПГУ, 1989. С.30-31.

5. Крыласова, Н.Б., Старков, А.В., Терехин, А.А. Разведки в Сивинском, Чусовском и Горнозаводском районах Пермской области / Н.Б. Крыласова, А.В. Старков, А.А. Терехин // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сборник КНЦ УрО АН СССР. Сыктывкар, 1989. С.70–72.

1991 год

6. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Раскопки средневековых поселений в Верхнем Прикамье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск: ИИЯЛ УдНЦ УрО РАН. 1991. С.56–58.

7. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Раскопки средневековых могильников в Верхнем Прикамье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археологические открытия Урала и Поволжья. ИИЯЛ УдНЦ УрО РАН. 1991. С.51–53.

1992 год

8. Крыласова, Н.Б. Костюм средневекового населения Верхнего Прикамья / Н.Б. Крыласова // Проблемы финно- угорской археологии Урала и Поволжья. Материалы 11 Уральского археологического совещания. Сыктывкар, КНЦ РАН 1992. С.136–142.

9. Крыласова, Н.Б. Памятка членам научного общества учащихся / Н.Б. Крыласова / Пермь, 1992. 6 с.

1993 год

10. Крыласова, Н.Б. К вопросу об этнокультурных контактах родановцев (по данным Рождественского могильника) / Н.Б. Крыласова // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1993. С.109–111.

1994 год

11. Крыласова, Н.Б. Раскопки Рождественского могильника в Верхнем Прикамье / Н.Б. Крыласова // Археологические открытия 1993 г. М, Наука, 1994. С.136–137.

12. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Еще раз к вопросу о поздней смене угорского населения финским в Верхнем Прикамье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Европейский Север: взаимодействие культур. Материалы международной конференции. Сыктывкар: ИИЯЛ КНЦ УрО РАН, 1994. С.118–122.

13. Бочаров, И.В., Крыласова, Н.Б. Раскопки средневековых могильников в Верхнем Прикамье / И.В. Бочаров, Н.Б. Крыласова // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, МарГУ, 1994. С.79–82.

1995 год

14. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Военно-политические взаимоотношения Древней Руси, Волжской Болгарии и Верхнего Прикамья в XIII-XVI вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Великий подвиг народа. Исторические чтения. Екатеринбург: «Воланд», 1995. С. 34–41.

15. Крыласова, Н.Б. Исследования Огурдинского могильника в Пермской области / Н.Б. Крыласова // Археологические открытия 1994 года. М.: Наука, 1995. С.217–218.

16. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Волжская Болгария и финно-угорские племена Прикамья: этнокультурные контакты (по материалам Рождественского археологического комплекса) / А.М. Белавин, Крыласова, Н.Б. // Уржумка. Научный журнал ЧГПИ.1995. № 1. С.5–15.

17. Крыласова, Н.Б. Исследования Огурдинского могильника в 1994 г./ Н.Б. Крыласова // Коноваловские чтения. Вып.1. Березники. 1995. С.38–40.

18. Крыласова, Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника / Н.Б. Крыласова // Российская археология. 1995. №2 С.192–197.

19. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Еще раз к вопросу о поздней смене угорского населения финским в Верхнем Прикамье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола: ИЯЛИ при СМ республики Марий-Эл. 1995. С.21–24.

20. Крыласова, Н.Б., Руденко, Н.Н., Сулейманова, С.С. Памятка членам научного общества учащихся / Н.Б. Крыласова, Н.Н. Руденко, С.С. Сулейманова / Пермь. 1995. 12 с.

21. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Страницы истории “Земли Пермской”: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века (учебное пособие) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова / Пермь: Книжный мир, 1995. 176 с., илл. Издание 1-е.

1996 год

22. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Еще раз об угорской проблеме в средневековой археологии Пермского Приуралья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Материалы XIII Уральского археологического совещания. Уфа: БНЦ РАН. 1996. С.61–66.

23. Крыласова, Н.Б. Пряжки в зверином стиле из могильников XI в. в Верхнем Прикамье / Н.Б. Крыласова // Историческая наука сегодня. Проблемы и перспективы. Пермь. 1996. С.26–28.

24. Крыласова, Н.Б., Руденко, Н.Н., Куликова, В.И. Памятка членам научного общества учащихся. (Издание 3-е, дополненное) / Н.Б. Крыласова, Н.Н. Руденко, В.И. Куликова / Пермь. 1996. 15 с.

25. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Страницы истории Земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до конца XVIII в. (учебное пособие) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова / Пермь, Книжный мир. 1996. Издание второе, дополнительное. 176 с., илл.

26. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Страницы истории Земли Пермской. Прикамье в древности и средние века. Рабочая тетрадь (учебное пособие для ср. школы) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова / Пермь. Книжный мир. 1996. 52 с., илл.

1997 год

27. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Еще раз о локализации “стран и народов” средневековых арабских источников в Приуралье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Проблемы межэтнических взаимодействий (на примере Среднего Приуралья). Сарапул: СИКМ 1997. С. 23–24.

28. Бочаров, И.В., Бочарова, Е.О., Крыласова, Н.Б. Некрополь Рождественского археологического комплекса / И.В. Бочаров, Е.О. Бочарова, Н.Б. Крыласова // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Выпуск 1. Пермь, 1997. С.101–125.

29. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Коми-Пермяки и финно-угорский мир. Материалы 1 Международной научно-практической конференции. Кудымкар, 26–27 мая 1995. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн.из-во. 1997. С. 130–139.

30. Крыласова, Н.Б. Материалы по истории костюма коми, как источник по истории этнических процессов в Верхнем Прикамье / Н.Б. Крыласова // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы 1 Международной научно-практической конференции. Кудымкар, 26-27 мая 1995. Кудымкар. 1997. С. 359-364.

31. Белавин, А.М., Агафонова, Н.Н., Крыласова, Н.Б., Суслов, А.Б., Нечаев, М.Г. Страницы истории Земли Пермской. Прикамье в XVIII-XX веках. Часть 2 (учебное пособие) / А.М. Белавин, Н.Н. Агафонова, Н.Б. Крыласова, А.Б. Суслов, М.Г. Нечаев / Пермь: Книжный мир. 1997. 336 с. ил.

1998 год

32. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Этнокультурное взаимодействие средневекового населения Западного Урала с ближним и дальним окружением / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Екатеринбург: УрО РАН. 1998. С.143–146.

33. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б., Суслов, А.Б. Страницы истории Земли Пермской. Рабочая тетрадь. Часть 2: учебное пособие для ср. школы) А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, А.Б. Суслов / Пермь: Книжный мир. 1998. 64 с., ил.

1999 год

34. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Историко-культурные связи населения Чердынского края в эпоху средневековья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь: ПГУ 1999. С.77–81.

35. Крыласова, Н.Б. Характерные накосники Прикамских женщин VIII-XI вв. / Н.Б. Крыласова // 14 Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск: ЧНЦ УрО РАН. 1999. С. 166–169.

36. Крыласова, Н.Б. О некоторых проблемах изучения археологических материалов / Н.Б. Крыласова // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск-Глазов. 1999. С.172–177.

2000 год

37. Белавин, А.М., Бочаров, И.В., Крыласова, Н.Б. Пермское Предуралье в эпоху средневековья (проблемы археологической периодизации и этнических процессов) / А.М. Белавин, И.В. Бочаров, Н.Б. Крыласова // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск. 2000. С. 318–322.

38. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. История изучения Рождественского археологического комплекса (Афкуль) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск. 2000. С. 325–328.

39. Крыласова, Н.Б. Поясные наборы средневекового Прикамья / Н.Б. Крыласова // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. Ижевск. 2000. С. 309–312.

40. Крыласова, Н.Б. Реконструкция поясных сумочек прикамских племен (по материалам могильников X-XI вв.) / Н.Б. Крыласова // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Пермь. 2000. С.26–29.

41. Крыласова, Н.Б. Средневековые височные украшения Верхнего Прикамья / Н.Б. Крыласова // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Пермь. 2000. С.29–31.

42. Крыласова, Н.Б. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья (VII-XI вв.) (автореферат кандидатской диссертации). Уфа, 2000. 23 с.

43. Крыласова, Н.Б. Древнерусские изделия в материалах Рождественского могильника в Пермской области / Н.Б. Крыласова // Новгородская Русь: Историческое пространство и культурное наследие. Сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГУ, 2000. С.232–241.

44. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Марафон знаний. Задания 1 тура областного интеллектуального турнира / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова / Пермь: Деп. образования Пермской обл. 2000. 8 с.

2001 год

45. Крыласова, Н.Б. Ткани и их использование в Пермском Предуралье в VIII–XI вв. / Н.Б. Крыласова // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, УрО РАН,2001. С. 387–398.

46. Крыласова, Н.Б. Реконструкция костюма по материалам Рождественского и Огурдинского могильников X-XI вв. / Н.Б. Крыласова // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып.1. Березники. 2001. С.122–137.

47. Крыласова, Н.Б. Средневековый костюм Верхнего Прикамья как индикатор этнокультурных связей по Камскому торговому пути /Н.Б. Крыласова // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международного научного семинара. Казань, АНТ–РАН, 2001. С.146-152.

48. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Неволинские пояса в системе международных связей / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. СПб, СтИАиАМЗ. 2001. С.88–94.

49. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Культовый комплекс на селище Телячий Брод / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники. 2001. С.34–38.

50. Крыласова, Н.Б. История Прикамского костюма: костюм средневекового населения Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова / Пермь: ПГПУ. 2001. 260 с.

51. Крыласова, Н.Б. Вступительная статья / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып.1-2. Сборник научных работ. Пермь: ПГПУ. 2001. С.4.

52. Крыласова, Н.Б. Элементы воспитания и обучения у средневекового населения Пермского Предуралья на примере детских игрушек / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып.1-2. Сборник научных работ. Пермь: ПГПУ. 2001. С.33–38.

53. Крыласова, Н.Б. Некрополи протогородов Приуралья / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. 1-2. Сборник научных работ. Пермь: ПГПУ, 2001. С.118-123.

54. Крыласова, Н. Б. Женский костюм по материалам Каневского могильника / Н.Б. Крыласова // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, СОИКМ им. Алабина, 2001. С.226-241.

55. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б., Семенова, В.И. Этническая ситуация в Пермском Предуралье и Тюменском Зауралье в эпоху средневековья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, В.И. Семенова // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень: ТГУ. 2001. С.55-76.

2002 год

54. Крыласова, Н.Б. Основные элементы «общебулгарского» костюма X-XI вв. по материалам Рождественского могильника в Пермском Предуралье / Н.Б. Крыласова // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Казань, 2002. С.89-105.

55. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б., Ленц, Г.Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обве и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Казань, 2002. С.106-124.

56. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Истоки межэтнической толерантности в Прикамье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья Ижевск, 2002. С.124-130.

57. Крыласова, Н.Б. Взаимодействие леса и степи в Предуралье (по материалам прикамского костюма) / Н.Б. Крыласова // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья Ижевск, 2002. С.131-132.

58. Крыласова, Н.Б. Характерные черты средневекового угорского костюма и сохранение их в этнографическое время / Н.Б. Крыласова // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск. 2002. С.60-61.

59. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Задачи археологии. История археологии в Пермском Предуралье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2002. С.4-20.

60. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Эпоха бронзы в Пермском Предуралье (XV–IX вв. до н.э.) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2002. С.89-100.

61. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Поздний железный век. Период средневековья в Предуралье. IV-XV вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2002. С.129-171.

62. Крыласова, Н.Б. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2002. С.203-216.

2003 год

63. Крыласова, Н.Б Элементы огнива Рождественского археологического комплекса / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ ПГПУ, Вып. 3., Пермь: ПГПУ, 2003. С.79-105.

64. Крыласова, Н.Б. Вступительная статья / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. 3. Сборник научных работ. Пермь: ПГПУ, 2003. С.3-6.

65. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б., Ленц, Г.Т. Мусульманский некрополь Рождественского археологического комплекса на р. Обве и проблема средневековых мусульманских кладбищ в Предуралье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Г.Т. Ленц // Труды КАЭЭ. Вып. 3. Пермь: ПГПУ, 2003. С.56-72.

66. Крыласова, Н.Б. Каменные предметы из раскопок селища Телячий Брод на р. Усьва /Н.Б. Крыласова // Международное (16 Уральское) археологическое совещание. материалы международной научной конференции. Пермь: ПГУ, 2003. С.163-165.

67. Крыласова, Н.Б. Разновесы из коллекции Рождественского городища / Н.Б. Крыласова // Из археологии Поволжья и Приуралья. – Казань: ИИ АНРТ, 2003. – С.145-151.

68. Крыласова, Н.Б. Вспомогательные исторические дисциплины (метод. издание) / Н.Б. Крыласова / Пермь, 2003. 46 с.

2004 год

69. Крыласова, Н.Б. Гребни из материалов Рождественского городища на р.Обва как показатель этнокультурных связей / Н.Б. Крыласова // Путями средневековых торговцев. Пермь: ПГПУ, 2004. С.47-57.

70. Белавин, А.М. Крыласова, Н.Б. Усольская земля в древности и средние века / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Усольские древности. Усолье. 2004. С.3-16.

71. Крыласова, Н.Б. Опыт реконструкции древних культов и представлений о смерти по материалам погребального обряда Огурдинского могильника / Н.Б. Крыласова // Вопросы истории и культуры Пермского Прикамья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции («Строгановские чтения»). Усолье, 2004. С.39-46.

72. Крыласова, Н.Б. Семантика биметаллических кресал с антропоморфной фигурой и птицами / Н.Б. Крыласова // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. УДИИЯЛ. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С.312-321.

73. Крыласова, Н.Б. Керамические статуэтки из средневековых поселений Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. УДИИЯЛ. – Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С.321-331.

74. Крыласова, Н.Б. Материалы по истории костюма коми как источник по истории этнических процессов в Верхнем Прикамье / Н.Б. Крыласова // Этническая культура и современная школа. Материалы областной научно-практической конференции. Вып. 1. – Пермь: Деп. образов. Пермск. о-ти, 2004. – С.164-169.

75. Крыласова, Н.Б. Костюм угорского и финского населения Пермского Прикамья эпохи средневековья по археологическим данным / Н.Б. Крыласова // Формирование, историко-культурное взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2004. – С.125-126.

76. Крыласова, Н.Б. Российская государственная и пермская территориальная символика (Программа элективного курса для профильной и предпрофильной подготовки учащихся) / Н.Б. Крыласова // Элективные курсы по истории в системе специализированной подготовки учащихся в классах социально-экономического и гуманитарного профилей старшей школы. Программно-методические материалы. Пермь: ПГПУ, 2004. С.38-44.

2005 год

77. Крыласова, Н.Б. Родановские амулеты-ложечки / Н.Б. Крыласова // Современный музей как важнейший ресурс развития города и региона. Казань, 2005. С.178-181.

78. Крыласова, Н.Б. Керамические валики (новая категория вещей, выявленная на средневековых городищах Пермского Предуралья) / Н.Б. Крыласова // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 2005. С.77-78.

79. Крыласова, Н.Б., Лычагина, Е.Л. Дневник и отчет по полевой археологической практике (метод. пособие) / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина / Пермь, 2005. 11 с.

2006 год

80. Крыласова, Н.Б. Бронзовые биконьковые амулеты-гребни в средневековых древностях Восточной Европы / Н.Б. Крыласова // Пятые Берсовские чтения. К 100-летию Е.М.Берс. Екатеринбург: СОКМ. 2006. С.162-165

81. Крыласова, Н.Б. Флаконовидные пронизки-игольники прикамского типа / Н.Б. Крыласовам // Славяно-русское ювелирное его и его истоки. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Г.Ф.Корзухиной. Тезисы докладов. СПб.: ИИМК РАН, 2006. С.78-82.

82. Крыласова, Н.Б. Музей Археологии и этнографии Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова // Вестник МАЭ Пермского Предуралья. Вып.1. Пермь: ПГПУ, 2006. С.3-7.

83. Крыласова, Н.Б. Игра в традиционном воспитании населения Пермского края (материалы к экскурсии по Музею археологии и этнографии) / Н.Б. Крыласова // Вестник МАЭ Пермского Предуралья. Вып.1. Пермь: ПГПУ, 2006. С.83-98.

84. Иванов, В.А., Крыласова, Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма) / В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова / Пермь: ПГПУ, 2006.

85. Крыласова, Н.Б. Биметаллические кресала как культурный феномен Евразийского Севера / Н.Б. Крыласова // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург-Ханты-Мансийск, 2006. С.208-209.

86. Крыласова, Н.Б. К вопросу об интерпретации кресал с сюжетом, известным в историографии как «Один и вороны» / Н.Б. Крыласова // Российская археология, 2006, № 4. С.64-74.

87. Крыласова, Н.Б. Способы добывания огня в древности / Н.Б. Крыласова // Русановские чтения. Вып.2 Оса: ПГПУ, 2006. С.42-46.

88. Крыласова, Н.Б. Пища средневекового населения пермского Предуралья (проблемы археологической реконструкции) / Н.Б. Крыласова // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 окт. 2006 г.). Т.II. - Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. - С.136-138.

89. Крыласова, Н.Б. Биметаллические кресала / Н.Б. Крыласова // Stratum plus. №5, 2006.

90. Крыласова, Н.Б. Историко-культурное наследие Прикамья как "бренд" Пермского края / Н.Б. Крыласова // Материалы межрегиональной научно-практической конференции "Административно-территориальные реформы в России. 225-летию Пермского наместничества". Пермь: Пушка, 2006. С.321-324.

2007 год

91. Крыласова, Н.Б. Зооморфные роговые гребни в материальной культуре Севера Восточной Европы / Н.Б. Крыласова // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (29), 2007. Новосибирск. С.73-80.

92. Крыласова, Н.Б. Хронология кресал Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. 2007. № 1. С. 123-126.

93. Крыласова, Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья / Н.Б. Крыласова / Пермь: ПГПУ, 2007. - 352 с.

94. Крыласова, Н.Б. Взаимодействие леса и степи (по археологическим материалам Предуралья) // Средневековая археология Евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного степного конгресса. Т.1. Казань: ИИ АН РТ, 2007. С.136-142.

95. Крыласова, Н.Б. Типология и хронология стальных кресал Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. IV Халиковские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино, 5-10 авг. 2006 г.). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007.

96. Крыласова, Н.Б. Маркирующие элементы материальной культуры угров эпохи средневековья / Н.Б. Крыласова // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы I Всероссийской научной конференции. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2007. С.166-173.

97. Крыласова, Н.Б. Особенности бытового уклада средневекового населения Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова // XVII Уральское археологическое совещание. Екатеринбург: УрГУ, 2007. С.161-163.

98. Крыласова, Н.Б. К вопросу о семантике биметаллических кресал Евразии / Н.Б. Крыласова // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург-Сургут: ИИиА УрО РАН, 2007. С.144-149.

99. Белавин, А.М., Бочаров, И.В., Крыласова, Н.Б. К вопросу об этнической принадлежности средневекового населения Верхнего Прикамья / А.М. Белавин, И.В. Бочаров, Н.Б. Крыласова // Уфимский археологический вестник. Вып.6-7. Уфа: Гилем, 2007. С.131-145.

100. Крыласова, Н.Б. Способы искусственного освещения жилищ в средневековом Предуралье / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ. Вып. IV. – Пермь: ПГПУ, 2007. – С.71-76.

101. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Три века пермской археологии и современность / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Доклады XXXIX Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. – Пермь: ПГПУ, 2007. – С.4-8.

2008 год

102. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2008. 603 с.: илл.218+ прил.(36 с.), табл.

103. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Запосельское поселение в Пермском крае / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Краткие сообщения Института археологии, № 222. М., "Наука", 2008. С.125-139.

104. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Роль А.А. Спицина в возникновении научной археологии в Пермской губернии / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // История

и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф. к 150-летию А.А.Спицина. – СПб: Изд. дом СПбГУ, 2008. С.8-12.

105. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Редкий предмет из грабительских раскопок / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 16-18 декабря 2008 г. С-Пб: СПбГУ. С.215-218.

106. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посв. 20-летию ИИиА УрО РАН. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С.47-51.

107. Крыласова, Н.Б. Керамическая посуда Рождественского городища. Раскоп VII 2008 г. / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ. Вып. V. Университет и историко-культурное наследие региона. Пермь: ПГПУ, 2008. С.139-148.

108. Вострикова, Т.П., Крыласова, Н.Б. Генетический ряд арочных подвесок Пермского Предуралья / Т.П. Вострикова, Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ. Вып. V. Университет и историко-культурное наследие региона. Пермь: ПГПУ, 2008. С.164-167.

109. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Жилищно-хозяйственный комплекс селища Запоселье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию КВАЭ. Ижевск: УдГУ, 2008. С.414-419.

110. Крыласова, Н.Б. Материальная культура и быт средневекового населения Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Санкт-Петербург, 2008. – 50 с.

111. Крыласова, Н.Б., Лычагина, Е.Л. Дневник и отчет по полевой археологической практике (метод. пособие) / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина / Пермь, 2008. 14 с.

112. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Программа и учебно-методические рекомендации по проведению полевой археологической практики (метод. пособие) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова / Пермь: ПГПУ, 2008. 36 с.

113. Крыласова, Н.Б. Вспомогательные исторические дисциплины. Программа курса и методические рекомендации (метод. пособие) / Н.Б. Крыласова / Пермь: ПГПУ, 2008. 61 с.

114. Крыласова, Н.Б. Вспомогательные исторические дисциплины: курс лекций (учебное пособие) / Н.Б. Крыласова / Пермь: ПГПУ, 2008. 200 с.

115. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. История Урала с древнейших времен до конца XVIII в.: курс лекций (учебное пособие) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова / Пермь: ПГПУ, 2008. 121 с.

116. Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. История материальной культуры. Ч.I. Культура жизнеобеспечения населения пермского края в эпоху средневековья (учебное пособие) / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова / Пермь: ПГПУ, 2008. 200 с.

2009 год

117. Белавин, А.М., Иванов, В.А., Крыласова, Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века / А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова / Уфа: ИПК БГПУ "Вагант". 2009, 285 с, ил.79 (усл.п/ 36).

118. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Плотниковский могильник – раскопки 2007 г. (новая коллекция музея) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Наш край. Сборник научно-краеведческих статей. Вып.10. СПб: Маматов. 2009. С. 95-105.

119. Белавин, А.М., Игнатьева О.В., Крыласова, Н.Б. Императорская Археологическая Комиссия и археология Пермской губернии / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Н.Б. Крыласова // Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия: коллективная монография. СПб.: итз-во Дмитрий Буланин, 2009. С. 637-660.

120. Крыласова, Н.Б. Волшебство обыденного мира. Средневековые бытовые вещи – амулеты в Пермском крае / Н.Б. Крыласова // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. №2, 2009. С.76-90.

121. Крыласова, Н.Б. Использование песка в погребальном обряде средневековых угров / Н.Б. Крыласова // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / Труды КАЭЭ. Вып.VI. – Пермь: ПГПУ, 2009. – С.92-98.

122. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / Труды КАЭЭ. Вып.VI. – Пермь: ПГПУ, 2009. – С.118-125.

123. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Основные итоги изучения Рождественского археологического комплекса (город Афкула) в Пермском крае / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Археология и история. №2. – Казань: АНРТ, 2009. – С.6-21.

124. Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. Калачевидные височные украшения как маркер переселений средневекового населения Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // Форум "Идель-Алтай". Материалы научно-практической конференции "Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань: ИИ АНРТ, 2009. – С.122-124.

125. Крыласова, Н.Б. Биметаллические кресала / Н.Б. Крыласова // Stratum-plus. №5. 2005-2009. Русское время. – СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2009. – С.381-410.

2010 год

126. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Предметы с изображением сюжета "животное/всадник на основании" в культуре средневекового населения Северной Евразии / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археология, этнография и антропология Евразии. №2(42), 2010. – С.79-88.

127. Belavin, A.M., Krylasova, N.B. OBJECTS WITH "ANIMAL AND RIDER IMAGERY ON THE BASE" IN THE MEDIEVAL CULTURE OF NORTHERN EURASIA // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2010. Т. 38. № 2. С. 79-88.

128. Belavin, A.M., Krylasova, N.B. Tarsolylemez Perm vidékéről. - Sabretache Plate from the Perm Region / A.M. Belavin, N.B. Krylasova // Folia Archaeologica, vol. LIII. Budapest - 2010, pp. 210-234.

129. Крыласова, Н.Б. О функциональном назначении средневековых ложек Пермского края (по материалам Музея ложки в г. Нытва) / Н.Б. Крыласова // Мономузей в многоликом мире. Пермь Нытва: изд. дом "Типогр. купца Тарасова", 2010. С 45-48.

130. Крыласова, Н.Б. Производственное сооружение с Рождественского городища (по материалам раскопок 2008г.) / Н.Б. Крыласова // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы XVIII Уральского археологического совещания.– Уфа: БГПУ, 2010. – С.301-303.

131. Крыласова, Н.Б. Флаконовидные пронизки-игольники прикамского типа / Н.Б. Крыласова // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. С-Пб: ИИМК РАН. Из-во: «Нестор-История». 2010. С.210-215.

132. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Рукояти шильев в угорских древностях / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран, в 2-х томах. М: ИА РАН - ИИМК РАН. Из-во:«Ломоносовъ». Т.1. 2010. С.97-102.

133. Белавин, А.М., Козлов А.И., Крыласова, Н. Б. Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарий к этнокультурным процессам I-II тыс. н.э. / А.М. Белавин, А.И. Козлов, Н.Б. Крыласова // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5. – Иошкр-Ола: МарГУ, 2010. – С.106-122.

134. Крыласова, Н.Б. О первой находке фрагмента вязанного изделия в Пермском Предуралье / Н.Б. Крыласова // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 3. – Пермь: ПГПУ, 2010. – С.7-12.

135. Крыласова, Н.Б. Керамические изделия неопределенного назначения из раскопок Рождественского городища 2008-2010 гг. / Н.Б. Крыласова // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 3. – Пермь: ПГПУ, 2010. – С.45-50.

136. Крыласова, Н.Б. К вопросу о происхождении вязания на спицах на территории России / Н.Б. Крыласова // III Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. – Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Изд. дом "ИздатНаукаСервис", 2010. – С.260-261.

137. Belavin, A.M., Krylasova, N.B. The ugric people of the Permian Cis-Urals in the middle ages (the question of the Ural Oecumene of the ugric people revisited) / A.M. Belavin, N.B. Krylasova // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Pars II. – Piliscsaba, 2010. – C.263.

138. Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. Материальная культура средневекового Предуралья. Ч.I / Культура жизнеобеспечения (учебное пособие) / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова / Пермь: ПГПУ, 2010. – 183 с.: илл.

139. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б., Данич, А.В., Ленц, Г.Т., Сарапулов, А.Н., Подосенова, Н.Б. Материальная культура средневекового Предуралья. Ч.II / Культура производства. Вооружение. Торговля (учебное пособие) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, А.В. Данич, Г.Т. Ленц, А.Н. Сарапулов, Ю.А. Подосенова / Пермь: ПГПУ, 2010 – 189 с.: ил.

2011 год

140. Белавин А.М., Крыласова, Н.Б. Древние хакасы в Пермском Предуралье X-XIII вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Fourth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. – Cair: Office of the Hungarian Cultural Counsellor in Cairo, 2011. – С.4-8.

141. Крыласова, Н.Б. Украшения Саломатовского I городища / Н.Б. Крыласова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VII. – Пермь: ПГПУ, 2011. – С.87-97.

142. Крыласова, Н.Б., Ильин, М.С., Брюхова, Н.Г. Новые материалы Рождественского мусульманского могильника / Н.Б. Крыласова, М.С. Ильин, Н.Г. Брюхова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VII. – Пермь: ПГПУ, 2011. – С.116-125.

143. Крыласова, Н.Б. Средневековые антропоморфные глиняные статуэтки Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.II. – СПб.-М.-В.Новгород: ИИМК РАН, 2011. – С.57-59.

144. Belavin, A.M., Krylasova, N.B The Ugric Population of the Permian Cis-Urals in the Middle Ages (the Question of the Ural Ecumene of the Ugric Peoples Revisited) / A.M. Belavin, N.B. Krylasova // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Pars VIII. Dissertationes sectionum: Literatura, archeologica et historica. – Piliscsaba, 2011. – P.161-166.

2012 год

145. Крыласова, Н.Б. Рисунок на амулете с Рождественского городища – очередная страничка средневекового мифа о всаднике / Н.Б. Крыласова // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2012, №1 (49) – С. 58-61.

146. Krylasova N.B. Medieval amulet illustrating the divine horseman myth, rozhdestveno, Perm territory // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2012. Т. 40. № 1.С.58-61.

147. Крыласова, Н.Б., Вострокнутов, А.В. Украшения XII-XIV вв. из легкоплавких металлов на территории Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова, А.В. Вострокнутов // Вестник Пермского университета. История. № 1(18) – Пермь: ПГНИУ, 2012. – С. 105–113.

148. Крыласова, Н.Б. Об "угорской эпохе в Прикамье" говорить нужно / Н.Б. Крыласова // Вестник Удмуртского университета. История и Филология. Вып. 1. – Ижевск: УдГУ, 2012. – 168-175.

149. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Связи Приуралья с Западной Сибирью (на примере средневековых памятников Березниковско-Соликамского археологического микрорайона) / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Человек и Север. Антропология, археология, экология. Материалы Всероссийской конференции г. Тюмень, 26-30 марта 2012 г. Вып. 2. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. – С.84-88.

150. Белавин А.М., Брюхова, Н.Г., Крыласова, Н.Б. Погребение 7 позднесредневекового Плотниковского могильника / Белавин А.М., Брюхова Н.Г., Крыласова Н.Б. // Российская археология. №2, 2012. – С.76-86.

151. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Огурдинский могильник / Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып. II. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова / Пермь: ПГПУ, 2012.

152. Абдулова, С.И., Крыласова, Н.Б., Сарапулов, А.Н. Редкие и уникальные изделия из кости и рога (по материалам раскопок городищ Пермского края 2008-2010 гг.) / С.И. Абдулова, Н.Б. Крыласова, А.Н. Сарапулов // Казанская наука. №9. 2012. – с.14-26.

153. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Древняя Афкула – исламская столица "Седьмого" климата" / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Ислам в Волго-Камье и Приуралье: ранние страницы истории. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках Третьего Межрегионального форума мусульманской культуры "Мусульманский мир – 2012". (Пермь, 16 марта 2012 г.). – Пермь: ПГГПУ, 2012. – С.30-41.

154. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Апотропейные функции средневековых бытовых вещей Пермского Предуралья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси: Материалы международного научного семинара, 7-9 октября 2012 г., г. Минск. Пермь, 2012.

155. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. О роли серебра в культовой практике угров эпохи средневековья и т.н. "серебро закаменское" / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси: Материалы международного научного семинара, 7-9 октября 2012 г., г. Минск. Пермь, 2012.

156. Крыласова, Н.Б. Поясные сумки X-XI вв. (по материалам раскопок Рождественского могильника в 2008-2010гг.) / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь: ПГГПУ, 2012. – С. 236-241.

157. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Ancient Khakasses and the Permian Cis-Urals / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Chronica (Annual of the Institute of History, University of Szeged) vol. 11 - pp. 193-197.

2013 год

158. Фодор, И., Киргинеков, Е.Н., Крыласова, Н.Б. Ancient burial masks / И. Фодор, Е.Н. Киркинегов, Н.Б. Крыласова / Budapest: Hungarian National Museum, 2013. – 72 s.

159. Bryukhova, N.G., Belavin, A.M., Burova, N.D., Krylasova, N.B. Radiocarbon dating of the oldest gunshot wound: the case of the Plotnikovskiy burial complex / N.G. Bryukhova, A.M. Belavin, N.D. Burova, N.B. Krylasova // ^{14}C & Archaeology 7th International Symposium8-12 April 2013 Ghent,Belgium. Book of Abstracts. – Ghent, 2013. – p.115.

160. Крыласова, Н.Б. Детская игрушка Прикамья в древности и средневековье / Н.Б. Крыласова // Традиционная кукла народов Пермского края. СПб.: Маматов, 2013. – С.8-16.

161. Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. Ювелирные техники на территории Верхнего Прикамья в эпоху средневековья / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // Казанская наука. 2013. № 5. – С. 27-34.

162. Крыласова, Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X-XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) / Н.Б. Крыласова // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 1 (21). – С. 104-115.

163. Крыласова, Н.Б. Роговые топорики с Рождественского городища / Н.Б. Крыласова // Российская археология. 2013. № 3. – С. 125-128.

164. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. О финском компоненте в древностях Пермского Предуралья X-XI вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Культурные связи населения Европейского Северо-востока в древности и средневековье. Материалы по археологии Европейского Северо-востока. Вып. 18. – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2013. – С.99-105.

165. Белавин, А.М., Иванов, В.А., Крыласова, Н.Б. Археологическое содержание и основные этапы формирования Угорской ойкумены в Предуралье / А.М. Белавин, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова // II-й Международный Мадьярский симпозиум, 13—15 августа 2013 г. Сборник научных трудов. – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2013. – С. 167-173.

166. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Материальная культура Предуралья X-XI вв.: вопросы хронологии / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Материалы всероссийской научной археологической конференции. – Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2013. – С.77-85.

167. Крыласова, Н.Б. Средневековые литейные формы-изложницы: к вопросу о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в Пермском Предуралье / Н.Б. Крыласова // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конфер-и с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2013. – С.107-110.

168. Врострокнутов, А.В., Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А., Юрков, И.А. Ювелирное дело на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья (учебное пособие) / Пермь: ПГГПУ, 2013 – 103 с., ил.

2014 год

169. Данич, А.В., Крыласова, Н.Б. Новый пояс «византийского круга» из средневекового Баяновского могильника в Пермском крае / А.В. Данич, Н.Б. Крыласова // Археология, антропология и этнография Евразии. №3 (59). 2014. – С.87-94.

170. Danich, F.V., Krylasova, N.B. New belt of the "byzantine circle" from the medieval Bayanovsky burial ground in the Perm territory / A.V. Danich, N.B. Krylasova // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2014. Т. 42. № 3. С. 87-94.

171. Belavin, A.M., Krylasova, N.B., Turk, A. Újabb adatok a honfoglalás kori tarsolyok és tűzkészségek klasszifikációjához Volga–Káma-vidéki analógiáik fényében / A.M. Belavin, N.B. Krylasova, A. Turk // The classification of Conquest period purses and tinder sets in the light of analogies from the Volga-Kama region. In: Avarok pusztái. Régészeti tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára. Szerk.: Anders A. – Balogh Cs. – Türk. A. Budapest 2014, 457–496.

172. Крыласова, Н.Б. Археологические свидетельства начала проникновения древнерусских переселенцев в Пермское Предуралье / Н.Б. Крыласова // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. (MMXIV) I. – Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. – С.201-210.

173. Крыласова, Н.Б. Средневековые детские игрушки по материалам Рождественского городища в Пермском крае / Н.Б. Крыласова // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. (MMXIV) I. – Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. – С.399-407.

174. Крыласова, Н.Б. Начало "древнерусской колонизации" Прикамья и ее роль в появлении новой территории под именем "Пермь" / Н.Б. Крыласова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2014. № 9. – С. 28-39.

175. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Славяно-финская колонизация Прикамья и ее роль в изменении материальной культуры / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.III. – Казань: ИА АН РТ, 2014. – С.86-88.

176. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б., Лычагина, Е.Л., Скорнякова, С.В. Археологические памятники Чашкинского озера. Археология Пермского края. Свод археологических источников. Вып.III. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, С.В. Скорнякова / Пермь: ПГГПУ, 2014. – 565 с.

177. Крыласова, Н.Б. Раскопки Рачевского городища в 2013 г. / Н.Б. Крыласова // Археологические открытия 2010-2013 гг. – М.: ИА РАН. – С.497-499.

178. Крыласова, Н.Б., Белавин, А.М. Раскопки Рождественского археологического комплекса в 2010–2012 гг. / Н.Б. Крыласова, А.М. Белавин // Археологические открытия 2010-2013 гг. – М.: ИА РАН. – С.499-502.

2015 год

179. Брюхова, Н.Г., Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. Ювелирные изделия Плотниковского могильника родановской археологической культуры (по материалам раскопок 2011-2013 гг.) / Н.Г. Брюхова, Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015. – № 1 (28). – С. 114-131.

180. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6 (361). С. 16-27.

181. Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. Средневековые ювелирные изделия с чернью с территории Пермского Предуралья / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // IV Северный археологический конгресс. Материалы. – Екатеринбург-Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН, 2015. – С.180-183.

182. Belavin, A.M., Ivanov, V.A., Krylasova, N.B. Urals and the problem of ‘eastern ancestral home’ of hungarians / A.M. Belavin, V.A. Ivanov, N.B. Krylasova // European Journal of Science and Theology. 2015. Т. 11. № 3. С. 201-207.

183. Крыласова, Н.Б., Лычагина, Е.Л., Сарапулов, А.Н., Голева, Т.Г., Востроκнутов, А.В., Шмуратко, Д.В. Экспозиция Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья / Каталог / Н.Б. Крыласова, Е.Л. Лычагина, А.Н. Сарапулов, Т.Г. Голева, А.В. Востроκнутов, Д.В. Шмуратко / СПб: Маматов, 2015. – 56 с.

184. Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. Поясной набор с чернью из Рождественского могильника X-XI вв. / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып.V. – Пермь: ПГГПУ, 2015. – С.21-27.

185. Krylasova, N.B., Podosenova, Y.A., Sarapulov, A.N. Jewellery techniques in the territory of Perm cisural region in the middle ages / N.B. Krylasova, Y.A. Podosenova, A.N. Sarapulov // Terra Sebus. Acta Musei Sabesiensis, 7, 2015, p. 203-219. (ISSN20669143-Romunia-Scopus), 337350.

186. Крыласова, Н.Б. Особенности средневековых печей (по материалам городищ Карагайского района Пермского края) / Н.Б. Крыласова // Труды КАЭЭ. Вып.X. – Перми: ПГГПУ, 2015. С.122-134.

187. Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2015. № 4. С. 27-41.

2016 год

188. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 1 (32). С. 28-41.

189. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Финно-угры в Приуралье / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства: коллективная монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. – 464 с. + 4 с. цв. вкл. тираж 1500 экз. ISBN 978-5-94981-225-9. С. 51-63.

190. Brykhova, N.G., Burova, N.D., Krylasova, N.B. The Role of Nutrition in the Biological Adaptation of the Medieval Population of the Cis-Ural Perm Region (Archeological and Anthropological evidence) / N.G. Brykhova, Burova, N.D., Krylasova, N.B. // International journal of environmental & science education. 2016, VOL. 11, NO. 11, 4812-4824.

191. Belavin A.M., Krylasova N.B., Podosenova Yu.A. Bulgar Factories (Trading Posts) in the Kama River Area as a Factor of Adjustment to Feudalism / A.M. Belavin, N.B. Krylasova, Yu.A. Podosenova // International journal of environmental & science education. 2016, VOL. 11, NO. 17, 10311-10320.

192. Крыласова, Н.Б. Итоги заочной мультидисциплинарной конференции «Проблемы адаптации древнего населения к природной и социальной среде» / Н.Б. Крыласова // Вестник Пермского научного центра №3, 2016. – С.3-4.

193. Крыласова, Н.Б. Особенности средневекового домостроительства на территории Пермского края / Н.Б. Крыласова // Вестник Пермского научного центра №3, 2016. – С.57-69.

194. Крыласова, Н.Б., Брюхова, Н.Г., Корчагин П.А. Основные результаты проекта «Средневековое Пермское Предуралье: меняющееся население в изменяющейся среде / Н.Б. Крыласова, Н.Г. Брюхова, П.А. Корчагин // Вестник Пермского научного центра №4, 2016. – С.33-37.

195. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. Металлические лицевые покрытия в погребальном обряде древних венгров Урала / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // HISTORICAL SCIENCES. VOL 1, No 3 (3) (2016), 78-81.

196. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Жилища средневекового Прикамья / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Средневековая археология Волго-Уралья. Сборник научных трудов к 65-летнему юбилею Ф.Ш.Хузина. – Казань: ИА АНРТ, 2016. – С.67-71.

197. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. О необходимости переноса границы между ломоватовской и родановской археологическими культурами на рубеж XI-XII вв. / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Археологическое наследие Урала от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание) Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Ижевск: УдГУ, 2016. – С.280-284.

198. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Археологическое наследие коми-пермяцкой земли / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Музей в современном мире. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию Коми-Пермяцкого краеведческого музея им. П.И.Суботина-Пермяка. – Кудымкар: ГКБУК «Коми-Пермяцкий краеведческий музей им. П.И.Суботина-Пермяка», 2016. – С.209-216.

199. Крыласова, Н.Б., Подосенова, Ю.А. Ювелирные инструменты по материалам Рождественского археологического комплекса эпохи средневековья / Н.Б. Крыласова, Ю.А. Подосенова // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – Пермь: ПГНИУ. – С.173-177.

200. Белавин, А.М., Крыласова, Н.Б. Взаимодействие Предуралья и населения салтово-маяцкой археологической культуры / А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова // Medieval Nomads. Sixth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. Abstracts of the conference. – Szeged, 2016. – С.32-33.

201. Лаптева, Е.Г., Крыласова, Н.Б., Сарапулов, А.Н. Результаты палинологического изучения отложений археологического памятника Рождественское городище (2015 год) / Е.Г. Лаптева, Н.Б. Крыласова, А.Н. Сарапулов // Вестник Пермского научного центра №3, 2016. – С.15-22.

202. Трофимова, С.С., Крыласова, Н.Б., Сарапулов, А.Н. Археоботанические исследования средневекового Рождественского городища (Пермский край) / С.С. Трофимова, Н.Б. Крыласова, А.Н. Сарапулов // Вестник Пермского научного центра №3, 2016. – С.23-29.

203. Трофимова, С.С., Лаптева, Е.Г., Крыласова, Н.Б., Сарапулов, А.Н. Палеоботанические исследования средневекового Рождественского городища (Пермский край) / С.С. Трофимова, Е.Г. Лаптева, Н.Б. Крыласова, А.Н. Сарапулов // Экология древних и средневековых обществ: материалы V междунаодной научной конференции. – Вып.5: в 2 ч. – Ч.1 – Тюмень: ТГУ, 2016. – С.154-157.

204. Крыласова Н.Б. Исследование могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермского края: ритуальные рвы – отражение ритуальной практики средневекового населения // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XI: Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края, сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2015. – 101 с.: ил. и табл. С. 54-68

205. Крыласова Н.Б. Исследование Рождественского могильника в Карагайском районе Пермского края: к вопросу о жертвенно-поминальных комплексах // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XI: Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края, сб. науч. тр. / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2015. – 101 с.: ил. и табл. С. 42-53.

2017 год

206. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древнерусские материалы в Пермском Предуралье X-XI вв. // Поволжская Археология. 2017. № 1 (19). С. 284-297.

Список сокращений:

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БКИЧП – Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода.
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
КА ПГПУ – Кабинет археологии Пермского государственного педагогического университета
КА ПГУ – Кабинет археологии Пермского государственного университета
КАЭ ПГУ – Камская археологическая экспедиция ПГУ
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КНЦ – Коми научный центр
КСИА – Краткие сообщения о полевых исследованиях Института археологии АН СССР (РАН)
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
М.-Л. – Москва – Ленинград.
МАР – Материалы по археологии России
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НМРТ – Национальный музей республики Татарстан
ПВЛ – Повесть временных лет
ПГПУ (ПГГПУ) – Пермский государственный педагогический университет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГУ (ПГНИУ) – Пермский государственный университет, Пермский государственный национально-исследовательский университет
ПКМ – Пермский краевой музей
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
РА – Российская археология.
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СКМ – Соликамский краеведческий музей
СПб. – Санкт-Петербург.
СПбГУ– Санкт-Петербургский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТКИЧП – Труды комиссии по изучению четвертичного периода.
ТПУАК – Труды Пермской ученой архивной комиссии.
УдИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета.
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

О Г Л А В Л Е Н И Е

А.М. Белавин
ТАКАЯ ВОТ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА:
К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Н.Б. КРЫЛАСОВОЙ 4

А.А. Белавина
НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – МОЯ МАМА 11

В.А. Иванов, М.И. Иванова
ХРАНИТЕЛЬ ЛУЧШИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ
УРАЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 13

Р.В. Бубнова, Н.С. Батуева
ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПОГРЕБАЛЬНОЙ КЕРАМИКИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА
(по итогам раскопок 2015 г.) 19

Д.В. Васильев
ХИЩНИКИ НА КРЫШКЕ С САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА:
ЗАБЫТЫЙ СЮЖЕТ 21

Г.И. Вострокнутова
ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТИЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ
БОЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА 31

А.В. Данич
ЭЛЕМЕНТЫ ПОЯСНОЙ ГАРНИТУРЫ (РЕМЕННЫЕ ПРЯЖКИ)
ПИТЕРСКОГО (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА 50

В.Н. Кузнецова, Н.В. Григорьева
УКРАШЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РУСИ 60

Вяч. С. Кулешов
ЮГОРСКОЕ ОБЩЕСТВО V–XV вв.:
МОДЕЛЬ САКРАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ, АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
АТРИБУЦИЯ И ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ 74

А.В. Курбатов
ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(БУЛГАРИЯ И ЗОЛОТАЯ ОРДА) НА КОЖЕВЕННОЕ ДЕЛО
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ 90

В.В. Мингалев, М.К. Юкова
ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ ПЫШТАЙН I–III 114

К.В. Моряхина
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
ПЛАСТИНЧАТЫХ БРАСЛЕТОВ СО СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ 125

Т.Б. Никитина
КОСТЮМ ПОВОЛЖСКИХ ФИННОВ
ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ 132

А.В. Пермякова
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ НА ПРЕДУРАЛЬСКИЙ
ЮВЕЛИРНЫЙ ЦЕНТР (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИЗДЕЛИЙ С ХОЛОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ОБРАБОТКОЙ МЕТАЛЛА) 142

Ю.А. Подосенова
«ДРЕВНЕВЕНГЕРСКИЕ» ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ ИЗ СЕРЕБРА
НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 147

К.А. Руденко
ИДОЛ ИЗ СЕЛА ЗМЕЕВО: ДАТИРОВКА,
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И АНАЛОГИИ 161

И.Ю. Чикунова
МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ПЕРСТЕНЬ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИОБЬЯ 174

Е.В. Юркова, И.А. Юрков
ЛЕПНАЯ КЕРАМИЧЕСКАЯ ПОСУДА ГОРОДИЩА САЛАМАТОВО I
(по материалам археологических раскопок КАЭЭ 2012 г.) 179

Иштван Фодор
КАК БЫЛА УСТАНОВЛЕНА ДАТА «ОБРЕТЕНИЯ РОДИНЫ»
ДРЕВНИМИ ВЕНГРАМИ? 200

Márta Kissné Bendefy, Zsolt Petkes, Attila Türk
ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE FOR LEATHERWORKING
IN THE HUNGARIAN CONQUEST PERIOD (10TH C.) 207

Список трудов Н.Б. Крыласовой 230

Список сокращений 250

Научное издание

ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Выпуск XII

Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная

Сборник научных трудов к 50-летнему юбилею Н.Б. Крыласовой

На обложке – серебряный медальон в сасанидском стиле из раскопок Рождественского могильника Н.Б. Крыласовой

Издание зарегистрировано в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Р е д к о л л е г и я :
Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор выпуска)
Лычагина Евгения Леонидовна
Подосенова Юлия Александровна
Сарапулов Алексей Николаевич

Издается в авторской редакции.
Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений, цитирования и использованных иллюстративных материалов

Переводы: О. Цисарь, К. Чулаков

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

ИБ № 785
Свидетельство о государственной аккредитации вуза
№ 0902 от 07.03.2014
Изд. лиц. ИД № 03857 от 30.01.2001
Подписано в печать 25.04.2017. Формат 60x90 $^{1}/_{8}$
Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 24,8. Уч.-изд. л. 24,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 27/2017

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,
тел. (342) 238-63-12, факс (342) 212-70-19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Книжный формат»
614000, г. Пермь, Пушкина, 80